

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1

Москва
2026

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE

AND LINGUISTIC THEORY

№ 1

Moscow
2026

ISSN 1681-1062

e-ISSN 2658-5022

DOI 10.31912/rjano-2026.1

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS), Slavic Humanities Index.

The Journal is indexed in: MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Slavic Humanities Index.

Журнал выходит под лицензией CC BY-NC-ND 4.0

All content of the journal is published under the CC BY-NC-ND 4.0 license

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М.,
академик РАН, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор,
Санкт-Петербургский
государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет,
Лос Анжелес, США

Богуславский А. — D.Sc., профессор,
Варшавский университет,
академик Польской академии
наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор,
Мадридский технический университет,
Испания; Институт проблем передачи
информации РАН

Вайс Д. — Ph.D., профессор,
Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil.,
профессор, Йенский университет
им. Фридриха Шиллера, Германия

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Васильев В. Л. — д.ф.н., Институт
русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Новгородский гос. университет
им. Ярослава Мудрого

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the RAS, Full Member of the
RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language),
Professor, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and
Literatures), Professor, University of Califor-
nia, Los Angeles, USA;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Full Member of the Polish Academy
of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Technical University of Madrid,
Spain; Institute for Information Transmission
Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitrij O. Dobrovolskij, D.Sc. (General Linguis-
tics), Professor, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS; Institute of Linguistics of
the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Lit-
eratures), Professor, Harvard University, Cam-
bridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Natio-
nal Research University Higher School of Econo-
mics, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, D.Sc. (Comparative and Contrastive
Linguistics and Linguistic Typology), Institute
of Oriental Studies of the RAS; National Re-
search University Higher School of Economics,
Moscow, Russia;

- Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия
- Гиппиус А. А. — академик РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия
- Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН
- Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Золтан А. — Dr., профессор, Будапештский Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия
- Иткин И. Б. — д. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия
- Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США
- Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия
- Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада
- Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- Плунгян В. А. — академик РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
- Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;
- Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
- Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
- Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;
- Igor Meščuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;
- Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
- Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;
- Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Dmitri V. Sitchinava, Ph.D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), University of Potsdam, Germany;
- Natalia M. Stoyanova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia
- Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;
- Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Hannu Tømmola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Потсдамский университет, Германия
 Стойнова Н. М. — к.ф.н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США
 Толстая С. М. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН
 Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия
 Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США
 Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Шмелев А. Д. — член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь —
 Пичхадзе А. А., член-корреспондент РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
 Valery L. Vasiljev, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
 Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Linguistics), Professor, Friedrich Schiller University, Jena, Germany;
 Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;
 Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;
 András Zoltán — Dr. (Slavonic Studies), Professor em., Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
 Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>S. Wichmann, D. Jonjić, M. Guzmán Naranjo.</i> Foundations of Russian dialectometry	9
<i>Анна А. Зализняк.</i> Модель управления глагола <i>ревновать</i> : норма, узус, диахрония	53
<i>И. Б. Иткин.</i> Из комментариев к текстам ранее опубликованных берестяных грамот	69
<i>А. А. Фитискина.</i> <i>Еже годъ/годовъ/годъ</i> : загадки одной среднерусской конструкции	115
<i>А. А. Прокопенко.</i> Послания новгородского архиепископа Геннадия Гонзова как лингвистический источник.....	136
<i>Д. В. Косарев.</i> Причастные обороты с дательным падежом в «Сказании о срацинской вере»	158
<i>Цзюй Хайна, Л. Л. Крючкова.</i> Слово и вещь: из истории слова <i>сарпинка</i> ‘тонкая хлопчатобумажная ткань в полосу или в клетку’	177
<i>М. В. Боброва, Ю. В. Зверева.</i> Об одной этимологической загадке: <i>диал. сырчатый</i>	186
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Что примечательного увидели славяне в рыбе?	205

Из рабочей тетради

<i>Прот. Александр Троицкий.</i> Супин в памятниках древнеславянской письменности	212
--	-----

Из истории науки

<i>Н. Н. Розанова.</i> Записи сценического произношения, выполненные Григорием Осиповичем Винокуром на спектаклях МХАТ в 1944 г. (по материалам Винокуровского архива в РГАЛИ)	240
--	-----

Информационно-хроникальные материалы

Конференция «Слова. Тексты. Словари (к столетию Картотеки и пятидесятилетию выхода первого выпуска Словаря русского языка XI–XVII вв.)» (<i>Г. А. Мольков</i>)	290
57-е Виноградовские чтения в МГУ (<i>Н. К. Ониненко</i>)	294
Адреса университетов и институтов	299
Правила подачи статей	300

CONTENTS

Articles

<i>S. Wichmann, D. Jonjić, M. Guzmán Naranjo</i> . Foundations of Russian dialectometry	9
<i>Anna A. Zalizniak</i> . A govern pattern of the Russian verb <i>revnovat'</i> ('to be jealous'): norm, usage, diachrony.....	53
<i>Ilya B. Itkin</i> . From commentaries to the texts of previously published birch bark letters ...	69
<i>Anna A. Fitiskina</i> . The mysteries of a Middle-Russian construction <i>ježe god/godov/god'</i>	115
<i>Anastasiia A. Prokopenko</i> . The epistles of Novgorod Archbishop Gennady Gonzov as a linguistic source.....	136
<i>Danil V. Kossarev</i> . The participle constructions with dative case in <i>Contra Legem Sarracenorum</i>	158
<i>Ju Haina, Lyubov L. Kryuchkova</i> . A word and a thing: from the history of the word <i>sarpinka</i> 'thin striped or checkered cotton fabric'	177
<i>Maria V. Bobrova, Julia V. Zvereva</i> . On one etymological riddle: the dialectal word <i>syrchatyi</i>	186
<i>Zhanna Zh. Varbot</i> . What struck the Slavs in the fish?	205

Notes from a workbook

<i>Rev. Alexandr Troitsky</i> . The supine in Old Church Slavonic	212
---	-----

History of Russistics

<i>Nina N. Rozanova</i> . Records of theatrical pronunciation taken by Grigory Osipovich Vinokur at the performances of the Moscow Art Academic Theatre in 1944 (based on materials from Vinokur's archive at the Russian State Archive of Literature and Art)	240
---	-----

Reports

The Conference "Words, Texts and Dictionaries (on the 100 th Anniversary of the Card Catalogue and the 50 th Anniversary since the Edition of the 1 st Volume of the Dictionary of the Russian Language of the 11 th –17 th Centuries)" (<i>Georgii A. Mol'kov</i>).....	290
The 57 th Vinogradov Conference in the Moscow State University (<i>Nadezhda K. Onipenko</i>).....	294
Addresses of universities and institutes.....	299
Notes for contributors	300

ИССЛЕДОВАНИЯ

doi.org/10.31912/rjano-2026.1.1

SØREN WICHMANN

Kiel University
(Kiel, Germany)
wichmannsoeren@gmail.com

DARJA JONJIĆ

Kiel University
(Kiel, Germany)
darjajonjic@gmail.com

MATÍAS GUZMÁN NARANJO

University of Bergen
(Bergen, Norway)
matias.naranjo@uib.no

FOUNDATIONS OF RUSSIAN DIALECTOMETRY

This paper analyzes the data from *The Dialectological Atlas of the Russian Language*. The fieldwork on which the atlas is based was carried out during the mid-20th century and published in 1986–2005, but the original data is no longer available, so the data for this study was retrieved indirectly from the physical maps. One set of analyses is purely dialectometrical, focusing on linguistic distance computation and cluster validation. Another set of analyses is aimed at developing an understanding of why distances among dialects are distributed the way they are, looking at the influence of some aspects of geography, namely biomes and rivers, as well as different administrative divisions. Our analyses are not exhaustive, so in the final section, in addition to conclusions, we offer various ideas for further research.

Keywords: Russian language, dialectometry, dialectology, ecology, biomes, rivers, history, hierarchical clustering, cluster validation, Ward's method, UPGMA, WPGMA.

1. Introduction

The present paper offers access to the data contained in *The Dialectological Atlas of the Russian Language* [Аванесов, Бромлей 1986; 1989; 1997; 2005] and presents various analyses thereof (we will subsequently abbreviate the title of the atlas as DARJa, with reference to the original Russian title, *Dialektologičeskij atlas russkogo jazyka*). Data collection for the DARJa project was initiated in 1938 but got interrupted by World War II [Isaev et al. 2016: 448]. Data collection, then, was mainly carried out during 1945–1965 with only 36 villages investigated prior to that (1938–1941) and 23 villages investigated later

(1966–1980). The atlas contains 315 maps, each corresponding to a linguistic feature or a set of closely related features, and covers 4193¹ locations. It is based on notebooks with handwritten fieldwork materials collected within the DARJa program. About 3%–5% of the original notebooks have been lost, according to an anonymous reviewer of this paper, and digital materials derived from the original data are not publicly available. Consequently, the atlas itself is the primary data source, and individual data points, of which there are more than one million, have to be extracted directly from the maps (see the following section). While the atlas has a dense coverage, it is restricted to the European part of Russia (Fig. 1).

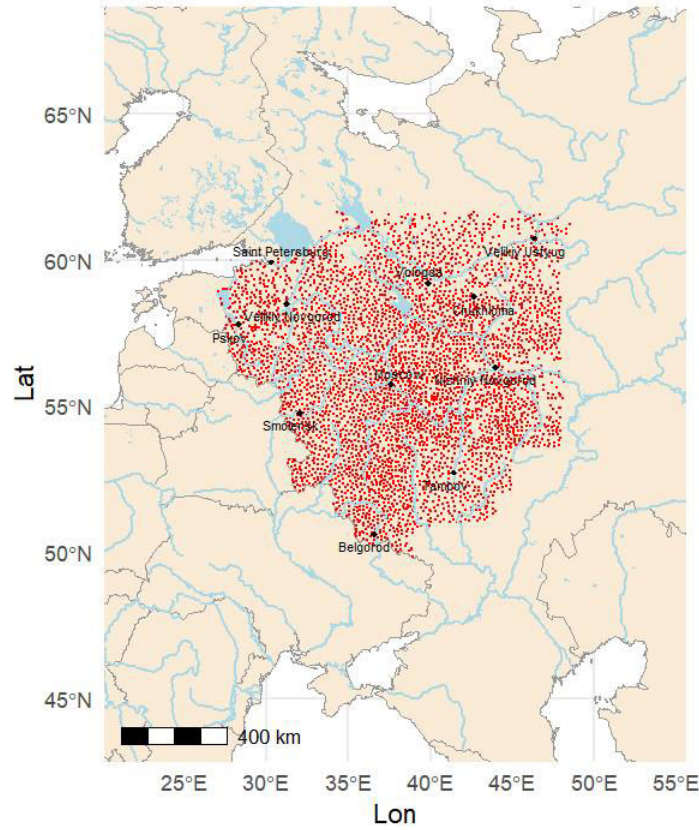

Fig. 1. Coverage of DARJa. Each dot represents a data collection site. Some major cities were put on the map for the sake of orientation. Illustration by the authors using base map elements from the *naturalearth* R package of [Massicotte, South 2023]

¹ When including two locations apparently in the data but not clearly identifiable in the maps there are 4195 locations. Another 69 locations were targeted in the original data collection endeavors [Marchenko 2023] but are not reflected in the maps of the atlas.

Methodologically the paper takes a dialectometric approach. In contrast to traditional qualitative methods in dialectology, which often focus on detailed descriptions of only a few linguistic features and typically rely on intuitive choices when drawing isoglosses, dialectometry, the quantitative approach, developed in response to the need for more empirical and data-driven classifications. Dialectometric studies offer a better understanding of how dialects relate to one another by using statistical and computational techniques to analyze large datasets [Wieling 2012]. Their origins include Karl Haag's [1898] investigation of methods for measuring linguistic distances using isogloss distributions. However, it was Jean Séguy [1971; 1973] who formally introduced the concept of dialectometry, applying quantitative methods to the *Atlas linguistique de la Gascogne* and developing a systematic approach to measuring linguistic distances. Mainly due to the works of the Salzburg-based scholar Hans Goebel [1983] and John Nerbonne and colleagues in Groningen [Nerbonne, Heeringa 1997; Heeringa 2004] dialectometry has subsequently developed a strong foundation.

While dialectometry has been widely applied in various linguistic regions, it used to be rarely employed in Russian dialectology [Wiemer, Seržant 2014: 25–26]. Pšeničnova [1996] was the first to apply quantitative approaches to Russian dialects. From that study there is a gap until very recently, when different scholars based in Moscow have begun to produce dialectometrical studies [Marchenko 2023; Кузьмина, Манусов 2024; Марченко, Ронько 2025].

2. Previous analyses of DARJa

The linguistic data from DARJa offer a clear and precise picture of the distribution of many dialectal features, making it possible to create updated dialectological maps of the Russian language. In the following we introduce the three major classifications of Russian dialects that are based on the linguistic data from DARJa.

The classification that is still considered the standard for dialectal divisions of the Russian language was developed from research presented in Avanesov and Orlova's *Russian Dialectology* [1964/1965] and further elaborated by Zaxarova and Orlova in their 1970 monograph, which provides a detailed description of Russian dialects and their linguistic features. Building on earlier classifications, cf. [Дурново и др. 1915], they distinguish two major macrodialects (*narečija*), northern and southern, and treat the Central Russian dialects as transitional between these two macrodialect areas.

Additionally, they introduce a new division into *dialect zones* — large regions identified by bundles of isoglosses, where dialects share a broad set of common features. These dialect zones intersect the trinary system of the Russian dialect landscape (Northern, Southern, and Central Russian), representing a second level of classification that reveals larger regional patterns of linguistic features not apparent in the classical Northern-Southern-Central division. This approach allows them to identify a western zone distinct from the eastern areas. In

total, they presented seven zones: western, northern, northwestern, northeastern, southern, southwestern, and southeastern.

Within these macrodialects and dialect zones, they also identify *dialect groups* — the smallest territorial units of dialect classification. This is the level corresponding most closely to the actual linguistic system of the local population. The authors identify dialect groups based on combinations of areal linguistic features, with multiple overlapping features defining a coherent local speech type, cf. [Захарова, Орлова 1970: 19–26].

Contrasting with this traditional areal classification Pšeničnova [1996] introduced a large-scale structural-typological approach to classify the Russian dialects quantitatively. She uses a method called *taxonomic relation* to measure how similar dialects are by giving more importance to rare shared linguistic features than to shared features that are common.² Through a step-by-step clustering process, she identifies *groups of dialects* by structural similarity rather than by geographic proximity and additionally *transitional dialects* along with a *mixed set of heterogeneous dialects*³ when they show traits from various groups [Пшеничнова 1996: 26]. The results of Pšeničnova’s structural-typological classification include a hierarchical typology of Russian dialects organized according to the degree of structural similarity, as well as maps showing these structural similarities across the regions. Pšeničnova was the first East Slavic dialectologist to mainly rely on a quantitative model [Пшеничнова 1996; 2008].

More recently, a new classification based on DARJa data is found in the BA thesis of Marchenko [2023]. This author uses a quantitative dialectometric approach to classify the Russian dialects in DARJa. As part of the data preparation, the data collection locations were manually assigned coordinates in the standard WGS 84 geographic system familiar from most maps and navigation devices (Igor Marchenko, personal communication). This is similar to (and independent of) what we did, as described in the next section. As for the data, Marchenko worked with a binary matrix, where each cell in the matrix contains either a 1 (feature value present) or a 0 (feature value absent). The matrix was handed down from earlier scholars to Marchenko, who states [Marchenko 2023: 7] that N. N. Pšeničnova and O. N. Dolgov prepared a digital version of the data for use on punch-cards towards the end of the 1980’s, referring to [Пшеничнова 1988]. Marchenko made the data for his thesis temporarily available.⁴

² For a similar idea cf. the ‘weighted identity value’ of Goebel [1983: 12–16], also applied by [Nerbonne, Kleiweg 2007].

³ For a rigorous differentiation of the terms *transitional dialect* and *mixed dialect* in Slavic dialectology, see [Wiemer, Erker 2012/2013].

⁴ On Sept 18, 2023, we downloaded the supporting materials from https://github.com/marczenko/mds_thesis. In the mean time they have been removed. The materials included the binary matrix, comma-separated files reproducing verbal descriptions of features and values (in Russian), GIS files for producing maps of the DARJa locations plus selected cities or ‘anchors’ included for orientation, as well as a Jupyter Notebook file with Python scripts for reproducing the main steps of the analysis. The binary matrix has

Marchenko used the binary matrix to calculate Euclidean distances between locations, eventually submitting the distances to classical Multidimensional Scaling (MDS). In his description of how distances are computed he does not distinguish between features and their values, but refers only to ‘features’. In our terminology, Map 1 of the morphology volume, for instance, shows five possible ‘values’ of the ‘feature’ that concerns the form of the genitive singular of nouns in *-a* in certain phonological contexts. In his terminology, the map shows five different ‘features’. Thus, the matrix contains 4416 ‘features’ in this terminology (whereas in our terminology the number of features in his data is 316), and it seems that he weights each ‘feature’ (= feature value) equally when computing distances, rather than giving equal weight to each feature in our sense, i.e., each set of values pertaining to a given map. Marchenko operates with some “unstable” features. According to Marchenko (personal communication), such features are those marked as “rarely used” in the atlas. In the original feature matrix such realizations occupied separate columns; in his work, however, realizations were merged so that there is one column per unique realization, with the value 1 if it is found in the settlement and 0.6 if it is marked as rarely used. Euclidean distances are then computed between the locations and finally MDS analyses are carried out both for all features and groups of features (lexical, phonetic, morphological, and syntactic features). The coordinates in a three-dimensional MDS space are transformed to RGB (red-green-blue) color values, following [Nerbonne et al. 1999]. Subsequently the locations in the DARJa survey are colored according to their RGB values, revealing their relative similarities.

Since the MDS procedure leads to a map showing continuous color transitions between different dialectal zones without distinct boundaries, Marchenko manually identifies dialect boundaries by observing where the color shifts notably. His result is a classification of the Russian dialects into six clusters. The bulk of his thesis is concerned with discussion of how different features are distributed over the six clusters. A recent paper [Марченко, Ронько 2025] summarizes the methodology and results of [Marchenko 2023] and provides a discussion of the specific features that separate eastern and western dialects.

While it would be tempting to work with the binary matrix ultimately harking back to the efforts of Pšeničnova and Dolgov it has one major drawback, namely that the 0 symbol is ambiguous: it can mean either the *absence* of a feature value or ‘unknown’, i.e., *failure to record* the entire feature for a given location. For instance, on Map 1 in the morphology volume (mentioned above) many regions, including most of the northern half of the area, are white, where the white color is not among the five graphical conventions for indicating the presence of one of five specific feature values. This *could* mean that all locations

digits for row names identifying data collection sites, including 69 sites with no or very little data that are not included among the 4195 sites in Marchenko’s further analyses; sites are not identified other than by digit ID’s in the matrix file or anywhere else in the supporting materials. The matrix file does not have column names, but the column indices correspond to numbers in the .csv files listing all features and values.

in the white regions share the same value, which is somehow default and understood to be present, but it more likely simply means that they do not have one of the five listed values, with no implication that they behave identically. If the latter is generally the case, locations that happen to be poorly attested will get inflated similarities due to the sharing of 0's when using this binary matrix for distance calculation. This is one of the reasons why we are not comfortable working with the binary matrix.

In the digitized data at our disposal (see the next section) we can distinguish between a 0 meaning absence of a certain value of a feature and complete absence of attestations, which we would treat as an 'NA' (= 'not applicable') value in the language of the R computational environment [R Core Team 2024] that we are using.

Before leaving this section on previous analyses of DARJa we would like to also mention [Кузьмина, Манусов 2024], which combines data from DARJa and dialect atlases of Belarusian and Ukrainian in an East Slavic dialectometrical analysis. The author uses k-means clusterization to obtain classifications into either 5 or 25 clusters, both of which numbers are somewhat arbitrarily selected. The features best conforming to the different clusterizations are obtained using the Fowlkes-Mallows index (which is based on measures of precision and recall) and comparisons with previous classifications are provided. The data for this paper is only partly the same as those used by us, and they are not provided by the authors, so it is hard to compare results. Moreover, some of the major concerns of the present paper, namely cluster validation and the influence of external features on dialect configurations, do not play major roles in [Кузьмина, Манусов 2024]. For these reasons we have not prioritized further discussion of this paper here.

3. Data preparation

Data preparation was carried out in two major steps. The first step was taken by a team mostly associated with Kazan Federal University (KFU) during 2016–2017 [cf. Isaev et al. 2016]. These scholars produced scans of all pages (in PNG format) and, for each map, provided Microsoft Word files with typed-up headings and legends containing feature descriptions and values along with visual indicators (colors and shapes on the map). The feature values are given numbers in the Word files while they are unnumbered in the original map legends.

In order to make the visually encoded information directly accessible to further analyses the KFU team subsequently extracted values for each combination of feature (as represented by a map) and location by electronically overlaying the general map of the 4193 locations (represented as dots) onto each feature map and assigning values to the locations according to the trait-region to which it pertained, where by 'trait-region' we refer to a region as demarcated on a map through a specific color and/or filling (different kinds of shadings or symbols). Often a given location does not occur within any trait-region and is then not specified for the feature in question. It may be that, for reasons of graphic sim-

plification or inaccuracy, locations are sometimes, by the manufacturers of the maps, placed within a certain trait-region even if information was not available in the data underlying the maps. This cannot be known, because the data underlying the maps are no longer available. The fact that the maps are full of discontinuities in the trait-regions displayed, however, suggests that such graphic extrapolation is at least non-pervasive.

The results of the visual extraction of feature values were gathered by the Kazan team in four Microsoft Excel files, respectively containing data on lexicon, phonetics, morphology, and syntax. The files, which were still publicly available at the time of writing⁵, are organized as follows. For each location on the map there is a row of data with an added ID (“MAPINFO_ID”), an ID number from the atlas (“*Nomer_np*” abbreviating “*Nomer naseľennogo punkta*” = ‘number of the settlement’), X and Y coordinates, one of five regions (*sever* ‘north’, *severo-zapad* ‘northwest’, *zapad* ‘west’, *jug* ‘south’ and *vostok* ‘east’), and a cell for each combination of feature and feature value attested for the particular location, as identified through the visual process just described.

In addition to the PNG scans, Word files with information from legends, and Excel files with feature values,⁶ we obtained a file (in personal communication, Sept. 2021) from Igor Isaev with metadata on each location retyped from [Мо-раховская 1996], giving the number from the map, the name of a town/village, membership in the administrative units *oblast’* and *rajon*, and year(s) in which the fieldwork was carried out. (Together with L. B. Matxeeva, Isaev has also produced a useful, online re-issue⁷ of the original questionnaire guiding the dialectological fieldwork by [Аванесов 1947]).

The next major step of data preparation was carried out by the present team of authors. The main desideratum was to obtain geographical coordinates for each location. While the Kazan files provide ‘X’ and ‘Y’ coordinates, we were not able to identify a geographical coordinate reference system (CRS) that they might represent (possibly they are not geographical coordinates but references to electronic file cells). Moreover, the X/Y coordinates are sometimes clearly erratic, as revealed by the fact that there are duplicates of coordinates for villages that are geographically distinct. ID’s are also sometimes problematical. Thus, four numbers in the MAPINFO_ID column are duplicated (628, 2329, 978, 1368). Many points have the wrong area ID number in the electronic files, due to mistakes made during the data extraction process. For instance, one point has the ID number 740 on a map but appears as 7 in the digital dataset. We corrected such mistakes.

Some DARJa maps are not represented among the electronically recorded data points in the Kazan files. Sometimes they are included in the data matrix of [Marchenko 2023] — which stems from a time when the physical, printed maps

⁵ <https://kpfu.ru/atributivnaya-baza-dannyh-russkih-govorov-269324.html>

⁶ The Excel files were downloaded from the site indicated in the previous footnote on 22-03-30. Word files appear not to be available online anymore.

⁷ https://ruslang.ru/doc/dialectolog/voprosnik_atlas.pdf

were not the only source for the data collected during the DARJa project — sometimes they are not in this matrix (henceforth ‘the Matrix’) either. There are ten maps apparently missing from the Kazan files, but sometimes they are missing for meaningful reasons that we could identify. Lexicon Map 80 is said explicitly in the table of contents of the relevant volume [Аванесов, Бромлей 2005] to not have been included for technical reasons. Nevertheless, the corresponding data is included in the Matrix. We observe that there are 24 values of the feature and attestations for only 669 locations. We speculate that difficulties in graphically mapping out many small areas using a great many colors and symbols, perhaps combined with the limited value of the relatively small data set, caused the editors to scrap the production of this map. Lexicon Maps 101–102 are represented in the Matrix, but are neither in the Kazan files nor in DARJa itself. In other words, these maps do not exist physically, but the underlying data do. For Map 101 there are 50 values and attestations for 845 locations. For Map 102 there are 29 values and attestations for 1041 locations. As in the case of Map 80, an excess of feature values combined with data sparsity would probably explain their absence from DARJa. Morphology Map 14 appears neither in the Kazan files, nor the Matrix, apparently because it contains at least partially redundant information. Morphology Maps 110–112 are missing from the Kazan files, apparently due to an oversight. Phonetics Maps 9 and 10 are also missing from the Kazan files, seemingly also due to an oversight. Designations for features 11–24 were shifted to 9–22 (an error we corrected along with some other, more minor problems with designations for features and values). Finally, Phonetics Map 83 is missing from both the Kazan files and the Matrix, possibly because it contains redundant data. We deem these various shortcomings acceptable, considering that the Kazan files still retain 308 different features out of 315.

In order to georeference the data we manually identified the correct location of each of the 4193 locations. The process was as follows. We first georeferenced one of the DARJa maps, in which all locations are shown to EPSG:4326. Since the maps show some known locations (e.g. Moscow) as well as some main latitude and longitude lines, this process was straightforward. Next, we did a rough linear transformation of the DARJa coordinates to get them to approximately match up with the printed locations on the map. Because the linear transformation preserves the location relations between all points, we can know, even with the errors in area ID’s, which point of the dataset matches to which point on the map. From there, we manually fixed the location of each point of the dataset to be one of the locations shown on the map.

In our final master data file, which is the basis for the following analyses, we have combined the features and numbered values from the Kazan files with location IDs (corrected when necessary) and our new coordinates. The file contains 1,177,580 data points (rows).⁸

⁸ The file is available together with other Supporting Materials at https://osf.io/85zs6/?view_only=fef8229d35e4495eb90c4c65c687a630

4. Linguistic distance computation

Our method of computing linguistic distances could perhaps be called a recursive, normalized Hamming distance. A simple, normalized Hamming distance compares two binary vectors, identifies vector positions where the two values are different (as opposed to shared) and divides that number by the total number of positions. This approach is our point of departure, but it has to be modified because (1) the two vectors do not necessarily have the same positions attested and (2) within each position there can be more than one value. Because of (1) we have to exclude positions that are not in both vectors and because of (2) we have to also compare subvectors contained in the vector positions where multiple values are found.

Expressed less abstractly, we compare features between two dialects, but only those which are attested in both dialects. The number of such features, N , is the normalization factor, i.e., the number that we will eventually be dividing the raw distances by. When the two dialects compared both have only one possible value, the distance for that feature will be either 1 (= ‘different’) or 0 (= ‘same’). When one or both dialects have more than one possible value, the Hamming distance is applied again (i.e., recursively) to this local case. The number of similar values for the particular feature is divided (normalized) by the total number of values present. The result is some number between (possibly including) 0 and 1. The individual distances for features (0 or 1 or some number in between when there are multiple feature values) are summed up and divided by N to yield the distance between the dialects.

In order to make the above description yet more palpable we provide an example. Dialect A has the attested features {a, b, c, d} with the corresponding values {a1, b1, b2, c1, d1}. Note that there are two values for feature b. Dialect B has the attested features {a, b, c} with values {a1, b1, b3, c2}. Again two values are found for feature b. We first note that d is not attested for B. Since it is not shared by both dialect A and B it is excluded in the comparison of the two dialects. This means that our overall normalization factor is $N = 3$. We now compute distances for each feature attested in both dialects. For feature a they have the same value, so the distance here is 0. For feature b they share 1 of 3 values, so the distance is $1 - 1/3 = 2/3$. For feature c they share 0 values, so the distance is 1. We can now sum up these distances and divide by N to get the total distance D :

$$D = 0 + 2/3 + 1 = (5/3)/3 = 5/9 = 0.5556 \text{ (rounded to 4 decimal places).}$$

We did not attempt to weight features differently. For instance, we might give greater weight to features whose values provide a relatively tidy partitioning of the area than features whose values are more chaotically dispersed, as in [Пшеничнова 2008], or we might give greater weight to features that lead to a better classification by some criterion. The main reason why weighting is not considered is that we do not possess a gold standard by which to evaluate the effects of different weighting schemes.

We also did not attempt to filter away redundancies in the data that were not already eliminated (cf. Section 3 above). There is one instance of a relatively clear redundancy, namely Phonetics Map 46 dealing with consonants corresponding to literary *č* and *c*, which combines information from Phonetics Map 45 concerning consonants in the place of *č* and from Phonetics Map 46 on consonants in the place of *c*. Other redundancies are more subtle and harder to filter away and they can be hard to distinguish from distributions that are similar by chance. Chance overlap is most likely to be found when some values are simply very widespread but also when some values are rare, so chance overlap is difficult to distinguish from true redundancies that are due to inherent similarities. After some inspection of distributional similarities of the 7,970,028 pairs of feature values in our data we realized how difficult it would be to apply some principled approach to the elimination of redundancies. Moreover, it can be argued that if our goal was to argue for a single, ‘best’ classification it would be of some importance to attempt a filtering of the data, so as to avoid emphasizing certain traits at the expense of others, but since this is not our goal here, we consider it reasonable to dispense with filtering.

5. Clusterization and cluster validation

5.1. General considerations

In spite of the many published maps of Russian dialects showing distributions of dialect clusters, the literature fails to offer arguments supporting the choice of a particular number of clusters (henceforth we use the designation k to refer to a number of clusters).

Clusterization methods often come with ways of specifying a desired number of clusters but not with ways of deciding what this desired number should be — this is normally up to the judgment of the researcher. One criterion might be some external gold standard. For instance, in the Bulgarian dialectometric study of [Prokić, Nerbonne 2008], a previous classification of Bulgarian dialects done by an expert using qualitative methods served as an external validation criterion. For our purposes no such independent gold standard is available since our own data source, DARJa, also permeates other modern work on Russian dialectology. We therefore focus on internal validation criteria.

Different criteria can be applied in internal validation, such as whether a classification reflects the original data in the best possible way, whether clusters are maximally well differentiated from one another, whether clusters are minimally diverse internally or whether clusters are stable in the sense that a few changes to the data would not affect how they are configured. Such criteria can of course be applied not only to different numbers of clusters produced by a given method, but could also be used to decide between clusterization methods. If the maximal number of clusters that we want to test is k_{max} and the number of

clusterization methods is M we will have to carry out $k_{max} \times M$ tests. This number could be multiplied further if we want to apply different criteria and therefore apply more than one validation test. Moreover, we may add qualitative criteria. For instance, if a validation test tells us that 2 clusters is optimal for some method, we may want to decide to override this result by a criterion according to which the information conveyed by a classification should be useful for the purpose of historical interpretation. Operating with just 2 clusters may be non-satisfactory because of the loss of useful information. If the result is again extreme but goes in the opposite direction, telling us that 100 clusters is optimal, for instance, we may also choose to dispense with the results because the large amount of information may be difficult to interpret — it is simply not telling us anything useful. Another qualitative criterion might, for instance, involve an interest in some area which is expected to stand out as a dialect cluster. All in all, we expect from the outset that deciding on a particular classification method with a particular number of clusters may be non-trivial. With these cautionary words let us proceed with the cluster validation task.

5.2. Clusterization methods used

First we need to decide on which classification methods to test. Our goal is to be able to project clusters onto a geographical map, so if we operate with a classification tree — which is the natural approach — we need to be able to sever branches from such a tree in a consistent way, taking the taxa below each cut to be members of a given cluster. It would be inconsistent to sever one branch at a relatively deep node and another one at a relatively shallow node and subsequently treat the resulting clusters as somehow on an equal footing — we need to be able to interpret the clusters as contemporaneous. In order to be able to cut the tree systematically at the same level across all branches we need a so-called ultrametric tree, i.e., a tree for which all tips have the same distances to the root. This excludes the use of phylogenetic algorithms which do not have a built-in assumption about a constant rate of change, for instance the popular Neighbor-Joining algorithm [Saitou, Nei 1987]. The major hierarchical methods producing ultrametric trees are implemented in the `hclust()` function of base R [R Core Team. 2024]. We tested all of these, retaining the ones that were not obviously problematic for our purposes, which left us with the following five (using the designations of `hclust()`): *ward.D*, *ward.D2*, *complete* (henceforth ‘complete linkage’ but abbreviated to ‘complete’ in tables), *average* (henceforth ‘UPGMA’, which stands for ‘unweighted pair-group method using arithmetic averages’), and *mcquitty* (henceforth ‘WPGMA’, which stands for ‘weighted pair-group method using arithmetic averages’).

The method *ward.D* is similar but not identical to that of [Ward 1963], whereas *ward.D2* is identical to Ward’s original method. Ward’s method is to merge the two taxa or clusters of taxa whose union minimizes the increase in total within-cluster sum of squares. In the modified version dissimilarities are not

squared before cluster updating [Murtagh, Legendre 2014]. In the words of the `hclust()` help text, “Ward’s minimum variance method aims at finding compact, spherical clusters.” In complete linkage, due to [Sørensen 1948], the decision of whether a taxon should join a certain cluster is based on the similarity between the taxon and the most distant member of the cluster. The technique tends to lead to highly discrete clusters [Sneath, Sokal 1973: 222]. UPGMA, developed by [Sokal, Michener 1958], is probably the most widely used among the five methods and was found to have a better performance than some other, related algorithms in [Prokić, Nerbonne 2008]. It works by first clustering together the two most similar taxa, and then iterating this, treating the similarity to a cluster as the average similarity to its members. WPGMA (Weighted Pair Group Method with Arithmetic Mean) was also proposed by the biologists Sokal and Michener [1958], and apparently reinvented by the psychologist McQuitty [1966]. This gives equal weights to branches rather than to taxa when recomputing distances. So, for instance, to compute the distance from A to a cluster of B and CD, where CD is a subcluster of BCD, the distances from A to C or D each only count half as much as the distance from A to B. Since good descriptions of the various methods abound [e.g., Sneath, Sokal 1973] we will not go into further detail but instead pass straight on to validating the results they provide.

5.3. Cluster validations methods used

Our first criterion for cluster validation is going to be *the extent to which a clusterization faithfully reflects the patterns in the data themselves*. At the lowest data-level each feature may be said to generate its own classification determined by the distribution of values of different features across the 4193 locations. A few non-informative features (somewhat surprisingly) have only one attested value, but the median and mean are respectively 8.0 and 13.0 values. The large difference between median and mean points to a skewed distribution. Responsible for this is a long tail with some large, but increasingly exceptional numbers of values (the maximal number of values is in Lexicon Map 63, which shows 151 ways, or rather combinations of ways, of referring to a horse during the first years of its life).

For each feature, then, one can compare the partitioning produced by the feature alone with the one produced by cutting a given tree into k clusters. For this comparison we employ the Adjusted Rand Index [Hubert, Arabie 1985], henceforth ARI.

The ARI is a modification of the Rand Index, which is a measure of similarity between two clusterizations (partitions) based on the membership of elements. Let $P1$ and $P2$ be the two clusterizations compared. For each pair of elements (in our case locations) one checks whether the members of the pair belong to one or two clusters in $P1$ and one or two clusters in $P2$. A type *a1* agreement is when the members are in one cluster in both $P1$ and $P2$. A type *a2* agreement is when the members are in different clusters in both $P1$ and $P2$. A type *d1* disagreement is when the members are in the same cluster in $P1$ but different clus-

ters in $P2$, and a type $d2$ disagreement is when the members are in different clusters in $P1$ but same cluster in $P2$. The Rand Index (R) is now the number of agreements divided by all cases (= total number of pairs):

$$R = (a1+a2) / (a1+a2+d1+d2)$$

We use the Adjusted version [Hubert, Arabie 1985], which subtracts the R value expected by chance from the obtained R value, producing a more adequate assessment of the match between two partitions. The ARI values across features are averaged for each value of k .

Our second validation criterion is going to be *silhouette scores*. Such scores measure how similar an object is to its own cluster compared to other clusters. It was first presented in [Rousseeuw 1987], and [Shahapure, Nicholas 2020] provides a short, modern introduction. The silhouette score is determined by the average intra-cluster distance (a) and the average nearest-cluster distance (b) for each data point, calculated as $(b - a)/\max(a, b)$. A score close to 1 indicates perfect clustering, a score near 0 suggests the data point could belong to another cluster, and a score near -1 implies incorrect clustering. In general, silhouette scores can be said to measure how well defined and distinct clusters are. We compute the scores using the `silhouette()` function of the `cluster` R package [Maechler et al. 2025].

Our third criterion is the *stability of clusters* when drawing random samples from the data. For this we use the `clusterboot()` function of the `fpc` R package [Hennig 2024]. It performs a nonparametric bootstrap, comparing the Jaccard similarity to the original clusters [Hennig 2007].⁹ Since it partly works as a wrapper for the base R `hclust()` function it can access the five different clusterization methods that we have applied. We report on the results averaging the scores across clusters.

5.4. Results for cluster validation

The results of our first cluster validation test, investigating the extent to which a clusterization faithfully reflects the patterns in the data themselves by averaging the *Adjusted Rand Index* across features, are shown in Table 1. For this and the other two validation tests below we report on values up to $k=10$ only, since values for all the tests get ever smaller beyond $k=10$. For the five methods maximal mean ARI values are from $k=3$ to $k=6$, with UPGMA showing the highest value overall and $k=4$ most often showing a maximal value. On an orthodox interpretation of these results, we should choose $k=4$ as produced by UPGMA as the optimal classification. It is, however, not clear that different methods give results that are markedly different, so it is perhaps more adequate to cautiously state that anywhere from $k=3$ to $k=6$ clusters, depending on the preferred method, may be a good choice.

⁹ For an approach applied to dialectometrical data which is similar in spirit cf. [Mucha, Haimperl 2005].

Table 1

Mean ARI across features for different classifications.
The highest value in each column is in bold,
and the highest value in the entire table is additionally in italics

k	ward.D	ward.D2	complete	UPGMA	WPGMA
2	0.1158	0.1145	0.1425	0.1394	0.0968
3	0.1398	0.1405	0.1502	0.1496	0.1326
4	0.1446	0.1453	0.1346	0.1507	0.1438
5	0.1373	0.1390	0.1328	0.1507	0.1427
6	0.1350	0.1364	0.1264	0.1507	0.1438
7	0.1182	0.1335	0.1276	0.1500	0.1428
8	0.1156	0.1165	0.1228	0.1489	0.1380
9	0.1096	0.1099	0.1190	0.1421	0.1380
10	0.1086	0.1089	0.1162	0.1420	0.1275

Table 2 shows silhouette scores, which measure how well-defined and distinct clusters are. These scores unanimously identify $k=2$ as the optimal number of clusters. If, however, we would consider $k=4$ to be an optimal number of clusters for some reason other than silhouette scores, then ward.D2 suddenly becomes the ‘best bet’. In short, the main result here is that $k=2$ is optimal across methods.

Table 2

Silhouette scores. The highest value in each column is in bold,
and the highest value in the entire table is additionally in italics

k	ward.D	ward.D2	complete	UPGMA	WPGMA
2	0.1577	0.1557	0.1975	0.2023	0.1541
3	0.1335	0.1356	0.1797	0.1607	0.1252
4	0.1446	0.1469	0.107	0.154	0.1349
5	0.1134	0.1183	0.0987	0.1353	0.1289
6	0.1155	0.1189	0.0791	0.1307	0.1251
7	0.0994	0.1159	0.0959	0.1264	0.1237
8	0.1032	0.1048	0.0741	0.1251	0.1045
9	0.0906	0.0928	0.0734	0.1242	0.1045
10	0.0902	0.093	0.0723	0.1225	0.0955

Our last quantitative validation criterion is stability. The scores are shown in Table 3. Again we see $k=2$ coming out as the optimum across methods, and again it is not particularly clear if the differences between methods are somehow significant, even if, again, we can register UPGMA as the ‘winner’.

Table 3

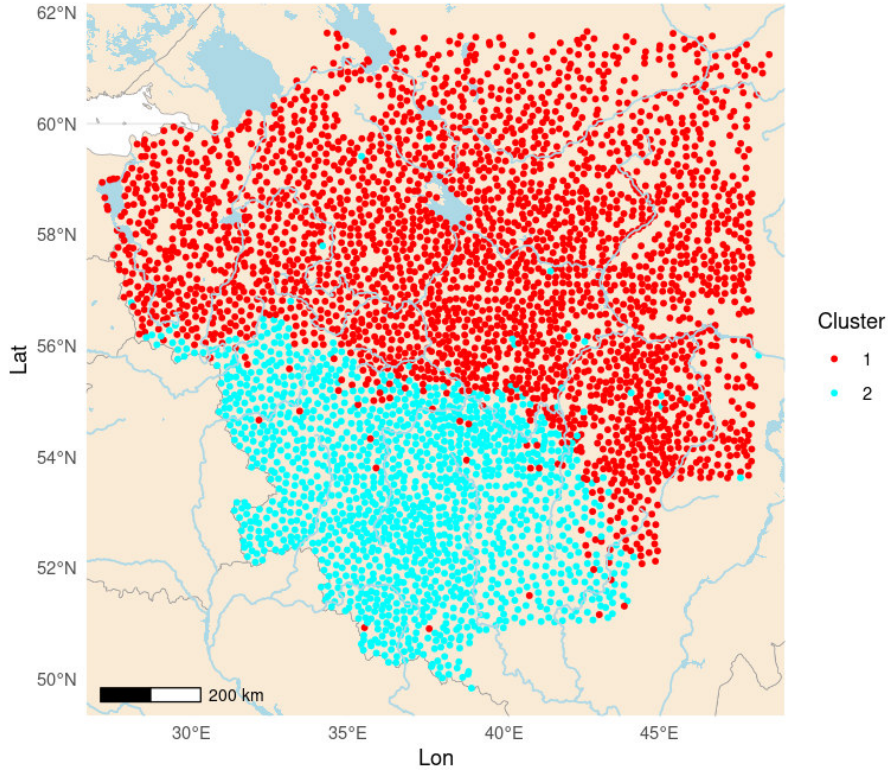
Stability scores. The highest value in each column is in bold, and the highest value in the entire table is additionally in italics

k	ward.D	ward.D2	complete	UPGMA	WPGMA
2	<i>0.4581</i>	0.4569	0.4643	0.4995	0.4845
3	0.3972	0.3888	0.3107	0.3333	0.3261
4	0.3406	0.3358	0.2490	0.2538	0.2541
5	0.2796	0.2734	0.2033	0.2042	0.2112
6	0.2676	0.2639	0.1806	0.1706	0.1825
7	0.2361	0.2414	0.1602	0.1558	0.1640
8	0.2329	0.2162	0.1428	0.1441	0.1446
9	0.2120	0.2040	0.1341	0.1339	0.1308
10	0.1957	0.1895	0.1215	0.1223	0.1213

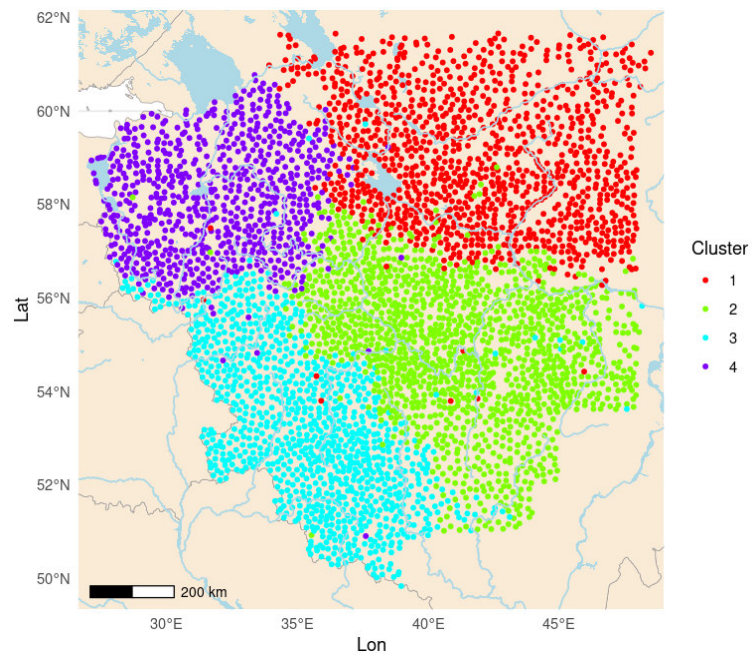
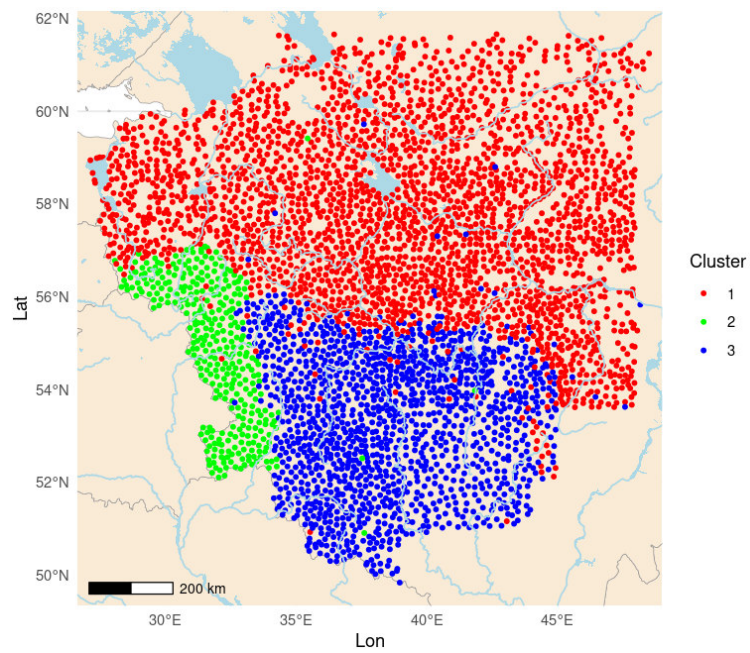
The results from the quantitative validation methods are somewhat unhelpful if we would like to pinpoint *the best* method and *the best* number of clusters. But we can still learn something from the results, and they may still help us to choose a preferred classification if we combine the quantitative criteria with some qualitative ones. One major lesson is that from the point of view of how well defined and stable clusters are, there is solid evidence for two fundamental clusters (ignoring for the moment the details of their exact configurations). Another lesson is that we nevertheless need at least 3–4 clusters in order to have a classification that more adequately reflects the distribution of feature values across dialects.

For qualitative inspection of the different classifications we first look at the two ‘winners’ for, respectively, silhouette scores and stability. For both silhouette scores and stability UPGMA and $k=2$ came out as best (cf. Tables 2–3). The clusters produced are shown in Figure 2¹⁰. Given the high scores for being well defined and stable, we would designate the two-cluster classification of Figure 2 as the most basic and most solid partitioning of Russian dialects.

¹⁰ All of our maps are produced using the `dmap()` function provided as part of the Supporting Materials. It can generate maps for any method and value of k and also has options for zooming, showing outliers, and more.

Fig. 2. UPGMA, $k=2$

In spite of being basic and solid, a two-cluster classification does not quite do justice to distributions of the values of features over different locations, as the ARI results (Table 1) showed. In Figures 3–6 we offer maps for the number of clusters that had the best ARI scores for each method (cf. the scores in bold in Table 1), only excluding WardD, which comes out as very similar to WardD2 and does not seem to add information. In the case of ties for different values of k we show the classification corresponding to the smallest k value, adding a criterion of parsimony. We opted for an inclusive approach to the selection of cluster maps since the different maps generally seem to reveal different aspects of the history behind the dialects that could all be important.

Fig. 3. ward.D2, $k=4$ *Fig. 4 (top right). complete, $k=3$*

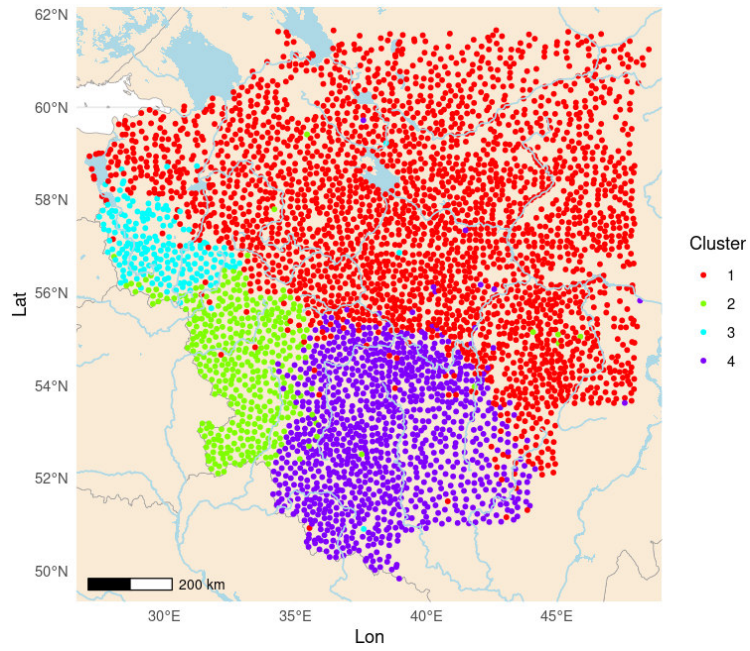

Fig. 5 (bottom left). UPGMA, $k=4$

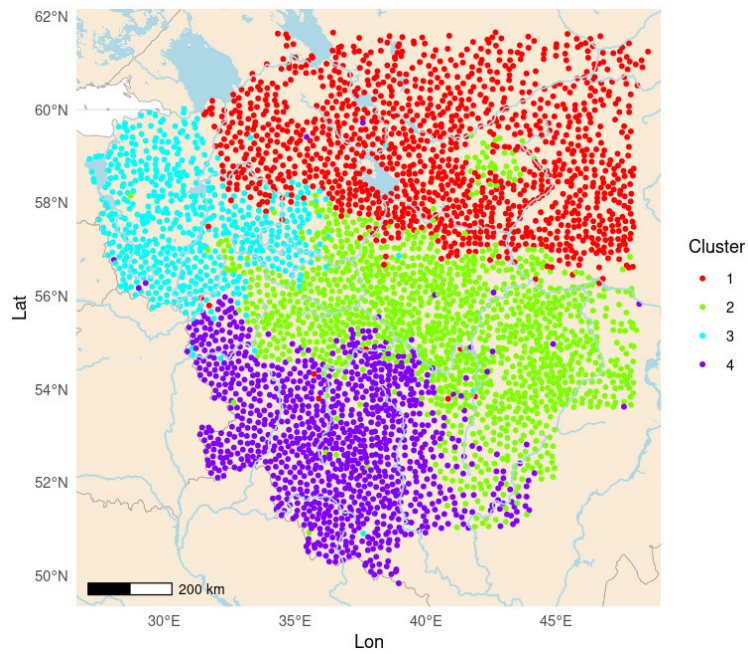

Fig. 6 (bottom right). WPGMA, $k=4$

We shall offer some comments on the maps in Figures 3–6 (for ease simply referring to figure numbers rather than methods and k values). Figure 3 shows a rather balanced set of clusters and a shape suggesting a history of population of all but the northwestern area resembling a grand sweeping motion. The shape suggests a direction of population movements beginning in the central eastern region and then turning towards the north. Discernible is a small outlier within the northern cluster; it reappears as a larger, more distinct area in Figure 6. This is the Chukhloma ‘dialect island’, which is known to have arisen through historical migrations, cf. [Бурова, Касаткин 1977]. Figures 4 and 5 are similar to one another except for the greater number of clusters in Figure 5, cutting the southern area into three subareas. They suggest that the north is more homogeneous than the south, possibly indicating a relatively later population of the north. Although not to the same extreme degree, all the maps in fact agree on having a large northern cluster. The observation of greater homogeneity in the north is also consistent with the argument of [Николаев 1988; 1994; 2011] that the north-western and north-central Russian dialect areas have stayed relatively stable over a long period of time. According to Nikolaev, these regions still preserve features from older tribal dialects (especially those of the Kriviči). Figure 6 stands out mainly by the more marked presence of the Chukhloma outlier. In summary, while it is somewhat unsatisfactory not to be able to present *the* classification of Russian dialects, we are at the same time satisfied to see that different alternative classifications hold different possible keys to population histories.

The results contrast, *inter alia*, with those of [Marchenko 2023], in which, based on impressionistic inspections of the MDS-based map, it is decided that there are six major clusters. Marchenko’s picture clearly distinguishes three areas in the horizontal dimension, but the divisions in the vertical dimension are much less clear. [Марченко, Ронько 2025] presents the same classification and specifically discusses the features that distinguish an eastern and a western area. Although they are found in all categories (phonetics, morphology, syntax, and lexicon) they are relatively limited in number. Nevertheless, the authors interpret them as strongly supporting the east-west divide also found in the traditional classification of [Захарова, Орлова 1970]. We do obtain a classification something similar to that of [Marchenko 2023] when choosing $k=6$ and Ward.D2, cf. Figures 7–8, but this clusterization does not have a high score on any of the validation criteria.

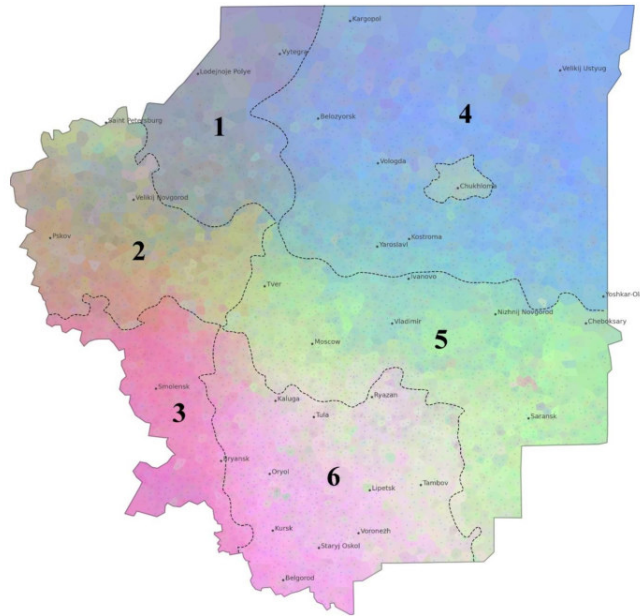

Fig. 7 (left). Map of dialect clusters from [Marchenko 2023: 49] (reproduced by permission of the author)

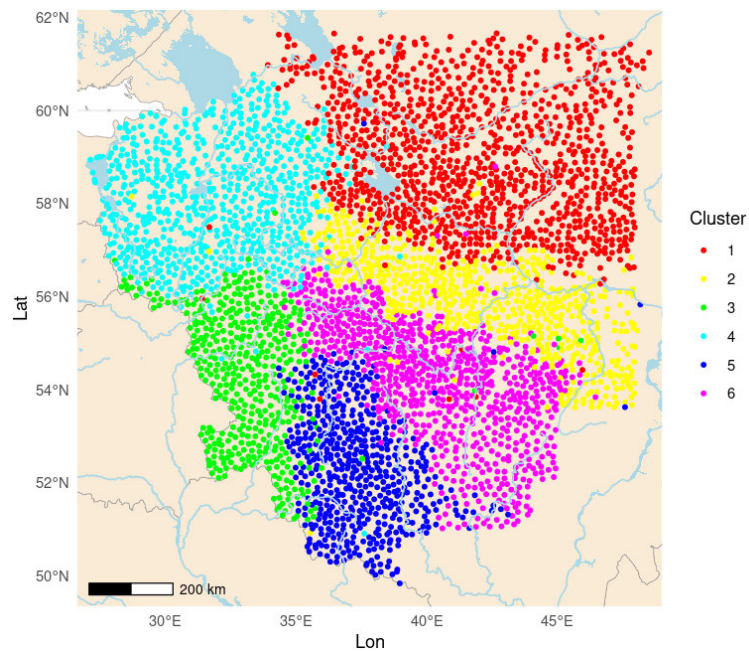

Fig. 8 (right). Ward.D2, $k=6$

6. Influence of geography

In this section we look at whether features of the landscape influence the distribution of Russian dialects, concentrating on two types of features: biomes and rivers.

6.1. Biomes

The European part of Russia is not particularly diverse geographically. Using the biome classification of [Olson, Dinerstein 1998] and [Olson et al. 2001], the area can be divided into ‘boreal forests/taiga’ in the north, ‘temperate broadleaf & mixed forests’ in the south, and ‘temperate grasslands, savannas & shrublands’ in the far south, cf. Figure 9. We will informally refer to these biomes as the taiga, the forest, and the steppe, respectively.

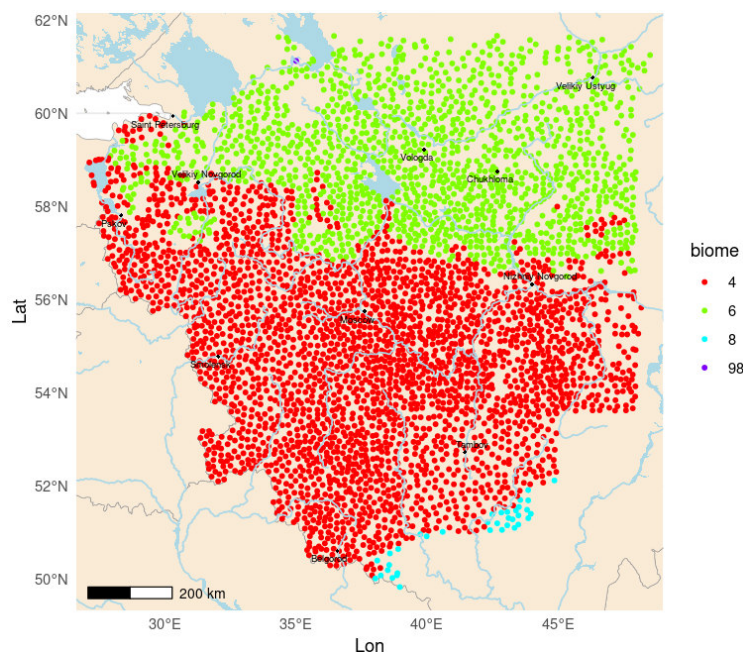

Fig. 9. Biomes of the DARJa area, using the classification key of [Olson et al. 2001].
Descriptive labels: ‘boreal forests/taiga’ (#6), ‘temperate broadleaf & mixed forests’ (#4), ‘temperate grasslands, savannas & shrublands’ (#8), ‘water’ (#98; not appearing since no location is maritime)

In order to investigate the possible effect of biomes on the distribution of linguistic distances we formulate a generalized additive model (GAM) using the `bam()` function from the `mgcv` R package, cf. [Wood 2017] (the `bam()` function is a version of `gam()` optimized for large datasets). The model looks as follows:

```
bam_model <- bam(  
  lingdist ~ biome_difference + s(geodist, by = biome_difference),  
  data = df,  
  method = "fREML"  
)
```

This models the linguistic distance between two locations as a function of the binary fixed effect ‘biome_difference’ (0 = same biome, 1 = different biomes) and a smooth function of geographical distance. There are separate smooths for the two levels of biome_difference, specified via the `by = biome_difference` argument.

biome_difference is a parametric (linear) term, so when biome_difference = 0 (same biome), the model intercept applies; when biome_difference = 1 (different biome), the model adds a constant shift, which represents the average change in linguistic distance when two locations are in different biomes, independent of geographic distance. This captures a potential baseline linguistic difference due to biome separation, regardless of distance.

`s(geodist, by = biome_difference)` creates one smooth function for geodist when biome_difference = 0 and another smooth function for geodist when biome_difference = 1. Effectively, we are fitting two different nonlinear relationships between geographic distance and linguistic distance, depending on whether the two locations are in the same or different biomes. This model allows us to ask whether the linguistic distance is generally greater between different biomes, even controlling for geographic distance (via the parametric term), and whether geographic distance affects linguistic distance differently depending on biome similarity (via the two smooths).

Results of the model are as follows:

```
Family: gaussian  
Link function: identity  
  
Formula:  
lingdist ~ biome_difference + s(geodist,  
  by = biome_difference)  
  
Parametric coefficients:  
      Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)  
(Intercept)    5.558e-01 3.653e-05  15215  <2e-16 ***  
biome_difference1 2.677e-02 5.648e-05   474  <2e-16 ***  
---  
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1  
  
Approximate significance of smooth terms:  
      edf Ref.df    F p-value  
s(geodist):biome_difference0 8.987    9 449828 <2e-16 ***
```

```

s(geodist):biome_difference1 8.979    9 348895 <2e-16 ***
---
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

R-sq.(adj) = 0.529  Deviance explained = 52.9%
fREML = -1.0318e+07 Scale est. = 0.0055944 n = 8788528

```

The intercept of 0.556 is the estimated baseline linguistic distance when the two locations are in the same biome and geographic distance is 0. `Biome_difference1` tells us that being in a different biome adds an average linguistic separation of 0.027 over and above what the geographical distance explains. This is statistically significant ($p < 2e^{-16}$). The two-row table showing “[a]pproximate significance of smooth terms” indicates that both of the separate smooth functions are highly nonlinear (effective degrees of freedom ~ 9) and highly significant, meaning that geographic distance is a strong predictor in both bases. Finally, the model fit of $R^2 = 0.529$ tells us that the model explains close to 53 % of the variance.

Since the results indicate both that the relationship between linguistic and geographic distance is nonlinear and that it differs depending on whether pairs of locations are in the same or different biomes, we proceed to plot these relationships, cf. Figure 10, which plots our model (using the `plot_smooth()` function of the R package `itsadug` of [van Rij et al. 2022]). The plot shows that being in different biomes nearly always leads to greater linguistic distance, although the effect may be small or even absent at distances below around 200 km. Above 200 km, the environmental effects compound with distance, with the effect escalating above 1000 km.

As distances increase above 1000 km or so there appears to be an increase in similarity for same-biome locations. This last, mysterious aspect of the plot is unexpected, and we can only offer speculative explanations. If schismogenesis is a force in linguistic evolution, as it is for other aspects of cultural evolution [Bateson 1935], it means that speakers will want to develop features of speech that differ from those of neighbors — the outgroup — while remaining similar to other members of the speech community — the ingroup. It may be that there is a geographical limit to the populations that are considered to be outgroups, with very distant groups somehow out of the range of people worthy of actively distancing oneself from linguistically. Alternatively, there may be similarities developing among large cities skipping intermediate villages due to the more mobile segment of the population. This possibility brings to mind the finding of the *The Atlas of North American English* that a particular change in vowel qualities, the Northern Cities Shift, seems to have developed and spread among major cities (Chicago, Detroit, Buffalo, and others), cf. [Labov et al. 2006]. Regardless of how we might try to explain this particular aspect of the plot, the overall message is quite clear: being in different biomes has a strong, increasing effect on linguistic distances.

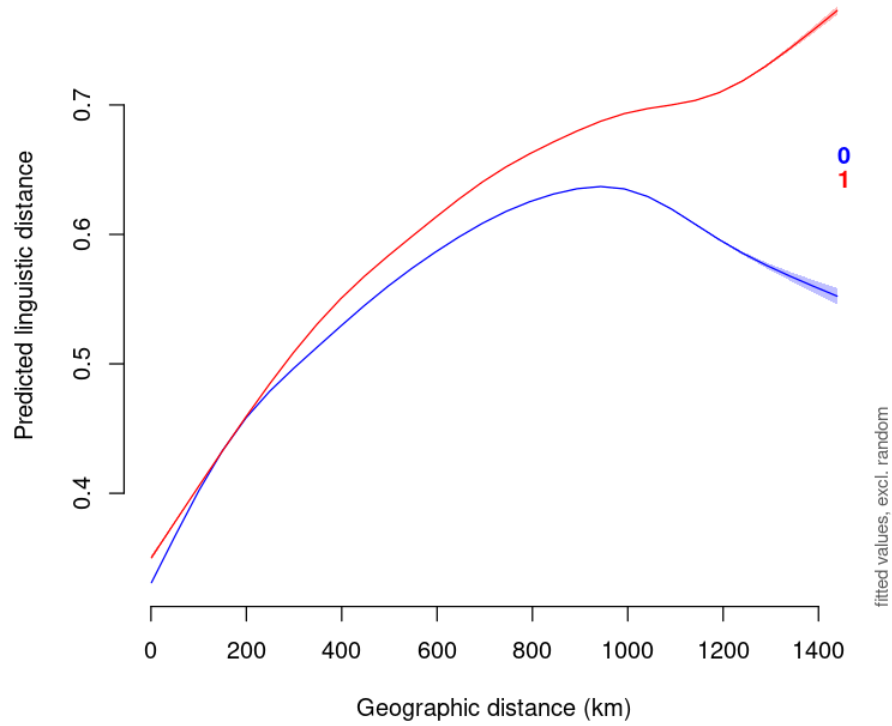

Fig. 10. Predicted effect of geographic distance on linguistic distance when biomes are same (bottom curve) or different (top curve)

Recalling the earlier results pointing to a basic two-way split of Russian dialects and relating that to the fact that nearly the entire area is also ecologically speaking binary — divided into taiga in the north vs. forest in the south — we would expect borders between dialect groups and biomes to coincide. It was, however, not possible to select a single, optimal classification. So it is not clear which classification should be compared to the biome map. The ‘best’ classification (by two of the criteria applied) was the one for UPGMA, shown in Figure 2. Intriguingly, this does not provide a good fit with the west-by-east biome border, even if it also divides the area into a northern vs. southern part. Among the five clusterization methods used, it is ward.D2 and WPGMA that show the best fit to the biome distribution when $k=2$. A comparison between these classifications and the biome map is shown in Figure 11. We see a quite impressive match for most of the ranges of the two borders, with the greatest coincidence in the east and a break-down of the agreement in the northwest. The northwest has a mixture of biomes, whereas this subarea area is classified with the north for ward.D2 and with the south for WPGMA.

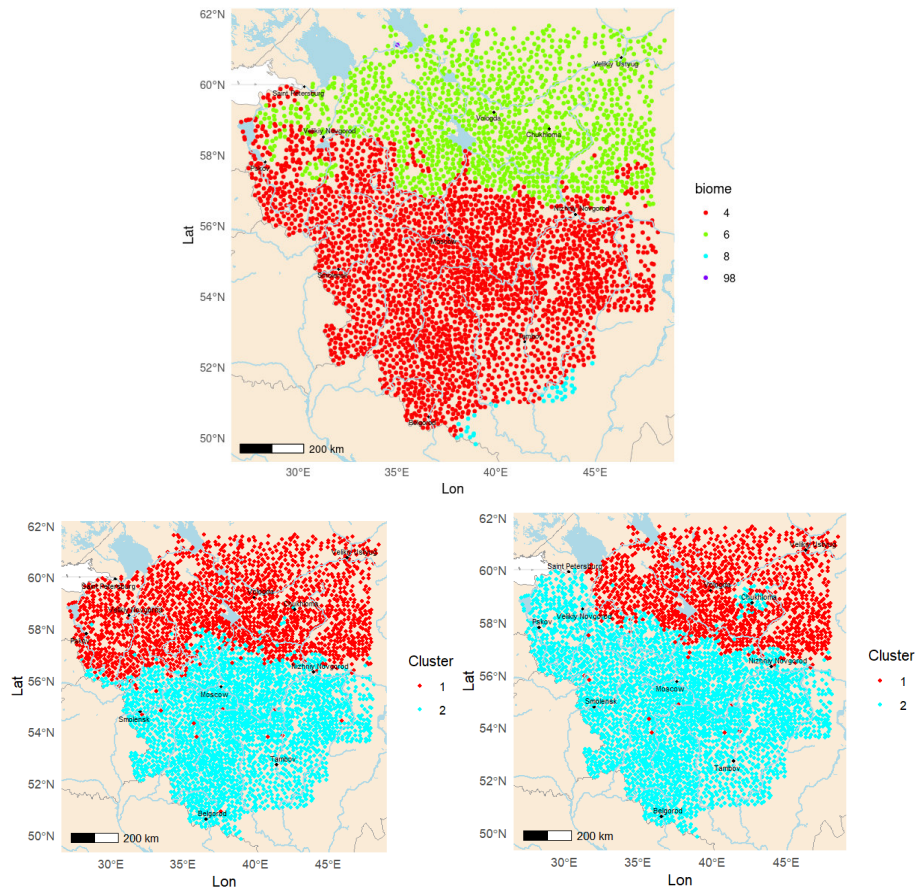

Fig. 11a–c. Comparison between the map of biomes (top) and the classification by ward.D2, $k=2$ (left bottom) and WPGMA, $k=2$ (right bottom)

6.2. Rivers

The previous subsection showed that being in different biomes means a greater linguistic distance, especially as the geographical distance exceeds around 200 km. We may similarly ask whether being separated or not by a river has an effect on the linguistic distance. Since this question has the same structure, we can carry out a similar analysis.

Again we formulate a GAM, this time with a variable called ‘rivers’, encoding presence (1) or absence (0) of one or more rivers intercepting a trip as the crow flies between two locations. In the data we find anywhere from 1 to 10 rivers separating two locations, but we do not expect the exact number to have an interpretable effect since more rivers generally means a greater distance (geographical distance and the number of rivers correlate as $r = .77$), and a greater distance, in turn, means added probability of confounding effects of other fac-

tors. Moreover, we want to be able to make comparisons of different effects on linguistic distances which are all encoded as binary. Thus, we reduce the data on the presence of rivers to a binary representation. Finally, since the maximal distance between two locations not separated by a river is 765 km, we only look at distances less than that, choosing 750 km as the maximum. The model, then, looks as follows:

```
bam_model <- bam(
  lingdist ~ rivers + s(geodist, by = rivers),
  data = df,
  method = "fREML"
)
```

The output is as follows:

```
Family: gaussian
Link function: identity

Formula:
lingdist ~ rivers + s(geodist, by = rivers)

Parametric coefficients:
            Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
(Intercept)  0.529009   0.002767 191.178 < 2e-16 ***
rivers1      0.015872   0.002767   5.735 9.72e-09 ***
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Approximate significance of smooth terms:
            edf Ref.df    F p-value
s(geodist):rivers0 8.270 8.641 24715 <2e-16 ***
s(geodist):rivers1 8.966 8.999 406765 <2e-16 ***
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

R-sq.(adj) = 0.437  Deviance explained = 43.7%
fREML = -7.8289e+06 Scale est. = 0.005709 n = 6726444
```

In this output the intercept of 0.529 is the estimated baseline linguistic distance when the two locations are in the same spot and not separated by a river. Rivers1 indicate a small added linguistic distance of 0.016 when one or more rivers separate locations. Both smooths are statistically significant ($p < 10e^{-9}$), and they are also highly nonlinear. The model explains close to 44 % of the variance, which is quite a lot less than the 52.9 % of the model including biomes.

While useful for showing that there is a statistically significant albeit small effect of rivers on the linguistic distance, the model is too monolithic, because it

turns out that the effect shifts direction with geographical distance. When we plot the curves predicted by the model (Figure 12), we see that it is only for distances approximately in the interval 130–550 km that rivers induce increased linguistic distances — for smaller geographic distances linguistic distances are smaller when there is an intervening river. Thus, it is hard to avoid the interpretation that rivers, as a rule, connect rather than separate people at relatively short distances (< 130 km), whereas the tendency is for a separating effect to set in at greater distances. While not highly conclusive in themselves these findings indicate that it would be meaningful to investigate the role of river transportation among early Russian populations. Perhaps regular interaction could be maintained through river transportation up to a distance of some 100+ km while the character of interactions involving river transportation would change at larger distances. While fascinating, this topic must remain an item for future research.

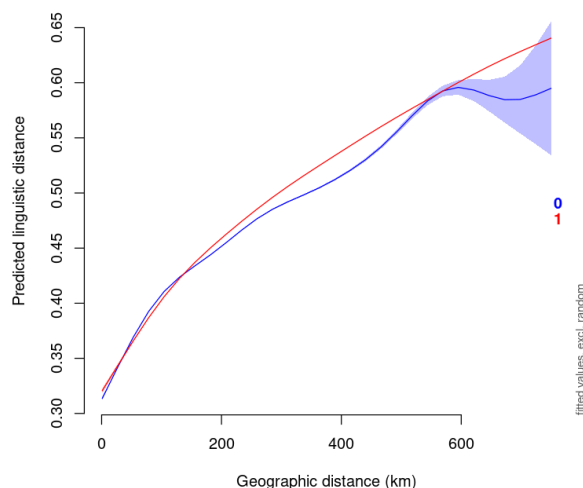

Fig. 12. Predicted effect of geographic distance when locations are not separated by one or more rivers (encoded as 0) and when they are (encoded as 1)

7. Influence of administrative divisions

Just as features of the natural landscape influence the configuration of dialects, so could features of the cultural landscape, such as administrative borders. Other studies have shown that administrative borders, either within countries ([Honkola et al. 2018] on Finnish) or between them ([Onea Gaspar, Scherr 2024] on German) can influence dialect distributions. Here we look at three major divisions of Russia, *knjažestvo* (‘principality’), *oblast’* (roughly ‘province’) and *rajon* (roughly ‘district’). Henceforth we write these as *knjažestvo*, *oblast* and *rajon*, in normal font. In the next subsection, before describing the analyses, we provide some basic historical background.

*7.1. The history of the development
of the administrative-territorial division of Russia*

In order to investigate whether there is a correspondence between dialect borders and territorial divisions it is useful to consider changes throughout time of such divisions. Here we give a historical overview based on [Тапхов 2005] and [Щекочихин 2016]. We focus mainly on larger administrative units and only note the general tendencies, without attempting to trace changes in exact ways.

In the initial historical period of Slavic nations (9th–12th centuries), the basic territorial unit was the ‘land’ (zemlja), a composition of a senior city, its suburbs, and subordinate volosts. In this period, lands were often grouped into semi-independent knjažestvos, which were typically governed by members of ruling families. Each knjažestvo included a central city, smaller towns, fortifications, and rural districts, with power concentrated in the senior city.

From the late 12th to the early 16th century, the fragmentation of the Russian lands into feudal knjažestvos was gradually offset by emerging economic ties. Under Vasilij Dmitrievič (1389–1425), the authority of the Grand Prince of Moscow strengthened, and a process of administrative centralization began. This policy led to the creation of uezds as administrative-territorial units, whose borders generally followed those of the former knjažestvos. Uezds consisted of towns and volosts, with voivodes appointed to enforce central authority.

By the late 17th century, the uezd had become the main unit of local administration. At the same time, military-administrative districts called razrjads were established in border regions, which later served as precursors to the larger gubernijas. The gubernijas were first introduced by Peter I in 1708 as part of his First Petrine Reform. Subsequent administrative changes culminated in the 1727 Reform, when gubernijas and provinces (provincijas) were subdivided into uezds. Following this reform, the Russian Empire comprised 14 gubernijas and approximately 250 uezds.

Catherine II’s reform in 1775 further refined this structure. Instead of the previous three-level division of territory into gubernijas, provinces, and uezds, a two-level division into gubernijas and uezds was introduced, based on the criterion of the taxpaying population’s size. In the 19th century, volosts were established as the lowest level of rural administration, and zemstvos were introduced as local self-government bodies. By the early 20th century, within the territory of the modern Russian Federation, and following the social changes linked to the abolition of serfdom and urbanization, there were 36 gubernijas, 376 uezds, and 10606 volosts.

In the early years of Soviet power, there was a change in the previous gubernija-based territorial division. In 1929 gubernijas were replaced by oblasts and krajs, while the oblasts were divided directly into rajons and krajs included autonomous oblasts and national (later autonomous) okrugs. Through the mid-20th century, the structure was refined through the creation, abolition, and renaming of oblasts and autonomous units, yet the oblast/kraj–rajon framework remained stable.

After 1993, the Constitution of the Russian Federation made all large territorial units federal subjects, bringing republics, krajs, oblasts, autonomous okrugs, and the autonomous oblast into a unified federal system. In 2000, eight federal okrugs were established, each headed by a presidential representative, and between 2003 and 2008, selective regional mergers consolidated several complex regions. This system, with oblasts and rajons as its principal units, is still maintained as the current administrative division.

The assignment of oblasts and rajons to the data collection sites of DARJa reflects the time of data collection. Naturally, if we see any effects of administrative divisions on linguistic distances among the dialects these effects would hark back to earlier times, because linguistic change does not happen overnight; but it is challenging to identify the point in time when administrative divisions had the most decisive influence. Ideally, we should investigate the effects on linguistic distances for all administrative divisions since the 12th century, including different levels, and then compare measured effects, but we do not currently have access to the dozens of maps that would be needed, so here we present results for only the early (12th century) division into knjažestvos and the recent (20th century) division into oblasts and rajons. For the former, we identified the membership of DARJa locations in each knjažestvo using Map 11 in the Phonetics volume of DARJa [Аванесов, Бромлей 1986], which conveniently shows these divisions. It should be mentioned that a large, eastern part of the area covered by DARJa was not divided into knjažestvos, so only 2705 out of the 4193 locations could be classified according to this category. For oblasts and rajons we used the assignment of DARJa villages to these two categories according to [Мораховская 1996].

Once again we formulate GAM models, encoding ‘same’ (knjažestvo, oblast or rajon) as ‘0’ and ‘different’ as ‘1’, and then go on to check the effect of being in different as opposed to same divisions when controlling for geography.

7.2. *Knjažestvos*

Starting with the model for knjažestvos, this is formulated as follows:

```
bam_model_knjaZestvo <- bam(
  lingdist ~ knjaZestvo + s(geodist, by = knjaZestvo),
  data = df2,
  method = "fREML"
)
```

Results:

Family: gaussian

Link function: identity

Formula:

```
lingdist ~ knjaZestvo + s(geodist, by = knjaZestvo)
```

```

Parametric coefficients:
      Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
(Intercept)  0.5406112  0.0001548 3491.4  <2e-16 ***
knjaZestvo1  0.0351712  0.0001611  218.3  <2e-16 ***
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Approximate significance of smooth terms:
      edf Ref.df    F p-value
s(geodist):knjaZestvo0 8.882 8.991 79001 <2e-16 ***
s(geodist):knjaZestvo1 8.975 9.000 326184 <2e-16 ***
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

R-sq. (adj) = 0.617  Deviance explained = 61.7%
fREML = -4.5902e+06 Scale est. = 0.0044765 n = 3570759

```

According to these results a 0.035 added linguistic distance on average comes from being in different knjažestvos, and this is highly significant. Modeling linguistic distances as a function of geography is highly significant whether we look at the same-knjažestvo or the different-knjažestvo data, and both are non-linear relationships. The model explains 61.7 % of the variance. When also graphing the relationships, as in Figure 13, we see that the effect of being in different knjažestvo generally grows with distance throughout most of the range of the data.

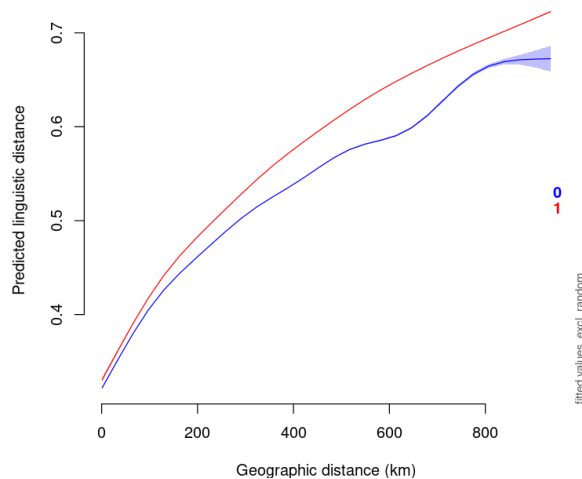

Fig. 13. Predicted effect of geographic distance on linguistic distance when knjažestvos are same (bottom curve) or different (top curve)

7.3. Oblasts

The model for oblasts is:

```
bam_model_oblast <- bam(
  lingdist ~ oblast + s(geodist, by = oblast),
  data = df3,
  method = "fREML"
)
```

The summary of the results is:

```
Family: gaussian
Link function: identity

Formula:
lingdist ~ oblast + s(geodist, by = oblast)

Parametric coefficients:
      Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
(Intercept) 0.4647425 0.0007046 659.55 <2e-16 ***
oblast1     0.0679877 0.0007054  96.38 <2e-16 ***
---
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Approximate significance of smooth terms:
      edf Ref.df    F p-value
s(geodist):oblast0 8.865 8.989 11568 <2e-16 ***
s(geodist):oblast1 8.940 8.998 348672 <2e-16 ***
---
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

R-sq.(adj) = 0.414 Deviance explained = 41.4%
fREML = -7.0299e+06 Scale est. = 0.0055943 n = 5987768
```

We see that, on average, a 0.068 added linguistic distance comes from being in different oblasts, and this is highly significant, as is modeling linguistic distances as a function of geography whether we look at the same-oblast or the different-oblast data. Both are non-linear relationships. The model explains 41.4 % of the variance — much less than the 61.7 % for the knjažestvo model. The graph of the relationships in Figure 14 shows that being in different oblasts begins to make a greater difference beyond a distance of around 200 km.

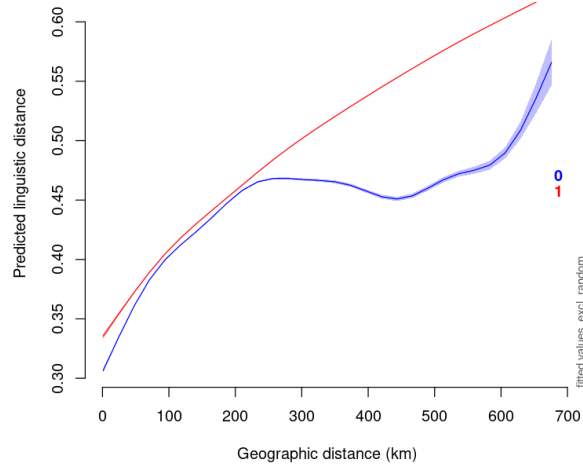

Fig. 14. Predicted effect of geographic distance on linguistic distance when oblasts are same (bottom curve) or different (top curve)

7.4. Rajons

Proceeding to the model for rajons, this is formulated as follows:

```
bam_model_rajon <- bam(
  lingdist ~ rajon + s(geodist, by = rajon),
  data = df4,
  method = "fREML"
)
```

The results are:

```
Family: gaussian
Link function: identity

Formula:
lingdist ~ rajon + s(geodist, by = rajon)

Parametric coefficients:
      Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
(Intercept) 0.385894  0.006164 62.607 <2e-16 ***
rajon1      0.011164  0.006164  1.811  0.0701 .
---
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Approximate significance of smooth terms:
      edf Ref.df  F p-value
s(geodist):rajon0 7.095 7.867 341 <2e-16 ***
```

```

s(geodist):rajon1 8.796 8.975 6824 <2e-16 ***
---
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

R-sq.(adj) = 0.169 Deviance explained = 16.9%
fREML = -5.9857e+05 Scale est. = 0.0030482 n = 405121

```

Here we see that, on average, a mere 0.011 added linguistic distance comes from being in different rajons, and this is not significant ($p = 0.07$). Modelling linguistic distances as a function of geography is highly significant whether we look at the same-rajon or the different-rajon data separately, and both relationships are non-linear. The model explains only 16.9 % of the variance. Plotting the relationships (Figure 15) adds information to the numbers just cited, which somewhat monolithically generalize over the whole range of the relationships. The plot shows separate curves for same-rajon and different-rajon pairs up to a point at around 100 km distance when the curves begin to merge. So the small effect of being in different rajons, while it overall fails to meet the 0.05 alpha-level criterion, seems to be real for most of the geographical range.

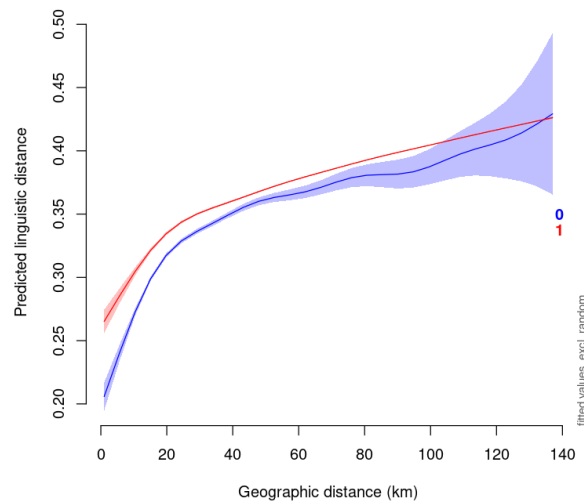

Fig. 15. Predicted effect of geographic distance on linguistic distance when rajons are same (bottom curve) or different (top curve)

7.5. Discussion of results for administrative divisions

We have seen that borders between knjažestvos have a substantial effect on linguistic distances when controlling for geographic distance. This finding aligns well with observations by [Аванесов 1952], who located the emergence of one of the most important East Slavic isoglosses — the *akan'e* — within the territories of specific knjažestvos, namely the Rjazan', Novgorod-Seversk, and Čer-

nigov knjažestvos of the 12th–13th centuries [Аванесов 1952: 43]. An effect, albeit a smaller one, is also seen for oblasts. Since the oblasts, with many additions and changes, ultimately developed out of the knjažestvos and since the latter have the greater effect we should disregard oblasts in a combined explanatory model. The smaller units — rajons — can also be disregarded since their effect was found to be negligible, although it is apparently not completely spurious.

We should keep in mind that although knjažestvos offer the best explanation for the patterning of Russian dialects among the administrative divisions investigated there might be later divisions that would show a greater measurable effect. Moreover, there could be ethnic or historical factors that codetermine knjažestvos and dialects or there could even be an effect from dialects on knjažestvos rather than or in addition to the other way around. A more detailed study of interacting factors would require closer attention to history than we are ready to offer here. For instance, it has been observed [Аванесов 1952] that political changes, such as the incorporation of the Verxovskie knjažestva and Kursk into the Grand Duchy of Lithuania, likely contributed to the spread of *akan'e* into the northern East Slavic dialects of Lithuania. However, he also concluded (with regard to the Rjazan' region), that even when isoglosses do not exactly match political borders, they may still roughly align with the direction of historical boundaries [Аванесов 1952: 41–42]. Such pointers support our statistically-based findings that there is a highly significant relationship between the configuration of dialects and old administrative divisions.

8. Comparing the contributions of different factors to explaining linguistic distances

We have looked at the influence of geographical distances, biomes, rivers, knjažestvos, oblasts, and rajons on linguistic distances. The effect (if any) of rajons can be ignored, and oblasts are in a sense subsumed by knjažestvos. For the remaining variables we would like to know whether each of them is still significant when all are combined and we would also like to assess their individual, relative contributions to the explained variance. For these purposes we again formulated a GAM model, but this time combining the variables (`lingdist ~ s(geodist) + biome_difference + rivers + knjažestvo`). The data was reduced to pairs of locations at most 750 km apart in order since 765 km is the upper limit for the river data.

The results indicate that all variables remain significant. As for their respective influence, this is assessed by dropping each predictor and subtracting the variance explained for each reduced model from the variance explained by the full model (which is 63.8 %). The contributions (in percentages) of variance explained by each predictor (variable) are displayed in Figure 16. The ranking of relative contributions of geography, knjažestvos, biomes, and rivers is not surprising given our findings from investigating them individually, but the barplot additionally brings out the huge relative contribution of geographic distances alone.

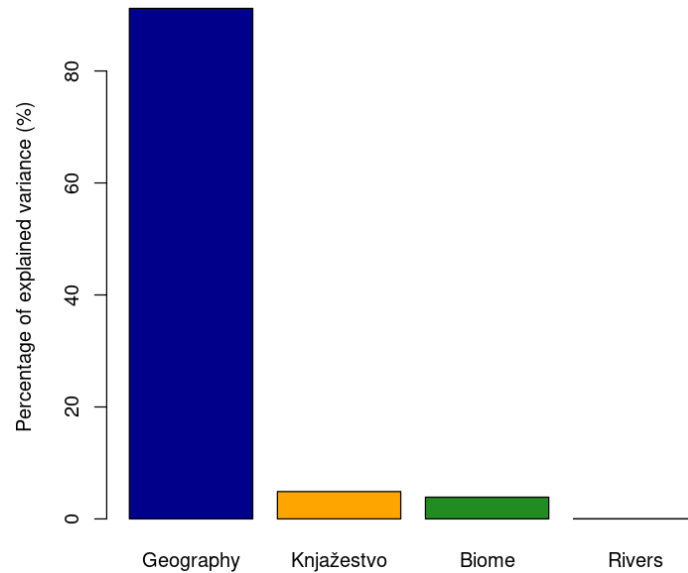

Fig. 16. Relative contribution to variance explained by each predictor

9. Conclusions and items for future research

With this paper we have attempted to provide a foundation for the study of Russian dialectometry by, first, making available data extracted from the *Dialectological Atlas of the Russian Language* in a fully processed form that will facilitate further work and, secondly, by presenting some basic analyses bringing out useful information about the configuration of the dialects and conditions for how they configure. These analyses aim at addressing relatively generic questions leaving much to be explored in future, more detailed work.

We have proposed a way to compute linguistic distances among the locations in the atlas and we applied the matrix of distances in different analyses. In one analysis we attempted to validate different clusterization methods and numbers of clusters, optimizing different criteria. This did not lead to a single best classification, but to various classifications revealing potentially important aspects of the population history underlying the distribution of Russian dialectal features. Looking at possible roles of the environment we found a strong influence of being in different biomes on the relationship between geographic and linguistic distances. The fundamental split of the area into the northern taiga and the southern forests moreover mirrors a fundamental two-way division of Russian dialects, with borders aligning closely or less closely depending on the classification method applied. Rivers also have a role to play, albeit the effect here is much smaller and also somewhat ambiguous: rivers seem to connect dialects at relatively short distances (< 130 km), while inducing greater differences at lar-

ger geographic distances. For administrative units we found that being in different knjažestvos or, to a lesser degree, different oblasts, means added differences when controlling for geography, particularly at relatively large geographic distances. Being in different rajons (the smaller units) either matters a bit or not at all, depending on the degree of conservatism with which one interprets the outcomes. Combined, geographic distances, biomes, rivers, and knjažestvos all remain significant as predictors, but geographic distance is a vastly more important predictor than any of the others.

We believe that the continued study of Russian dialects has a potential for revealing information about population movements and networks of interaction in different periods, from Medieval times onwards. Some of these possibilities include the identification of directions of early inroads from the east, patterns of later patterns of settlements of the north, and instances of migration as revealed by dialect ‘islands’ (e.g., Chukhloma) or smaller outliers. Work on these topics will require attention to archaeological evidence, historical sources, ethnographic data, and both human and natural geography, all of which lies beyond the scope of the present paper.

Acknowledgements

S. W. and D. J. were supported by the Deutsche Forschungsgemeinschaft (German Research Foundation) under Germany’s Excellence Strategy, Grant number EXC 2150 390870439. We are very grateful for constructive comments from Wilbert Heeringa and two anonymous reviewers.

Supporting Materials

All code, data, and results for this paper is available at <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/85ZS6>.

Литература

- Аванесов 1947 — Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка / Р. И. Аванесов (ред.). М.; Л., 1947.
- Аванесов 1952 — Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 25–47.
- Аванесов, Орлова 1964/1965 — Русская диалектология / Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова (ред.). М.: Наука, 1964/1965.
- Аванесов, Бромлей 1986 — Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части СССР). Карты. Вып. I: Фонетика / Р. И. Аванесов, С. В. Бромлей (гл. ред.); С. В. Бромлей, Т. Ю. Строганова (ред. тома). М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1986.

Аванесов, Бромлей 1989 — Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части СССР). Карты. Вып. II: Морфология / Р. И. Аванесов, С. В. Бромлей (гл. ред.); С. В. Бромлей (ред. тома). М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1989.

Аванесов, Бромлей 1997 — Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части России). Карты. Вып. III, ч. 1: Лексика / Р. И. Аванесов, С. В. Бромлей (гл. ред.); О. Н. Мораховская (ред. тома). Минск: ГП «Минская печатная фабрика», 1997.

Аванесов, Бромлей 2005 — Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части России). Карты. Вып. III, ч. 2: Синтаксис, Лексика / Р. И. Аванесов, С. В. Бромлей (гл. ред.); О. Н. Мораховская (ред. тома). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2005.

Бурова, Касаткин 1977 — Е. Г. Б у р о в а, Л. Л. К а с а т к и н. Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку / Р. И. Аванесов, Ю. С. Азарх, Л. Н. Булатова, В. В. Иванов (ред.). М.: Наука, 1977. С. 64–85.

Дурново и др. 1915 — Н. Н. Д у р н о в о, Н. Н. С о к о л о в, Д. Н. У ш а к о в. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.

Захарова, Орлова 1970 — К. Ф. З а х а р о в а, В. Г. О р л о в а. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.

Кузьмина, Манусов 2024 — А. С. К у з ь м и н а, А. В. М а н у с о в. Диалектометрический подход к диалектной классификации восточнославянских языков на материале сборника «Восточнославянские изоглоссы» // *Journal of Language Relationship* — Вопросы языкового родства. 2024. № 22: 3–4. С. 342–366.

Марченко, Ронько 2025 — И. А. М а р ч е н к о, Р. В. Р о н ь к о. Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования // *Исследования по славянской диалектологии*. 2025. № 25. С. 236–259.

Мораховская 1996 — О. Н. М о р а х о в с к а я (ред.). Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 3: Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат. М.: Наука, 1996.

Николаев 1988 — С. Л. Н и к о л а е в. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // *Балто-славянские исследования (БСИ)* 1986. 1988. С. 115–154.

Николаев 1994 — С. Л. Н и к о л а е в. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // *Вопросы языкознания*. 1994. № 3. С. 23–49.

Николаев 2011 — С. Л. Н и к о л а е в. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // *Славяноведение*. 2011. № 6. С. 3–19.

Пшеничнова 1988 — Н. Н. П ш е н и ч н о в а. Автоматизированный вариант диалектологического атласа русского языка. М.: Лингвистические задачи и обработка данных на ЭВМ, 1988.

Пшеничнова 1996 — Н. Н. П ш е н и ч н о в а. Типология русских говоров. М.: Наука, 1996.

Пшеничнова 2008 — Н. Н. П ш е н и ч н о в а. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М.: Азбуковник, 2008.

Тархов 2005 — С. А. Т а р х о в. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // *Logos*. 2005. № 46: 1. С. 65–101.

Щекочихин 2016 — В. В. Щекочихин. История развития административно-территориального деления России // Проблемы экономики и менеджмента. 2016. № 12: 64. С. 72–78.

Bateson 1935 — G. Bateson. Culture contact and schismogenesis // *Man*. 1935. Vol. 35. P. 178–183.

Goebel 1983 — H. Goebel. „Stammbaum“ und „Welle“. Vergleichende Betrachtungen aus numerisch-taxonomischer Sicht // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 1983. Vol. 2: 1. S. 3–44.

Goebel 2006 — H. Goebel. Dialektometrie. Prinzipien und Methoden des Einsatzes der Numerischen Taxonomie im Bereich der Dialektgeographie (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften 157). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2006.

Haag 1898 — K. Haag. Die Mundarten des oberen Neckar- und Donaulandes (schwäbisch-alemannisches Grenzgebiet: Baarmundarten). Reutlingen: Buchdruckerei E. Hutzler, 1898.

Heeringa 2004 — W. Heeringa. Measuring dialect pronunciation differences using Levenshtein distance. PhD dissertation, University of Groningen, 2004.

Hennig 2007 — C. Hennig. Cluster-wise assessment of cluster stability // *Computational Statistics & Data Analysis*, 2007. Vol. 52. P. 258–271.

Hennig 2024 — C. Hennig. fpc: Flexible procedures for clustering. <https://CRAN.R-project.org/package=fpc>.

Honkola et al. 2018 — T. Honkola, K. Ruokolainen, K. J. J. Syrjänen, U.-P. Leino, I. Tammi, N. Wahlberg, O. Vesakoski. Evolution within a language: Environmental differences contribute to the divergence of dialect groups // *BMC Evolutionary Biology*. 2018. Vol. 18. P. 132.

Hubert, Arabie 1985 — E. Hubert, P. Arabie. Comparing partitions // *Journal of Classification*. 1985. Vol. 2. P. 193–218.

Isaev et al. 2016 — I. Isaev, V. Solov'ev, F. Salimov, A. Piljugin, V. Bairasheva. Creating a database of Russian dialects and prospects for dialectometric studies // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2016. Vol. 86: 6. P. 448–453.

Labov et al. 2006 — W. Labov, S. Ash, C. Boberg. The Atlas of North American English: Phonetics, phonology, and sound change; a multimedia reference tool. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.

Maechler et al. 2025 — M. Maechler, P. Rousseeuw, A. Struyf, M. Hubert, K. Hornik. cluster: Cluster analysis basics and extensions. <https://CRAN.R-project.org/package=cluster>, 2025.

Marchenko 2023 — I. Marchenko. Building a classification of Russian dialects using multidimensional scaling. BA thesis, Higher School of Economics, Moscow. Available at https://www.academia.edu/106488868/Bulding_A_Classification_of_Russian_Dialects_Using_Multidimensional_Scaling.

Massicotte, South 2023 — P. Massicotte, A. South. rnatuarearth: World map data from natural earth. <https://CRAN.R-project.org/package=rnatuarearth>, 2023.

McQuitty 1966 — L. L. McQuitty. Similarity analysis by reciprocal pairs for discrete and continuous data // *Educational and Psychological Measurement*. 1966. Vol. 26. P. 825–831.

Mucha, Haimel 2005 — H. J. Mucha, E. Haimel. Automatic validation of hierarchical cluster analysis with application in dialectometry // *Classification — the*

Ubiquitous Challenge. Proc. of 28th Mtg Gesellschaft für Klassifikation, Dortmund, Mar. 9–11, 2004 / C. Weihs, W. Gaul (eds.). Berlin: Springer, 2005. P. 513–520.

Murtagh, Legendre 2014 — F. Murtagh, P. Legendre. Ward's hierarchical agglomerative clustering method: which algorithms implement Ward's criterion? // *Journal of Classification*. 2014. Vol. 31. P. 274–295.

Nerbonne, Heeringa 1997 — J. Nerbonne, W. Heeringa. Measuring dialect distance phonetically // *Computational Phonology: Third Meeting of the ACL Special Interest Group in Computational Phonology*. <https://aclanthology.org/W97-1102/>

Nerbonne, Kleiweg 2007 — J. Nerbonne, P. Kleiweg. Toward a dialectological yardstick // *Journal of Quantitative Linguistics*. 2007. Vol. 14: 2–3. P. 148–166.

Nerbonne et al. 1999 — J. Nerbonne, W. Heeringa, P. Kleiweg. Edit distance and dialect proximity // *Time Warps, String Edits and Macromolecules: The Theory and Practice of Sequence Comparison*, 2nd ed. / D. Sankoff, J. Kruskal (eds.). Stanford, CA: CSLI, 1999. P. V–XV.

Olson, Dinerstein 1998 — D. M. Olson, E. Dinerstein. The Global 200: A representation approach to conserving the Earth's most biologically valuable ecoregions // *Conservation Biology*. 1998. Vol. 12. P. 502–515.

Olson et al. 2001 — D. M. Olson, E. Dinerstein, E. D. Wikramanayake, N. D. Burgess, G. V. N. Powell, E. C. Underwood, J. A. D'Amico, I. Itoua, H. E. Strand, J. C. Morrison, C. J. Loucks, T. F. Allnutt, T. H. Ricketts, Y. Kura, J. F. Lamoreux, W. W. Wettengel, P. Hedao, K. R. Kassem. Terrestrial ecoregions of the world: a new map of life on Earth // *BioScience*. 2001. Vol. 51: 11. P. 933–938.

Onea Gaspar, Scherr 2024 — E. Onea Gaspar, E. Scherr. Sprachgeschichte(n) und die Rolle der Grenzen: Linguistische, geographische und historische Distanz // *Jahrbuch für germanistische Sprachgeschichte*. 2024. Vol. 15: 1. S. 10–28.

Prokić, Nerbonne 2008 — J. Prokić, J. Nerbonne. Recognising groups among dialects // *International Journal of Humanities and Arts Computing*. 2008. Vol. 2: 1–2. P. 153–172.

R Core Team 2024 — R Core Team. R: a language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. <https://www.R-project.org/>, 2024.

Rousseeuw 1987 — P. J. Rousseeuw. Silhouettes: A graphical aid to the interpretation and validation of cluster analysis // *Journal of Computational and Applied Mathematics*. 1987. Vol. 20. P. 53–65.

Saitou, Nei 1987 — N. Saitou, M. Nei. The neighbor-joining method: a new method for reconstructing phylogenetic trees // *Molecular Biology and Evolution*. 1987. Vol. 4. P. 406–425.

Séguy 1971 — J. Séguy. La relation entre la distance spatiale et la distance lexicale // *Revue de Linguistique Romane*. 1971. Vol. 35: 138. P. 335–357.

Séguy 1973 — J. Séguy. La dialectométrie dans l'Atlas linguistique de la Gascogne // *Revue de Linguistique Romane*. 1973. Vol. 37. P. 1–24.

Shahapure, Nicholas 2020 — K. R. Shahapure, C. Nicholas. Cluster quality analysis using silhouette score // *2020 IEEE 7th International Conference on Data Science and Advanced Analytics (DSAA)*. P. 747–748. <https://doi.org/10.1109/DSAA49011.2020.00096>

Sneath, Sokal 1973 — P. H. A. Sneath, R. R. Sokal. *Numerical Taxonomy*. San Francisco: W. H. Freeman and Company, 1973.

Sokal, Michener 1958 — R. R. Sokal, C. D. Michener. A statistical method for evaluating systematic relationships // University of Kansas Science Bulletin. 1958. Vol. 38. P. 1409–1438.

Sørensen 1948 — T. Sørensen. A method of establishing groups of equal amplitude in plant sociology based on similarity of species content and its application to analyses of the vegetation on Danish commons // Biologiske Skrifter. 1948. Vol. 5: 4. P. 1–34.

Van Rij et al. 2022 — J. van Rij, M. Wieling, R. H. Baayen, H. van Rij. *itsadug*: Interpreting time series and autocorrelated data using GAMMs. R package version 2.4.1, 2022.

Ward 1963 — J. H. Ward, Jr. Hierarchical grouping to optimize an objective function // Journal of the American Statistical Association. 1963. Vol. 58. P. 236–244.

Wieling 2012 — M. Wieling. A quantitative approach to social and geographical dialect variation. PhD dissertation, University of Groningen, 2012.

Wiemer, Erker 2012/2013 — B. Wiemer, A. Erker. Übergangs- und Mischdialekte — eine unnötige begriffliche Differenzierung? // Zeitschrift für slavische Philologie. 2012/2013. Vol. 69: 1. P. 1–54.

Wiemer, Seržant 2014 — B. Wiemer, I. A. Seržant. East Slavic dialectology: its achievements and perspectives of areal linguistics // Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects (Slavica Bergensia 12) / I. A. Seržant, B. Wiemer (eds.). Bergen: University of Bergen, 2014. P. 11–80.

Wood 2017 — S. N. Wood. Generalized Additive Models: An Introduction with R (2nd ed.). New York: Chapman and Hall/CRC, 2017.

Статья получена 19.09.2025

Сёрен Вихманн
Кильский университет
(Киль, Германия)
wichmannsoeren@gmail.com

Дарья Йонич
Кильский университет
(Киль, Германия)
darjajonjic@gmail.com

Матиас Гусман Наранхо
Бергенский университет
(Берген, Норвегия)
mguzmann89@gmail.com

ОСНОВЫ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОМЕТРИИ

В статье анализируются данные из Дialeктологического атласа русского языка. Полевые исследования, лежащие в его основе, проводились в середине XX в., а сам атлас публиковался в период с 1986 по 2005 г. Поскольку первичные материалы ныне недоступны, данные для настоящего исследования были извлечены кос-

венным образом — с физических карт. Одна часть анализа носит сугубо диалектометрический характер и сосредоточена на вычислении лингвистических расстояний и валидации кластеров. Другая направлена на выявление факторов, определяющих распределение междиалектных расстояний: рассматривается влияние некоторых географических параметров, в частности биомов и речной сети, а также крупных административно-территориальных делений России. Наш анализ не является исчерпывающим, поэтому в заключительном разделе, помимо выводов, мы также обсуждаем возможные направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова: русский язык, диалектометрия, диалектология, экология, биомы, реки, история, иерархическая кластеризация, валидация кластеров, метод Уорда, UPGMA, WPGMA.

References

- Avanesov, R. I. Orlova V. G. (eds.) (1964/1965). *Russkaia dialektologiiia* [Russian dialectology]. Moscow: Nauka.
- Avanesov, R. I., Bromlej, S. V. (eds.) (1986). *Dialektologicheskii atlas russkogo iazyka (tsentr ievropeiskoi chasti SSSR). Karty. Vypusk I: Fonetika*. [Dialectological Atlas of the Russian Language (Center of the European Part of Russia. Maps), Vol. 1: Phonetics] / T. Ju. Stroganova (volume editor). Moscow: Glavnoie Upravlenie Geodezii i Kartografii pri Sovete Ministrov SSSR.
- Avanesov, R. I., Bromlej, S. V. (eds.) (1989). *Dialektologicheskii atlas russkogo iazyka (tsentr ievropeiskoi chasti SSSR). Karty. Vypusk II: Morfologiiia*. [Dialectological Atlas of the Russian Language (Center of the European Part of USSR. Maps), Vol. 2: Morphology] / S. V. Bromlej (volume editor). Moscow: Glavnoe Upravlenie Geodezii i Kartografii pri Sovete Ministrov SSSR.
- Avanesov, R. I., Bromlej, S. V. (eds.) (1997). *Dialektologicheskii atlas russkogo iazyka (tsentr ievropeiskoi chasti SSSR). Karty. Vypusk III, chast' 1: Leksika*. [Dialectological Atlas of the Russian Language (Center of the European Part of Russia), Vol. 3, Part 1: Lexicon] / O. N. Morakhovskaia (volume editor). Minsk: GP "Minskaia Pechatnaia Fabrika".
- Avanesov, R. I., Bromlej, S. V. (eds.) (2005). *Dialektologicheskii atlas russkogo iazyka (tsentr ievropeiskoi chasti SSSR). Karty. Vypusk III, chast' 2: Sintaksis, Leksika*. [Dialectological Atlas of the Russian Language (Center of the European Part of Russia), Vol. 3, Part 2: Syntax, Lexicon] / O. N. Morakhovskaia (volume editor). Moscow: Institut Russkogo Iazyka Im. V. V. Vinogradova R.A.N.
- Burova, E. G., Kasatkin, L. L. (1977). Chuxlonskoe akan'e [Čuxloma akan'e]. In *Dialektologicheskie issledovaniia po russkomu iazyku* [Dialectological studies on the Russian language] / R. I. Avanesov, Ju. S. Azarkh, L. N. Bulatova, V. V. Ivanov (eds.) (pp. 64–85). Moscow: Izdatel'stvo "Nauka".
- Goebel, H. (1983). „Stammbaum“ und „Welle“. Vergleichende Betrachtungen aus numerisch-taxonomischer Sicht. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2, 3–44.
- Goebel, H. (2006). *Dialektometrie. Prinzipien und Methoden des Einsatzes der Numerischen Taxonomie im Bereich der Dialektgeographie* (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften 157). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

- Heeringa, W. (2004). *Measuring dialect pronunciation differences using Levenshtein distance*. PhD diss., University of Groningen.
- Hennig, C. (2007). Cluster-wise assessment of cluster stability. *Computational Statistics & Data Analysis*, 52, 258–271.
- Hennig, C. (2024) — C. Hennig. *Flexible procedures for clustering*. <https://CRAN.R-project.org/package=fpc>.
- Honkola, T., Ruokolainen, K., Syrjänen, K. J. J., Leino, U.-P., Tammi, I., Wahlberg, N., Vesakoski, O. (2018). Evolution within a language: Environmental differences contribute to the divergence of dialect groups. *BMC Evolutionary Biology*, 18, 132.
- Hubert, E., Arabie, P. (1985). Comparing partitions. *Journal of Classification*, 2, 193–218.
- Isaev I., Solov'ev, V., Salimov, F., Piljugin, A., Bairaševa, V. (2016). Creating a database of Russian dialects and prospects for dialectometric studies. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 86/6, 448–453.
- Kuz'mina, A. S., Manusov, A. V. (2024). Dialektometricheskii podkhod k dialektnoi klassifikatsii vostochnoslav'anskikh iazykov na materiale sbornika "Vostochnoslav'aniskie izoglossy" [A dialectometric approach to the dialect classification of East Slavic languages based on the collection "East Slavic isoglosses"], *Journal of Language Relationship - Voprosy jazykovogo rodstva*, 22/3–4, 342–366.
- Labov, W., Ash, S., Boberg, C. (2006). *The Atlas of North American English: Phonetics, phonology, and sound change; a multimedia reference tool*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Maechler, M., Rousseeuw, P., Struyf, A., Hubert, M., Hornik, K. (2025). *Cluster analysis basics and extensions*. <https://CRAN.R-project.org/package=cluster>.
- Marchenko, I. (2023). *Building a classification of Russian dialects using multidimensional scaling*. BA thesis, Higher School of Economics, Moscow. Available at <https://www.academia.edu/106488868>.
- Marchenko, I. A., Ron'ko, R. V. (2025). Dialektnye razlichia mezhdu vostokom i zapadom na materiale dannykh Dialektologicheskogo atlasa russkogo iazyka: rezultaty mnogomernogo shkalirovaniia [Dialectal differences between East and West in the data of the Dialectological Atlas of the Russian Language: results of multidimensional scaling]. In *Issledovaniia po slav'anskoi dialektologii*, 25, 236–259.
- Massicotte, P., South, A. (2023). *World map data from natural earth*. <https://CRAN.R-project.org/package=rnaturalearth>.
- McQuitty, L. L. (1966). Similarity analysis by reciprocal pairs for discrete and continuous data. *Educational and Psychological Measurement*, 26, 825–831.
- Morakhovskaia, O. N. (ed.) (1996). *Dialektologicheskii atlas russkogo iazyka (tsentr ievropeiskoi chasti SSSR). Vyp. III: Sintaksis. Leksika. Kommentarii k kartam. Spravochnyi apparat*. [Dialectological Atlas of the Russian Language (Center of the European Part of USSR. Maps). Vol. 3: Syntax, Lexis, Commentaries on the maps]. Moscow: Nauka.
- Mucha, H. J., Haimerl, E. (2005). Automatic validation of hierarchical cluster analysis with application in dialectometry. In C. Weihs, W. Gaul (eds.), *Classification—the Ubiquitous Challenge. Proc. of 28th Mtg Gesellschaft für Klassifikation, Dortmund, Mar. 9–11, 2004*. Berlin: Springer, 513–520.
- Murtagh, F., Legendre, P. (2014). Ward's hierarchical agglomerative clustering method: which algorithms implement Ward's criterion? *Journal of Classification*, 31, 274–295.

Nerbonne, J., Heeringa W. (1997). Measuring dialect distance phonetically. In *Computational Phonology: Third Meeting of the ACL Special Interest Group in Computational Phonology*. <https://aclanthology.org/W97-1102/>

Nerbonne, J., Kleiweg, P. (2007). Toward a dialectological yardstick. *Journal of Quantitative Linguistics*, 14/2–3, 148–166.

Nerbonne, J., Heeringa, W., Kleiweg, P. (1999). Edit distance and dialect proximity. In D. Sankoff, J. Kruskal (eds.), *Time Warps, String Edits and Macromolecules: The Theory and Practice of Sequence Comparison*, 2nd ed. (pp. v–xv). Stanford, CA: CSLI.

Nikolaev, S. L. (1988). Sledy osobennostej vostočnoslavjanskix plemennyx dialektov v sovremennyx velikorusskix govorax. I. Krivichi [Traces of features of East Slavic tribal dialects in contemporary Great Russian dialects. I. Kriviči]. In *Balto-slavjanskije issledovanija* 1986, 115–154.

Nikolaev, S. L. (1994). Ranee dialektnoe chlenenie i vneshnie sv'azi vostočnoslav'anskikh dialektov [Earlier dialectal division and external connections of East Slavic dialects]. *Voprosy iazykoznanija*, 1994/3, 23–49.

Nikolaev, S. L. (2011). Sledy osobennostei vostočnoslav'anskikh plemennykh dialektov v sovremennykh velikorusskikh govorakh. Verkhnevolzhskie (tverskie) krivichi [Traces of features of East Slavic tribal dialects in contemporary Great Russian dialects. Upper Volga (Tver-) Kriviči]. *Slavianovedenie*, 6, 3–19.

Olson, D. M., Dinerstein, E. (1998). The Global 200: A representation approach to conserving the Earth's most biologically valuable ecoregions. In *Conservation Biology*, 12, 502–515.

Olson D. M., Dinerstein, E., Wikramanayake, E. D., Burgess, N. D., Powell, G. V. N., Underwood, E. C., D'amico, J. A., Itoua, I., Strand, H. E., Morrison, J. C., Loucks, C. J., Allnutt, T. F., Ricketts, T. H., Kura, Y., Lamoreux, J. F., Wettengel, W. W., Hedao, P., Kassem, K. R. (2001). Terrestrial ecoregions of the world: a new map of life on Earth. *BioScience*, 51/11, 933–938.

Onea Gaspar, E., Scherr, E. (2024). Sprachgeschichte(n) und die Rolle der Grenzen: Linguistische, geographische und historische Distanz. *Jahrbuch für germanistische Sprachgeschichte*, 15/1, 10–28.

Prokić, J., Nerbonne, J. (2008). Recognising groups among dialects. *International Journal of Humanities and Arts Computing*, 2/1–2, 153–172.

Pshenichnova, N. N. (1988). *Avtomatizirovannyi variant dialektologicheskogo atlasa russkogo iazyka* [Automated version of the dialectological atlas of the Russian language]. Moscow: Lingvisticheskie zadachi i obrabotka dannykh na EVM.

Pshenichnova, N. N. (1996). *Tipologija russkikh govorov* [Typology of Russian dialects]. Moscow: Nauka.

Pshenichnova, N. N. 2008. *Lingvisticheskaia geografiia (po materialam russkikh govorov)* [Linguistic geography (of Russian dialects)]. Moscow: Azbukovnik.

R Core Team (2024). *R: a language and environment for statistical computing*. R Foundation for Statistical Computing. Vienna, Austria. <https://www.R-project.org/>, 2024.

Rousseeuw, P. J. (1987). Silhouettes: A graphical aid to the interpretation and validation of cluster analysis. *Journal of Computational and Applied Mathematics*, 20, 53–65.

Saitou, N., Nei, M. (1987). The neighbor-joining method: a new method for reconstructing phylogenetic trees. *Molecular Biology and Evolution*, 4, 406–425.

Shchekochikhin, V. (2016). Istoriia razvitiia administrativno-territorial'nogo deleniia Rossii [History of the administrative and territorial division of Russia]. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta*, 12/64, 72–78.

- Séguy, J. (1971). La relation entre la distance spatiale et la distance lexicale. *Revue de Linguistique Romane*, 35, 335–357.
- Séguy, J. (1973). La dialectométrie dans l’Atlas linguistique de la Gascogne. *Revue de Linguistique Romane*, 37, 1–24.
- Shahapure, K. R., Nicholas, C. (2020). Cluster quality analysis using silhouette score. In *2020 IEEE 7th International Conference on Data Science and Advanced Analytics (DSAA)*, 747–748.
- Sneath, P. H. A., Sokal, R. R. (1973). *Numerical Taxonomy*. San Francisco: W. H. Freeman and Company.
- Tarkhov, S. A. (2005). Izmenenie administrativno-territorial’nogo delenija Rossii v XIII–XX vv. [Changes in the administrative-territorial division of Russia in the 13th–20th centuries]. *Logos*, 46/1, 65–101.
- van Rij, J., Wieling, M., Baayen, R. H., van Rijn, H. (2022). Interpreting time series and autocorrelated data using GAMMs. *R package version 2.4.1*.
- Ward, Jr., J. H. (1963). Hierarchical grouping to optimize an objective function. *Journal of the American Statistical Association*, 58, 236–244.
- Wieling, M. (2012). *A quantitative approach to social and geographical dialect variation*. PhD diss., University of Groningen.
- Wiemer, B., Erker, A. (2012/2013). Übergangs- und Mischdialekte — eine unnötige begriffliche Differenzierung? *Zeitschrift für slavische Philologie*. 69/1, 1–54.
- Wiemer, B., Seržant, I. A. (2014). East Slavic dialectology: its achievements and perspectives of areal linguistics. In I. A. Seržant, B. Wiemer (eds.), *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects (Slavica Bergensia 12)* (pp. 11–80). Bergen: University of Bergen.
- Wood, S. N. (2017). *Generalized Additive Models: An Introduction with R* (2nd ed.). New York: Chapman and Hall/CRC.
- Zakharova, K. F., Orlova, V. G. (1970). Dialektnoe chlenenie russkogo iazyka [Dialect division of the Russian language]. Moskva: Prosveshchenie.

Received on September 19, 2025

АННА А. ЗАЛИЗНЯК

Институт языкознания РАН
Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра
«Информатика и управление» РАН
(Москва, Россия)
anna.a.zalizniak@gmail.com

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ГЛАГОЛА *РЕВНОВАТЬ*: НОРМА, УЗУС, ДИАХРОНИЯ*

В статье обсуждается конкуренция двух моделей управления глагола *ревновать* в русском языке: модель *ревновать жену к соседу*, рекомендуемая академической грамматикой, и модель *ревновать соседа к жене*, соответствующая устаревшей норме, но реально сохраняющая свою актуальность. Реконструируется механизм формирования обеих конструкций и прослеживается история их сосуществования на корпусном материале с XVIII по XXI в. Показано, что трехместная модель *ревновать жену к соседу* возникла в конце XVIII в. одновременно с появлением у этого глагола современного «любовного» значения, включающего дополнительный актант («соперник»). Альтернативная модель с обратным кодированием актантов сформировалась во второй половине XIX в. в результате появления возможности оформления «соперника» аккузативом (вместо конструкции *к + дат. п.*). Сохранение модели *ревновать соседа к жене* обусловлено действием двух факторов — прагматического и коммуникативного: актант «соперник» может оказаться в выделенной позиции прямого дополнения либо потому, что он находится в фокусе чувства ревности, либо потому, что «объект любви» назван в предтексте или подразумевается.

Ключевые слова: русский язык, семантика, модель управления, глаголы эмоционального отношения, ревность.

Предварительные замечания

Если исключить из рассмотрения полностью утраченное для глагола *ревновать* (и уходящее для существительного *ревность*) значение «душевного устремления, рвения» (*ревность к учебе*), ситуация «ревности» включает трех участников: 1) субъект чувства; 2) «объект любви»; 3) «соперник».

Здесь следует сразу разделить два случая.

* Автор благодарен рецензентам за содержательные замечания, которые были по мере возможности учтены в окончательной версии статьи. Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0006.

В первом случае «объект любви» — это человек¹. «Соперником» может быть другой человек, претендующий на этот «объект любви», либо некоторая посторонняя ситуация, в которую вовлечен «объект любви». Так, муж может ревновать свою жену не только к другому мужчине или к ее подруге, но также, например, к ее прошлому, ее семье или к каким-то ее занятиям; жена может ревновать мужа, например, к футболу или автомобилю и т. п. Ср.:

- (1) *Ревновал Эллу к мужчинам, женщинам, соседям, телеграфным столбам и телефонным разговорам* и часто выражал свою подозрительность в форме безобразных окриков и оскорблений (Е. Литинская. Колдовство // «Точка зрения», 2013)².

Во втором случае в качестве «объекта любви» выступает некоторое свойство или ситуация, желанная для субъекта чувства, но принадлежащая «сопернику» (например, талант или слава). Синтаксическое оформление здесь может быть различным, ср.:

- (2) Бродский дружил с Ахматовой, которая и Вознесенского не любила, и *всех шестидесятников ревновала к славе* (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)).
- (3) Фролов не очень меня любил, *ревнуя к моему «высшему образованию»* (Е. М. Мелетинский. Моя война (1971–1975)).
- (4) И дело даже не в том, что сам Максимов, как мне известно, люто *ревновал Солженицына именно в качестве обладателя возжеленной премии <...>* (С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них (2004–2008)).

Первый случай мы будем называть «любовной ревностью» (включая сюда не только ситуацию собственно «любовного треугольника», но также отношения между родственниками, друзьями, коллегами и т. д.), и именно о нем пойдет речь. Второй случай, когда в роли «объекта любви» выступает некоторое свойство или ситуация, — это «ревность-зависть», которую мы здесь рассматривать не будем³.

Итак, посмотрим, каким образом в русском языке выражается «любовная ревность» в ее основном варианте — когда соперником является человек.

¹ В редких случаях это может быть также некоторый предмет; так, персонаж Платонова «ревновал к посторонним паровозы, считая свое чувство к ним личной привилегией», а лирический герой «Охранной грамоты» Пастернака ревновал некоторую пьяцетту в Венеции — к англичанам.

² Примеры со ссылками взяты из основного и устного подкорпусов Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ; www.ruscorpora.ru).

³ Но это именно вид ревности. Соотношение ревности и зависти — отдельный сюжет (см., в частности, [Parrot, Smith 1993; Воркачев 1998; Wierzbicka 1999: 97–100], а также семантический переход № 0203 в [Zalizniak et al. 2000–2025]); в двух словах: ревность — это когда кто-то претендует на «мое», а зависть — когда я претендую на «чужое».

Глагол *ревновать*

В социальных сетях можно встретить такой вопрос: «Допустим, некоторый человек любит А, а А встречается с В. Как правильно сказать: этот человек *ревнует А к В*, или он *ревнует В к А*?» И, скорее всего, кто-нибудь ответит: «Конечно, *ревнует А к В*. Кого любишь, того и ревнуешь». Действительно, именно такова норма, принятая академической грамматикой: «объект любви» оформляется винительным падежом, а предполагаемый «соперник» — дательным падежом с предлогом *к*: *жена ревнует своего мужа к его секретарше* (см., например, [Лазуткина 2018: 354]). Однако само существование формулы «Кого любишь, того и ревнуешь», используемой в том числе в преподавании русского языка, говорит о том, что проблема здесь есть. И действительно, судя по текстам, включенным в НКРЯ, «объект любви» иногда все же оказывается в позиции дативного дополнения с предлогом *к*, ср.⁴:

- (4) Трудна судьба муз в России. Людская молва не любит их, видно *ревнуя к своим кумирам*. «Нас на бабу променял». Есть целая литература, разоблачающая Наталью Николаевну Гончарову, — и «близорукая», и «холодная красавица» (А. Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)).
- (5) Так было всю жизнь, с самого детства: взрослые люди с ходу принимали меня в свою компанию, держались со мной на равных, смеялись над моими шутками, не *ревновали к своим женщинам* и угощали самыми дорогими наркотиками в мире... (И. Ю. Стогов. Грешники (2007)).

При этом «соперник», если он обозначен, может быть оформлен, наоборот, винительным падежом, ср.:

- (6) И так белоснежна была ее репутация — с монастырским уклоном мирозерцания, — так, что ревнивая жена доктора П. одну только *Зину* из всех молодых пациенток мужа не *ревновала к нему* (В. Г. Малахеева-Мирович. Маятник жизни моей: дневник русской женщины 1930–1954 (1934)).
- (7) Пока мы переговаривались, сзади к малышам успел подкрасться петух — птица злая и коварная. Громадный, с корявыми шпорами, крепким острым клювом, он *всех ревновал к своим курам* (Л. Синицына. Жена тополя (1999) // «Дружба народов», 15.04.1999).

Встречаются даже примеры, где оба способа оформления «объекта любви» — аккузативный и дативный — используются при описании одной и той же ситуации, ср.:

⁴ Здесь и далее в примерах обозначение «объекта любви» выделено **прямым полужирным шрифтом**, «соперника» — *полужирным курсивом*, независимо от способа синтаксического оформления.

- (8) Бартенев влюбился не на шутку и начал *ревновать* **приятеля к Варе**. — На твоём месте я бы не стал ревновать, — сказал однажды Волков. — Как ты можешь *ревновать её ко мне*? — Отчего же не **к тебе**, когда ты за нею ухаживаешь, а она оказывает тебе предпочтение? (Е. А. Бекетова (Краснова). Живое привидение (1877–1892)).
- (9) С Кузнецовой последнее время что-то делается. Мужа своего она отправила в Москву, и ходят слухи, что она влюбилась в тенора Виттинга. На днях она закатила сцену Тартакову за то, что Виттингу не дают петь, при этом играла на том, будто Тартаков *его ревнует к ней*. <...> Мне Кузнецова тоже рассказывала, что Тартаков *ее ревнует* (В. А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров (1909)).
- (10) Что же, подумала я потом, теперь я **мужа** буду *к этой девушке ревновать*? Не психоз ли это: **к Илье ревную**, хоть и задним числом, хоть и знаю, что все кончено (Е. Белкина. От любви до ненависти (2002)).
- (11) [Солнце, жен] Я **тебя к Диане** никогда не *ревновала*. <...> Ну почему ты считаешь/ что ты такой король/ что **к тебе ревновать**-то все должны/ если я Диане верю/ понимаешь? (Реалити-шоу «Дом-2» на телеканале ТНТ (2006)).

Иными словами, модель управления глагола *ревновать*, в которой «объект любви» кодируется конструкцией *к + дат. п.*, а «соперник» — винительным падежом (*ревновать секретаришу к мужу*) в современном языке также присутствует, и тем самым имеет место конкуренция двух моделей управления, порождающая парадоксальную ситуацию, при которой одним и тем же способом могут попарно кодироваться оба «противоположных» участника ситуации, что, естественно, ведет к неоднозначности. Так, например, если речь идет о трех подругах, то фраза *Вера ревнует Надю к Любе* может означать как то, что Вера любит Надю и досадует на то, что Надя слишком близка с Любой, так и, наоборот, что она любит Любу и недовольна ее слишком тесной близостью с Надей. Вот реальный пример такой неоднозначности:

- (12) За два года до выпуска случилось, что Черноусова по совершенно непонятному поводу сказала: «Фигнер служит и нашим, и вашим». Я рассердилась и ответила такой же необоснованной и несправедливой фразой: «Вы судите по себе». Это был полный разрыв: она пожаловалась, и в присутствии всех учениц я получила от Сусанны Александровны выговор за дерзость. Смешно сказать, но при институтских нравах, быть может, в этом была и правда — подруги уверяли, что Черноусова *меня ревнует к воспитаннице старших классов Ольге Сидоровой*, которую, по институтскому выражению, я обожала (В. Н. Фигнер. Запечатленный труд. Т. 1 (1921)).

Кто из двух упоминаемых персонажей — Вера Фигнер или Ольга Сидорова — является «объектом любви» Черноусовой, а кто — «соперником», из данного фрагмента текста неясно.

Проследим теперь историю возникновения обсуждаемой конкуренции двух противоположных моделей управления.

В XVIII в. основным — как для глагола *ревновать*, так и для существительного *ревность* — было значение «душевного устремления, рвения (*к чему-л.*)», и объект этого устремления кодировался (среди прочих возможностей) дополнением в дат. п. с предлогом *к*; ср.:

- (13) Греки *ревнуя* всегда *ко своей вольности*, но день ото дня становясь менее вольными, познали соделанный проступок, что прибегнули против Филиппа к покровительству Римския республики <...> (А. Н. Радищев. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья Греков [перевод книги Г. де Мабли с французского] (1773)).
- (14) Горячность не допустила меня тогда рассудить, что прямо любострастный человек *ревнует к делам*, а не *к чинам* (Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782)).

В производном от исходного «любовном» значении глагола *ревновать*, появившемся уже в конце XVIII в., тем же способом (*к* + дат. п.) кодируется «объект любви», ср.:

- (15) Он часто ходил к ней в покои, осматривал их всегда сам и никому не верил, и я после узнал, что он имел справедливую причину *ревновать к своей сожительнице* (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766–1768)).
- (16) Государь столь *ревновал ко своей супруге*, что не только люди, но и бездушные вещи, которые находились в её комнате, казались ему подозрительными (Там же).
- (17) Флориза. Под лета ли уже, сударь, ей любиться с другими, а вам *ревновати к ней* (А. П. Сумароков. Рогоносец по воображению (1772)).
- (18) Добролюбов. Они нас оставили одних. Что это значит? Софья. Это значит то, что мой жених *ко мне* нимало не *ревнует* (Д. И. Фонвизин. Бригадир (1783–1786)).

Дативное оформление «объекта любви» широко представлено на протяжении всего XIX и XX вв. (см. ниже). Но это же дополнение *к* + дат. п. используется и для кодирования появившегося нового, по сравнению с исходным значением глагола *ревновать*, актанта — «соперника», начиная с XVIII в., ср.:

- (19) Он влюблен в презрительную женщину, а ты, моя Софьюшка, *ревнуешь к сей твари!* (Д. И. Фонвизин. Друг честных людей или Стародум (1788)).

- (20) Он давал ей полную волю и *не ревновал ни к кому* (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3 (1788–1822)).

Тем самым позиция дативного дополнения оказывается неоднозначной. Так, в примере (21) во фрагментах (а) и (б) конструкцией *к* + дат. п. кодируется «объект любви», а во фрагменте (с) — «соперник»:

- (21) Сносно ли это, что в последнем твоём листе некоторую женщину попрекаешь ты ревнивостію! таким пороком, от которого мы давно избавились. Заврался, мой свет: это неправда; знай, что мы не столько о мужьях своих думаем, чтобы (а) стали *к ним ревновать* <...> (б) *Ревновать к мужу*, любить его: этого я никак не понимаю; <...> Конечно, это какая-нибудь была сумасбродная женщина <...> Что это за староверка, чтоб быть прицепленною к своему мужу и (с) *ревновать ко всякой* (Н. И. Новиков. Живописец. Третье издание 1775 г. Часть II (1775)).

Параллельно примерно в ту же эпоху появляется возможность оформления «объекта любви» аккузативом:

- (22) Любите того черта, который вам угоден; я *ревновать вас* не стану; провалитесь от меня, делайте, что хотите (Ф. А. Эмин. Адские ведомости (август) (1769.07)).
- (23) Мнѣ кажется, когда кто виновать самъ безразборчивой своей женидѣ, то *жену* такому *ревновать* не надобно, и когда дѣло отъ слѣпыхъ случаевъ началось, то оными должно и кончиться (Ф. А. Эмин. Адская почта или куріеръ изъ ада съ письмами (1788)).
- (24) Что в твоём сердце происходит? Ты уже *Розу ревнуешь*. Внутренно клянeshь пригожего барина, бранишь Розу, называeshь ее неверною, изменницею (П. Ю. Львов. Роза и Любим (1790)).
- (25) — Если верить городским слухам, то Днепровский имеет полное право *ревновать свою жену*... (М. Н. Загоскин. Искуситель (1838)).

Таким образом, уже в конце XVIII в. у глагола *ревновать* появляется современная модель управления — с прямым дополнением для обозначения «объекта любви» и дативным — для «соперника». Со второй четверти XIX в. частотность использования этой модели управления начинает возрастать. Ср.:

- (26) Любовь сія произвела слѣдующее достопамятное приключеніе: нѣкто молодой человѣкъ Рибопьеръ, *къ которому* Павелъ *ревновалъ свою любимицу*, поссорился съ подобнымъ себѣ молодымъ человѣкомъ, вышелъ съ нимъ на поединокъ и былъ отъ него раненъ (А. С. Шишков. Записки (1780–1814)).

- (27) Онъ **жену свою** и **къ мужъ**, естли сядетъ на ея лицо, *ревнуетъ* (Ф. А. Эмин. Адская почта или куріеръ изъ ада съ письмами (1788)).
- (28) Лиза эти дни немного *ревновала* **меня к Анне Петровне**, но вообще была нежна и верила в мою любовь (А. Н. Вульф. Дневник (1828)).
- (29) Онъ начинаетъ *ревновать* **Зою къ Валентину** и назначаетъ ему свиданіе, въ паркѣ, для дуэли (А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике (1850)).
- (30) Героя моего мучила в настоящую минуту ревность, и он *ревновал* **Анну Павловну к графу** (А. Ф. Писемский. Боярщина (1858)).

При этом возможность дативного оформления «объекта любви» сохраняется на протяжении всего XIX и XX вв., ср. (31)–(35):

- (31) Кажется, как будто они поставляют пороком сделать отказ какому то ни было волоките, хотя бы старику, ни мало не стыдятся открывать одна другой всех своих любовников, и даже хвастаются тем. От сего между женщинами бывает превеликая зависть: мужа же редко *ревнуют к женам* (Г. И. Давыдов. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним (1808–1809)).
- (32) К несчастью моему, несмотря на 30 лет, он влюбился в свою 15-летнюю кузину Катиньку по уши, как я когда-то любил Анну Петровну, и стал ужасно *ревновать к ней* (А. Н. Вульф. (Записки о событиях 1828–1829 гг.) (1830)).
- (33) Иль, может быть, соперник тайный Тебя нежданно покорил? — воскликнул вдруг в нос Майданов — и мои глаза и глаза Зинаиды встретились. Она опустила их и слегка покраснела. Я увидал, что она покраснела, и похолодел от испуга. Я уже прежде *ревновал к ней*, но только в это мгновение мысль о том, что она полюбила, сверкнула у меня в голове: «Боже мой! она полюбила!» (И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)).
- (34) Из их переписки установлено, что между членами кружка были такие отношения на почве влюбленности, писались такие ревнивые письма, что не всякий здоровый человек способен так *ревновать к любимой женщине* (М. К. Лемке. 250 дней в царской ставке 1916. (1916)).

См. также примеры (50)–(56) ниже.

Таким образом, начиная с конца XVIII в. дополнение *к* + дат. п. может обозначать как «объект любви» (старая модель), так и «соперника» (новая модель). И эти две модели свободно сосуществуют, ср. следующие примеры из одного и того же текста начала XIX в.:

- (35) Иногда муж, слишком *ревнуя к своей жене*, сам бывает причиною, что она забывает правила благопристойности и делается неверною

(В. Т. Нарезный. Российский Жилбляз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)).

- (36) А вот чего: муж был чрезвычайно ревнив; особенно он *ревновал к своему соседу*, настоящему прельстителю (Там же).

Итак, к началу XIX в. в русском языке входят в употребление два синтаксических новшества:

- 1) кодирование «объекта любви» аккузативом: *ревновать жену*;
- 2) использование конструкции *к* + дат. п. для кодирования «соперника»: *ревновать к соседу*.

Таким образом возникает и укореняется конструкция, соответствующая современной норме: *ревновать жену к соседу*.

Несколько позже, ближе к концу XIX в., появляется третье новшество:

- 3) возможность кодирования «соперника» аккузативом: *ревновать соседа*

Конструкция с аккузативным оформлением «соперника» широко используется начиная с конца XIX в., ср.:

- (37) Красавица кормилица, с которой Вронский писал голову для своей картины, была единственное тайное горе в жизни Анны. Вронский, писав с нее, любовался ее красотой и средневековостью, и Анна не смела себе признаться, что она боится *ревновать эту кормилицу*, и поэтому особенно ласкала и баловала и ее и ее маленького сына (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).
- (38) Если бы Бартенев *ревновал генерала Палицына* и ненавидел его за ухаживание за Висновской, смерть могла грозить генералу, а не Висновской <...> (Ф. Н. Плевако. Речь в защиту Бартенева (1891)).
- (39) Вестеман, служивший в Северском полку, который стоял в Пятигорске, влюбился в эту барышню. Мой брат Александр был очень близок этому семейству и часто его посещал, вследствие чего Вестеман весьма *ревновал моего брата*, хотя Александр был среднего роста, очень тучный, некрасивый <...> (С. Ю. Витте. Воспоминания (1911)).
- (40) Мотю одолевает зверье. Потешно, как собачка Карлуша *ревнует кошку Лелю*, уже неистово облаивает ее, отгоняет от Моти (А. Н. Бенуа. Дневник (1924)).
- (41) Аля все больше и больше влюблялась <...> Он некоторое время сидел со мной, говорил, что я ему понравилась на фотокарточке. Словом, Аля стала *меня ревновать* (Д. М. Шварц. Дневник (1940)).

Возможность использования этой модели управления сохраняется вплоть до наших дней, ср.:

- (42) Лидия Яковлевна Гинзбург: «Вариант старой темы» («Нева», 1987, № 1). 1. О необходимости постоянного умирания, отмирания —

- «иначе моложавые старики; матери, *ревнующие дочерей*; учителя, завидующие ученикам» (Н. Я. Эйдельман. Дневник (1987)).
- (43) <...> бабка Авдотья *ревновала приемыша Егорку* из-за родных внуков, в моменты глухой отцовской тоски старавшихся не показываться ему на глаза и исчезающих из хаты в теплое время года <...> (П. Л. Проскурин. Судьба. Книга первая. Адамов корень (1993)).
- (44) Во-первых, Господь знал, что Каин приносит жертву не из любви к Нему, а лишь *ревнуя брата* (В. Шаров. Воскрешение Лазаря (1997–2002)).
- (45) Этого не признавали вслух, но все знали и, не смея открыто ее выбор оспорить, втайне *мальчика ревновали* и приписывали ему даже больше недостатков, нежели он на самом деле имел <...> (А. Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000).
- (46) За шесть недель, что Александра Львовна пробыла в Крыму, Толстой отправил ей не менее тридцати писем. Она по-детски боялась, что за ее долгой болезнью отец откажется от ее помощи, *и ревновала Булгакова*, к которому перешел весь основной груз ее дел (Н. Никитина. Главы из книги об Александре Львовне Толстой // «Звезда», 2002).
- (47) <...> А вот когда он бьет товарищей по голове, тычет им в лицо разными предметами или — крайний, но возможный вариант — пытается причинить серьезный вред младшему (допустим, *ревнуя брата* или *сестру*), это уже повод насторожиться (А. Толстых, А. Фадин. Золотая середина (2002) // «Домовой», 04.11.2002).
- (48) А потом пришла простая мысль: но ведь они будут только повторять меня. Твоя любовь ко мне будет для них, как выкройка. Ты каждый раз будешь любить меня. И когда это поняла, даже перестала *их ревновать*, они стали чуть ли не родными (М. Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005).
- (49) Жили с его красивой старой мамой, она *меня ревновала*: «Ты такая же красивая, как я в молодости» (С. Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013).

При этом, поскольку унаследованное от исходного значения «устремления (к чему/кому)» дативное оформление для «объекта любви» также сохраняется, возникает другая, «гибридная» конструкция: *ревновать соседа к жене*, ср.:

- (50) — Но я сам от слова «скептик» отказываюсь, а нашел новое объяснение, — закричал вдруг Коля, — вы не скептик, а ревнивец! Вы адски *ревнуете Ганю к известной гордой девице*! (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).
- (51) <...> Лукьян Тимофеич принимал отказы князя за одно лишь личное к себе отвращение и недоверчивость, уходил с сердцем уязвленным и *ревновал к князю* не только *Колю* и *Келлера*, но даже

- собственную дочь свою, Веру Лукьяновну* (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).
- (52) Отец *ревнует сына к скверного поведения женщине* и сам с этою же тварью сговаривается засадить сына в тюрьму... (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).
- (53) Мачеха без всякого основания *ревновала Бьянку к ее родному отцу* (Кондратий Биркин (П. П. Каратыгин). Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга вторая (1871)).
- (54) Он говорил, что нечего горевать, что, Бог даст, все будет счастливо, что вот обручат его с княжной Меншиковой, будет занят он только своею молодою невестой, и все его заботы будут в том, чтобы ходить за ней да *ревновать к ней всякого*, кто подступится (Е. А. Салиас. Фрейлина императрицы (1887)).
- (55) Легкомысленная француженка вполне оценила ум и талант поэта, а Лермонтов, поклонник и тонкий знаток женский красоты, конечно, не упустил случая показаться во всем блеске своего ума и поэтического дарования, так что М-me Adèle пришла от него в восторг и стала *ревновать к поэту девицу Реброву*, за которой в прежние свои приезды сильно ухаживал Михаил Юрьевич (П. А. Висковатов. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова (1891)).
- (56) Старик совсем сошел с ума и только и бредит женщинами... Он *ревнует к ним даже сына*... (Н. Э. Гейнце. Самозванец (1898)).

И таким образом возникает та двусмысленность уже конструкции в целом, с которой мы начали. Модель управления глагола *ревновать*, при которой роль «объекта любви» кодируется дополнением в дат. п. с предлогом *к*, а «соперник» (если он указан) — винительным падежом (*ревновать соседа к жене*), остается актуальной на протяжении всего XX в. Ср.:

- (57) Потому что пан Ставрошевский *ревнует господина Жемчугова к своей жене* (М. Н. Волконский. Тайна герцога (1912)).
- (58) Она впервые полюбила своего мужа мертвого, полюбила до того, что стала после его смерти жестоко *ревновать Ульяну к покойному* и действительно непосильной работой и вечными попреками ускорила исход и без того смертельной болезни молодой женщины (Н. Э. Гейнце. Дочь Великого Петра (1913)).
- (59) 24 февраля гр-ка Ф. И. П-ва заявила полиции, что когда она шла к колодцу по воду, местная жительница Е. И. Г-ва, *ревнуя П-ву к своему мужу*, выбежала из дома и стала оскорблять заявительницу неприличными словами, затем между ними произошла драка <...> (Сормовская жизнь. Из-за мужа (14.03.1917) // газета «Нижегородский листок», 1917).
- (60) Человек никогда не помнит его, но всегда ему доверяется — так житель, уходя из дома и оставляя жену, никогда не *ревнует к ней швейцара* (А. П. Платонов. Чевенгур (1929)).

- (61) Семеныч догадался, что эта вторая и была именно та самая, **которую** Нюрка называла жабой и *ревновала к Ивану Петрову* (С. Н. Сергеев-Ценский. Устный счет (1931)).
- (62) Вася, кажется, влюбился в Алю, по крайней мере она ему нравится. Аля **меня к нему ревнует**, говорит, что я его отбиваю, но это неправда, потому что он всегда у меня про нее спрашивает (Д. М. Шварц. Дневник (1939)).
- (63) 31-го он пел в Радиоцентре. Мы опять пришли, но Франя был с женой. <...> Алька очень жалела, что ее с нами не было во время этой «охоты». Она **нас к нему ревнует**. Но зря. Он спросил у нас про нее и просил передать привет. К нам он тоже хорошо отнесся, но к ней лучше (Д. М. Шварц. Дневник (1940)).
- (64) Сладострастием своим он мне в те минуты напомнил очень Л. Никулина, который *ревновал меня к своей сестре*, потому что сам мечтал «пожить» с нею, что, кажется, ему и удалось (Вс. В. Иванов. Дневники (1940–1948)).
- (65) Но, похоже, она просто *ревнует младшую сестру к отцу* (Ю. М. Нагибин. Дневник (1968)).
- (66) Ларочку — полукровку, полуукраинку, полуеврейку — расстреляли по доносу ее школьной подруги, *ревновавшей Лару к однокласснику* (Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2 (1975–1977)).
- (67) И он *ревновал погибшего друга к своей жене*, от которой имел двух детей, но которую так и не сумел разбудить (Ю. Нагибин. Терпение (1990–1995)).
- (68) Была она стройной и красивой; Нина даже считала ее красивее себя (у нее все были якобы красивее нее) и приготовилась *ревновать ее ко мне*, когда я с ней познакомлюсь (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний (1995)).

См. также примеры (6) и (7) выше.

Дальше употребительность этой модели управления снижается, но она продолжает использоваться вплоть до наших дней; ср.:

- (69) Ах, как *ревновал* Вован **имиджмейкера к своему патрону**! Ведь не он, как это всегда было прежде, а Алистратов стал правой рукой Пантова. Трудно было согласиться с тем, что все перевернулось с ног на голову и теперь не ему, преданному помощнику, а какому-то выскочке, иногородцу Пантов доверял все свои тайны и секреты (С. Романов. Парламент (2000)).
- (70) Александр Маркович несколько дней с женой не разговаривал, а потом решил, что в ее отказе от кормления больше плюсов, чем минусов. Самому себе он мог признаться — он дико ревновал **Гошу к матери**, когда она кормила грудью (М. Трауб. Плохая мать (2010)).

- (71) Пальчиков тогда боялся, что его ревность со временем станет болезненной, гласной, банальной, дурацкой. Ему казалось странным, что *некоторых людей* он мог *ревновать к жене*, а других нет (А. Н. Бузулукский. Пальчиков // «Волга», 2014).

См. также примеры (10) и (11) выше.

Тем самым мы имеем дело с парадоксальным сосуществованием возможности кодирования одним и тем же способом двух «противоположных» участников ситуации. Конкуренция этих двух моделей управления продолжается на протяжении всего XIX и в значительной степени XX в., и в результате постепенно — но все же далеко не окончательно — побеждает та модель, которая соответствует современной формуле «Кого любишь, того и ревнуешь».

Существительное *ревность*

Та же неоднозначность в отношении семантической роли имеется и у единственного (дательного) дополнения существительного *ревность*: нормативным в современном языке является употребление этого дополнения для кодирования роли «соперника» (*ревность к соседу*), однако встречаются — в том числе в текстах самого последнего времени — примеры его использования, согласно старой норме, для обозначения «объекта любви», ср.:

- (72) От русского подданства он сразу отказался и заявил, что не знает ни одного русского слова, что он англичанин греческого происхождения Джозеф Лакинакис и что убил он «этого мерзкого турка» из *ревности к прекрасной Эмили Флауэрберд*, которая на прошлой неделе отбыла пароходом в Австралию (В. Аксенов. Любовь к электричеству (1969)).
- (73) От лет тяжелой страсти к Пьеретте — к неделям большой *ревности к Элизабет*. Согласно Ричарду, ее «максимум» с очередным любовником — пять недель (потом тебя отставят). Шла одиннадцатая неделя, муж грозился его застрелить, роман переместился из Пертшира в Вестминстер (А. Пятигорский. Вспомнишь странного человека (1997)).
- (74) Бойцов признан виновным в том, что он из-за *ревности к своей сожительнице* Глотовой совершил убийство Дьякова и покушался на убийство Глотовой и Хабарова (Сборник задач по уголовному праву России (2008)).
- (75) Но мальчишки <...> относятся к Поле с покровительственным пренебрежением и затаенной *ревностью к деду*, такому ласковому с ней, чужой девочкой, и такому равнодушному с ними, родными внуками (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом» (2009)).

- (76) *Ревность к Полине* почти не повлияла на отношение Олега к Тимуру: после той истории с цепочкой он очень быстро улетел в Коштырбастан, а когда в следующий раз, больше, чем через год, вернулся в Москву, Печигин уже был один, Полина его оставила (Е. Чижов. Перевод с подстрочника (2012)).
- (77) Испытывая крайнюю степень *ревности к своему мужу*, она не могла выносить якобы похожий на супруга образ мужчины, подглядывающий за фрейлинами (Кусчуй Непома. Фантастические истории, записанные во время своих странствий Йозефом Краалем, алхимиком из Праги // «Волга», 2016).

Эта модель (унаследованная от исходного значения слова *ревность*), в которой дативным дополнением кодируется «объект любви» (*ревность к жене*), активно используется вплоть до 20-х гг. XX в. В дальнейшем она начинает убывать, все более последовательно вытесняемая моделью *ревность к соседу*, но, как мы видим, полностью не исчезает.

Модель *ревность к соседу* появляется в начале XIX в. и получает широкое распространение во второй его половине, ср.:

- (78) Поспешный отъезд Эмилии удивил всех. Граф Нанжис приписывал его разрыву ее с Жермёлем, происшедшему, как он думал, от безрассудной *ревности к Меланиде* (Жанлис, перевод Н. М. Карамзина. Женщина — Автор // «Вестник Европы», 1802).
- (79) Человек он был пылкий и жестокий и первую жену уморил из *ревности к итальянцу-учителю*, взятому в дом (Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935–1943)).
- (80) Друзья, которые завтра меня забудут или, хуже, возведут на мой счет бог знает какие небылицы; женщины, которые, обнимая другого, будут смеяться надо мною, чтоб не возбудить в нем *ревности к усопшему*, — бог с ними! (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)).
- (81) Прежде, бывало, его мучила холодность гордой красавицы, потомъ *ревность къ счастливому сопернику*: теперь онъ зналъ, что его любить: это съ одной стороны его радовало, но съ другой — онъ тѣмъ больше мучился, что долженъ былъ отказаться отъ любви добровольно (П. А. Кулиш. Черная рада (1846–1857)).
- (82) Решив таким образом, мадам Воже вспыхнула *ревностью к Юлии Павловне*, которая все-таки была двадцатью годами моложе ее (А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)).
- (83) Это была m-lle Bourienne, в черном платье и плерезах. Она тихо подошла к княжне Марье, со вздохом поцеловала ее и тотчас же заплакала. Княжна Марья оглянулась на нее. Все прежние столкновения с нею, *ревность к ней*, вспомнились княжне Марье <...> (Л. Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867–1869)).

Как и для глагола *ревновать*, для существительного *ревность* встречаются случаи использования двух противоположных моделей в одном тексте, ср.:

- (84) Прежде всего Сашка подействовал на супружеские чувства Привалова и разбудил в нем *ревность к жене* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883)).
- (85) Гордость и *ревность к сопернице* — вот где таились главные корни болезни (Там же).

Конкуренция этих двух моделей сохраняется до сих пор, что может порождать неоднозначность (ср. пример (12) выше с глаголом *ревновать*). Так, в примере (86) на выбор понимания, при котором мать является «объектом любви», а не «соперником», указывает лишь деталь *скорее еще девочка*.

- (86) Обсуждали Катю Шадаеву, она написала рассказ страниц на двенадцать под названием «Бумеранг». Сцены есть очень сильные. Особенно, как молодая девушка, скорее еще девочка, когда мать привела в дом молодого мужчину, из чувства *ревности к матери* пытается его соблазнить (С. Н. Есин. Дневник (2006)).

Заключение

Итак, мы можем констатировать существование в современном русском языке конкуренции моделей управления *ревновать жену к соседу* и *ревновать соседа к жене*. Эта конкуренция возникла в результате появления, с одной стороны, возможности оформления аккузативом (вместо конструкции *к + дат. п.*) «объекта любви» и, с другой стороны, возможности оформления аккузативом (вместо конструкции *к + дат. п.*) «соперника».

Появление у глагола *ревновать* конструкции с прямым объектом, кодирующим «объект любви» (*ревновать жену*), обусловлено, по-видимому, аналогией с другими глаголами эмоционального отношения, управляющими прямым объектом, который при номинализации трансформируется в конструкцию *к + дат. п.*, ср. *любить кого — любовь к кому*; так же устроены: *ненавидеть — ненависть, уважать — уважение, почитать — почтение, презирать — презрение, жалеть — жалость*. Таким образом, изначальное парадигматическое отношение *ревность к кому — ревновать к кому* (где «объект любви» в обеих конструкциях кодируется дативным дополнением) перестраивается по аналогии с парами *любовь (ненависть, жалость и т. п.) к кому — любить (ненавидеть, жалеть и т. п.) кого* и превращается в отношение *ревность к кому — ревновать кого*, ср.:

- (87) — Кажется, сегодня все женщины решились предпочесть мне других: что она будет там с ним делать?» Ему стало досадно и грустно, и он так же страдал от *ревности к вдове*, как за несколько минут страдал, *ревнуя Анну Павловну* (А. Ф. Писемский. Боярышня (1858)).

Возникшее таким образом аккузативное оформление «объекта любви» при глаголе *ревновать* вступает в конкуренцию и впоследствии вытесняет (хотя, как мы убедились, не окончательно) конструкцию *к + дат. п.*

Другой вопрос — как возникла возможность кодирования прямым дополнением «соперника» (*ревновать соседа*). В отличие от других типов эмоционального отношения, ревность — это сложное, «двухфокусное» чувство, включающее два разных чувства по отношению к двум разным людям — «объекту любви» и «сопернику». Если доминирующим оказывается чувство по отношению к «сопернику», то он может занять выделенную позицию прямого дополнения при глаголе *ревновать*. То же верно для существительного *ревность*: поскольку у него имеется только одно дополнение (*к + дат. п.*), оно используется для кодирования того из двух объектов чувства ревности, который в данной ситуации является прагматически выделенным.

Другой фактор, влияющий на выбор конструкции с аккузативным оформлением «соперника», — коммуникативный: «соперник» может оказаться в позиции прямого дополнения как коммуникативно более значимый участник ситуации (в том числе потому, что «объект любви» уже назван или подразумевается).

Тем самым сосуществование двух моделей управления глагола *ревновать* обеспечивается действием прагматического и коммуникативного факторов, которые отвечают за появление в речи альтернативной конструкции *ревновать соседа к жене*. При этом действие обоих факторов является нежестким — чем объясняются возможные колебания в выборе конструкции даже в пределах одного текстового фрагмента, демонстрируемое примерами (8)–(11).

Источники и словари

Лазуткина 2018 — Е. М. Л а з у т к и н а. Словарь грамматической сочетаемости слов русского языка. М., 2018.

Zalizniak Anna et al. 2000–2025 — Database of Semantic Shifts: <https://datsemshift.ru>

Литература

Воркачев 1998 — С. Г. Воркачев. Зависть и ревность: к семантическому представлению моральных чувств в естественном языке // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57, № 3. С. 39–45.

Parrot, Smith 1993 — W. G. Parrot, R. H. Smith. Distinguishing the Experiences of Envy and Jealousy // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 64, No 6. P. 906–920.

Wierzbicka 1999 — A. Wierzbicka. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge University Press, 1999.

Статья получена 29.10.2025

Anna A. Zalizniak

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Institute of Informatics Problems, Federal Research Center “Computer Science and Control”
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
anna.a.zalizniak@gmail.com

**A GOVERN PATTERN OF THE RUSSIAN VERB
REVNOVAT' ('TO BE JEALOUS'): NORM, USAGE, DIACHRONY**

The article discusses the competition between two govern patterns of the Russian verb *revnovat'* ('to be jealous'): the pattern *revnovat' zhenu k sosedu* (lit. 'being jealous of one's wife towards a neighbor'), recommended by academic grammar, and the pattern *revnovat' sosedu k zhene* (lit. 'being jealous of a neighbor towards one's wife'), which corresponds to an outdated norm but still remains relevant. The mechanism of formation of both patterns is reconstructed, and the history of their coexistence is traced using corpus material from the 18th through the 21st centuries. It is shown that the three-place govern pattern *revnovat' zhenu k sosedu* appeared in the late 18th century, simultaneously with the emergence of the modern “romantic” meaning of this verb, which includes an additional actant “rival”. An alternative pattern with reverse coding of actants was formed in the second half of the 19th century, as a result of the emergence of the possibility of coding the “rival” actant with an accusative (instead of the construction *k* + dative). It is shown that the preservation of the pattern *revnovat' sosedu k zhene* is due to two factors – pragmatic and communicative: the “rival” actant can appear in the salient position of the direct object either because it is the focus of jealousy or because the “object of love” is named in the pretext or implied.

Keywords: Russian language, semantics, government pattern, verbs of emotional attitude, jealousy.

References

- Parrot, W. G., Smith, R. H. (1993). Distinguishing the Experiences of Envy and Jealousy. *Journal of Personality and Social Psychology*, 64/6, 906–920.
- Vorkachev, S. G. (1998). Zavist' i revnost': k semanticheskomu predstavleniiu moralnykh chuvstv v estestvennom iazyke. *Izvestiya AN. Seriya literatury i iazyka*, 57/3, 39–45.
- Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge University Press.

Received on October 29, 2025

И. Б. ИТКИН

Институт востоковедения РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ТЕКСТАМ РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ*

Статья содержит свод поправок, уточнений и иных комментариев к нескольким десяткам берестяных грамот из Великого Новгорода, Смоленска, Старой Руссы и Твери, а также к найденной в Новгороде в 2024 г. надписи на костяном навершии. В кратком методологическом вступлении обсуждаются вопросы о допустимости чтений, предполагающих наличие в тексте грамоты описок, о целесообразности возвращения к некоторым интерпретациям, предложенным в 1950–1970-е гг. первооткрывателем грамот А. В. Арциховским, а также о важности независимого чтения трудных мест несколькими исследователями. В статье, в частности, показано, что фрагменты грамот № 109, 1047 и 717, посвященные поиску важного для автора человека, обнаруживают в точности одну и ту же коммуникативную структуру; обсуждается новая интерпретация знаменитой словоформы **зоронами** из грамоты № 157 (не ‘жерновами’, как предложено А. А. Гиппиусом, а ‘зернами’); для грамоты № 950 восстанавливается ситуация «косвенной просьбы», обращенной не к адресату (вероятно, матери), а через его посредство к третьему лицу (возможно, отцу) — аналогичное построение имеет заключительная часть грамоты № 354. Специально рассматриваются некоторые вопросы структуры адресных формул, ранее не привлекавшие внимания исследователей: имеющийся материал дает основания утверждать, что обращение к адресату по имени-отчеству характерно почти исключительно для челобитных, а именование адресата одновременно по родству и по имени

* Мы выражаем искреннюю благодарность за помощь в работе и многочисленные критические замечания С. В. Бачинскому, А. А. Гиппиусу, Д. С. Крылову (его вклад особенно значителен), С. И. Переверзевой, А. В. Птенцовой, Д. В. Сичинаве, а также всем слушателям двух докладов, прочитанных автором 14 и 28 октября 2025 г. в рамках семинара по истории русского языка и культуры в Институте русского языка имени В. В. Виноградова РАН и в значительной степени посвященных тому же кругу вопросов (для краткости мы далее называем эти два выступления просто «докладом»). Наиболее важные комментарии, высказанные в ходе дискуссии, включены в соответствующие разделы статьи; при этом может использоваться нестандартное сокращение «о. д.» (= «обсуждение доклада»). Кроме того, А. А. Гиппиус и Д. В. Сичинава выступили и в роли рецензентов настоящей статьи; замечания и предложения, высказанные в их рецензиях, приводятся в тексте с пометой «рец.». Автор хотел бы принести отдельную благодарность обоим названным исследователям за возможность цитировать их соображения не анонимно.

(к бабѣ · к марѣмьнѣ) получает распространение лишь с середины XIV в., при этом термин родства всегда предшествует имени.

Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусский язык, адресные формулы, описки, конъектуры, А. В. Арциховский.

Настоящая работа содержит собрание поправок, уточнений и иных комментариев к некоторым ранее опубликованным берестяным грамотам, не объединенных общей темой. Из недавних исследований в данной области наша статья по жанру и композиции стоит ближе всего к работе [Гиппиус, Сичинава 2021], также опубликованной в журнале «Русский язык в научном освещении».

В своих комментариях мы не ориентируемся на какие-либо конкретные теоретические положения, однако хотели бы предпослать анализу материала грамот несколько соображений методологического характера.

1) В некоторых случаях предлагаемые нами чтения основаны на предположении о наличии в тексте описок. Как известно, в первые десятилетия после открытия берестяных грамот господствовало (в том числе среди лингвистов) представление о них как о нагромождении самых невероятных ошибок и несуразностей. С началом работы над грамотами А. А. Зализняка это представление было справедливо отвергнуто, и по крайней мере с 1990-х гг. на уровне общих деклараций обычным становится противоположное утверждение — о том, что «в грамотах все правильно». Между тем, любой исследователь, работавший со сколь-нибудь представительной выборкой берестяных грамот, знает, что в действительности описок в грамотах достаточно много («настоящих» же ошибок, насколько позволяют судить имеющиеся ныне сведения о древнерусских говорах, напротив, совсем мало). Более того: если начиная с 1980-х гг. стремительный прогресс в изучении палеографии и языка грамот привел к безоговорочной отмене неисчислимого множества мнимых неправильностей, то в последнее время наметилась обратная тенденция — в грамотах, в том числе найденных и изданных достаточно давно, стали «обнаруживаться новые описки». Приведем два примера из работ, написанных буквально несколько месяцев назад и еще даже не опубликованных:

— Д. С. Крылов предлагает рассматривать написание **гришки кожуюе** в грамоте № 141 как результат пропуска слога в сочетании **гришки<не> кожуюе** [Крылов, Соколов (в печати)];

— С. В. Бачинский правит фразу **велише ми ехате в го{о}родо** в грамоте № 415 на **вели <ж>е ми ехате в го{о}родо** [Бачинский (в печати)].

Не разбирая аргументации, изложенной в этих работах, подчеркнем лишь, что в обоих случаях реально засвидетельствованный текст грамоты не содержит ни невозможных буквенных последовательностей, ни очевидно аномальных словоформ; целесообразность конъектур обосновывается нарушением присущих всему корпусу берестяных грамот закономерностей

достаточно высокого порядка (выражения посессивности в грамоте № 141, коммуникативной организации текста в грамоте № 415). Хотелось бы думать, что предлагаемые нами чтения, основанные на гипотезах об описке, лежат в русле той же тенденции (прежде всего это касается грамот № 395, 705 и 824).

2) Применительно сразу к нескольким грамотам, найденным в 1950–1970-е гг., представляется важным возвращение в научный оборот чтений, предложенных их публикаторами. Первые семь томов «Новгородских грамот на бересте» подготовил к печати (в одиночку или в соавторстве) Артемий Владимирович Арциховский (1902–1978). А. В. Арциховский не был лингвистом и, судя по содержанию и тону некоторых его комментариев, в целом разделял взгляд, согласно которому среди авторов грамот хватало людей, не слишком владеющих письмом¹. Однако, помимо не подлежащей сомнению эрудиции профессионального историка, первооткрыватель берестяных грамот обладал языковой интуицией и умением обращаться к здравому смыслу. Некоторые из предложенных им решений, ныне незаслуженно забытых, находят себе подтверждение в других древнерусских документах, в том числе в берестяных грамотах, обнаруженных десятилетия спустя.

3) Надежность чтения того или иного трудного фрагмента существенно повышается, если одно и то же решение было независимо предложено двумя (или более) исследователями. В связи с этим важно подчеркнуть, что поддержанные нами интерпретации первоиздателей для грамот № 174, 354 и 373 автор настоящей работы сначала придумал сам и лишь затем нашел их в соответствующих томах НГБ. В свою очередь, мы неоднократно просили коллег высказать суждение о спорных местах ряда грамот, не сообщая заранее своего собственного мнения. Полученные ответы по возможности приведены в тексте работы.

Новгородские грамоты обозначаются просто номером и рассматриваются в порядке возрастания номеров. Грамоты из других городов (Смоленска, Старой Руссы и Твери) приводятся после новгородских; завершает работу краткий комментарий к найденной в Новгороде в 2024 г. надписи на костяном навершии. Для грамот, размещенных на интернет-сайте gramoty.ru, после номера указывается (в заголовках разделов — обязательно, внутри разделов — в случае необходимости) так называемая «условная дата» — интервал в 10, 20 или 25 лет, к которому соответствующий документ может быть отнесен с максимальной вероятностью на основе стратиграфического и внестратиграфического датирования.

¹ Ср., например (о грамоте № 131): «Неуклюжий почерк неумелого писца...», «Она написана малограмотным человеком и едва ли русским; в связи с этим в грамоте много явных искажений» [НГБ III: 68].

№ 4 (1320–1340)

Грамоте № 4 посвящена специальная работа [Сичинава 2017], к которой необходимо добавить также один из подразделов более поздней статьи того же автора [Сичинава 2020: 149] и комментарии А. А. Гиппиуса [НГБ XII: 196].

Приведем текст грамоты целиком с двумя наиболее надежными конъектурами из числа ранее предложенных:

Ѡ микитѣ · ко цертоу · цто ксмъ ·
 руцилъ оу петра · на городищѣ · н...
 юрги · бѣлъ · вѣдалъ · со двора · н... ..
 не оувѣдалса · а ме · не вѣдалъ ... (ре)
 клъ кси железного · по...
 рубль взавѣ · а ты н... .. (на Олекса)
 ндр[ѣ] исправи госп...
 возми · сапозѣ ·

В первой строке Д. В. Сичинава усматривает глагол *поручитиса*, что предполагает конъектуру *цто ксмъ* (за юрга са по)руцилъ или *цто ксмъ* (за юрга са бѣлъ по)руцилъ [Сичинава 2017: 221]; поскольку при контактном расположении двух энклитик *са* должно предшествовать *ксмъ*, после *цто ксмъ* усматривается ритмико-синтаксический барьер. Однако такое положение *са* — не в вакернагелевской позиции и не в постпозиции к глаголу, а между связкой и *л*-формой — было бы чрезвычайно необычным. На наш взгляд, выход здесь состоит в том, чтобы восстанавливать в тексте грамоты не *поручитиса*, а не имеющий показателя возвратности глагол *выручити*. Тесная смысловая связь этих двух глаголов не вызывает сомнений, ср. толкование *выручити* в его юридическом значении в [СлРЯ XI–XVII, 3: 244]: ‘Освободить кого-л., заплатив нужную сумму или дав поручительство’ — и приведенный там же фрагмент документа из архива П. М. Строева (1591): «А всѣ мы, поручники Дмитриевского погоста Кременецкого, выручили есмя... Офонаска Яковлева сына... стати ему за нашею порукою у городского у государева...» и т. д. До недавнего времени глагол *выручити* был в берестяной корреспонденции неизвестен, но это не могло объясняться ничем, кроме случайности; и действительно, этот глагол встретился в найденной в 2022 г. грамоте № 1153. Поскольку придаточное предложение стоит перед главным и описывает событие, хронологически предшествующее событию, описанному в главном предложении и выраженному плюсквамперфектом, кажется более вероятным, что в придаточном предложении также была употреблена сверхсложная форма: *цто ксмъ* (бѣлъ юрга вы)руцилъ.

Во второй строке тот же исследователь колебался между конъектурами *н(а томъ мене)* [Сичинава 2017: 223] и *н(ынѣ ма)* [Сичинава 2020: 149]. Наличие в тексте слова *нынѣ* кажется высоковероятным с учетом наблюдения А. А. Зализняка: «В берестяных грамотах в сложных предложениях,

начинающихся с вводящего тему *что*, главное предложение в большинстве случаев вводится союзом *а* или *и* (изредка *то*) <...>. Там, где союза нет, его роль могут играть указательные наречия: <...> *чо кєсте приказали мнѣ свою землю, нонѣ, осподо, подовалъ кєси пожни вашимъ здоровьємъ* 962» [НГБ XII: 196–197] (подчеркивание в источнике. — И. И.). При допущении в первой строке конъектуры *что кєсмь (быль юрга вы)руциль* (и тем более при принятии версии самого Д. В. Сичинавы с глаголом *поручитиса*) во второй строке оказывается достаточно места для «комбинированного» чтения типа *н(ынѣ ма во томѣ)*, ср. *а нынѣ ма : въ томѣ : ала кѣнагъини* 109 (1100–1120).

Говоря о третьей строке, Д. В. Сичинава несколько раз подчеркивает, что *бѣмъ* при его реконструкции «не выступает в качестве фразовой энклитики последнего ранга», «стоит не на месте энклитики» [Сичинава 2017: 223, 225]. Основания для такого вывода нам неясны: препозиция *бѣмъ* по отношению к смысловому глаголу, напротив, свидетельствует в пользу его энклитического статуса — нужно только предположить, что перед подлежащим *юрги* имеется ритмико-синтаксический барьер. Однако как раз во фразах с *нынѣ* ритмико-синтаксические барьеры вполне обычны [Зализняк 2008: 98], встречаются и примеры разделения энклитик, сходные с тем, который мы предполагаем для грамоты № 4: *ны(н) же // оу ноужи сеи // бо-ленъ єсмь велми* (Киевская летопись) [Там же: 112], *нынѣ же // клатвою // клєноу ти (с)* (Галицкая летопись).

Наконец, Д. В. Сичинава относит реконструированную А. А. Гиппиусом синтагму (*на олекса)ндрѣ* к императиву *исправи* [Сичинава 2017: 226]. Однако после *исправи* почти наверняка идет обращение *госп(одинѣ)*; между тем, как уже более 20 лет назад отметил А. А. Гиппиус, «вокатив в древнерусской фразе чаще всего занимает вторую или первую позицию, но никогда не заканчивает самостоятельной фразы» [Гиппиус 2003: 48]². Напротив, предложений, начинающихся с последовательности «императив + обращение», в грамотах насчитывается не менее полутора десятков. Правда, если в первой строке было утрачено 10 букв, то в шестой — максимум 20; втиснуть в такую небольшую лакуну подходящий по смыслу и синтаксису текст трудно, но все же возможно: приемлемой кажется, в частности, реконструкция типа *а ты н(иле) куны возми на олекса)ндрѣ*³. Для седьмой строки (лакуна такого же размера) можно предполагать нечто вроде *испра-*

² Применительно к древнерусскому языку в целом это наблюдение А. А. Гиппиуса все же не может пониматься как синтаксический закон, однако на материале берестяных писем оно практически не имеет исключений (см. подробнее [Иткин (в печати)]).

³ А. А. Гиппиус (рец.) предложил вместо условного *н(иле)* восстанавливать *н(ынѣ)*. В берестяных грамотах мы не смогли найти фразы с таким порядком слов, но в других древнерусских памятниках он отмечен — ср., в частности, известный пример из Киевской летописи: *ты нынѣ в оксамитѣ стоиши. а князь нагъ лежить*.

ви госп(одине во борзѣ да оу савѣ) возми сапозѣ. Заметим, что форма *сапозѣ*, единодушно трактуемая как *nominativus pro accusativo* [НГБ IX: 125], вообще говоря, может представлять собой и «настоящий» приимперативный номинатив: к давнему примеру *прилбица даи* 383 (1380–1400), уникальность которого естественно способствовала попыткам иной интерпретации [Петрухин 2020], ныне добавился пример *а въспиши ми грамота* 1144 (1160–1180).

Кратко суммируем те наши наблюдения над текстом письма Микиты, которые существенно влияют на его трактовку и представляются нам наиболее обоснованными:

- на стыке первой и второй строк кажется более логичным восстанавливать не глагол *поручитисѧ*, а глагол *выручити*;
- в третьей строке нет необходимости рассматривать форму *бѣмѣ* как нарушающую закон Ваккернагеля;
- в седьмой строке между (*на олекса*)*ндрѣ* и *исправи* с высокой вероятностью проходит граница предложений.

№ 18 (1410–1420)

Некоторые затруднения у комментаторов вызывает то обстоятельство, что сочетание ...*ви*^у и *брѣ*^т *юго*, предположительно относящееся к авторам грамоты, стоит в именительном падеже (а если предполагать родительный падеж, ожидалось бы *и ѿ бра*^м [НГБ X: 83]). С учетом датировки и тематики письма наиболее простое и вероятное, на наш взгляд, объяснение состоит в том, что грамота начиналась с формулы *челом бьют*.

А. А. Гиппиус (рец.) и Д. С. Крылов (личное сообщение) отметили, что другие челобитные, в которых автор (или один из авторов) именовался бы по отчеству, неизвестны. Но, во-первых, грамот, в которых автор называл бы себя по имени-отчеству, вообще очень мало. Если оставить в стороне *поклонѣ ѿ юриа ѿ жидилова* 1131 (1320–1340) в начале послания-абракадабры, возможно, написанного ребенком, таких адресных формул обнаруживается всего две (обе — в грамотах XV в., практически синхронных грамоте № 18): *приказѣ ѿ ѿндрѣяна михаїлович* (sic!) 303 (1420–1430) и *поклонѣ ѿ игната ѿ григорьи ѿ матфѣеви[ца]* 464 (1420–1430). Во-вторых, обрывочное ...*ви*^у может быть конечной частью не отчества, а, например, катойконима типа *братилович* — ср. именно такой набор компонентов адресной формулы при ином их грамматическом выражении в грамоте № 297 (также 1420–1430): *целобитѣ ѿ сергина з братыки изъ рагуилова*.

№ 56 (1240–1260)

Совсем маленький фрагмент:

...н[і :] водомоаа локо(т) ...

... [по́д]ошьви [п]ерь-[є]...

Согласно [Сичинава 2023: 214–215], остатки предпоследней буквы во второй строке «больше всего <...> напоминают *ш*», что позволяет усматривать в тексте грамоты форму мн. ч. слова **першень* — варианта к *поршень* ‘разновидность кожаной обуви’. Но, во-первых, такой вариант данной лексемы как будто нигде не засвидетельствован. Во-вторых, упоминание рядом частей обуви и обуви как таковой не столь естественно, как полагает исследователь. Нам кажется возможным другое решение. Грамота вовсе не обязательно должна была состоять только из списка вещей: она могла содержать и, например, какие-то распоряжения⁴. О графической системе грамоты по нескольким сохранившимся словам судить невозможно; вполне допустимо предполагать в ней присутствие эффекта *e* → *e/ь* (или просто *ь* = *e*). Форма [по́д]ошьви (что бы ни стояло в ней за конечным -и) с равным успехом может представлять собой как именительный, так и винительный падеж мн. ч. С учетом всего этого едва ли не более предпочтительной выглядит конъектура [по́д]ошьви [п]ерь[шє](и) ‘перешей подошвы’; ср. *ошее* ‘общей’ 809 (1160–1180).

Как отметил Д. В. Сичинава (рец.), А. А. Гиппиус в личной беседе сообщил ему, что еще до выхода статьи [Сичинава 2023] обдумывал вариант [п]ерь[шє](вени) ‘перешитые’; по общей логике этот вариант очень близок предложенному нами.

№ 109 (1100–1120)

Анализ лингвистических особенностей грамоты привел А. А. Зализняка к убедительному предположению о том, что ее автор «был родом из Юго-Западной Руси» [ДНД₂: 259]. Основываясь на форме *нынѣка*, встретившейся в жалованной грамоте князя Владислава Опольского Даниле Дажбоговичу (1375), и на украинском диалектном *ниніка*, С. В. Полехов и В. Б. Крысько предложили выделять в тексте грамоты № 109 единую словоформу *нынѣка* вместо принятого в первоиздании и в последующих публикациях *нынѣ ка* (наречие + частица) [Полехов, Крысько 2021: 38]. В своем недавнем докладе об истории частицы -ка А. В. Циммерлинг высказался в пользу традиционной трактовки [Циммерлинг 2025]. Разделяя точку зрения А. В. Циммерлинга, мы хотели бы несколько дополнить его аргументацию.

⁴ Странная последовательность ...н[і :] (если она вообще прочитана правильно) гипотетически могла бы включать в себя конец словоформы (кри)н[і] ‘купи’. О возможном бытовании глагола *крити* в грамотах XIII в. см. ниже в связи с грамотой Смол. 2/3.

Во-первых (что уже отметил А. В. Циммерлинг), слово **ныне** встречается в грамоте еще дважды. При этом в двух других случаях за ним следует энклитика структуры *CV*. Решение С. В. Полехова и В. Б. Крысько разрушает эффектный параллелизм (цитируем, заменив деление на строки делением на синтагмы):

α **ныне** **ма** : **въ** **томъ** : **аа** **кънагыни** :
 α **ныне** **са** **дружина** : **по** **ма** **поручила** :
 α **ныне** **ка** : **посъли** **къ** **томуу** : **моужеви** : **грамотоу** :

Во-вторых, сочетание «ныне + императив» с семантической точки зрения идеально для употребления частицы *ка*. В современном русском языке *-ка* в подавляющем большинстве случаев неотделимо от глагола; хорошо известен вывод Н. В. Перцова о том, что «его поведение — с точки зрения критериев автономности — гораздо ближе к поведению аффиксов, нежели к поведению словоформ» [Перцов 2001: 157]. Тем более замечательно, что даже в текстах XX–XXI вв. обнаруживаются примеры, в которых *-ка* присоединяется к наречию *теперь* (более употребительному синониму *ныне*, ныне имеющего оттенок некоторой книжности), за которым следует императив: ср. *Теперь-ка попробуй запрячь, удержи, запрети!* (В. Ланцберг, «Начать бы все заново...», 1973), *А теперь-ка посмотри — все погасли огоньки* (из детской песенки), а также примеры из Интернета (пунктуационное оформление сохранено): *Не долечили, а теперь ка лечись сам; А теперь-ка давайте показывайте все накопленные, начиная с весны* и т. д.

№ 109 (1100–1120), **№ 1047** (1100–1120),
 также **№ 55** (1300–1320), **№ 782** (1200–1220)

В грамоте № 109 для фразы **посъли къ томуу : моужеви : грамотоу : е ли оу него роба** : конкурируют два основных понимания: ‘пошли к тому человеку грамоту: у него ли рабыня?’ и ‘пошли к тому человеку грамоту, если рабыня у него’. Комментарий А. А. Зализняка: «В конце 5-й строки в принципе можно усматривать как *е ли* ‘есть ли’, так и *ели* ‘если’. После находки грамоты № 776, где встретилось *ъли* (= <ели>) ‘если’, второе прочтение, по-видимому, следует признать предпочтительным. Здесь существенно то, что единственный бесспорный пример для ‘есть ли’ имеет вид *ест<ь> ли* (*даи попытай есте ли Мафеї оу монастыри* 717), а в примерах с бесспорным *е* (скажем, *оце е тебе н[е] годена* 705) это *е* ведет себя как энклитика» [ДНД₂: 257].

Однако в 2012 г. была обнаружена грамота № 1047, начало которой выглядит так: + ѿ **дѣмѣка** : **къ** **сновидови** **попытай** **оучѣа** **є** **ли** **тоу** **мои** **дѣлѣженикъ** :. С находкой этой грамоты морфологический аргумент, приведенный А. А. Зализняком, теряет силу: поскольку **є** **ли** здесь безусловно означает ‘есть ли’, а не ‘если’, не остается сомнений, что полноударное *е*

в древненовгородском диалекте существовало. Более того: такое же *є* ныне усматривается в грамоте № 101 (1340–1360): *є гн...* ‘Есть, господин...’ [Гиппиус, Сичинава 2021: 185–186]. Отметим, что и здесь *є* стоит перед словоформой, занимающей ваккернагелевскую позицию, — в данном случае не энклитикой, а обращением. Та же тенденция распространяется и на оба примера формы *е*, обнаруживаемые в Синодальном списке Новгородской первой летописи: *рекоша же новгородьци · ꙗ ли вина ꙗго ·* (*ꙗ* в начальной позиции перед *ли*), *о великъ ꙗ бра(т)ꙗ промысль бѣжи ·* (*ꙗ* перед обращением, на этот раз само в ваккернагелевской позиции).

Правда, грамота № 109 почти наверняка написана не на древненовгородском диалекте (см. об этом непосредственно выше). Однако, как отмечено в [ДНД: 397], аналогичный пример имеется в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) по Лаврентьевскому списку: ...старецъ. *ре(ѹ) ꙗѡлинику. иди впрашаи ꙗ ли миѡаль в кельи.*

Фраза *попѣтаи оуѡча ꙗ ли тоу мои дѡлѣженикъ*, в свою очередь, может пониматься двояко. Издатели дают перевод ‘Поищи Уйца: тут ли [этот] мой должник?’, добавляя: «Менее вероятно понимание первой фразы как ‘Спроси Уйца, тут ли мой должник’» [НГБ XII: 148].

На наш взгляд, соотношение вероятностей должно быть признано обратным, даже если рассматривать грамоту № 1047 изолированно. Берестяным письмам (как и вообще любым текстам, не рассчитанным на художественный эффект), как кажется, не свойственно называние одного и того же человека сначала именем, а потом описательным выражением. Напротив, неупоминание имени должника, и так заведомо известного Сновиду и/или Уйцу, может объясняться соображениями конфиденциальности.

Самое же главное заключается в том, что в случае принятия трактовок, которые до настоящего момента считались менее конкурентоспособными, грамоты № 109 и 1047 обнаруживают структурное тождество по семи (!) позициям, шесть из которых с ними разделяют упомянутая А. А. Зализняком грамота № 717 (1160–1180) и образующая к ней точнейшую параллель фраза из ПВЛ:

Автор ~ говорящий (1) просит адресата (2) узнать (3) [у источника информации (4)], находится ли (5) в некотором месте (6) интересующий его персонаж (7).

№	1	2	3	4	5	6	7
109	Жизномир	Микула	поꙗли ... гра- мотоу	«тот муж»	є ли	у него	рабыня
1047	Домко	Сновид	попѣтаи	Уец	ꙗ ли	здесь	должник
717	игуменья	Офросения	попѣтаи	—	єсте ли	в монастыре	Матфей
ПВЛ	старец	келейник	впрашаи	—	ꙗ ли	в келье	Михаль

(Ключевые позиции 3 и 5 для наглядности приведены в оригинальном виде.)

В грамотах № 1047 и 717, где, в отличие от грамоты № 109, речь явно идет о личных расспросах, вдобавок использован один и тот же глагол *попытати*.

Как представляется, выявленный параллелизм может считаться существенным аргументом в пользу переводов ‘пошли к тому человеку грамоту: у него ли рабыня?’ и ‘Спроси Уйца: здесь ли мой должник?’⁵.

Для сильно фрагментированной грамоты № 55 (1300–1320), в которой такое же спорное *є ли* опять-таки стоит после слова *грамотѣ* (*а ко мнє ... дворнюю грамотѣ є ли ѣ те[бє]* (...)), с учетом вышесказанного также выглядит более предпочтительной его трактовка как ‘есть ли’; мыслима, например, реконструкция типа ‘А ко мне, (господин, пошли) дворнюю грамоту: у тебя ли <то-то и то-то>?’ И даже в «жалком обрывочке» № 782 (1200–1220), весь известный нам текст которого составляют три буквы *єми...*, не кажется невозможным усматривать нестандартного типа владельческий ярлычок: *є ми ...* ‘Есть у меня (X)!’. При обсуждении доклада участники дискуссии единодушно сочли эту гипотезу маловероятной и выдвинутой едва ли не в шутку. Нисколько не настаивая на ее справедливости, отметим лишь, что и для такого сочетания находится параллель: *но нѣкогда є мь* ‘да мне некогда’ (Волынская летопись).

№ 157 (1410–1420)

Сохранившийся текст грамоты выглядит так:

Г̃ну миѡилу юрьєвичю бѣютъ челомъ х̃р̃стане
чєрєнцани чо кси Г̃нє велѣлъ намъ перест(а)вати
вати дворъ и ключникъ намъ Г̃нє велитъ пер(є)[с]та
(валивати)и Г̃нє ли--вы
... не оупра
...

Перевод А. А. Зализняка: ‘Господину Михаилу Юрьевичу бьют челом крестьяне черенщане. Ты, господин, велел нам переставлять (т. е. ставить заново) двор, а ключник нам, господин, велит переставлять... (вероятно: что-то еще)’ [ДНД₂: 666].

Такое понимание, согласно которому ключник не просто позволяет себе игнорировать приказ Михаила Юрьевича, но и, так сказать, пародирует его, представляется нам чересчур сложным. Гораздо естественнее считать, что ключник всего лишь напоминает крестьянам о порученном им деле (‘Что касается того, что ты, господин, велел нам переставлять двор и ключ-

⁵ По сообщению П. В. Петрухина (о. д.), он пришел к выводу о предпочтительности отстаиваемой здесь трактовки грамоты № 1047 независимо и отчасти основываясь на тех же параллелях.

ник нам, господин, велит [его] переставлять...'), сами же они по каким-то причинам считают это распоряжение трудновыполнимым.

В четвертой строке утрачено примерно 27 букв, 7 из которых приходится на глагол **переставлявати**. При этом грамота № 157, судя по всему, относится к числу тех поздних челобитных, авторы которых считали нужным вставлять обращение (*г*)**осподине** в каждое простое предложение; образцовым примером такого документа может служить грамота № 446 (1380–1400) [Иткин (в печати)]. Перед **г̃не**, скорее всего, стоит какая-то форма повелительного наклонения. С учетом всех этих соображений пространство для маневра оказывается совсем небольшим. Возможна, например, такая реконструкция:

<...> и **клячуникъ** **намъ** **г̃не** велитъ пер(е)[с]та
(**в**ивати **а** **намъ** **г̃не** силы **нѣтъ** и **вѣл**)и **г̃не** <...>

Для *а* нам, господин, силы нет ср. ... **а** **намъ** **ѡспо[д.]ѣне** **дѣтъ** **силѣ** **нѣтъ** . 1155 (1420–1430); **а**же **къму** · **будѣтъ** · **сидитъ** · **нам{ам}ъ** · **сили** : **ниту** · **сидити** : 370 (1360–1380). Конечно, мы не утверждаем, что в грамоте № 157 непременно была использована именно эта формула.

Структура начальной фразы в нашей реконструкции (*что* P_1 и P_2 — *а* Q) для синтаксиса берестяных грамот не уникальна, ср. (с другим вводным союзом) **ѣ**же **ми** **отѣць** **дѣлаъ** и **роди** **сѣдѣли** **а** **то** **за** **нимъ** 9 (1160–1180).

№ 167 (1380–1400)

чолобитыѣ · **ѡ** **мельника** · и
з **лостыици** · **к** **юрю** · **к** **оныци**
форову · **ѡ** **би** · **господинѣ**
пѣцѣлилеса · **зоронами** · **а** **н**
нь · **посли** · **свои** · **чоловекъ** ·

Слово, стоящее после **пѣцѣлилеса**, читали и как *горюнами* ‘бедняжками (?)’ [НГБ IV: 52–53], и как *чоронами* ‘солеварными котлами (?)’, и как *хоронами* ‘съестными припасами (?)’ [ДНД₂: 591–592]. Лишь в 2015 г. А. А. Гиппиус показал, что первая буква этого слова — *з*. Исследователь предложил интерпретировать форму **зоронами** как твор. пад. мн. ч. от диалектного *жърна* ‘жернов’ с отражением шоканья (смещения *ж* и *з*). По мысли А. А. Гиппиуса, при таком решении «[п]роясняется и бытовая ситуация грамоты: мельник заботится о том, о чем ему и пристало заботиться, — о мельничных жерновах» [НГБ XII: 208–209].

Разумеется, ни в присутствии в тексте грамоты сравнительно редкого диалектизма, ни в его записи с отражением сравнительно редкого фонетического явления нет ничего невозможного. Тем не менее, существует и прочтение, при котором не возникает необходимости ни в одном из этих допущений: при этом прочтении фраза **ѡ** **би** · **господинѣ** **пѣцѣлилеса** · **зоронами** понимается как ‘Позаботился бы ты, господин, о зернах’.

В берестяных грамотах многократно засвидетельствовано слово *вьришь* ‘хлеб в скирдах, зерно’ и уменьшительное от него *вьришьца*, но полная утрата в древненовгородском диалекте лексемы **зьрно*, и поныне, кажется, сохраняющейся во всех славянских языках, совершенно невероятна. Между словами *вьришь* и *зьрно* могло иметься какое-то семантическое различие; в частности, слово *вьришь* как будто бы не встретилось в контекстах, связанных с помолом. Упоминание о зернах в письме мельника ничуть не менее уместно, чем упоминание о жерновах.

Такое решение напрашивается; не случайно в ходе нашего доклада его независимо предложил С. В. Малышев. По сообщению А. А. Гиппиуса, при подготовке XII тома «Новгородских грамот на бересте» он также рассматривал эту версию, но отказался от нее по следующим причинам:

- в собирательном значении ожидалась бы форма ед. ч. *зерном*;
- инновационное окончание *-ами* вместо старого *-ы* у существительных м. и ср. р. становится обычным лишь в более позднее время.

Безусловно, эти аргументы весьма серьезны. В то же время на данный момент оба они, строго говоря, представляют собой не более чем гипотезы. Действительно, слово *вьришь* выступает в берестяных грамотах как *singulare tantum*; однако знаменитая формула *сѣмена и ѣмена* ‘зерно для посева и зерно для еды’, встретившаяся в грамотах № 556 и 755, наоборот, известна только во мн. ч. (хотя здесь мы точно так же имеем дело с собирательным значением). О том, что в древнерусском языке слово *зьрно* обладало полной числовой парадигмой, свидетельствует пример из Киевской летописи: *слѣзѣ еѣго <...> ѥако жѣнѣюжѣнаѣ зѣрна*. Надежных примеров форм твор. пад. мн. ч. ср. р. в берестяных грамотах нет [ДНД₂: 111]; в других документах XIV в. обнаруживаются по крайней мере два примера с окончанием *-ами*: *с полами* в староукраинской грамоте № 31 (1383), *согрѣше-никами* в Пандектах Никона Черногорца (по рукописи конца XIV в.) [ИГД-РЯ I: 251]. В 2010 г. была найдена берестяная грамота № 1011 (1140–1160), содержащая совершенно невероятные для середины XII в. инновационные формы местн. пад. *на ножахо* и *на ожерьлиахо*. На настоящий момент этот пример остается изолированным; тем не менее, он может служить косвенным свидетельством того, что в Новгороде процесс вытеснения окончаний *о*-склонения окончаниями *а*-склонения в формах косвенных падежей мн. ч. проходил даже раньше, чем в других древнерусских землях.

С учетом всего сказанного трактовка формы *зоронами* как ‘зернами’, на наш взгляд, не должна априори отвергаться.

№ 174 (1160–1180)

От грамоты сохранился конец: ...*дѣе ольниина моа*. Как отметили ее издатели А. В. Арциховский и В. И. Борковский, «[с]лог *дѣе* может быть окончанием слова “на ладѣе”» [НГБ IV: 59]. С учетом позднейших находок

более правильным ныне представляется вариант (вѣ ло)дѣе, но в целом эту конъектуру, не отраженную в [ДНД₂], следует признать высоковероятной. О практике перевозки кож ладьями свидетельствует грамота № 1054 (1260–1280): у лодии ·ѣ· беремеи кожъ <...> і курово берема кожъ малое.

А. А. Гиппиус (рец.) указал, что рассматриваемая конъектура — не единственно возможная: допустим, например, вариант (у пола)дѣе. Это бесспорно так, но, на наш взгляд, параллель с грамотой № 1054 позволяет предпочесть решение издателей другим версиям.

Предлагаемый перевод: ‘...в ладье (?) моя оленья шкура’.

№ 246 (1025–1050)

В знаменитом, многократно комментированном разными исследователями послании Жировита к Стояну, как кажется, до сих пор не привлекало внимания соотношение двух некруглых чисел: 9 (то деватое лето) и 4½ (а не присълещи ми полоу паты гривны). Это соотношение трудно признать случайным: вероятно, Стоян поклялся Жировиту присылать в счет долга по полугривне в год.

№ 354, № 358 (обе — 1340–1360)

Блок 354 + 358 включает в себя два письма посадника Онцифора Лукинича, адресованных его матери. В [ДНД₂: 551] отражение фонемы ѣ в письмах Онцифора охарактеризовано так: «ѣ → и/ѣ (с господством и)». Эту формулировку можно уточнить. В первой фразе грамоты № 358 этимологический *ѣ оба раза сохранен: ·к· бѣлъ ·к· тобѣ. В дальнейшем, однако, писавший отказался от этимологического принципа и стал последовательно передавать *ѣ через и. Как отметил А. А. Гиппиус (рец.), это различие корреспондирует со сменой адресата: начало грамоты обращено к матери, продолжение — к Нестеру. Не исключено даже, что продолжение грамоты (а ты нестере и т. д.) было написано не сразу вслед за первой фразой, а спустя какое-то время; но независимых подтверждений этому мы не нашли. В грамоте № 354 графема ѣ полностью отсутствует, на ее месте всегда выступает и.

Выражение до пути 354 А. А. Зализняк [ДНД₂: 550] переводит как ‘до поездки’. Мы считаем необходимым вернуться к переводу А. В. Арциховского [НГБ VI: 47] ‘до зимнего пути’: «путь» здесь явно противопоставлен «отсутствию пути», т. е. распутице, ср. жже бѣховъ дома : нѣ распутие 1045. Как справедливо напомнил Д. В. Сичинава (рец.), в грамоте № 724 встретилось выражение по первомъ пѣти ‘по первопутку’.

Интересна фраза а сдисе не надиса 354. На первый взгляд, постановка частицы сѣ в постпозицию к глаголу, тем более в грамоте XIV в., не

требует специального обоснования. Однако оборот (а) ... *са не надѣи* явно представлял собой устойчивую формулу. В берестяных письмах он встретился еще трижды, в том числе в грамоте заметно более позднего времени, и во всех этих случаях *са* предшествует отрицанию:

а сѣмо са нѣ надѣи 943 (1180–1200);
 а ѿтоселе са не надѣи Ст. Р. 30 (1180–1200);
 на перед[ъ] на мене се не на[дѣ]и 25 (1400–1410).

Можно думать, что в послании Онцифора Лукинича препятствием для постановки *са* в ваккернагелевскую позицию стал своего рода «морфонологический барьер» — стремление избежать неблагозвучного сочетания *а *сдисе са не нади*.

№ 373 (1410–1420)

В [ДНД₂: 685] конечная часть грамоты представлена так: (а **нин**)є ѿ **томъ попецалисе ка тому би**...; исходя из понимания **ка** как приимперативной частицы, А. А. Зализняк предположил: «*би*... — может быть, начало от *би(рицю)*» [Там же: 686]. Впоследствии А. А. Зализняк пришел, однако, к выводу, что вместо **ка** следует читать **ка^{ко}**. В случае принятия этой поправки конъектура *би(рицю)* становится синтаксически маловероятной, и в [НГБ XII: 232] она не повторена. По оценке Д. С. Крылова (личное сообщение), это новое чтение нельзя считать надежным; но даже если слог *ко* в грамоте отсутствует, мы видим достаточно оснований вернуться к трактовке, предложенной А. В. Арциховским: «“Ка тому би” — как тому быть (слово “би”, возможно, недописано)» [НГБ VI: 72].

К контексту такое решение подходит очень хорошо: ‘...А теперъ позаботься о том, как все должно быть’. Если грамота не заканчивалась третьей из сохранившихся строк, считать форму **би(ти)** недописанной нет необходимости. Определенную трудность составляет **и** после **б**. Заметим, что буква **ы** в грамоте не встретилась. Написание **нинѣ** может отражать огласовку с *и*, но может передавать и <нынѣ>; за написанием **куни** также может стоять как <кунѣ>, так и <куны>. Тем самым, допустимо предположение, что в грамоте представлен эффект *ы* → *и* (для поздних грамот сравнительно нередкий); не исключено, хотя и не очень вероятно на стыке строк, и простое предвосхищение *и* следующего слога.

Формула *как тому быти* — именно в этом виде или с различными вариациями — неоднократно встречается в старовеликорусской деловой письменности, ср. примеры из НКРЯ:

И Юсуф деи о том присылал к Исмаилю, чтоб он у него был и с ним о том подумал, как тому быти, воевати ли великого князя, с крымским соединачась, или не воевати? (Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 4-я. 1551–1556 гг.);

*Азовъ взяли есте безъ нашего царского повелѣнья, а атамановъ и казаковъ добрыхъ къ намъ не прислали, кого подлинно спросить, какъ тому **впередъ быти** <...>* (Царская грамота донским казакам с выговором за взятие Азова без царского указа и за убийство турецкого посла Фомы Катакузина (1637.09.20)).

Параллельная ей формула *так тому и быть* (с заменой относительного местоимения указательным) сохраняется в русском языке до сих пор.

№ 395 (1260–1280)

«Из грамот, сохранившихся целиком, эта грамота — по-видимому, самая трудная для интерпретации» [НГБ IX: 161]. Оценка, данная А. А. Зализняком, говорит сама за себя; как кажется, трудности, связанные с этим совсем коротким письмом, пока до конца не преодолены.

А. А. Зализняк писал о грамоте № 395 несколько раз. Впервые целостное ее прочтение было предложено им в 1993 г. [Там же: 162]. Позднее, в [ДНД₂: 519], исследователь привел заключительную строку грамоты в виде *Ѫм[у]ли исцастабе сюда*, оценив собственную более раннюю интерпретацию как «крайне уязвимую». Наконец, в [НГБ XII: 235] А. А. Зализняк внес буквенную поправку, которую счел достаточной для того, чтобы вернуться к чтению, данному в [НГБ IX]: «[П]од *аб* в слове *табе* обнаруживается <...> полустершееся (тем самым не вполне надежное) *т*, которое, очевидно, должно исправить *табе* на *таѣбе*; то есть подтверждается предположение В. Л. Янина о том, что *табе* = *таѣбѣ*. В целом письмо читается так:

поклоно ѿ григори ко ма-
тери 8дай л̄ гринво и та
8м[у]ли исца с та[т]бе · сюда

Перевод: ‘Поклон от Григория к матери. Дай 30 гривен и тем (букв.: так) упроси истца по делу о краже [приехать (вернуться)] сюда’. Заменяя *ѡмули исца татбе* на *ѡмули исца с татбе*, автор, вероятно, имел в виду ‘упроси истца приехать с дела о краже сюда’».

Какие-либо более поздние работы, посвященные интерпретации грамоты 395, нам неизвестны. И все же, на наш взгляд, нынешнее чтение третьей строки нельзя признать полностью убедительным ни с синтаксической, ни с семантической точки зрения. Предикат («≈ приехать») опущен, управление [*приехать*] с *татбы* вызывает сомнения. По прямому смыслу написанного получается, что Григорий просит мать отдать огромную сумму в 30 гривен только за то, чтобы истец согласился приехать к нему. Как отмечает А. А. Зализняк, «общий смысл записки, по-видимому, состоит в том, что мать Григория должна была дать истцу <...> тридцать гривен и угово-

ритель его удовлетвориться этим, т. е. отказаться от иска и вернуться туда, где находится Григорий» [НГБ IX: 162]. Но, во-первых, непонятно, что мешало Григорию выразить этот смысл менее странно. Во-вторых, ему, надо полагать, было бы совершенно все равно, куда отправится истец после отказа от иска. Помимо всего этого, необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство: лексема *сюда* (причем в несколько ином морфологическом оформлении — *соуда*) отмечена на бересте только в грамоте № 439 (1200–1220), тогда как ее синоним *стѣмо* встретился более 30 раз — с самого начала XII (грамоты № 424 и 736) до начала XV в. (грамоты № 173 и 19). О редкости в древнерусском языке формы *сюда* по сравнению с *стѣмо* писал, публикуя грамоту № 395, уже А. В. Арциховский [НГБ VI: 97].

Наше чтение отличается от чтения А. А. Зализняка лишь в отношении отрезка после *исца*. Мы полагаем, что в письме Григория нет ни слова *татѣба*, ни слова *сюда*, а заключительная часть его просьбы выглядит как *ѡм[у]ли исца ста[т] бѣ сюда*, что в записи без ошибок и исправлений эквивалентно *ѡмули исца стат<и> бѣ с<у>да* ‘упроси истца решить дело без суда’.

Наличие или отсутствие подписного *т* для выбора между двумя вариантами прочтения роли не играет: при его отсутствии текст в обоих случаях содержит на одну ошибку больше (помимо несомненной перестановки букв в форме *гринво*). В целом же наше решение уступает решению А. А. Зализняка в палеографическом отношении (приходится признать, что автор недописал форму инфинитива и ошибся в обозначении твердости-мягкости; хотя такие написания отмечены в берестяных грамотах неоднократно, это, разумеется, не дает оснований считать их нормой), но существенно выигрывает в синтаксическом, поскольку предполагает обычную и естественную конструкцию «упросить кого-то сделать то-то». Ключевой вопрос заключается в реальности оборота *стати без суда* в значении ‘отказаться от иска, уладить дело миром’. Юридическое значение глагола *стати* хорошо известно; более того, в берестяных документах он только в этом значении и представлен: к четырем примерам, отмеченным в [ДНД₂: 802], ныне можно добавить грамоту № 1137 (1400–1410). Практика решения юридических споров «без суда» отражена термином *бессудная грамота*; в небольшом фрагменте № 251 (1380–1400) мы находим и глагол *стати*, и этот термин: <...> и не ста [н]а (с)[у](дѣ) ... (гра)м^{т} оту бесудную ѡѣдорцю на н(его). Правда, бессудная грамота свидетельствовала не о договоренности тяжущихся сторон, достигнутой вовсе без участия суда, а лишь о факте неявки одной из них на заседание. Д. В. Сичинава (рец.) предложил понимать оборот *стати без суда* немного по-другому — как ‘обойтись без суда’. По мнению исследователя, такое понимание «лучше отвечает ситуации и употреблению глагола *стати*», с чем мы готовы согласиться.

Так или иначе, предложенное нами решение остается крайне гипотетичным; мы полагаем необходимым новое обращение специалистов к отчаянному посланию Григория.

№ 424 (1100–1120)

Ранее как будто не привлекало внимания то обстоятельство, что, хотя письмо Гюргия адресовано отцу и матери, в тексте грамоты абсолютно последовательно используется множественное число. Поскольку предполагать утрату двойственного числа в идиолекте новгородца, жившего в начале XII в., невозможно, это означает, что Гюргий имеет в виду не только родителей, но и еще кого-то из членов семьи — вероятнее всего, своих младших братьев или сестер.

Фраза **идите же сѣмо смольнску ли кѣвоу ли** обычно переводится ‘идите сюда — в Смоленск или в Киев’. Однако Смоленск и Киев расположены достаточно далеко друг от друга, чтобы оба эти города одновременно можно было обозначить местоимением «сюда». Особенно странной такая интерпретация выглядит с учетом того, что чуть ниже Григорий предлагает родителям «прислать грамотку». При этом ни в одном из нескольких десятков случаев, когда автор берестяного письма просит адресата прийти, приехать или прислать что-либо «сюда», такая просьба не сопровождается никакими географическими уточнениями. Очевидно, в подобных ситуациях местонахождение автора полагалось либо априори известным, либо легко выяснимым у посланца, доставившего грамоту, и при этом достаточно постоянным, чтобы соответствующая просьба имела смысл. Мы предлагаем понимать фразу **идите же сѣмо смольнску ли кѣвоу ли** как ‘идите сюда [= туда, где находится Гюргий], или в Смоленск, или в Киев’.

Д. В. Сичинава (рец.) отметил, что пропуск союза *ли* после первого конъюнкта, предполагаемый при такой интерпретации, для древнерусского синтаксиса крайне необычен. Мы не исключаем, что такое опущение объясняется грамматической разнородностью местоименного наречия *сѣмо* и следующих за ним двух существительных. Кроме того, в рамках берестяного корпуса данный пример не имеет образцов для сравнения: другие контексты, которые требовали бы трехкратного повторения *ли*, в грамотах не представлены.

№ 426 (1100–1120)

Совсем маленький «фрагмент неопределенного содержания», с момента публикации в [НГБ VII: 34], насколько нам известно, не привлекавший внимания. Верхняя строка сохранилась в виде ...**оньсоупо**(...). Для этой последовательности кажется возможной конъектура **(к)онь соупо(нити)**; глагольная форма, разумеется, реально могла быть любой.

А. А. Гиппиус и Д. В. Сичинава (рец.) независимо друг от друга указали, что лист бересты прошит по правому полю (в издании данная особенность не отмечена), и расценили это как свидетельство того, что грамота представляла собой, например, левую створку диптиха или страницу берестяной

книжечки, содержавшей какие-то литературные тексты. Оба исследователя предложили видеть в отрезке **соупо...** начало слова *супостать*. Д. В. Сичинава (оговорив, что «[к]онь и супонь тоже приходили рецензенту на ум») назвал и возможный конкретный источник первой строки — книгу пророка Исайи, где дважды встречается сочетание *огнь супостаты* (*и ныне огнь супостаты пояст* Ис. 26:11; *и попалит огнь супостаты* Ис. 64:2). Это решение выглядит чрезвычайно привлекательным. Правда, некоторые сомнения может вызвать написание др.-рус. *огнь* со вставным <ъ> в грамоте рубежа XI–XII вв. Однако в ответ на наш вопрос Дмитрий Владимирович в личной переписке указал на написание [ог]ъньнѹео <огънью> в надписи на так называемом «Суздальском змеевике», предположительно датированном второй четвертью — серединой XII в.; комментируя эту форму, А. А. Гиппиус и А. А. Зализняк высказываются в пользу того, что «когда-то весьма рано рядом с *огнь возник вариант *огънь» [Гиппиус, Зализняк 1998: 555, сн. 9].

Даже если наше чтение (к)онь соупо(нити) должно быть отнесено скорее к разряду берестологических курьезов, оно оказалось полезным как первоначальный импульс, побудивший других исследователей обратиться к этому не лишенному интереса фрагменту.

№ 534 (1380–1400)

...[ъ]вану мѣлицю · фѣдо[р]
 ... [а]ле : і поѣхале · оу городъ
 ...[в]але · приими : звале смене · ѿг
 ... · шлеть · ѿго · на воцкую · землю : і ты ѿго · при
 ... · себе · ѿго · не даваі · занѣдо · оузати · то
 ...ною ·

Судя по всему, грамота № 534 была весьма нетривиальной как в содержательном, так и в языковом отношении. Тем более огорчительно, что по крайней мере в нечетных строках обрыв пришелся на наиболее интересные точки.

Некоторую загадку таит в себе уже адресная формула. Обращение по имени-отчеству для конца XIV — первой половины XV в. обычно, но все остальные такие грамоты представляют собой челобитные. Данное ограничение верно даже формально: во всех этих грамотах обнаруживается (не обязательно в составе адресной формулы) та или иная вариация выражения *бить челом*. Поскольку в интересующем нас отношении все эти грамоты однородны, просто перечислим их номера: 15, 94, 157, 297, 300, 301, 306, 307, 308, 310, 311, 313, (?) 352, 362. Грамота № 534 не имеет с челобитными ничего общего ни по содержанию, ни по тону: ее автор в социальном отношении стоит никак не ниже (а скорее выше) адресата. Эта особенность также имеет формальное выражение: в грамотах «типа 15» в роли обращения могут выступать только слова (*г*)осподине или (*г*)осподо, тогда как ав-

тор грамоты № 534 обращается к адресату по имени (...[в]ане). Все адресаты челобитных носят банальные отчества типа *Иванович, Михайлович, Онцифорович* или *Юрьевич*; антропоним *Мелич*, напротив, уникален. По предположению Е. А. Хелимского [Хелимский 1986: 258], это отчество образовано от древнефинского имени *Mieli* или *Mielo*. Однако сочетание нескольких странностей сразу заставляет предположить, что перед нами вообще не отчество, а, скажем, прозвище.

Нет полной ясности и с именем адресата. Согласно [ДНД₂: 630], оно «возможно, имело вид *Вань*; но могло быть и более длинное имя на *-ъвань*». Однако подобрать правдоподобное имя на *-ъвань*, как кажется, чрезвычайно сложно; даже если каким-то образом допустить, что адресата письма звали *Болван* (из раннедревненовг. **Бъльване*), сохранение *ъ* перед *в* в тексте конца XIV в. было бы труднообъяснимым.

С учетом параллели в четвертой строке для начала третьей строки очень привлекательной выглядит конъектура (т^ы юго) [в]ане · прими. Если эта конъектура верна, грамота содержала уникальный пример сдвига формы обращения на одно слово правее, чем предписывает закон Ваккер-нагеля, при полнударном местоимении 3-го лица. Все ныне известные надежные случаи использования такой конструкции приходятся на местоимения 1-го или 2-го лица, ср., например: *и ключникъ намъ гнѣ велитъ пер(є)[с]та(вливати)* 157 (1410–1420), *а ми тоби ѿгнѣ ѿфносе клана-есме* 406 (1360–1380) [Иткин (в печати)].

Наконец, в пятой строке имеется необычная последовательность ...цебе. Поскольку в грамоте нет смещения *ь* и *ъ* с *е*, конечное ...*ебе* однозначно указывает на местоименные формы *тебе* или *себе*, а появление *ц*, скорее всего, объясняется простой опiskой. Существует, впрочем, и другая возможность: в грамотах XIV–XV вв. несколько раз встретились вполне «современные» написания *ц* на месте сочетания *т^(о) + с*, ср. *изгодидце* 281 (1360–1380), *грозитьце* 359 (1400–1410), *не угодице* 21 (1410–1420) [ДНД₂: 89], а также *не продасци* (исправлено из *не продать*) Ст. Р. 2 (1410–1420). Не исключено поэтому, что написание *цебе* окказионально отражает такую же аффрикативизацию на стыке предлога с местоимением, т. е. в грамоте стояло нечто вроде ... (ѿ) *цебе* · *юго* · *не даваи* (детали графического оформления, конечно, могли быть и иными). Согласившись с этой конъектурой, А. А. Гиппиус (рец.) отметил, что распоряжение *прими* в таком случае естественно понимать в значении ‘задержи у себя, не отпускай’ (подробное обсуждение близких употреблений глагола *приати* см. в [НГБ XII: 260–261]).

№ 611 (1380–1400)

Привлекательная на первый взгляд конъектура (...) *пожа(ловалъ бы* *є)си ме(не в своѣ ку)нѣ гн(є) ...*, предложенная для этой грамоты с опо-

рой на грамоту № 949 (1360–1380) в [Сичинава 2023: 222], не соответствует правилам расстановки форм обращения, действующим в текстах берестяных писем (см. выше обсуждение грамоты № 4). Между тем для последовательности «...н<ѣ> + вокатив» есть все основания предполагать присутствие слова *нынѣ*, ср.:

а нонѣ ѡсп... мѣ подаите ... 1074 (1380–1400);
 а нынѣ · гинѣ ѡ{т} томѣ пѣцалѣсь · 1094 (1380–1400);
 нонѣ ѡсподинѣ ѡлѣкси·и не хощѣ намѣ ржы дати 310 (1400–1410);
 і нѣ гнѣ · прискоуи ко мнѣ 1137 (1400–1410; согласно [Гиппиус 2022: 9],
 нѣ здесь вместо нынѣ с пропуском слога);
 нонѣ · ѡсподо подовалѣ кси пожни вашимѣ здоровыѣмѣ 962 (1430–1450).

Для грамоты № 18 (1410–1420) аналогичная конъектура ((а ны)нѣ гнѣ буде ѡ ва(сѣ) ...) была предложена А. А. Зализняком [НГБ X: 83].

Ср. также с другим морфологическим оформлением наречия:

а нынѣца господинѣ братѣ <...> молови емоу 531 (1200–1220);
 а нынѣце ѡсподинѣ наб(о)лиса проци[мѣ] 372 (1360–1380; уточненное чтение в соответствии с [Сичинава 2023: 216]);
 а нонѣце ѡсподин пѣцалѣсь дѣтѣмѣ моими 135 (1380–1400);
 ... [нынѣ]ца ѡспо(до к)[а]к[о] пом[ѣш](ла)[ѣ]тѣ 304 (1420–1430).

Если в шестой строке грамоты действительно было утрачено именно девять букв, одним из возможных решений представляется реконструкция (...)пожа(ловалѣ бѣ ѣ)си мѣ(нѣ чимѣ а ны)нѣ гнѣ(ѣ)

№ 691 (1360–1380)

(...)в[ѣк]а в начале первой уцелевшей строки — скорее всего, конец словоформы (ѡло)в[ѣк]а.

Начало последней сохранившейся фразы с вероятностью, близкой к сто-процентной, восстанавливается в виде по томо гнѣ добили к[с](мѣ ѡло-мо) ...; из нескольких значений выражения *добити челомѣ* (см. о них [СлРЯ XI–XVII, 4: 255]) для послания крестьян господину лучше всего подходит «добиться чего-либо посредством просьбы». Это вполне согласуется с предположением издателей о том, что «после взятия в первый год податей крестьяне затем добились каких-то льгот» [НГБ IX: 78].

(Графический облик конъектур определяется следующими обстоятельствами: в грамоте представлен последовательный эффект ѡ → о; с другой стороны, буква ѣ в грамоте не встретилась, а написания *първы* и *гнѣ* дают основания предполагать наличие также эффекта е → ѣ.)

№ 705 (1200–1220)

Центральная часть письма Домажиря Якову имеет следующий вид:

а нынѣ слышу болену сестроу оцѣ ю бѣ поемете а присоли соно ко мене
со еѣ знатѣбою отѣ побудѣ сыно у мене а а са и ^{мо} потешоу и посолоу
ю опате во городѣ

Принятый перевод: ‘А теперь я слышу (= ты мне сообщил), что сестра больна. Если ее Бог приберет, то пришли сына ко мне с ее “знатъбой”, пусть он побудет у меня за сына и я им утешусь, а потом отошлю ее (“знатъбу”) обратно в город’.

Значение существительного *знатъба* остается не вполне ясным. Наибольшее признание получила выдвинутая в развитие идеи В. Л. Янина гипотеза А. А. Гиппиуса, согласно которой *знатъба* — это ‘завещание’, точнее, ‘долговая запись в функции завещания’ [Гиппиус 2004: 221–222]. Несмотря на развернутую аргументацию А. А. Гиппиуса, такое значение, на наш взгляд, не очень подходит к отраженной в письме ситуации. Домажир сам выделил сестре какое-то имущество и едва ли рассчитывает на ее деньги; а даже будь иначе, прямо писать об этом зятю еще при жизни сестры значило бы выставять себя в крайне невыгодном свете. Обсуждая возможную кончину сестры, автор письма подчеркнуто сосредоточен на эмоциональной и этической стороне дела. Нам кажется более естественным предполагать для слова *знатъба* значение типа ‘автограф’ (сколь бы осовремениваясь ни выглядел такой перевод). Очевидно, полностью убедительное решение этого вопроса недостижимо без новых находок.

Каково бы ни было точное значение слова *знатъба*, не могут не вызывать удивления слова *и посолоу ю опате во городѣ*. Во-первых, совершенно непонятно, почему отправлять «знатъбу» обратно в Новгород нужно именно после того, как Домажир «утешится» пребыванием племянника у себя в доме, и как при этом предполагается поступить с самим племянником. Во-вторых, в берестяных грамотах, кажется, нет других примеров, где местоимение 3-го лица отстояло бы настолько далеко от своего antecedента. На оба эти обстоятельства независимо от нас обратил внимание Д. С. Крылов: «[М]не всегда казалось несколько странным, что “опять в город” посылается “знатъба” (*посолоу ю*), а не сын» (электронное письмо от 16.07.2025 г.). Грамота содержит довольно много описок, большинство из которых автор заметил сам, за исключением двух, приходящихся как раз на среднюю часть письма: *соно* вместо *с<ъ>но*, *сыно у мене* вместо *сыно <о>у мене* [ДНД₂: 422–423]. Мы предлагаем добавить к этим двум опискам третью и считать, что за написанием *посолоу ю* стоит *посолоу <и>* ‘отошлю его (= сына)’. Такой тип описки — повторение предшествующей буквы вместо сходной с ней по начертанию — в берестяных грамотах хорошо известен, ср., в частности, *ни чимь* (*н<и> чимь*) 477, *ади* (*а<л>и*) 723.

№ 719 (1180–1200)

Письмо из двух строк; величина лакун неизвестна:

ПОКЛАНАНИЕ ѿ ДОМА... (ПОС)АДЬНИКУ ГОДЬ ТИ СЬЛО
ВОЗАТИ А СЫНО ТИ М[Ь]... (В)[Ъ]ДАНИЕ ВОСОЛИ

Принятый перевод (некоторые детали опускаем): ‘Поклон от Дома... посаднику. Если тебе угодно взять село (усадьбу), то сына ... ({возможно:} пришли) [и] расчет пришли’.

Такая интерпретация грамоты небесспорна. Неясно, кем по статусу мог быть человек, предлагающий посаднику «взять усадьбу» и требующий прислать за это расчет. Кроме того, наречие *годъ* ‘угодно, по нраву’ — элемент книжного языка: оно не только не представлено в других берестяных грамотах, но, как кажется, не встречается и в диалогах светских лиц в летописях.

Мы исходим из того, что получить село должен был не посадник от автора, а автор от посадника, и предлагаем интерпретировать **ГОДЬ** как относительное местоимение <*гдѣ*> (<*къдѣ*>), а **ТИ** — как уточняющую частицу: ‘Насчет того, где взять село (усадьбу)...’. Может показаться, что для грамоты конца XII в., в которой все слабые редуцированные стоят на своих местах, такая интерпретация, предполагающая не только выпадение *ѣ*, но и озвончение *к* перед *д*, невозможна. Однако недавно А. А. Гиппиус, анализируя форму **жицѣмъ** (<**житьцьмъ*>) ‘ячменьком’ 1114 (1120–1140) и ряд других примеров из грамот XII в., показал, что именно в тех случаях, когда падение редуцированного вело к изменению получившейся группы согласных, результат этого изменения мог отражаться на письме в документах, в остальном полностью сохраняющих раннедревнерусское состояние [Гиппиус 2020: 24–25]. В 2024 г. гипотеза А. А. Гиппиуса получила замечательное подтверждение: в грамоте № 1205 (2-я пол. XII в.) также на фоне сохранения всех слабых редуцированных встретилось написание **со [то]церию** ‘с дочерью’ [Гиппиус 2025: 28–29]. Это написание в точности параллельно написанию **ГОДЬ ТИ** в нашей его интерпретации: в обоих случаях «немой» гласный разбивает невозможный в раннедревнерусском начальный кластер, первый элемент которого в действительности уже подвергся ассимиляции.

Косвенным аргументом в пользу такого понимания отрезка **ГОДЬ ТИ** служит хронология: большинство примеров сочетания частицы *ти* с относительными местоименными словами («к-словами») приходится именно на вторую половину XII в. Приведем имеющийся материал (сочетание *что ти* исключено из рассмотрения, поскольку *что* в нем может представлять собой союз; знаком (?) отмечены примеры, в которых возможна интерпретация *ти* как местоимения; примеры с *къдѣ* подчеркнуты): **КОЛИКОУ ТИ** ... **БЕДОУ** 1229 (рубеж XI–XII вв.), **КЕТЪ ТИ** 891 (1120–1140), **ЦЕГО ТИ** 843 (1140–1160), **КОДЬ ТИ** 731 (1160–1180), (?) **ОУ КОТОРАГО ТИ СЫНОУ** 798 (1160–1180), (?) **УБА ТИ ЕСТЬ КОРОВА** 8 (1180–1200), **КОДЬ ТИ, КАКО ТИ** (2х)

502 (1180–1200), (?) **колико ти** ... 726 (1180–1200), **къдѣ ти** 788 (1180–1200), (ка)[ко т]и 791 (1180–1200), (?) **къдѣ ти** 1025 (1180–1120). Как отмечает А. А. Зализняк, «[п]осле XII в. самостоятельное употребление частицы *ти* постепенно угасает» [ДНД₂: 197]; однако применительно к сочетаниям с «к-словами» в грамотах наблюдается не постепенное угасание, а очень резкий обрыв. Если это не простая случайность, причины такого эффекта пока неясны.

Напротив, слабым местом предлагаемой трактовки является отсутствие в придаточном предложении местоимения 1-го лица. В точности аналогичных примеров мы не нашли, но можно думать, что полной обязательности в употреблении дативного дополнения в таких случаях все же не было.

Для второй строки можно без всякой уверенности предложить конъектуру **а сыно ти м[ь](нышии)**... ‘...сына-то младшего (пришли?)...’.

№ 749 (1380–1400)

Для начала второй строки срединной части возможна (не слишком надежная) конъектура **а вы са не гнѣва)ите на мене**.

Во фразе **а до моего живота пособ[ь]никъ ксмы тебе [з](а) твою [д]об[р]о** ‘А я до конца жизни буду тебе помощник за твое добро’ смысл ‘до конца жизни’ выражен идиоматически: буквально сказано просто «до жизни» вместо ожидаемого «до кончины» или под. Абсолютно точная параллель к такому словоупотреблению обнаруживается в тохарском А языке. Тохарский А послелог *solār ~ solāram* означает ‘вплоть до X, до самого X’, ср., например, *avis solār* ‘до самого [ада] Авици’, *kānt-wiki-puklyi solāram* ‘до 120-летнего [возраста]’, *k(āśya)[p] ptā-ñkāt solāram* ‘вплоть до Будды Кашьяпы’. При этом значение ‘до конца жизни, до самой кончины’ передается выражением *sol solār ~ sol solāram*, буквально опять-таки просто ‘до жизни’. Вероятно, в обоих языках оказалась задействована одна и та же модель эвфемизации.

Д. В. Сичинава (рец.): «В дополнение к интереснейшей тохарской параллели хотелось бы предложить механизм, облегчающий такую эвфемизацию в древнерусском: столь же терминологически устойчивое *по [моя] животъ* (букв. ‘после жизни’) и *по смерти* — синонимы в своих буквальных значениях. По аналогии и сочетание *до живота* могло быть приравнено к *до смерти*».

№ 775 (1280–1300)

Свидетельством существования у имени *Поликари* отразившегося в грамоте варианта *Поникари* (→ *Поникар* с упрощением конечного кластера) могут служить современные фамилии *Поникаров* и *Поникаровский*.

№ 809 (1160–1180)

В недавнее время для целого ряда грамот, как новонайденных, так и ранее известных, были предложены реконструкции, основанные на предположении о небольшом или даже минимальном размере лакун у одного из краев — ср., в частности, грамоты № 352, 947, Пск. 2 [Гиппиус, Сичинава 2021: 201, 226, 242], 372 [Сичинава 2023: 215–216], 1151 [Гиппиус 2023: 14] (реконструкция получена независимо А. А. Гиппиусом и Д. В. Сичинавой), 1169, 1170 [Гиппиус 2024: 15, 18–20].

На наш взгляд, к этой же категории должна быть отнесена грамота № 809. Приведем ее текст целиком:

Внутренняя сторона (вероятно, основное письмо)

...
пъвели нѣкъмоу ѿ оуцина[ть] ...
жемецюженѣ окънѣ бѣше стрѣ[лъкы] ...
и кланаю ти са

Внешняя сторона (вероятно, приписка)

а полостецю крени церъноу а к[роу]...
ошее же а цето истераешъ а оу [патылъ](а) ...
вѣверицѣ

Можно видеть, что:

— на стыке первой и второй строк внутренней стороны вполне мыслима фраза ѿ оуцина[ть] <украшения> жемецюженѣ, не требующая добавления никаких слов, кроме названия требуемых изделий;

— словами окънѣ бѣше стрѣ[лъкы] заказ, а с ним и собственно основной текст письма (без учета заключительной этикетной формулы) мог заканчиваться;

— слово кроуживо, несомненно представленное (в какой-то форме) в конце первой строки на внешней стороне, безусловно соотносится по смыслу с императивом ошее же;

— фраза а оу [патылъ](а) вѣверицѣ опять-таки выглядит вполне законченной как по смыслу, так и синтаксически. Ср., например, выразительную приписку на обороте грамоты № 1054 (1260–1280): у кого грамота у того полуторъ грѣвни, — а также совсем сходное с примером en question, но не вполне надежное из-за плохой сохранности верхней строки (а) [ку]нѣ оу рашка · 478 (1340–1360) [Сичинава 2023: 220].

Если наша оценка верна, в сохранившейся части грамоты утрачены максимум два слова: название украшений в первой строке внутренней стороны и, скорее всего, какое-то уточнение в конце первой строки внешней стороны.

Сложность с названием украшений состоит в том, что в таком случае оно должно было быть очень коротким — почти наверняка четырехбуквенным. Гипотетически на эту роль может подходить слово *нити* или, менее вероятно, *цепи* ('цепочки').

В первой строке приписки размер лакуны составляет 8–9 букв, минимум 4 из которых принадлежат слову *кроуживо*. Допустима конъектура Δ $\kappa[\text{роу}](\text{живы сама})$ *ошеё же* (но, конечно, не исключены и другие варианты)⁶.

Поскольку, вне зависимости от справедливости нашей гипотезы, трактовка *ошеё же* как целого предложения, не содержащего более ни одного знаменательного слова, выглядит маловероятной, объяснения требует позиция энклитики *же*. Похожий пример обнаруживается в грамоте № 788 (1180–1200) [Зализняк 2008: 93]. Интерпретация интересующей нас фразы является предметом дискуссии: А. А. Зализняк исходит из чтения **нни в ошевъ прави же лоньскоую гривнюу** · ‘ныне в Ошев отправь прошлогоднюю гривну’ (перевод несколько изменен по сравнению с [ДНД₂: 414]), а А. А. Гиппиус — из чтения **н нивоше въправи же лоньскоую гривнюу** · ‘с Нивоши получи прошлогоднюю гривну’ (с пропуском *а* в предлоге *на*) [Гиппиус, Сичинава 2021: 219]. Место частицы *же* не соответствует закону Ваккернагеля ни при одном из пониманий. По-видимому, усилительное *же* при императиве по своим свойствам приближалось к локальной энклитике, тяготея к позиции после глагольной формы.

Перевод (отличающийся от ныне принятого в первую очередь элиминацией некоторого количества многоточий): ‘...Прикажи кому-нибудь, чтобы сделали <такие-то украшения> жемчужные наподобие стрелок. И кланяюсь тебе’. {Приписка на обороте:} ‘Да купи черную полстку (т. е. коврик, кошму), да кру[жевами] (сама?) общей. А что потратишь — деньги у Пятелея’.

Следующий шаг в реализации минималистской программы состоит в предположении о том, что в грамоте утрачена ровно одна строка, целиком представлявшая собой адресную формулу. Если вторая строка сохранилась полностью, она насчитывает 27 букв. Подобрать стандартного типа адресную формулу точно такой же длины не составляет труда: **Ѡ григории покланниѣ къ матери** и т. п. Разумеется, данное предположение само по себе недоказуемо и может получить подтверждение лишь в случае, если соответствующая адресная формула будет в дальнейшем обнаружена (или в этом качестве будет идентифицирован какой-либо уже известный фрагмент).

№ 811 (1160–1180)

Вторая строка: ...**авдео**... ...**ѡложает**... (размер лакуны неизвестен).

В издании приведена предложенная А. А. Гиппиусом конъектура (*въ непр*)**авде** [НГБ XI: 37]. Действительно, какую-либо иную убедительную

⁶ Как указал А. А. Гиппиус (о. д.), если в грамоте была использована форма не мн., а ед. ч. слова *кроуживо* (т. е. $\kappa[\text{роу}](\text{живомь})$), между этим словом и словом *ошеё* могло и вовсе не быть никаких других слов.

конъектуру, кроме (пр)авде или (непр)авде, для этой части строки подобрать сложно. В параллель к этому в правом фрагменте соблазнительным выглядит чтение **ложа ест(ь)** (с заменой ъ → о), ср. хотя бы знаменитую реплику князя Олега: **но все то лъжа естъ. конь оумерлъ. а ѿ(з) живъ.** (ПВЛ по Ипатьевскому списку). Возможно, грамота содержала фрагменты каких-то церковных текстов.

№ 824 (1140–1160)

Конец грамоты сохранился в следующем виде: (...)в[ь]рьти тобою а промъсли о томъ :.

Приведенная в [ДНД₂: 367] конъектура (чѣт)в[ь]рьти — на практическом уровне единственно возможная. Однако любую попытку интерпретировать сочетание *четвьрьти тобою* без допущения о какой-либо ошибке, на наш взгляд, следует признать безнадежной — по крайней мере, до появления новых данных. Мы полагаем, что Жирко пропустил предлог *за* (менее вероятно, *съ*), так что в предпоследней фразе письма могло быть сказано, например, нечто вроде (**мои двѣ чѣт)в[ь]рьти <за> тобою**. Заметим, что автор мог и исправить свою ошибку, вписав пропущенные буквы чуть выше: в левой части последней строки ее верхний край срезан.

Д. С. Крылов (личное сообщение) предложил рассматривать **тобою** как беспредложный «творительный падеж посредника» («[послать] ... с тобой»), а А. А. Гиппиус (рец.) — как творительный причины («[потерял] ... из-за тебя»). Однако наше предположение о пропуске предлога основано именно на том, что для личных местоимений такие употребления творительного падежа нам неизвестны.

№ 831 (1140–1160)

Основная часть черновика письма Кузьмы Рагуилу заканчивается фразой **да надо вьсьмь та благословило**. На наш взгляд, принятый перевод этой фразы — «И благословляю тебя во всем» — не передает ни оригинальности избранного автором оборота **надо вьсьмь**, ни скрытых за ним эмоций.

Большая часть письма представляет собой перечень несправедливых претензий, обид и притеснений, которым Кузьма и его дети подвергались со стороны адресата. Чтобы смысл сказанного Кузьмой был яснее, позволим себе прибегнуть к аналогии из недавнего прошлого (ход событий пересказан по необходимости упрощенно). Поэт Александр Кушнер жестоко обиделся на своего близкого друга Иосифа Бродского за посвященное ему стихотворение «Письмо в оазис», в котором есть, в частности, следующая строфа: «Теперь в твоих глазах амбарного кота, // хранившего зерно от

порчи и урона, // читается печаль, дремавшая тогда, // когда за мной гналась секира фараона». Однако некоторое время спустя Кушнер простил Бродского и в знак примирения подарил ему книгу с надписью: «Иосифу, **перешагнув через** амбарного кота, секиру фараона и другие царапающие, колющие и режущие предметы, с любовью» [Кушнер 1998: 197] (выделено нами. — *И. И.*). Можно видеть, что сходная метафора лежит и в основе языковых клише типа *Я выше этого*. Мы полагаем, что заключительное обращение Кузьмы к Рагуилу точнее переводить как ‘Но я благословляю тебя, несмотря на все это’ или даже ‘Но я благословляю тебя, переступив через все это’⁷.

№ 840 (1140–1160)

В сохранившейся во второй строке последовательности ...**коуша**... гипотетически можно видеть какую-то форму глагола *покушати* ‘пробовать, расписывать перо’, на бересте встретившегося в грамотах № 702 и 1085 (в этой грамоте, как и в грамоте № 840, на листе имеется и другой текст [Сичинава 2023: 223]).

№ 878 (1100–1120)

Начало грамоты обычно приводится в таком виде: ... **а а ж(е о)[б]а[г]орю ва[сѣ]** <...>. Как указывают издатели, «[р]еконструкция *обагорю* ‘обагрю’ вызывает некоторые сомнения ввиду изысканной литературности слова» [НГБ XI: 81]. На наш взгляд, эта реконструкция представляется маловероятной еще по нескольким причинам:

— непонятно, каким образом в качестве объекта глагола *обагрити* ‘окрасить в красный цвет’ могли бы выступать «вы», т. е. адресаты грамоты;

— грамота (правда, от нее сохранился совсем маленький фрагмент) не имеет признаков бытовой графической системы; более того, это одна из самых ранних (если не самая ранняя) грамота, в которой встретила «книжная» графема *ѣ*. Соответственно, в отсутствие эффекта *ъ* → *о* ожидалось бы **(о)[б]а[г]ърю* или **(о)[б]а[г]рю*;

— наконец, по оценке Д. С. Крылова (личное сообщение), между *ж* и *б*, скорее всего, утрачена только одна буква, т. е., собственно, (е).

Мы предлагаем читать рассматриваемый фрагмент ... **а а ж(е о)[б]а[г]орю ва[сѣ]** <...>; такое же решение при знакомстве с текстом грамоты независимо предложила С. И. Переверзева. Грамота написана неуверенным почерком, буквы «прыгают»; не исключено, что ее автор

⁷ Очень близкую интерпретацию в ответ на наш вопрос о смысле обсуждаемой фразы предложила А. В. Птенцова.

просто не справился с длинным словом. Как и в грамоте № 824, пропущенные буквы могли быть вписаны над строкой и не сохраниться. Кроме того, во время обсуждения доклада сразу несколько участников дискуссии предположили, что слово *благодарю* могло быть записано под титулом (в таком случае опять-таки утраченным), но вместо стандартного *блѣдарю* или *блѣдарю* автор — возможно, в силу той же нетвердости навыка — использовал необычное сокращение.

№ 881 (1120–1140)

Грамота сохранилась в таком виде:

...ѣ валѣтыроу бѣго са боа идоу ...
...и по[щ]епав[ш]и грамотоу ...

Комментарий А. А. Зализняка: «Адресату, по-видимому, предлагалось что-то выплатить (или вернуть) немцу Вальтеру, “побоявшись Бога”» [ДНД₂: 341]. На наш взгляд, текст допускает и иное синтаксическое членение. Последовательность «...ѣ + имя в дат. п.» в значительном большинстве случаев (по нашей приблизительной оценке — не менее 90 %) представляет собой часть адресной формулы; конфигурация фрагмента не противоречит предположению о том, что у грамоты сохранился верх.

Дальнейшая интерпретация начальной части грамоты зависит от того, выделяется ли в ней словоформа *идоу*. Без учета грамоты Ст. Р. 6, где, по-видимому, имела место правка *иду* на *еду*, форма 1-го л. ед. ч. глагола *ити* встретилась в берестяных письмах лишь один раз: *идоу къ сватымъ* 296 (1180–1200). Как кажется, *бѣго са боа* — вполне подходящая мотивация для намерения отправиться к святым местам. Перевод, соответствующий этому пониманию: ‘(От X-а к) Вальтеру (= Вальтеру). Боясь Бога, иду (в паломничество?)... Разорвав грамоту...’ (заметим, что слова *по[щ]епав[ш]и грамотоу* едва ли могут относиться к самому Вальтеру, поскольку *по[щ]епав[ш]и* — форма ж. р.).

Уязвимая сторона предложенного построения — необходимость предполагать, что слова *бѣго са боа* относятся не к адресату, а к автору грамоты. Хотя запрета на такое употребление, несомненно, не было (ср. яркий пример: *Гѣ бѣ боюса азъ* (Житие Василия Нового, XI в.)), в целом оборот *бояться Бога* тяготеет к экзоцентричности, ср. сохраняющееся и в современном русском языке восклицание *Побойся Бога!*, не имеющее никакого аналога в 1-м лице. Именно так употреблен этот оборот в другой берестяной грамоте XII в.: *а правите · имъ тѣваро · бѣ са боаць* 548 (1180–1200). С учетом этого А. А. Гиппиус (о. д.), основываясь на возможной параллели из «Поучения Владимира Мономаха»: *Бога дѣля и душа своя, страх имѣйте Божий в сердца своемъ*, — предложил для грамоты № 881 конъектуру *Бог<а> са боа и доу(шѣ своеѣ блюда)*.

№ 924 (1180–1200)

Для конечной части грамоты — [попо р]адила шеломына послуухы — издатели указывают два возможных понимания: ‘Поп, Радила [и] Шеломына послухи (т. е. свидетели)’ и ‘Поп Радила [и] Шеломына послухи’ [НГБ XII: 18]. Однако при втором варианте прочтения в грамоте конца XII в. ожидалось бы двойственное число: *послоухома*, если слово ‘свидетели’ стоит в тв. п., или *послоуха*, если это им. п. (в [ДНД₂: 784] такая возможность допускается как маловероятная).

Грамота № 1083 (также 1180–1200) представляет собой письмо Радила к Радонегу, грамота № 442 (1220–1240) — фрагмент письма от Радилы к матери. Нигде более в берестяных грамотах имена *Радила* и *Радил* не засвидетельствованы. Если допустить вариативность склонения (ср. грамоту № 142 (1300–1320), в которой формы Ѡ *маркъ* (род. ед. от *Марка*) и *марке* (зв. ед. от *Маркъ*) заведомо относятся к одному и тому же человеку [ДНД₂: 537]), грамота № 1083 могла бы подтвердить, что Радил(а) не был попом, коль скоро он был ювелиром. Если датировки грамот № 924 и 442 в дальнейшем не будут существенно скорректированы, получается, что Радила-старший в (условно) 1190 г. был достаточно опытен, чтобы выступать в качестве свидетеля, а Радила-младший в (столь же условно) 1235 г. — достаточно молод, чтобы обсуждать хозяйственные вопросы с матерью. Заманчиво видеть в двух носителях этого редкого имени деда и внука.

№ 950 (1100–1120)

Приведем начало и конец грамоты:

...[ц]оу въдалъ бы къназоу

... <...>

...(А)[зъ] т[и] са ^мк[ла]н[аю по] сторовоу ва есмы

(...)

Комментарий А. А. Зализняка: «Отрезок ...[ц]оу — возможно, конец наименования адресата. Это могло быть, в частности, *къ отцоу*. Далее сказано: ‘дал бы (ты [?]) князю ...’

<...>

Неожиданное двойств. число в конце (‘у вас двоих’) после единств. числа (‘тебе кланяюсь’) согласуется с гипотезой о том, что письмо адресовано отцу, а именно, в заключительной фразе сын уже имеет в виду обоих родителей» [ДНД₂: 274].

Однако перевод ‘дал бы ты князю ...’, вообще говоря, невозможен: предполагать, что автор «на ровном месте» пропустил связку, нет никаких оснований; порядок слов **въдалъ бы къназоу еси* или **въдалъ бы къназоу ты* был бы совершенно аномальным. Помимо этого, такое использование

в первой фразе письма сослагательного наклонения вместо повелительного, кажется, нигде более не отмечено. В то же время с учетом структуры заключительной фразы факт обращения автора именно к родителям едва ли вызывает сомнения.

Потенциальным ключом к разрешению этого видимого парадокса оказывается уже упоминавшаяся грамота № 354. Вот как выглядят ее начало и существенный для нас фрагмент из заключительной части:

челомъбитѣ к огъжи мѣтри ѿ онсифора ·
 <...>
 и диду молиса что бы и халъ
 в июриевъ · монастырь пшенки по
 прошалъ
 <...>

При этом грамота № 354 (1340–1360) — одна из самых ранних, в которой представлено сочетание *что бы*, фактически уже неотличимое от современного *чтобы*. Для XII в. отсутствие этого сочетания нормально, ср. <...> да молю ти са госъпоже ка моа да посълъ во борожь и рыбиць выдалъ ти <...> 682 (1160–1180) ‘И прошу тебя, госпожа моя: пусть он поскорее выдаст соленье и [свежих] рыбок’ (перевод незначительно изменен по сравнению с приведенным на сайте gramoty.ru).

Таким образом, согласовать между собой начало и конец грамоты № 950 позволяет следующая реконструкция:

(ѿ Х-а къ матери молиса отъ)[ц]юу въдалъ бы князю
 ... <...>
 ... (А)[зъ] т[и] са "к[ла]н[аю по] сторовоу ва есмы
 (...)

‘(От Х-а к матери. Попроси от)ца: дал бы [он] князю ... <...> (А) я тебе (= матери) кланяюсь. Мы у вас двоих благополучны’.

№ 985 (1180–1200)

«Это конец одной строки письма (возможно, последней)»: ...[а] к[о ла]рю крени [НГБ XII: 89]. Перевод издателей: ‘... купи для ларя (т. е. для того, чтобы вложить в ларь)’ [Там же].

Такое объяснение выглядит «подозрительным». Прежде всего, вызывает сомнения сама возможность существования конструкции *крити к чему-то*. Кроме того, жители древнего Новгорода, скорее всего, хорошо знали, где какие покупки надлежит хранить. Наконец, несколько неестественным кажется даже порядок слов. Современным аналогом грамоты № 985 в этой ее интерпретации могла бы служить записка, оставленная женой мужу на кухонном столе и заканчивающаяся словами «...масла для холодильника купи».

А. А. Гиппиус (о. д., рец.) предложил реконструкцию, во многом устраняющую перечисленные странности: *(два замк)а ко ларю крени*. Нам все же представляется более вероятным другое решение, основанное на том, что последовательность ...к Х-у крени... находит себе прямые параллели в нескольких других грамотах, где ее аналоги стоят на стыке конца адресной формулы и начала основного текста, ср. *отъ рощенѣ къ акимоу : крьнь кожоухъ гривною* <...> 1110 (1160–1180), аналогично *крини* Ст. Р. 54 (1180–1200), *купи* 125 (1400–1410), *купите* 173 (1400–1410). Почти наверняка к этой группе принадлежит и грамота № 153 (1180–1200), непосредственно (без адресной формулы) начинающаяся с *крини*: предполагать, что это не первый лист большого письма, нет специальных оснований. Фактически сюда же относится и недавно найденная грамота № 1211 (XII в.): *[Ѡ] рошькѣ къ степану : добро сътвори крьни ми* <...> ‘От Рошки к Степану. Пожалуйста, купи мне...’ [Гиппиус 2025: 30–31]. Внешний вид фрагмента не исключает такой интерпретации: текст доходит до правого края листа, а верхний край (по-видимому, обрезанный) выглядит едва ли не более аккуратным, чем нижний (по которому грамота могла быть и просто разорвана). В таком случае *[ла]рю* — это форма дательного падежа имени *Ларь* — гипокористического варианта от *Ларионъ*, образованного по той же модели, что и, например, встретившееся в грамоте № 929 (1280–1300) уменьшительное *Максъ* (от *Максимъ*), «которое кажется неправдоподобно современным», но «в действительности построено в полном соответствии с древнерусскими правилами» [ДНД₂: 562]: ‘(Поклонение от Х-)а к Ларю. Купи...’ Имя *Ларионъ* в Новгороде хорошо известно — как в народном варианте *Ларьянъ*, так и в более официальном: ср. *Ѡ ларьяна* 91, с *лдришмъ(цмъ)* 964 (обе — 1360–1380) и др.

При обсуждении с ними грамоты № 985 независимо от нас и друг от друга такую же ее интерпретацию предложили А. В. Либера и Д. С. Крылов.

Д. В. Сичинава (рец.) счел оправданным возвращение к прозвучавшей в ходе обсуждения доклада версии о написании *к[о ла]рю* как результате пропуска слога в сочетании *ко* <ѠѠ>*ларю*. Хотя сам рецензент не отрицает, что необходимость предполагать опisku — уязвимое место этой версии, справедливости ради следует сказать, что автор настоящей работы допускает в точности такой же графический эффект — написание *Ѡ онос[а]* вместо *Ѡ о<ѠѠ>носа* — в адресной формуле грамоты № 1053 (см. подробнее ниже).

Если в тексте грамоты № 985 все же действительно фигурирует имя *Ларь*, возникает вопрос, не представлено ли это имя (а не нарицательное существительное *ларь*) также в трудной надписи № 238 из Софии Новгородской⁸:

⁸ Надпись приведена в соответствии с одним из текущих рабочих чтений А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева, которым мы приносим искреннюю благодарность.

† псоурини[ць] ларь⁹
 стръшков[ѣ] 8 дофоты [Г]

В отличие от грамоты, в софийской надписи трактовка слова **ларь** как антропонима не делает текст стандартным и однозначно ясным. Отметим лишь, что она по крайней мере позволяет видеть в первой строке имя и отчество. На бересте порядок «отчество + личное имя» до сих пор встретился только однажды — в грамоте № 1108 (1160–1180), где упоминается **стоаничь фома**. По мнению А. А. Гиппиуса, такая инверсия может быть связана с тем, «что до Фомы Стоянича в тексте упоминался еще один Фома»; это объяснение основано на параллели с фрагментом из ПВЛ, где подобным образом различены князья Давыд Святославич и Давыд Игоревич [Гиппиус 2019: 56–57]. Однако в летописях такой порядок именования встречается многократно, в том числе в контекстах, где речь не идет о тезках, — ср., например:

В лѣто 75̄ х̄ 15̄ **Шльговичъ** всеволодъ. на стръхъ своего **ярослава черниговъ**. (Киевская летопись);
 в то же верема. приде **гюргвичъ глѣбъ** ко **стославу** девагорьскоу (Там же);
 въ то (ж) лѣ(т) приде **кнзь** **мьстиславиць** **всѣволодъ** **пльскоу** · (Новгородская первая летопись, Синодальный список).

№ 1002 (1140–1160), № 1102 (1340–1360)

В двух берестяных грамотах союз *а* записан в виде **а**, т. е. с протетическим [j]: **а ныньково** ‘А теперь...’ 1002, **а рубили свои возми** ‘...а рубль свой возьми’ 1102¹⁰. Эти два примера можно сопоставить со следующим фрагментом из Киевской летописи: **любо даи изаславу чѣго ти хочеть. пакы ли на поиди полкы своими ко мнѣ**; **пакы ли на** несомненно написано здесь вместо обычного *пакы ли а*.

№ 1015 (1140–1160)

ак[ъ]ша с[оль]мирцоу а коуплено ти по цѣтыри коун-

⁹ С нашей точки зрения, последняя буква первой строки представляет собой нечто среднее между *ь* и *ѣ*. На возможные понимания текста это обстоятельство, однако, существенного влияния не оказывает.

¹⁰ А. А. Гиппиус усматривает такую же йотацию в грамоте № 1229 (рубеж XI–XII вв.), трактуя фразу **а не емль оутѣхѣ рдзвъ тѣбѣ** не как ‘я не имела утешения, кроме тебя’ (с повторением *ь* предыдущего слога вместо **емьл<а>**), а как ‘а [дети] не имели утешения, кроме тебя’ [Гиппиус 2025: 33]. Нам данная интерпретация представляется маловероятной.

Комментарий издателей: «Это срединная или последняя строка документа <...>. Слова ‘... Якша Сольми́рцу’ явно представляют собой конец какого-то предложения (со сказуемым типа ‘дал’, ‘послал’ и т. п.). Далее сказано: ‘А куплено по четыре куны’» [НГБ XII: 114]. Такой порядок слов был бы, однако, уникальным: последовательность «имя в им. п. + имя в дат. п.» встречается в берестяных грамотах редко, и во всех случаях прямой объект стоит правее косвенного:

жирѣке га́мизилѣ да́ль коу́н... 454 (1180–1200);
се́ посла и[ва](н)... ..ру ѡсе́трину 1130 (1320–1340);
да́ле фили́пе сто́йку ꙗ́ рублѣ́ сере́бромъ и ꙗ́ гриве́нъ ку́нъ и ко́нь 154 (1420–1430).

Начало текста отстоит от левого края строки на некоторое расстояние; справа текст не доходит до края еще более заметно. Бесспорных следов наличия других строк в грамоте не обнаруживается. Мы допускаем, что документ сохранился целиком и представляет собой не письмо в классическом смысле, а — как и, например, грамота № 1130 — сопроводительную записку при посылке некоторого товара: ‘Якша — Сольми́рцу. А куплено [это] вот по четыре куны’.

Если наше предположение верно, свойственная многим авторам берестяных грамот склонность к лаконизму достигает здесь своего апогея. Адресная формула состоит только из имен отправителя и получателя. Купленный товар не назван, поскольку он и так отправлен Сольми́рцу «лицом». Приведена лишь стоимость покупки — вероятно, чтобы адресат знал, какую именно сумму ему надлежит возместить Якше.

А. А. Гиппиус (о. д., рец.) указал на возможность иного словоделения, предполагающего, что текст грамоты все же дошел до нас не целиком: ... **ак[ъ]ша с[оль] ми́рцоу** ‘...(послал) Якша соль Ми́рцу’. Такое решение само по себе не исключено, однако основной аргумент рецензента — «имя Сольмир нигде не засвидетельствовано и сомнительно по составу» — основан на недоразумении: ср. грамоту Ст. Р. 7 (1140–1160, т. е. в точности того же времени, что и посылка Якши), адресованную ѡ́ **солми́ра къ нѣ́жькоу**.

№ 1053 (1320–1340)

Грамота сохранилась полностью с утратами отдельных букв:

ѡ́ **ѡнос[а] покл(он)о · ко (да)нил(ѣ с)ынъ м(ое)**
мъ при[ш]и м[и] сор--ю по(ло)тене(це)
по(р)от(о)ки · [п]овод(о) сестр(ѣ) мое · п--
пришли полотена · а бѣдѣ жив(о)
заполацусѧ

Имя автора публикаторы грамоты трактуют как народный вариант имени *Енос* [НГБ XII: 154]. При этом обращает на себя внимание, что писавший

«был склонен к пропуску букв» [Там же]: в слове *пришли* отсутствует *л*, последовательность *сор--ю* явно представляет собой слово *сороццю* с двумя пропущенными буквами (скорее всего, *ци*). Это заставляет задаться вопросом о том, не был ли автор письма носителем не доселе неизвестного на бере-сте имени *Онос*, а широко распространенного в Новгороде имени *Офонос*.

Понимание отрезка *Ѡ онос[а] покл(он)о · ко (да)нил(ѣ с)ъинѣ м(ое)мѣ* целиком как адресной формулы вызывает сомнения в нескольких аспектах.

Во-первых, как отмечают издатели со ссылкой на § 4.10 книги [ДНД₂], при таком понимании в грамоте обнаруживается «сравнительно редкая в эту эпоху конструкция без повторения предлога» [НГБ XII: 154]. Однако в § 4.10 А. А. Зализняк специально указывает, что в конструкции с первым элементом — именем собственным случаи неповторения предлога «отмечаются не ранее 2 пол. XIV в.» [ДНД₂: 165], тогда как для грамоты № 1053 внестратиграфическое датирование дает оценку «1280-е — 1310-е гг.».

Во-вторых, совершенно беспрецедентным оказывается звучащий вполне естественно оборот *данилъ сыну моему*. Мы обнаружили следующие адресные формулы, в которых автор называет адресата (или одного из адресатов) как по родству (в широком смысле, включая такие обращения, как *кум* или *сват*), так и по имени:

- (0) покланание Ѡ ефрѣма къ брату моему исоухѣ 605 (1100–1120);
- (1) + покланание Ѡ данила ко брату к ѣгнату 765 (1240–1260);
- (2) поклано Ѡ гаврили Ѡ посени ко зати моему ко горигори жи ко-уму и ко сестори моеи ко оулити 497 (1340–1360);
- (3) поклонъ Ѡ ларьяна · ко свату моему · максимуму 91 (1360–1380);
- (4) поклано Ѡ акова куму и другу максимуму 271 (1360–1380);
- (5) поклонъ · Ѡ онцифора · к бабѣ · к марѣмыанѣ · 578 (1360–1380);
- (6) поклонъ · Ѡ синофонта · ко брату моему · офоносу · 178 (1380–1400);
- (7) ...[ѣа къ] жени свои ульѣни 942 (1380–1400);
- (8) поклонъ Ѡ оксини і ѡнани к родивону і сестри моеи татиани Ст. Р. 40 (1380–1400);
- (9) поклонъ · Ѡ маринѣ · къ снѣ · к моему григорью 125 (1400–1410);
- (10) слово добро Ѡ ксифа брату фомѣ 122 (1410–1420);
- (11) цолобитыѣ Ѡ ксифа брату своему фомѣ 129 (1410–1420);
- (12) приказъ Ѡ кузми к сину к своему к исаку [ко оул]иану и к тимофию Ст. Р. 2 (1410–1420).

Приведенная подборка с несомненностью свидетельствует, что использование двойной номинации — яркий датирующий признак, до сих пор как будто остававшийся незамеченным. Авторы ранних грамот, обращаясь к близким, называли их *либо* по имени, *либо* по родству. Пример из грамоты № 605 обозначен номером (0), поскольку он относится к данной категории лишь формально: в этом письме одного монаха к другому речь, разумеется, не идет о кровных братьях. На данный момент особняком с хронологической точки зрения стоит даже пример (1): трудно отказаться от мысли,

что избрать такой необычный для середины XIII в. способ именования адресата явно не лишенного эпистолярных дарований Данила могла подтолкнуть... рифма между словами *братъ* и *Игнатъ*. Расцвет же двойных номинаций приходится на середину XIV — начало XV в., т. е. на период, когда в частных письмах (не челобитных) наиболее частым вариантом начальной фразы становится формула со словом *поклонъ* [ДНД₂: 36–37].

На этом фоне употребление двойной номинации в грамоте № 1053 (хотя она также содержит слово *поклонъ*) опять-таки оказывается подозрительно ранним. Однако куда важнее другое: во всех до единого случаях (включая грамоты № 605 и 765) термин родства *предшествует* имени. Вполне вписываются в эту закономерность и примеры (9) и (12), обращенные как раз к сыновьям.

Экстраполировать на древний Новгород наши представления об отношениях между родителями и взрослыми детьми было бы некорректно. Тем не менее нельзя не упомянуть и о том, что для послания к родному сыну заключительная фраза грамоты производит странное впечатление.

Мы предлагаем интерпретировать текст грамоты иначе, а именно: считать, что адресная формула в ней заканчивается словом *данилѣ*. Такое решение обладает следующими преимуществами:

- адресная формула грамоты предстает совершенно стандартной (*отъ X-а поклонъ к Y-у*);
- первая и вторая фраза основного текста оказываются в точности параллельными:
 - *сынъ моемъ пришлѣи* <то-то и то-то>...
 - *сестрѣ мое<и> пришли* <то-то>...¹¹
- заключительная фраза, будучи обращена не к близкому родственнику (точно не к сыну и, вероятно, не к брату, поскольку в этом случае ожидалось бы «сестре нашей»), выглядит вполне уместной.

На первый взгляд, веским аргументом против такого решения кажется слово *ми*; очевидно, именно оно подталкивает носителей современного русского языка к прочтению, которое приведено в издании. Однако в письме Оноса (или Офоноса) *сынъ моемъ* и *сестрѣ мое<и>* означает 'для моего сына' (— *Что вам надо?* // — *Шоколада.* // — *Для кого?* // — *Для сына моего.*), 'для моей сестры': и сын — очевидно, подросток или неженатый юноша (— *...Он у меня еще маленький!*), и сестра — очевидно, незамужняя — на момент отправки письма явно жили в доме его автора. Позиция энклитики *ми* объясняется ритмико-синтаксическим барьером после *сынъ моемъ*, вполне ожидаемым как с синтаксической (двучленная начальная группа), так и с коммуникативной (фактически этот оборот играет

¹¹ Такой параллелизм подкрепляет предположение издателей о том, что в конце третьей строки грамоты стояла «приставка *при* от слова *пришли*, которое автор начал писать, но затем решил записать его уже в следующей строке, а лишнее не зачеркнул» [НГБ XII: 154].

роль заголовка при списке) точки зрения. В грамотах, особенно поздних, есть и другие примеры постановки *ми* после неначального глагола, ср. прежде всего **т ты даі ми рубель** 374 (1420–1430).

Во второй фразе *ми* не повторено. Это соответствует общей модели: если в тексте письма присылка кого-то или чего-то его автору фигурирует несколько раз, при последнем вхождении глагола *прислати* местоимение отсутствует. Ср. (приведены только синтагмы, включающие этот глагол):

и вевериць ми не присълєши ~ а не присълєши ми полоу паты гривьны ~ посъли же добръмъ 246 (1025–1050);
присъли ми вѣвериуѣ : ~ а присъли 912 (1050–1075);
[вѣ]же ми присъли ~ да прис[ъли ли](цымъ) ... 732 (1160–1180);
пришли ми · ... мои · в · грѣни · ~ или не пришлыши · 1129 (1340–1360);
пришли ми · цоловѣкъ · на жерепоу · да пришли · сороцицю · 43 (1380–1400).

Это правило сохраняло актуальность в течение всего периода бытования берестяных писем. Ему следует даже разъяренный отправитель грамоты № 246 Жировит. Вероятно, авторы считали соответствующее напоминание либо невежливым, либо ситуативно избыточным (что в известной мере может сводиться к одному и тому же).

Отметим, что в грамоте № 1129, как и в грамоте № 1053, первое вхождение формы **пришли**, напротив, сопровождается двумя местоимениями 1-го лица.

Предлагаемый перевод: ‘От Оноса (или: ‘Офоноса’) поклон Даниле. Для сына моего: пришли мне сорочку, полотенце (или: ‘полотенца’), портки, повод. Для сестры моей: пришли полотна. А буду жив — расплачусь’.

№ 1060 (1160–1180)

Заключительная фраза грамоты: **п[о]им[а]въ у мєн[є] м[сч]ън[оє] (в)[ъда]ж[ъ] госпо(ж)и ·**

Проблему в этой фразе составляет слово, прочитанное издателями как **м[сч]ън[оє]**: «Реконструкция отрезка **м[сч]ън[оє]** (= <мѣсачьное>, записанное без титла) не вполне надежна, но других приемлемых решений здесь не усматривается» [НГБ XII: 162]. Отметим все же, что поиск другого решения представляется желательным: такого типа сокращенное написание в тексте берестяного письма (не долгового списка и т. п.) было бы едва ли не уникальным¹². При этом трактовка рассматриваемого отрезка

¹² Д. В. Сичинава (рец.) указал на случаи сокращенного написания прилагательного *мѣсачьный* в «Русской правде» по списку Кормчей 1282 г., где несколько раз встретился термин **м(с)цънъи рѣзъ**. Добавим, что аналогичное написание (**видѣніє м(с)цъноє**) отмечено и в «Учении о числах» Кирика Новгородца (1136). Мы, однако, не видим оснований для прямого сопоставления этих примеров с текстом грамоты № 1060.

как обозначения «дани, которую автор письма собрал для госпожи (или которую он сам должен выплачивать госпоже)» [Там же] подходит к контексту безупречно хорошо.

Обращение к фотографии показывает, что состояние бересты не позволяет с уверенностью судить, имеет ли буква, прочитанная издателями как [с], язычок¹³. При положительном ответе на этот вопрос мы получаем словоформу **м[сѣ]ѣм[оѣ]**, записанную без каких-либо графических отклонений. Допускает ли эта форма удовлетворительную интерпретацию с учетом содержания грамоты? Попробуем показать, что и на этот вопрос ответ может быть положительным.

Из новгородских документов XIII–XV вв. известен термин *скотники*, обозначающий определенную группу сборщиков податей. В 2023 и 2024 гг. этот термин впервые встретился на бересте — в грамотах № 1169 (1360–1380) [Гиппиус 2024: 15–17] и 1216 (вторая половина XIV в.). Значительно раньше, в грамоте № 754, относящейся к тому же времени (условная дата — 1380–1400), был обнаружен **ѣлаѣ λεγόμενον скотное** — «какая-то выплата, связанная со скотом» [ДНД₂: 581]. Не вдаваясь в сложный вопрос о том, какое значение слова *скотъ* — современное ‘домашняя живность’ (в берестяном корпусе нигде надежно не засвидетельствованное) или более раннее ‘деньги’ — имеется в виду в грамоте № 754, отметим лишь, что кажется естественным понимать *скотное* (хотя бы «этимологически») как тот самый вид выплаты, который должны были собирать *скотники* (в статье [Гиппиус 2024] грамота № 754 не упомянута). Между тем по крайней мере в ранний период существования Новгородской республики в ней имела также категория сборщиков податей, именуемая *мечниками*: некоторые подробности ее деятельности известны благодаря деревянным цилиндрам, найденным на Троицком раскопе [ДНД₂: 276–278]. И в этом случае кажется естественным допустить, что выплата, собираемая *мечниками*, носила название *мечное*. Напрашивается предположение, что именно мечником и был автор грамоты № 1060.

Подчеркнем, что предлагаемое нами решение фактически сводится к применению приема словообразовательного анализа, иногда называемого «квадратом Гринберга»: *скотники* : *скотное* = *мечники* : *мечное*. Ни на каких исторических импликациях мы в этой связи не настаиваем.

№ 1074 (1380–1400)

В первой строке, представленной в издании в виде ...-ъ **сѣмъ** [ви]..., может быть предположительно выделена словоформа **сѣмъ**[ви]. Как ни парадоксально, исторически закономерная форма дат. ед. **синови** встретилась

¹³ Что касается следующей буквы, то мы принимаем ее чтение как [ѣ] за неимением лучшего.

(наряду с *сину*) именно в поздней грамоте № 406 (1360–1380). Не исключено, что в каких-то семьях эта форма на протяжении нескольких поколений реликтивно сохранялась в тот период, когда окончание дательного падежа *-ови* уже было древненовгородским диалектом фактически утрачено [Иткин, Коган 2006: 206]. Форма *подаите* во второй строке свидетельствует о том, что адресатов было как минимум двое [Гиппиус и др. 2017: 8]; соответственно, первая строка могла содержать адресную формулу вида (*Поклонъ от X-а къ Y-у и к)ъ сынъви (юго (къ) Z-у*).

Смол. 2/3 (1260–1280)

От грамоты сохранились два фрагмента, первый из которых печатается в следующем виде:

...
ни двема гривна
ма · а другому мо
авъ у се...
 ...

Справа над верхней строкой видны следы еще трех букв, которые мы читаем как **[кнѣ]**; независимо от нас к такому же чтению пришел Д. С. Крылов. Если не предполагать буквенных ошибок, последовательность ...**[кнѣ]ни двема гривнама** как будто бы не имеет удовлетворительной интерпретации. Мы полагаем возможным возводить ее к ... **к<р>ѣни двема гривнама** с предвосхищением *н* следующего слога; во время доклада такое же решение было независимо предложено И. С. Юрьевой. Управление **к<р>ѣни двема гривнама** — в точности такое же, как в **а то гривною кри(лъ єсмь)** 831 (1140–1160), **крынь кожоухъ гривною** 1110 (1160–1180); императив **к<р>ѣни** хорошо коррелирует с последующим **молвъ**. В целом рассматриваемый фрагмент может быть частью распоряжения примерно такой структуры: «У одного брата корову купи за две гривны, а другому скажи: “У Селифана уже купил”».

Некоторые сомнения (помимо, разумеется, самой необходимости предполагать опisku) вызывает хронология: как еще в 1986 г. отметил А. А. Зализняк [НГБ VIII: 175], все берестяные грамоты, в которых надежно засвидетельствован глагол *крити*, относятся к XII в. Интересно, однако, что едва ли не самая поздняя фиксация лексемы *крити* в истории русского языка обнаруживается именно в Смоленске. Речь идет о списках D и E Рижской редакции договора Смоленска с Ригой и Готским берегом (1229), датированных обычно третьей четвертью XIII в. (см., в частности, схему В. А. Кучкина [Кучкин 1966: 111], в целом поддержанную П. В. Петрухиным [Петрухин 2013: 164]): **аже немучиць крынеть грѣвноу золота <...> аже крынеть немучиць грѣвноу серебра** (цит. по списку D).

Смол. 14 (1140–1160)

А. А. Гиппиус и Д. В. Сичинава предлагают для первой строки грамоты словоделение ...**ж леѿи порѿѿи**... с переводом ‘поручи X-у стать лагерем на ночлег’ [Гиппиус, Сичинава 2021: 245]. Прежде всего, вызывает сомнения возможность такого употребления глагола *поручити*. В современном языке поручить кому-то можно лишь такое действие, которое в принципе могут выполнить разные люди (ср. *поручил младшему сыну себя разбудить*, но не **поручил младшему сыну лечь спать*). Разумеется, все тонкости употребления этого глагола в древнерусском языке нам неизвестны, но представляется, что его внутренняя форма, связанная с идеей передачи каких-либо полномочий в другие руки, много столетий назад должна была ощущаться только сильнее. Еще более существенно, что в берестяных грамотах инфинитив в подавляющем большинстве случаев не предшествует управляющему глаголу, а следует за ним. Собственно, на фоне многих десятков примеров постпозиции мы смогли найти лишь два бесспорных исключения — знаменитое **а рѿѿи та хоѿѿ** 776 (1140–1160), где инверсия легко объяснима эмфазой, и **здѣсе филисть кѿхѿ хоѿе** в намного более поздней грамоте № 19 (1410–1420)¹⁴.

Мы предлагаем для данной строки чтение ...**ж леѿи по рѿѿи(ю)** ... ‘Хочу (?) стать на ночлег вдоль ручья (или: ‘у Ручья’)’.

С. М. Михеев (о. д.) предложил вовсе отказаться от выделения в грамоте словоформы *леѿи* в пользу чтения ...**жле ѿи порѿѿи** ..., где ...*жле* — конец словоформы типа (*Мик*)*жле*, а *ѿи* — частица. Такое решение возможно, но представляется нам синтаксически более сложным, чем только что приведенное.

Ст. Р. 12 (1140–1160)

Стоящий в начале четвертой строки отрезок **ѿмоше жено**: считается «темным»: в словоуказателе А. А. Зализняка форма **жено** снабжена пометой Δ («грамматическая форма неизвестна») и знаком вопроса [ДНД₂: 738]; для **ѿмоше**, кажется, вообще не предлагалось никаких интерпретаций. Поскольку ожидать в середине грамоты, начало которой адресовано двум сборщикам податей, вокатива **жено** совершенно невозможно, остается предположить, что перед нами род. мн. **жен<ъ>** (грамота написана с абсолютно последовательным эффектом ѣ → о). Для ...**ѿмоше** едва ли не единственно возможной выглядит конъектура (**воз**)**ѿмоше** ‘взяв’. Форма родительного падежа свидетельствует о том, что перед (**воз**)**ѿмоше** стояло отри-

¹⁴ В примере **да вести ми прикажи** 271 (1360–1380) все же нет полной уверенности, что представляет собой форма **вести** — глагол или существительное [ДНД₂: 586, 717].

цание. Поскольку и причастие, и существительное стоят во мн. ч. (будучи в этом отношении «согласованы» друг с другом), можно думать, что в тексте письма в какой-то момент произошла нередкая для берестяных грамот смена количества подразумеваемых адресатов — ср., в частности, примеры в [Зализняк 2008: 42–43]. Третья строка грамоты обрывается на последовательности **нѣ лѣ[ж]**... с предполагаемым переводом ‘Не оставайтесь...’. Если утраченная правая часть грамоты не была очень велика, перед нами, скорее всего, начало и конец одного и того же распоряжения. В таком случае вместо двойственного числа **нѣ лѣ[ж](ита)** следует восстанавливать множественное, а для всей фразы в целом можно предложить следующую реконструкцию, как будто бы не содержащую противоречий и явных натяжек: **нѣ лѣ[ж](ите ... а идите ... нѣ воз)ѣмоше жено** ‘Не оставайтесь <там-то>, а идите <туда-то>, не взявши жен’. К **нѣ лѣ[ж](ите ... а идите ...)** ср. ... [а] **само тамо нѣ лѣж[и і ты] воспатѣ во лугу иди** 259/265 (1360–1380); не исключено, что в рассматриваемой грамоте в роли «<там-то>» и «<туда-то>» выступали просто *тамо* и *съмо*. К **(нѣ воз)ѣмоше жено** ср. ... **да иди сам[ъ въ] со[р](окѣ) ... (съ же)нам[и] и съ дѣтьми** 911 (1075–1100): очевидно, некоторые поручения предполагали, что их исполнители должны взять с собой семьи, а некоторые (например, очень срочные и/или секретные) — наоборот.

Ст. Р. 31 (1180–1200)

поклоно ѿ коленеѹа ко самоуиле нѣ печали селе ти есеѹо коломене на лодию

На наш взгляд, в этой грамоте можно усматривать не невозвратный глагол *печалити*, а гаплографию **нѣ печали селе** ← **нѣ печали<са> селе** (исходить из формы **печали<се>** с переходом [‘а] > [е] в возвратной частице [ДНД₂: 74–75] едва ли возможно по соображениям хронологии).

Твер. 1 (1200–1220)

**ѿ станимира поклоно ко михалоу ко домажиро
вицоу хоцещи возати половиноу коуно а пороуцѣе отцѣе тво
емоу по иванока нѣ хоцещи ли да а боле нѣ могу водат(и)**

Адресная формула этой грамоты уникальна для своего времени: все остальные грамоты, в которых адресат называется по имени-отчеству, относятся к концу XIV — первой половине XV в. (см. подробнее выше в связи с грамотой № 534). Не исключено, конечно, что тверской берестяной этикет в этом отношении отличался от новгородского. Но более вероятно, на наш взгляд, другое объяснение: титулование Михала Домажировича

полным именем напрямую связано с тем, что его отец фигурирует в тексте как ключевой участник тех денежных расчетов, которым посвящено письмо.

Надпись на костяном навершии (середина — вторая половина XII в.)

В 2024 г. на Троицком XVII раскопе было найдено костяное навершие плети с надписью **НЕНЬКИНЕ** батоге. А. А. Гиппиус переводит эту надпись как ‘матушкина плеть’, усматривая в ней свидетельство проникновения в Новгород лексемы *ненька*, известной в южнорусских говорах, а также в украинском [Гиппиус 2025: 11, сн. 3]. Однако прилагательное **НЕНЬКИНЕ**, возможно, означает здесь не ‘матушкин’, а ‘нянькин’. Самые ранние примеры перехода [‘а] в [е] (или в [ѣ]) между мягкими согласными относятся к XII в. [ДНД₂: 74]. Но написание **НЕНЬКИНЕ** может быть не инновацией, а, напротив, уникальным архаизмом: «Не исключена возможность ассимиляции *няня* из **нена*» [Фасмер 1986–1987, III: 94].

С л о в а р и

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–.

Фасмер 1986–1987 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Л и т е р а т у р а

Бачинский (в печати) — С. В. Б а ч и н с к и й. В поисках подлинного вопроса. О вопросительных конструкциях в берестяных грамотах (в печати).

Гиппиус 2003 — А. А. Г и п п и у с. Комментарий к берестяной грамоте № 226 // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции (Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.). М.: Индрик, 2003. С. 45–56.

Гиппиус 2004 — А. А. Г и п п и у с. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // НГБ XI. С. 183–232.

Гиппиус 2019 — А. А. Г и п п и у с. Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 47–71.

Гиппиус 2020 — А. А. Г и п п и у с. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 22–37.

Гиппиус 2022 — А. А. Г и п п и у с. Берестяные грамоты из раскопок 2021 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2022. № 6. С. 7–20.

Гиппиус 2023 — А. А. Г и п п и у с. Берестяные грамоты из раскопок 2022 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2023. № 5. С. 7–28.

Гиппиус 2024 — А. А. Г и п п и у с. Берестяные грамоты из раскопок 2023 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2024. № 4. С. 7–26.

Гиппиус 2025 — А. А. Г и п п и у с. Берестяные грамоты из раскопок 2024 г. I. Великий Новгород. Троицкий раскоп // Вопросы языкознания. 2025. № 4. С. 7–41.

Гиппиус, Зализняк 1998 — А. А. Г и п п и у с, А. А. З а л и з н я к. О надписях на Суздальском змеевике // Балто-славянские исследования 1997. М., Индрик, 1998. С. 540–562.

Гиппиус и др. 2017 — А. А. Г и п п и у с, А. А. З а л и з н я к, Е. В. Т о р о п о в а. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 7–24.

Гиппиус, Сичинава 2021 — А. А. Г и п п и у с, Д. В. С и ч и н а в а. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 178–259.

ДНД₂ — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

ИГДРЯ I — Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. 1. Множественное число именного склонения / С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2000.

Иткин (в печати) — И. Б. И т к и н. Линейная позиция и просодический статус форм обращения в древнерусском языке: данные берестяных грамот (в печати).

Иткин, Коган 2006 — И. Б. И т к и н, Ю. К. К о г а н. Окончание дательного падежа *-ови* в древненовгородском диалекте // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 204–212.

Крылов, Соколов (в печати) — Д. С. К р ы л о в, М. А. С о к о л о в. Перечитываемая новгородскую берестяную грамоту № 141: куда отправились Гришка с Костою? (в печати).

Кучкин 1966 — В. А. К у ч к и н. О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3. С. 103–114.

Кушнер 1998 — А. С. К у ш н е р. Здесь, на земле... // Иосиф Бродский: труды и дни / Ред.-сост. Петр Вайль и Лев Лосев. М.: Издательство Независимая Газета, 1998. С. 154–206.

НГБ III — А. В. А р ц и х о в с к и й, В. И. Б о р к о в с к и й. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.

НГБ IV — А. В. А р ц и х о в с к и й, В. И. Б о р к о в с к и й. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.

НГБ VI — А. В. А р ц и х о в с к и й. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.

НГБ VII — А. В. А р ц и х о в с к и й, В. Л. Я н и н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М.: Наука, 1978.

НГБ VIII — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М.: Наука, 1986.

НГБ IX — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993.

НГБ X — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000.

НГБ XI — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М.: Русские словари, 2004.

НГБ XII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015.

Перцов 2001 — Н. В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001.

Петрухин 2013 — П. В. Петрухин. О датировке списка А договора Смоленска с Ригой и Готским берегом // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка. М.: Древлехранилище, 2013. С. 161–178.

Петрухин 2020 — П. В. Петрухин. К переводу новгородской берестяной грамоты № 383 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 23. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. 2020. С. 217–221.

Полехов, Крысько 2021 — С. В. Полехов, В. Б. Крысько. Жалованная грамота князя Владислава Опольского Даниле Дажбоговичу 1375 г. // Die Welt der Slaven. Bd. 66. № 1. 2021. С. 19–45.

Сичинава 2017 — Д. В. Сичинава. Письмо к Черту: один малоизвестный пример древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 219–228.

Сичинава 2020 — Д. В. Сичинава. Перечитывая плюсквамперфект: новый обзор корпуса примеров в берестяных грамотах // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1. С. 136–171.

Сичинава 2023 — Д. В. Сичинава. Еще несколько поправок и комментариев к чтением берестяных грамот // От сорочка к Олекше: Сборник статей к 60-летию А. А. Гиппиуса. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. С. 213–226.

Хелимский 1986 — Е. А. Хелимский. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // НГБ VIII. С. 252–259.

Циммерлинг 2025 — А. В. Циммерлинг. А воз и ныне-ка там: к истории частицы *-ка* в русском языке // Доклад на чтениях по случаю 90-летия со дня рождения А. А. Зализняка. Москва, 29 апреля 2025 г.

Статья получена 18.12.2025

Ilya B. Itkin

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science
National Research University — Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

FROM COMMENTARIES TO THE TEXTS OF PREVIOUSLY PUBLISHED BIRCH BARK LETTERS

The article contains a number of corrections, clarifications, and other commentaries on several dozen birch bark letters from Veliky Novgorod, Smolensk, Staraya Russa, and Tver, as well as on an inscription on a bone pommel found in Novgorod in 2024. A brief methodological introduction discusses the admissibility of readings that assume slips of

the pen in the text of the letter, the advisability of returning to some interpretations proposed in the 1950s–1970s by the discoverer of the letters, A. V. Artsikhovsky, and the importance of independent readings of difficult passages by several researchers. The article shows, in particular, that fragments of letters No. 109, 1047, and 717, devoted to the search for someone important to the author, reveal exactly the same communicative structure; a new interpretation of the famous word form **ЗОРОНАМИ** from letter No. 157 is discussed (not ‘millstones’, as proposed by A. A. Gippius, but ‘grains’). For letter No. 950, we reconstruct the situation of an “indirect request” – the request addressed not to the addressee (probably the mother), but through the addressee to a third party (possibly the father); the final part of letter No. 354 has a similar structure. Certain issues of the structure of address formulas that have previously not attracted the attention of researchers are specially considered: the available material gives grounds to assert that addressing by the first name and patronymic is characteristic almost exclusively of petitions, while naming the addressee by both kinship and name (**К БАБѢ · К МАРѢМЬЯНЪ**) became widespread only from the mid-14th century, with the kinship term always preceding the name.

Keywords: birch bark letters, Old Russian language, address formulas, slips of the pen, conjectures, A. V. Artsikhovsky.

References

- Artsikhovskii, A. V. (1963). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1958–1961 gg.)*. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Artsikhovskii, A. V. & Yanin, V. L. (1978). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.)*. Moscow: Nauka.
- Bachinskii, S. V. (in print). *V poiskakh podlinnogo voprosa. O voprositel'nykh konstruktivakh v berestianykh gramotakh*.
- Gippius, A. A. (2003). Kommentarii k berestianoi gramote № 226. In *Berestianye gramoty: 50 let otkrytiya i izucheniya. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Velikii Novgorod, 24–27 sentyabrya 2001 g.)* (pp. 45–56). Moscow: Indrik.
- Gippius, A. A. (2004). K pragmatike i kommunikativnoi organizatsii berestianykh gramot. In *NGB XI* (pp. 183–232).
- Gippius, A. A. (2019). Berestianye gramoty iz raskopok 2018 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy yazykoznaniia*, 4, 47–71.
- Gippius, A. A. (2020). Berestianye gramoty iz raskopok 2019 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy yazykoznaniia*, 5, 22–37.
- Gippius, A. A. (2022). Berestianye gramoty iz raskopok 2021 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy yazykoznaniia*, 6, 7–20.
- Gippius, A. A. (2023). Berestianye gramoty iz raskopok 2022 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy yazykoznaniia*, 5, 7–28.
- Gippius, A. A. (2024). Berestianye gramoty iz raskopok 2023 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy yazykoznaniia*, 4, 7–26.
- Gippius, A. A. (2025). Berestianye gramoty iz raskopok 2024 g. I. Velikii Novgorod. Troitskii raskop. *Voprosy yazykoznaniia*, 4, 7–41.
- Gippius, A. A. & Sichinava, D. V. (2021). Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh berestianykh gramot [XIII]: predvaritel'naia publikatsiia. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 178–259.

- Gippius, A. A. & Zaliznyak, A. A. (1998). O nadpisiakh na Suzdal'skom zmeevike. In *Balto-slavianskie issledovaniia 1997* (pp. 540–562). Moscow: Indrik.
- Gippius, A. A., Zaliznyak, A. A. & Toropova, E. V. (2017). Berestiane gramoty iz raskopok 2016 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy iazykoznanii*, 4, 7–24.
- Iordanidi, S. I. & Krysko, V. B. (Eds.). (2000). *Istoricheskaia grammatika drevnerusskogo iazyka. Vol. 1. Mnozhestvennoe chislo imennogo skloneniia*. Moscow: Azbukovnik.
- Itkin, I. B. (v pečati). Lineinaia pozitsiia i prosodicheskii status form obrashcheniia v drevnerusskom iazyke: dannye berestianykh gramot.
- Itkin, I. B. & Kogan, Yu. K. (2006). Okonchanie datel'nogo padezha -ovi v drevne-novgorodskom dialekte. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2 (12), 204–212.
- Khelimskii, E. A. (1986). O pribaltiisko-finskom iazykovom materiale v novgorodskikh berestianykh gramotakh. In Yanin, V. L. & Zaliznyak, A. A. (Eds.). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* (pp. 252–259). Moscow: Nauka. (NGB VIII)
- Krylov, D. S. & Sokolov, M. A. (in print). Perechityvaia novgorodskuiu berestianuiu gramotu № 141: kuda otpravilis' Grishka s Kostoyu?
- Kuchkin, V. A. (1966). O drevneishikh smolenskikh gramotakh. *Istoriya SSSR*, 3, 103–114.
- Kushner, A. S. (1998). Zdes', na zemle... In Petr Vail' & Lev Losev (Eds.). *Iosif Brodskii: trudy i dni* (pp. 154–206). Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta.
- Pertsov, N. V. (2001). *Invarianty v russkom slovoizmenenii*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Petrukhin, P. V. (2013). O datirovke spiska A dogovora Smolenska s Rigoj i Gotskim beregom. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo literaturnogo iazyka* (pp. 161–178). Moscow: Drevlekhranilishche.
- Petrukhin, P. V. (2020). K perevodu novgorodskoi berestianoj gramoty No. 383. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 23 (Grammaticheskie protsessy i sistemy v diakhronii), 217–221.
- Polekhov, S. V. & Krysko, V. B. (2021). Zhalovannaia gramota kniazia Vladislava Opol'skogo Danile Dazhbogovichu 1375 g. *Die Welt der Slaven*, 66 (1), 19–45.
- Sichinava, D. V. (2017). Pis'mo k Chertu: odin maloizvestnyi primer drevnerusskogo pluskvamperfekta. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2 (34), 219–228.
- Sichinava, D. V. (2020). Perechityvaya pluskvamperfekt: novyi obzor korpusa primerov v berestianykh gramotakh. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 136–171.
- Sichinava, D. V. (2023). Eshche neskol'ko popravok i kommentariiev k chteniyam berestianykh gramot. In *Ot sorochka k Olekshe: Sbornik statei k 60-letiyu A. A. Gippiusa* (pp. 213–226). Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS.
- Tsimmerling, A. V. (2025). A voz i nyne-ka tam: k istorii chastitsy -ka v russkom iazyke. Paper presented at *Chteniya po sluchayu 90-letiya so dnya rozhdeniya A. A. Zaliznyaka*, Moscow, 29 April.
- Yanin, V. L. & Zaliznyak, A. A. (1986). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*. *Kommentarii i slovoukazatel' k berestianym gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.)*. Moscow: Nauka.
- Yanin, V. L. & Zaliznyak, A. A. (1993). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)*. Moscow: Nauka.
- Yanin, V. L. & Zaliznyak, A. A. (2000). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*. *Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*. Moscow: Russkie slovari.

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. & Gippius, A. A. (2004). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. Moscow: Russkie slovari.

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. & Gippius, A. A. (2015). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt. Vtoroe izdanie, pererabotannoe s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg.* Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zaliznyak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Received on December 18, 2025

А. А. ФИТИСКИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт языкознания РАН
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
annafitiskina@gmail.com

ЕЖЕ ГОД/ГОДОВ/ГОДЬ:* ЗАГАДКИ ОДНОЙ СРЕДНЕРУССКОЙ КОНСТРУКЦИИ

В статье представлено диахроническое исследование конструкции *еже + год* (где *год* — существительное, обозначающее временной промежуток). Эта конструкция была распространена в деловых памятниках среднерусского периода и стала источником современных русских наречий типа *ежегодно*. В первой части на материале всех выявленных в источниках употреблений очерчиваются формальное устройство конструкции и ее история, прослеживаемая по текстам. Во второй части конструкция рассматривается в ареально-генетическом и типологическом контексте. Формулируются трудные для интерпретации особенности, и в качестве одного из возможных их объяснений предлагается гипотеза о происхождении конструкции из двух разных универсальных условно-уступительных моделей: паритивной, с одной стороны, и с именной предикацией — с другой.

Ключевые слова: древнерусский синтаксис, среднерусский синтаксис, относительные придаточные, универсальные условно-уступительные конструкции, диахронический синтаксис.

1. Введение

В среднерусских деловых текстах достаточно широко распространена последовательность вида *еже + существительное* со значением временного промежутка, которую для удобства далее мы будем называть конструкцией *еже + год*. Эта конструкция обладала универсальной семантикой и может быть переведена как ‘каждый год’. Хотя ее следы сохранились в современных русских прилагательных, наречиях и существительных типа *ежегодно*, *ежегодный* и *ежегодник*, происхождение и внутренняя структура этой конструкции вызывают вопросы и требуют детального диахронического анализа.

* Эта работа была бы невозможна без консультаций и участия М. А. Холодиловой и А. А. Гиппиуса. Я также выражаю благодарность Н. Е. Ананьевой, М. В. Ермоловой, Т. В. Пентковской, А. А. Пичхадзе, Д. В. Сичинаве и А. В. Тер-Аванесовой за помощь и ценные замечания. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00528п.

В разделе 2 дается описание формального устройства конструкции и приводятся ареально-генетические параллели. В разделе 3 проводится диахронический анализ всех употреблений, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) и исторических словарях. В разделе 4 формулируются трудности анализа, и в качестве их решения предлагается гипотеза о возникновении конструкции в период, предшествующий первым письменным свидетельствам ее бытования. В заключительном разделе подводятся итоги.

2. Формальное устройство

Первое слово конструкции — форма номинатива/аккузатива единственного числа среднего рода относительного местоимения *иже*. В составе конструкции, как и за ее пределами, оно встречается в разных фонетических вариантах: собственно *еже*, а также *ежо*, *ежа*, *еж(ъ)*, *оже* и *ож(ъ)*. В 1850–1880-х гг. в Шенкурском уезде Архангельской губернии были зафиксированы варианты *ижеденный* и *ижденный* [СРНГ, 12: 80], позволяющие предполагать также форму с начальным *иже-*, не засвидетельствованную в древних источниках.

Второе слово конструкции — существительное со значением временного интервала. В древне- и среднерусских источниках в этой позиции встретились существительные *годъ* (106), *день* (26), *лѣто* (25), *часть* (9), *ночь* (6), *мѣсяць* (3), *вечеръ* (2), *недѣля* (2), *утро* (2), *весна* (1), *воскресенье* (1) и *пятница* (1). В подавляющем большинстве случаев существительное стоит в форме генитива множественного числа (68 %) или номинатива/аккузатива единственного числа (30 %) (учтен весь исторический подкорпус НКРЯ и исторические словари [СДРЯ; СлРЯ; Срезневский 1893]¹).

Формы номинатива/аккузатива амбивалентны сразу в двух отношениях. Во-первых, к сожалению, пока не найдено ни одного примера, который позволил бы определить, номинатив это или аккузатив: слова *недѣля*, *весна* и *пятница*, различающие эти формы, встретились только в генитиве². Во-

¹ Таблица-приложение с полным корпусом примеров, использованных в работе, доступна по адресу: <https://github.com/Fitisa/jezhe-god>.

² Один пример, свидетельствующий в пользу номинатива, встречается у Ивана Грозного:

(i) Постъ вселѣтнѣй, **еже** убо **среда** и пятокъ, постимся неложно за сего ради, яко в среду тварь на Господа всѣхъ славы убийству совѣтъ сотвори, в пятокъ же распят (ответ Яну Роките, 1570 г.) [НКРЯ].

Однако, к сожалению, невозможно определить, с чем именно мы имеем дело в этом примере: с конструкцией *еже* + *год* ‘каждую среду и пятницу постимся...’ или с конструкцией с функцией пояснения ‘пост, тот, что среда и пятница’. На возможность второго прочтения указывает пример (ii).

вторых, можно предположить, что исторически то, что выглядит как формы номинатива-аккузатива *о-склонения, например *годъ* и *часть*, — это омонимичные им древние формы генитива множественного числа. Ввиду невозможности это проверить, с одной стороны, и наличия непротиворечивых в этом отношении форм *день* и *воскресенье* — с другой, ниже я не делаю такого предположения и исхожу из того, что это только формы единственного числа.

Найдены также одна форма номинатива/аккузатива множественного числа (*мѣсяцы*) и одна форма генитива единственного числа (*мѣсяца*). Помимо этого, встретились две формы, которые могут быть как номинативом/аккузативом множественного числа, так и генитивом единственного: *лѣта* и *утра*. Кроме того, зафиксированы конструкции с наречным показателем -ѣ: *ежегодъ* и *ежелеть* (о происхождении этого показателя см. [Коневацкий 1977]). В отличие от наречий типа *ежегодно*, наречия типа *ежегодъ* я рассматриваю как варианты конструкции *еже* + *год*.

Отдельный вопрос связан с тем, была ли конструкция *еже* + *год* наречием или свободным сочетанием местоимения и существительного. Все исторические словари трактуют ее исключительно как наречие [Срезневский 1893: 820; СДРЯ, 3: 204; СлРЯ, 5: 36–37], причем «Словарь русского языка XI–XVII вв.», с одной стороны, описывает как варианты одного наречия сочетания *ежедень* и *ежеденъ*, вынося в отдельную статью *ежедней*, а с другой стороны, объединяет в одну статью *ежемѣсяцъ*, *ежемѣсяцы* и *ежемѣсяца*. Часть примеров, однако, с полной определенностью свидетельствует о том, что это свободное сочетание. Так, в берестяной грамоте № 275/266 между словами *ѣже* и *днѣ* стоит точка, см. пример (3) ниже. Еще более показателен пример (1): в словаре И. И. Срезневского он приведен как наречие, записанное в одно слово, хотя *еже* здесь присоединяет сочиненную группу *днѣ и ночь*:

- (1) Хожение за три моря Афанасия Никитина (1468–1474 гг., список XVI в.)
 еже *днѣ* и *ночь* *д* *мѣ* *цы* *всюда* *вода* *да* *гра(з)* [ОР РНБ F.IV.144: 444 об.]
 ‘Каждый день и каждую ночь в течение четырех месяцев повсюду вода и грязь’.

Пример, в котором сочетание *еже* + *год* несомненно ведет себя как наречие, встретился только в XVI в.: энклитика *же* в нем располагается не после *еже*, как ожидалось бы в свободном сочетании, а после всей конструкции:

- (ii) Фарисей двократы в неделе постился: и ты по уставу церковному двократы в неделе постишися, то есть среда и пятница (И. Т. Посошков. «Завещание отеческое к сыну своему», 1718–1725 гг.) [НКРЯ].

Ввиду неоднозначности примера, в дальнейшем я его не использую.

- (2) Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой (1557–1561 гг.)

Да ежегод же шло по четыре поставу сукон³ [НКРЯ]

‘Да и каждый год ведь присылалось по четыре поставки сукна’.

В то же время примеры с наречным показателем *-ь* — *ежегодь* и *ежелть* — трудно трактовать как свободные сочетания; наиболее вероятно, что с первых же употреблений они ведут себя как наречия.

В этимологических словарях [Berneker 1908: 416; Фасмер 2: 11; Аникин 2021: 281] конструкция *еже + год* сопоставляется с польским *co dzień* и русским *что ни день*. Г. А. Мороз [2016] показал, что конструкция временной дистрибутивности типа *co dzień*, помимо польского, есть также в кашубском (*co dzéń*), литовском (*kas diena*), латгальском (*kas dīnys*), белорусском (*штодзень*), украинском (*щодня*), а также, в несколько ином виде, в чешском (*den co den*) и словацком (*deň čo deň*). Для удобства я буду называть этот круг моделей конструкцией *что + год*. Согласно данным Г. А. Мороза, в ней существительное употребляется в трех падежах (номинативе, аккумулятиве и генитиве) и только в единственном числе. Различия между конструкциями *еже + год* и *что + год* будут подробно рассмотрены в разделе 4.

3. История конструкции

Самый ранний пример конструкции *еже + год* найден в берестяной грамоте второй половины XIV в.⁴:

- (3) № 275/266 (1360–1380 гг.)

поими · моего · чалца · корми · юже · днь · овсьмь

‘Возьми моего Чалого, корми каждый день овсом’ [НКРЯ].

Поскольку этот пример относительно поздний, возникает вопрос, каким образом соответствующее значение выражалось в восточнославянском

³ Гражданским шрифтом при цитировании даются примеры из среднерусского, а также примеры, цитируемые по изданиям, упрощающим орфографию. Во всех остальных случаях примеры приводятся славянским шрифтом. Если после перевода не стоит ссылки, перевод мой.

⁴ Пример, напоминающий конструкцию *еже + год*, также содержится в одном из темных мест «Вопрошания Кирика, Саввы и Илии», написанного в XII в. В списке Новгородской Кормчей 1280-х гг. читается:

(i) повелѣ ми дати ѿпитемь $\overline{\text{ш.}}$ не(д)ль в оже лѣ(т) ѿ приващенья [НКРЯ]

⁵ ‘Повелел мне накладывать шесть недель епитимьи от причастия в каждый год’.

К сожалению, такая интерпретация, хотя и лингвистически приемлема, не выдерживает критики с точки зрения смысла: «пожизненные» епитимьи, накладываемые на какой-то срок ежегодно, неизвестны в истории Церкви. Соответственно, от этого примера приходится отказаться.

ареале в более раннее время. В берестяных грамотах выражений, обозначающих регулярность действия, не встретилось. Форма *на годъ* в грамоте № 31, переведенная А. А. Зализняком [2004: 557] словом *ежегодно*, употреблена в контексте, где говорится о размере подати, поставляемой за один год:

- (4) № 31 (1340–1360 гг.)

а с|иротѣ тобѣ осподине и по томѣ при|хода куньницею на годѣ [НКРЯ]

‘А крестьяне тебе, господин, и в дальнейшем будут доставлять по куннице в год’.

Здесь временному промежутку соотнесена количественная характеристика, ср. англ. *one dollar a day*. В терминологии [Moreno Cabrera 1998] такие конструкции называются дистрибутивными модификаторами. То, что для конструкции типа *на годъ* характерны именно такие контексты, показывают и другие, в том числе гораздо более древние, примеры, ср.:

- (5) Пространная редакция Русской правды, статья 9 (XII в., список 1280-х гг.)

а коуръ · по двое на днѣ · а хлѣбовъ · 7 · на не(д)лю [НКРЯ]

‘а кур [брать вирнику] — по две в день, а хлебов — по семь в неделю’.

- (6) Вопросание Кирика, Саввы и Илии (1140–1156 гг., список 1280-х гг.)

таже д. мѣтвы ствараи юмоу на днѣ иже то по їжды молваться [НКРЯ]

‘...далее читай ему в день четыре молитвы, которые повторяются по десять раз’.

- (7) Житие Андрея Юродивого (XI–XII вв., список XIV–XV вв.)

полъ посмага ѣдѣше на днѣ [НКРЯ]

‘...в день съедал по половине хлебной лепешки’.

- (8) Новгородская первая летопись, 6644 (1136) г. (список XIII–XIV вв.)

стражык стрѣжахоу днѣ и ноць · съ оружиємъ · 1 · моужь на днѣ [НКРЯ]

‘...и сторожила их день и ночь стража с оружием, по тридцать человек в день’.

То же касается сочетания *за лѣто*, также встретившегося в Русской правде:

- (9) Пространная редакция Русской правды, статья 44 (XII в., список 1280-х гг.)

а оу негоже погыбло · то оже боудеть лице · то лице поиметь ·

а за лѣто възметь по полоу грѣнѣ [НКРЯ]

‘А если у кого [что-то] пропадет, то если будет [обнаружено] личное, пусть его возьмет, а в год пусть берет по полгривны’.

В гибридных и книжных текстах используются конструкции типа *по/на вьса дьни*, ср. примеры из «Повести временных лет» (список первой четверти XV в.):

- (10) 6595 (1087) г.
 десѣтину даѣ ѿ всихъ. скотъ свои(х) стѣи бѣи. и ѿ жита на
 вса лѣта [НКРЯ]
 ‘...давал десятую часть всего своего имущества и урожая Святой Богородице каждый год’.
- (11) Географическое введение
 и тако творать по вса дѣни. не мучими никымже. но сами са
 мучать [НКРЯ]
 ‘...и делают так каждый день, никем не мучимые, сами себя мучат’.
- (12) 6463 (955) г.
 и се рекши молашес(а) за сѣна и за люди. по вса дѣни и ноци
 [НКРЯ]
 ‘...и, говоря это, молилась за сына и за людей каждый день и каждую ночь’.
- (13) 6504 (996) г.
 и тако по вса лѣта твораше [НКРЯ]
 ‘...и совершал это ежегодно’.

По-видимому, эти конструкции являются церковнославянизмами: в древнерусском и старорусском подкорпусах НКРЯ они последовательно используются с церковнославянской формой *в(ь)сѣ_{ACC.PL}* вместо восточнославянского *в(ь)сѣ_{ACC.PL}*. Кроме того, они засвидетельствованы в старославянских памятниках — например, семь раз в Мариинском Евангелии [Codex Marianus].

Можно констатировать, что то, каким образом интересующее нас значение выражалось в раннедревнерусском языке, остается неясным: с одной стороны, используются конструкции типа *на/за лѣто*, не совпадающие с *еже + год* по дистрибуции, с другой — церковнославянские конструкции *по/на вьса лѣта*.

Перейдем к истории самой конструкции *еже + год*. Как следует из Таблицы 1, конструкция просуществовала не менее четырех столетий. В XVIII в. количество ее употреблений резко пошло на спад, связанный с вытеснением образованными от нее наречиями типа *ежегодно*.

Учитывая ограниченность данных, невозможно судить о том, какая синтаксическая стратегия конструкции *еже + год* древнее: с генитивом множественного числа или с номинативом/аккузативом единственного. Вероятно, обе стратегии конкурировали почти на всем протяжении существования. Можно лишь заметить, что наиболее частотное в этой конструкции существительное *годъ* ведет себя отлично от редких существительных: оно чаще используется в форме номинатива/аккузатива единственного

Таблица 1

**Диахроническое распределение существительных,
участвующих в образовании конструкции *еже* + *год*
по данным среднерусского и основного подкорпусов НКРЯ**

	1351– 1400	1401– 1450	1451– 1500	1501– 1550	1551– 1600	1601– 1650	1651– 1700	1701– 1750	1751– 1800
<i>годъ</i> _{NOM=ACC.SG}			1		41/23 ⁵	32/22	10/6	2	1
<i>лѣта</i> _{NOM=ACC.PL/GEN.SG}					1				
<i>годовѣ</i> _{GEN.PL}			1		1	1			
<i>лѣтъ</i> _{GEN.PL}		2		1	4	14			
<i>годъ</i> _{ADV}					3		4		
<i>лѣтъ</i> _{ADV}			1			1	1		
<i>годно</i> _{ADV}					1	1	3	8	523
<i>лѣтний</i> _{ADJ}									2
<i>дѣнь</i> _{NOM=ACC.SG}	1		2	1	1		2		
<i>дѣнь</i> _{GEN.PL}					3	3			
<i>дней</i> _{GEN.PL}					3	1			
<i>дневно</i> _{ADV}							6	14	450
<i>денно</i> _{ADV}									5
<i>часть</i> _{NOM=ACC.SG}				1	4	1			
<i>часно</i> _{ADV}						2	1	10	88
<i>мѣсяцѣ</i> _{NOM=ACC.SG}					1				
<i>мѣсяцы</i> _{NOM.PL}							1		
<i>мѣсяца</i> _{GEN.SG}							1		
<i>мѣсячно</i> _{ADV}									117
<i>ночей</i> _{GEN.PL}					5	1			
<i>ночно</i> _{ADV}									1
<i>вечерь</i> _{NOM=ACC.SG}						1			
<i>вечеровѣ</i> _{GEN.PL}						1			
<i>недѣль</i> _{GEN.PL}						1	1		
<i>недѣльно</i> _{ADV}									48
<i>утра</i> _{NOM=ACC.PL/GEN.SG}						1			
<i>утрѣ</i> _{GEN.PL}							1		
<i>воскресенье</i> _{NOM=ACC.SG}							1		
<i>пятницѣ</i> _{GEN.PL}					1				
<i>веснѣ</i> _{GEN.PL}					1				

⁵ Если дано два числа, первое — общее количество употреблений, второе — количество после вычитания повторяющихся клише.

числа, тогда как редкие существительные чаще употребляются в форме генитива множественного числа⁶.

В среднерусский период конструкция *еже* + *год* конкурировала с сочетаниями типа *по вся годы* и *на всякий годъ*⁷. Особенно эта конкуренция заметна в случаях, когда разные конструкции сосуществуют в пределах небольшого текста, ср.:

- (14) Грамотка приказчика М. Матвеева из с. Марфино (1669 г.)
изволил ты, г(о)с(у)д(а)рь, ходит(ь) мужиком на свое боярская дела ходит(ь) **ожеден(ь)**, а не изволиш(ь) мужиком ходит(ь) **по вся дни**, и мнѣ твоево боярскова дво[ра] не поставит(ь) [НКРЯ]
‘Повелел ты, государь, чтобы мужики на твое боярское дело каждый день ходили, а если ты не повелишь, чтобы они ходили каждый день, то мне твоего боярского двора не поставить’.

Как видно из Таблицы 2, конструкция *еже* + *год* не преобладает ни в одном из типов текстов. Отметим, что в отличие от двух других конструкций, она нехарактерна для литературных и церковных текстов⁸. Заметим также, что слово *годъ* в конструкции с *еже* существенно более типично, чем слово *день*⁹.

В современном русском *еже*-, по-видимому, было переосмыслено как приставка («связанный компонент» в терминологии «Русской академической грамматики»), которая до сих пор продуктивна: *ежесменные протоколы, ежесекундные рождения новых молекул* [Русская грамматика 1980: 319]; ср. разговорное: *у меня в универе физик так проверочные ежеспарные называет* (поиск в Google).

⁶ Оценка статистической значимости проводилась в рамках серии попарных сравнений с применением поправки Бонферрони. Проверялась связь выбора существительного (*годъ* vs. *день* vs. *часъ* vs. все остальное) и падежной стратегии (Nom=Acc.sg vs. Gen.pl) на отрезке 1551–1650 гг. после вычитания клише. Для пары *годъ* (Nom=Acc.sg = 45, Gen.pl = 20) vs. все остальное (Nom=Acc.sg = 2, Gen.pl = 10) точный критерий Фишера дал $p \approx 0,001$ ($p_{corr} \approx 0,006$), что свидетельствует о значимом различии.

⁷ Разумеется, это не исчерпывающий список существовавших в среднерусский период конструкций. Тогда же фиксируются, например, единичные употребления модели *каждо год*, которая, видимо, только зарождалась, а также десятки примеров сочетания *годъ отъ года*; однако они встречаются существенно реже, поэтому данные о них не внесены в Таблицу 2.

⁸ При сопоставлении количества вхождений конструкций *еже годъ* vs. *по вся годы* / *на всякъ годъ* в официальных документах и письмах, с одной стороны, и литературных/фольклорных и церковных текстах — с другой, точный критерий Фишера дает значимую зависимость ($p = 0,02$). Для существительного *день* аналогичное сравнение статистически значимого различия между жанровыми группами не выявляет ($p = 0,51$), что, вероятно, связано с малым числом примеров.

⁹ Точный критерий Фишера для оценки связи между конструкцией с *еже* и выбором существительного (*год* vs. *день*) в официальных документах дает $p = 6,8 \cdot 10^{-26}$.

Таблица 2

Количество употреблений конструкций
еже + годъ/день, по вся годы/дни и на всякъ годъ/день в разных типах текстов
 (по старорусскому подкорпусу НКРЯ на интервале 1350–1750)

	Официальные документы	Письма	Литературные и фольклорные	Церковные
<i>еже годъ</i>	99	14	7	—
<i>по вся годы</i>	117	9	25	1
<i>на всякъ годъ</i>	112	11	15	—
<i>еже день</i>	4	2	7	—
<i>по вся дни</i>	275	12	280	88
<i>на всякъ день</i>	11	2	116	21

4. Загадки конструкции

До сих пор вопросы, которые неизбежно возникают при рассмотрении конструкции *еже + год*, намеренно оставлялись без внимания. Как кажется, самый напрашивающийся из них касается местоимения *еже*. Неясно, почему в конструкции участвует местоимение, которое к моменту ее первой фиксации (1360–1380-е гг.) в «живом» древнерусском, по всей видимости, уже вышло из употребления. Это тем удивительнее на фоне широкой представленности в других славянских языках (включая белорусский и украинский) модели *что + год* с относительным местоимением от вопросительной основы. Второй вопрос касается того, что конструкция существует сразу в двух грамматических вариантах: с существительным в форме генитива множественного числа и номинатива/аккузатива единственного. К этой проблеме добавляется еще одна: как эта вариативность соотносится с вариативностью конструкции *что + год*, в которой зафиксированы три разных падежа, но не отмечено множественного числа? Следующие подразделы представляют собой попытку ответить на эти вопросы.

4.1. Почему *еже*?

Использование местоимения *еже* может вызвать целую серию вопросов. Может ли относительное местоимение приобрести значение ‘каждый’? Могло ли местоимение *еже* быть продуктивным на Руси в XIV в.? Не является ли вся конструкция церковнославянизмом?

Как показал М. Хаспельмат, основные источники для грамматикализации кванторов со значением ‘каждый’ — это местоимения свободного выбора [Haspelmath 1995: 8–15]. Кванторы со значением ‘каждый’ на основе местоимения, совпадающего с относительным, довольно широко засвидетельствованы типологически: ср. латинское *quisque* (*quis* ‘кто’, *-que* ‘и’),

румынское *fiicare* (*care* ‘кто’, *fie* ‘быть’), готское *hwarjizuh* (*hwarjis* ‘который’, *-uh* ‘и, также’), корейское *nwukwuna* (*nwukwu* ‘кто’, *-na* ‘или’) и др. [Там же: 9]. Распространенность таких местоимений М. Хаспельмат объясняет их происхождением от местоимений свободного выбора, которые он, в свою очередь, возводит к безвершинным относительным конструкциям с глаголом ‘хотеть’ и к универсальным условно-уступительным конструкциям. Дополнительные маркеры (форма 3-го лица глагола ‘быть’ и частицы ‘и’, ‘или’ и под.) оказываются частью местоимения из-за того, что они обязательны в универсальных условно-уступительных конструкциях соответствующих языков.

Насколько мне известно, на данный момент описаны две стратегии образования универсальных условно-уступительных конструкций в древнерусском: с частицей *нѣ/но/ни*, давшей современную частицу *ни* [Зализняк 2008: 274–277], и с причастием-сказуемым [Пичхадзе 2020: 258–270]. В [Фитискина, Холодилова 2026] высказывается гипотеза, что условно-уступительной семантикой в древнерусском также могли обладать конструкции типа (15) и (16), которые мы, отчасти вслед за [Motter 2023], называем фреймовыми коррелятивами¹⁰. Ср. возможность перевода (15) предложением ‘кто бы ни вспахал землю... платит за ущерб 12 гривен’. В примере (16)¹¹, который неотличим от условно-уступительного, использовано однокоренное с *иже* наречие *идеже*.

- (15) Краткая редакция Русской правды, статья 34 (1050-е гг., список XV в.)

а иже между переореть любо перетесь, то за обиду 12 гривнѣ [Русская правда: 72]

‘Кто вспашет землю через между...¹² [платит] за ущерб 12 гривен’.

- (16) Поучение Владимира Мономаха (1090–1119 гг., список 1377 г.)

куда же поидете идеже станете · напоите накормите [НКРЯ]

‘Куда бы вы ни пошли, где бы ни встали, напоите, накормите...’

В отличие от местоимений, рассмотренных М. Хаспельматом и приведенных выше, *еже*, во-первых, имеет указательную, а не вопросительную основу, и, во-вторых, используется в конструкции *еже* + *год* без дополнительных маркеров. Последнее обстоятельство, вероятно, связано с отсутствием таких маркеров и в примерах типа (15)–(16).

Перейдем к вопросу о возможном церковнославянском происхождении конструкции *еже* + *год*. Такая версия прямо высказывалась в этимологиче-

¹⁰ О таких конструкциях см. [Lehmann 1988: 197; Kholodilova 2013: 112–113; Motter 2023: 7–9].

¹¹ Благодарю А. А. Гиппиуса, подсказавшего мне этот пример.

¹² Интерпретация трудной для перевода фразы *любо перетесь* не имеет значения для нашего рассуждения.

ских словарях [Berneker 1908: 416; Фасмер 2: 11]. На первый взгляд, она надежно подтверждается наличием в современном болгарском слов *ежегодно*, *ежедневно* и под. [РБЕ]. Однако в старославянских текстах ничего, что напоминало бы конструкцию *еже + год*, не находится. В южнославянских средневековых текстах фиксируются наречия и сочетания типа *ката* + обозначение временного промежутка: *ката льто*, *ката .м. дѣни* и др. [Пентковская 2018: 40–41]. В церковнославянском подкорпусе НКРЯ наречия и прилагательные на *еже-* изредка встречаются только в текстах, составленных в XX в. Современное русское наречие *еженочно*, содержащее южнославянский рефлекс **kt'*, по всей видимости, является результатом вторичного переосмысления этого наречия как церковнославянизма. Характерно, что самый ранний пример в основном подкорпусе НКРЯ имеет форму *еженочно*:

- (17) Письмо Н. А. Львова к Г. Р. Державину (1786–1799 гг.)
а мы трудимся ежедневно и еженочно для приобретения имени
и славы [НКРЯ].

В современном же болгарском эти наречия, по-видимому, представляют собой русизмы, ср. зафиксированное в 1940-е гг. в болгарском языке слово *еженедельник* [Младенов 1941: 160], впоследствии превратившееся в *ежеседмичник* [РБЕ], а также призыв избавляться от наречий на *еже-* в речи: «друг русизъм, който често се използва е “ежедневно” и “ежегодно”. Къде по-точно и красиво е да се казва на български — “всекидневно” и “всяка година”» (выпреки.com). «Некнижность» конструкции *еже + год* также подтверждается ее представленностью в диалектах [СРНГ, 8: 326–327], в том числе со специфически восточнославянским начальным *о-* ([Там же, 23: 74, 80]; о начальном *о-* см. [Andersen 1996]).

Остается предположить, что в конструкции *еже + год* представлено автохтонное восточнославянское *иже*. То, что *еже* в относительной функции могло существовать в некнижном древнерусском, комментируя берестяные грамоты, предположил А. А. Зализняк [2004: 301]. Разграничению книжного и некнижного *иже* посвящена моя работа [Fitiskina 2025]. По моим данным, к XIV в. в некнижном древнерусском *иже* уже вышло из употребления: если в некнижных источниках XI — начала XIII вв. относительные предложения с *иже* составляют 36 % от всех употреблений с местоимениями *иже*, *кѣто*, *чѣто* и *которыи*, то в 1221–1300 гг. — уже только 4 %. Однако если предположить, что конструкция *еже + год* старше, чем ее первые дошедшие до нас письменные фиксации, противоречие снимается. То, что среднерусские конструкции с *еже-* отражают более древний этап формирования, чем старобелорусские и староукраинские, предполагается, например, в [Прыгодзіч 1990: 32]. Согласно Г. А. Морозу, конструкция *что + год* фиксируется в старопольских текстах с начала XIII в. [Мороз 2016: 154], однако приведенная им цитата из Перегринизма из Ополе в действительности является переводом на современный польский средневекового

текста, написанного по-латыни. По данным [Petit 2015: 92], эта конструкция прослеживается по старопольским текстам с XVI в., а в XVII в. проникает в литовский. Следовательно, ничто не противоречит первичности и древности конструкции с *еже*.

4.2. Почему разные падежи и числа?

Существование двух грамматических вариантов можно объяснить, если предположить, что конструкция *еже* + *год* в том виде, в каком мы видим ее в среднерусском, представляет собой объединение двух разных конструкций: с одной стороны, *еже* + существительное в номинативе единственного числа, с другой — *еже* + существительное в генитиве единственного и множественного чисел.

4.2.1. Номинативная конструкция

Для конструкции с существительным в форме номинатива можно предложить два кардинально различающихся варианта происхождения: с атрибутивным *еже* и с субстантивным *еже*.

Для предположения об изначальной согласованности *еже* с последующим существительным необходимо найти подходящее существительное среднего рода. Единственным таким существительным является *лѣто*. Отсутствие примеров его употребления в номинативе (см. Таблицу 1), по-видимому, объясняется тем, что к моменту первых письменных фиксаций этой конструкции слова *лѣто* и *годъ* уже объединились в одну парадигму (о супплетивизме этих основ, правда без количественных данных о диахронии до XIX в., см. [Чумакина и др. 2004]). Учитывая, что примеры со словом *годъ* в форме номинатива/аккузатива составляют 53 % от всех употреблений конструкции, логично предложить, что до развития супплетивизма *годъ/лѣто* наиболее частотной была конструкция *еже лѣто*. Из этой модели форма *еже* могла обобщиться на остальные существительные. Параллелью в истории русского языка является распространение форм женского рода при словах *пять*, *шесть*, *семь*, *осмь* и *девять* на прочие числовые сочетания, что дало конструкции типа *въ едину три дни, взяти ту четыреста рублевъ* и проч. [Зализняк 2004: 168]. Недостаток этой гипотезы в том, что с ее помощью нельзя объяснить конструкцию *что* + *год*: местоимение *что* не было атрибутивным. Таким образом, принимая эту гипотезу, мы с необходимостью отказываемся видеть в *еже* + *год* и *что* + *год* общее ареальное явление и предполагаем их независимое возникновение и развитие по разным грамматикализационным сценариям.

С другой стороны, конструкцию с номинативом можно объяснить, предположив, что сочетание типа *еже* + *год* изначально было предикативным, т. е. означало примерно ‘что есть год’, ‘что является годом’. Соответственно, местоимение и существительное не были согласованы, и *еже* имело форму среднего рода просто потому, что обозначало неодушевлен-

ный объект. Такое объяснение согласуется с изложенной в разделе 4.1 гипотезой о происхождении конструкции *еже + год* из универсальных условно-уступительных предложений. Косвенным аргументом в его пользу может служить модель *что ни день*, произошедшая, по всей вероятности, из условно-уступительных конструкций типа (18) и фиксирующаяся в [НКРЯ] по крайней мере с XIX в. (самые ранние на момент ноября 2025 г. вхождения — (19) и (20)).

- (18) Сказка о Вавиле купеческом сыне (1794–1795 гг.)

Что ни есть в печи, все на стол мечи [НКРЯ].

- (19) Антон-горемыка. Д. В. Григорович (1847 г.)

Ну, господь с ним, — отвечал откровенно Антон, — я тебе про свое горе говорю... эх, доля моя, доля!.. вот, почитай, пятый год так бьюсь, и что ни день, то плоше да плоше... [НКРЯ].

- (20) Русские в начале осмнадцатого столетия. М. Н. Загоскин (1848 г.)

Недели две тому назад Игнатъевна явилась ко мне от какой-то вдовушки, которая видела меня у Гутфеля, и с тех пор отбою нет: что ни день, то новая невеста [НКРЯ].

Трудно сказать, представляет ли конструкция *что ни день* поздний отголосок того же ареального явления, что и *что + год*, или же она просто типологически близка и возникла независимо. Важно отметить, что «предикативная» гипотеза оставляет возможность предполагать общее происхождение у всех трех конструкций (*еже + год*, *что + год*, *что ни год*).

Отдельно в этом контексте необходимо объяснить, почему, если конструкция *что + год* произошла от предикативной конструкции с глаголом *быть*, в ее западнославянских вариантах отсутствует связка (о связке в польском и чешском см. [Clancy 2010: 88–89]). Заметим, что связка отсутствует и в аналогичных конструкциях в английском:

- (21) Whatever the reason, I am grateful for your help.

М. Хаспельмат связывает это с тем, что в подобных конструкциях связка не несет смысловой нагрузки и поэтому эллиптируется, а в качестве хорошо задокументированного примера такого развития приводит французское *quelque* [Haspelmath 2001: 138–139].

Близкой параллелью к конструкции *еже + год* служат финские сочетания типа *joka päivä* ‘каждый день’ и *joka vuosi* ‘каждый год’. Как и *еже*, *joka* одновременно представляет собой форму номинатива относительного местоимения от невопросительной основы и несклоняемый квантор со значением ‘каждый’ (см. статьи «*joka*¹» и «*joka*²» в [SES]). По данному параметру это более близкая параллель к конструкции *еже + год*, чем *что + год*. Не исключено (хотя и нет возможности это утверждать), что эта финская конструкция относится к тому же ареальному явлению.

4.2.2. Генитивная конструкция

В свою очередь, варианты с генитивом могли произойти от партитивных употреблений типа **еже X-ов* ('те/то из X-ов' = 'сколько X-ов'). Во всем древнерусском корпусе пока не нашлось ни одного случая, где *еже* (или *оже*) употреблялось бы в значениях 'кто/что из' или 'сколько'. При этом встречаются десятки примеров, в том числе достаточно ранних, где в таком значении выступают местоимения *что* и *кто*, ср. (22) и (23) соответственно.

(22) № 794 (1160–1180 гг.)

ТЫ КНАЖЕ ВѢДАЕШЬ ЦѢТ(Ъ) МѢЖЬ МѢ[Р]Е ЗИМѢСИ ВЪЗАЛЕ Т[Ъ]

а. 'Ты, князь, [этим] ведаешь. Кого из мужей мор прошлой зимой унес, те (тех, тем)

б. 'Ты, князь, знаешь, сколько мужей мор прошлой зимой унес ...' [НКРЯ].

(23) Поучение Владимира Мономаха (1110-е гг., список 1377 г.)

ОЖЕ ЛИ КТО ВА(С) НЕ ХОЧЕТЪ ДОБРА · НИ МИРА Х(С)ЬАНО(М) А НЕ БУДИ ЕМУ ѿ БА МИРА ОУЗРѢТИ НА ѠНО(М) СВѢТѢ ДѢШИ КГО [НКРЯ]
'Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете' (перевод О. В. Творогова).

С одной стороны, это противоречие можно снять с помощью сделанного выше допущения, что конструкция *еже + год* существенно древнее своей первой сохранившейся письменной фиксации. Учитывая, что в оригинальной некнижной письменности подходящих контекстов пока не встретилось (см. раздел 3), это не кажется невозможным. В таком случае допустимо предположить, что изначально конструкция могла возникнуть с местоимением *еже*, а затем, в других языках, быть вытесненной конструкциями с *что* (либо, в случае позднего возникновения, развиваться с ним изначально). Этот сценарий согласуется с произошедшим во всех славянских языках переходом от системы относительных местоимений с указательной основой (каково *иже*) к системе с местоимениями с вопросительной основой (каково *что*) [Meillet 1965: 486]. Близкой параллелью для такого сценария является переход от **i*-местоимения к **k*-местоимению, произошедший в конструкциях временной дистрибутивности в балтийских языках. Согласно [Petit 2015], именно этим объясняется то, что в современном латышском в данных конструкциях используется **i*-местоимение *ika*-, а в литовском — **k*-местоимение *kiek*-. Значение обоих этих местоимений 'сколько'. Конструкции с *kas*- (литовский аналог *что + год*) Д. Пети считает очевидной калькой с польской модели типа *co* + существительное [Ibid.: 96].

С другой стороны, можно предположить, что вариант «*еже* + существительное в генитиве» развился вторично — под влиянием, с одной стороны, конструкции «*еже* + номинатив», а с другой — конструкций типа *что мужь* 'кто из мужей, сколько мужей'. Это не кажется невозможным ввиду высокой степени синонимии *что* и *еже* в древнерусском.

Другое связанное с предлагаемой гипотезой противоречие заключается в том, что в конструкции *что + год* существительные в форме генитива всегда употребляются в единственном, а не во множественном числе [Мороз 2016]. Трудно сказать, что стоит за этим распределением. С одной стороны, в среднерусском фиксируется по крайней мере один пример конструкции *еже + год* с генитивом единственного числа (24) и еще два (25)–(26), где такая интерпретация возможна (в последнем случае, впрочем, нельзя исключать, что это вообще формы номинатива/аккузатива *лето* и *утро*, записанные с отражением аканья):

- (24) Перевод с письма крымского хана Мурат Гирея к атаману и ко всему войску Донскому (1682 г.)
лѣтомъ и осенью и зимою и весною и еже мѣсяца зипунниковъ другъ за другомъ не одиножда посылать буду [СлРЯ, 5: 37]
‘...летом, осенью, зимой и весной каждый месяц я буду несколько раз, один за другим, посылать зипунников’.
- (25) Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой (1557–1561 гг.)
И ныне б еси прислал к нам кун болши тово, что еже лета к нам присылаешь [НКРЯ]
‘...и сейчас прислал бы ты нам денег побольше, чем каждый год посылал’.
- (26) Учение и хитрость ратного строения пехотных людей (1647 г.)
такъ же онъ сержантомъ пр<и>кажетъ, чтобы они еже утра ротъ своихъ число здоровымъ... на росписи ему подавали [СлРЯ, 5: 37]
‘...также он прикажет сержантам, чтобы они каждое утро число здоровых в своей роте подавали ему на росписи’.

С другой стороны, древнерусская конструкция типа *что мужь* ‘сколько мужей’ иногда встречается с существительными в единственном числе — в основном, впрочем, с неисчисляемыми или такими, которые могут быть поняты как неисчисляемые:

- (27) Грамота из Старой Руссы № 30 (1180–1200)
а цето ти са остало суца то остави ести
‘А что из сущика (сушеной мелкой рыбы) у тебя осталось, то оставь на еду’ [НКРЯ].

Возможно, в западном ареале, где распространилась конструкция *что + год*, более продуктивной оказалась конструкция с единственным числом; могло произойти и некоторое выравнивание по аналогии¹³. Так или иначе,

¹³ В частности, нельзя исключать влияния беспредложных временных конструкций с генитивом, распространенных в польском, ср. *ostatniej nocy* ‘прошлой ночью’, *ubiegłego miesiąca* ‘в прошлом месяце’, *zeszłego roku* ‘в прошлом году’ и под. (благодаря за консультацию по этому вопросу Н. И. Ананьеву).

для ответа на этот вопрос необходимо детальное исследование истории рассматриваемой конструкции в каждом отдельном языке.

4.2.3. Аккузативная конструкция?

Изложенная выше диахроническая гипотеза предполагает, что амбивалентные варианты конструкции типа *еже годъ*, *еже день*, *еже часъ* исконно являются формами номинатива, а не аккузатива. Однако во многих языках, где есть конструкция *что + год*, она фиксируется не только с формами номинатива и генитива, но и с аккузативом, а в некоторых языках — только с ним (см. Таблицу 3).

Таблица 3

**Стратегии падежного маркирования конструкций
типа *что + год*, *что ни год* и *joka vuosi*
([Мороз 2016: 162] с поправками и дополнениями¹⁴)**

	чеш.	словац.	лит.	пол.	белор.	укр.	латг.	рус.	фин.
аккузатив	+								
генитив				+					
номинатив			+						

Как кажется, это может быть связано с влиянием на конструкцию *что + год* сочетаний типа *каждый X*, ср. украинские примеры *робота на щодень*, *салат на щодень* (поиск в Google), где вероятна такая же реинтерпретация. Для полноценной проверки того, верны ли сформулированные гипотезы в отношении конструкции *что + год*, необходим детальный анализ всего корпуса ранних примеров в каждом отдельном языке.

5. Заключение

В первой части статьи проведен тотальный анализ всех найденных в [НКРЯ] и исторических словарях примеров среднерусской конструкции *еже + год*, охарактеризованы ее формальные особенности (вариативность падежного и числового оформления) и регистровая принадлежность. В част-

¹⁴ Этот вариант таблицы существенно отличается от представленного в статье Г. А. Мороза. Во-первых, добавлена информация о русской конструкции *что ни год* и финской *joka vuosi*. Во-вторых, согласно данным Г. А. Мороза, в белорусском отсутствуют употребления с номинативом, а в украинском — с номинативом и аккузативом. Тем не менее в белорусском удалось найти форму номинатива *штохвіліна* [Патоцкі 1997: 177], а в украинском — и номинатив *щохвилини* [Маловічко 1931: 170], и аккузатив *щохвилину* [Краківські вісті 1941: 3]. В-третьих, сюда включена информация о возможности употребления генитива *dīna* в латгальском, вынесенная Г. А. Морозом в сноску [Мороз 2016: 162, примеч. 14].

ности, показано, что нет оснований считать ее церковнославянизмом; напротив, свидетельства этой конструкции в современном болгарском, по видимому, представляют собой русизмы, а наречия типа *ежегодно* в современном русском — единственный реликт исконного восточнославянского *иже*. Кроме того, выявлено, что в гибридных и книжных древнерусских памятниках используются конструкции, заимствованные из церковнославянского, тогда как в не книжных текстах раннего времени просто не встретилось подходящих контекстов. На этом основании предполагается, что конструкция *еже + год* может быть более древней, чем самый ранний сохранившийся пример.

Для объяснения падежной и числовой вариативности предлагается рассматривать конструкцию как результат слияния двух разных универсальных условно-уступительных предложений: партитивного — для генитива и с именной предикацией — для номинатива. Такая реконструкция вписывается в гипотезу М. Хаспельмата о происхождении кванторов со значением ‘каждый’ из местоимений свободного выбора, развивающихся из условно-уступительных предложений. Отступления от сценария, предложенного М. Хаспельматом, связаны с отсутствием в конструкции *еже + год* каких-либо дополнительных маркеров, а также с указательной (а не вопросительной) основной относительного местоимения.

Наконец, в статье выдвигается гипотеза об общем происхождении конструкций *еже + год* и *что + год*. Разница в выборе местоимения объясняется тем, что *еже* отражает более древнюю стадию формирования конструкции, предшествующую переходу от системы относительных местоимений с указательными основами к системе с вопросительными основами. Для объяснения расхождения в падежном оформлении требуется дальнейшее детальное диахроническое исследование в каждом отдельном языке. В качестве возможных вариантов того же ареального явления также рассматриваются финская конструкция *joka vuosi* ‘каждый год’ и современное русское *что ни год*.

Источники и словари

Аникин 2021 — А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. Вып. 15. М., 2021.

вьпреки.com — Сайт за култура вьпреки.com (электронный ресурс). URL: <https://вьпреки.com/post/186604378141> (дата обращения: 20.08.2025).

Краківські вісті 1941 — Краківські вісті. 1941. № 249 (404), 8 листопада.

Маловічко 1931 — І. М а л о в і ч к о. Соціалістична весна // Рапорт української літератури XII Всеукраїнському з'їздові рад: українська радянська література за доби реконструкції. Харків, 1931. С. 170.

Младенов 1941 — С. М л а д е н о в. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (электронный ресурс). URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.08.2025).

- ОР F.IV.144 — Эттеров список Львовской летописи, XVI в., 1°, 872 + III л.
- Патоцкі 1997 — Л. П а т о ц к і. Успаміны пра Тышкевічаву Свіслач, Дзярэчын і Ружану / Леан Патоцкі; уклад., прадм. і камент. А. М. Філатавай; перакл. з польск. І. У. Саламевіча; маст. У. К. Фокін. Мінск, 1997.
- Русская правда — Правда русская. I. Тексты / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940.
- РБЕ — Речник на българския език (электронный ресурс). URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения: 20.08.2025).
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–.
- Срезневский 1893 — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб., 1893.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965–.
- СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–.
- Фасмер 2 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / Пер. с немецкого и доп. О. Н. Трубачёва. 2-е изд. М., 1986.
- Berneker 1908 — E. B e r n e k e r. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1924.
- Codex Marianus — Syntacticus. A treebank of early Indo-European languages <https://syntacticus.org/source/proiel:20180408:marianus> (дата обращения: 20.08.2025).
- SES — Suomen etymologinen sanakirja (электронный ресурс). URL: <https://kaino.kotus.fi/ses/?p=main> (дата обращения: 20.08.2025).

Л и т е р а т у р а

- Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. 3-е изд. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
- Коневецкий 1977 — А. К о н е в е ц к и й. О русских наречиях, восходящих к именительному падежу имени // Языкознание. 1977. XXVIII (2). С. 51–60.
- Мороз 2016 — Г. А. М о р о з. Адвербиальные конструкции временной дистрибутивности в балто-славянских языках: ареальное и корпусное исследование // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. № 12 (1). С. 151–167.
- Пентковская 2018 — Т. В. П е н т к о в с к а я. Переводы Иерусалимского Типикона в славянской традиции. Лингвистический аспект. М.: МАКСПресс, 2018.
- Пичхадзе 2020 — А. А. П и ч х а д з е. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса. СПб.; М.: Нестор-История, 2020. С. 256–285.
- Прыгодзіч 1990 — М. Р. П р ы г о д з і ч. Аб складаных словах з кампанентам *што* у беларускай мове // Вестнік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту імя У. І. Леніна. 1990. 4 (2). С. 31–33.
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980.
- Фитискина, Холодилова 2026 — А. А. Ф и т и с к и н а, М. А. Х о л о д и л о в а. Фреймовые коррелятивы в истории русского языка // Тезисы доклада для II конф-

ренции «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте». Институт языкознания РАН, Москва, 11–12 февраля 2026 г.

Чумакина и др. 2004 — М. Э. Чумакина, A. Hippisley, G. Corbett. Исторические изменения в русской лексике: случай чередующегося супплетивизма // *Russian Linguistics*. 2004. 28 (3). P. 281–315

Andersen 1996 — H. Andersen. *Reconstructing prehistorical dialects. Initial vowels in Slavic and Baltic*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996.

Clancy 2010 — S. J. Clancy. *The Chain of Being and Having in Slavic*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010.

Fitiskina 2025 — A. A. Fitiskina. The twofold nature of old East Slavic *iže* // *Russian Linguistics*. 2025. 49 (1). P. 1–21.

Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. Diachronic sources of ‘all’ and ‘every’ // *Quantification in natural languages* / E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee (eds.). Dordrecht: Springer Science & Business Media, 1995. P. 1–21.

Haspelmath 2001 — M. Haspelmath. *Indefinite Pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Kholodilova 2013 — M. Kholodilova. Inverse attraction in Ingrian Finnish relative clauses // *Linguistica Uralica*. 2013. 49 (2). P. 96–116.

Lehmann 1988 — Ch. Lehmann. Towards a typology of clause linkage // *Clause combining in grammar and discourse* / J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 181–226

Meillet 1965 — A. Meillet. *Le Slave Commun*. 2e éd. / Avec le concours de A. Vaillant. Paris, 1965.

Moreno Cabrera 1998 — J. C. Moreno Cabrera. Adverbial quantification in the languages of Europe: theory and typology // *Adverbial Constructions in the Languages of Europe* / Ed. J. van der Auwera. Berlin; New York, 1998. P. 147–186.

Motter 2023 — Th. Motter. Hittite correlatives are paratactic // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2023. 8 (1). P. 1–43.

Petit 2015 — D. Petit. On distributive pronouns in the Baltic languages // *Baltic Linguistics*. 2015 (6). P. 79–140.

Статья получена 24.08.2025

Anna A. Fitiskina

HSE University

Institute of Linguistics of RAS

Vinogradov Russian Language Institute of RAS

(Moscow, Russia)

annafitiskina@gmail.com

THE MYSTERIES OF A MIDDLE-RUSSIAN CONSTRUCTION *JEŽE GOD/GODOV/GOD’*

This paper offers a diachronic analysis of the construction *ježe* + a noun denoting a temporal interval (*ježe* + *god* ‘every year’, *ježe* + *den* ‘every day’, etc.), a pattern attested in administrative documents of the Middle Russian period and ultimately the

source of modern Russian adverbs such as *ježegodno* ‘annually’. On the basis of all occurrences retrieved from the corpus of texts in the written record, the first part of the paper describes the formal structure of the construction and traces its historical development. The second part situates the construction in its areal-genetic and typological setting and compares it with functionally similar patterns elsewhere in Slavic and beyond. The discussion highlights several properties of the construction that are problematic for interpretation and, as one possible solution, advances the hypothesis that this construction derives from two different types of universal concessive conditionals, with nominal predication, on the one hand, and partitive, on the other.

Keywords: Old Russian syntax, Middle Russian syntax, relative clause, universal conditional-concessive constructions, diachronic syntax

References

- Andersen, H. (1996). *Reconstructing prehistorical dialects. Initial vowels in Slavic and Baltic*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Chumakina, M. E., Hippisley, A. & Corbett, G. (2004). Istoricheskie izmeneniia v russkoi leksike: sluchai chereduiushchegosia suppletivizma. *Russian Linguistics*, 28 (3), 281–315.
- Clancy, S. J. (2010). *The Chain of Being and Having in Slavic*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Fitiskina, A. A. (2025). The twofold nature of old East Slavic *iže*. *Russian Linguistics*, 49 (1), 1–21.
- Fitiskina, A. A., Kholodilova, M. A. (2026). Freimovye korreliativy v istorii russkogo iazyka. In *Tezisy doklada dlia II konferentsii «Sviaz' propozitsionalnykh edinits v predlozhenii i v tekste»*. Institut iazykoznanii RAN, Moskva, 11–12 fevralia 2026 g.
- Haspelmath, M. (1995). Diachronic sources of ‘all’ and ‘every’. In E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee (eds.), *Quantification in natural languages* (pp. 1–21). Dordrecht: Springer Science & Business Media.
- Haspelmath, M. (2001). *Indefinite Pronouns*. Oxford: Oxford University Press.
- Kholodilova, M. (2013). Inverse attraction in Ingrian Finnish relative clauses. *Linguistica Uralica*, 49 (2), 96–116.
- Konevetskiy, A. (1977). O russkikh narechiakh, voskhodiashchikh k imenitelnomu padezhu imeni. *Iazykoznanie*, 28 (2), 51–60.
- Lehmann, Ch. (1988). Towards a typology of clause linkage. In J. Haiman, S. A. Thompson (eds.), *Clause combining in grammar and discourse* (pp. 181–226). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Meillet, A. (1965). *Le Slave Commun* (2e éd., avec le concours de A. Vaillant). Paris, 1965.
- Moreno Cabrera, J. C. (1998). Adverbial quantification in the languages of Europe: theory and typology. In J. van der Auwera (ed.), *Adverbial Constructions in the Languages of Europe* (pp. 147–186). Berlin; New York.
- Moroz, G. A. (2016). Adverbialnye konstruksii vremennoi distributivnosti v baltoslavianskikh yazykakh: arealnoe i korpusnoe issledovanie. In *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 12 (1), 151–167.
- Motter, Th. (2023). Hittite correlatives are paratactic. *Glossa: a journal of general linguistics*, 8 (1), 1–43.

Pentkovskaya, T. V. (2018). *Perevody Ierusalimskogo Tipikona v slavianskoi traditsii. Lingvisticheskii aspekt*. Moscow: MAKSPress.

Petit, D. (2015). On distributive pronouns in the Baltic languages. *Baltic Linguistics*, 6, 79–140.

Pichkhadze, A. A. (2020). Slavianskoe prichastie-skazuemoe v zavisimyykh predikatsiakh. In *Ocherki drevnerusskogo i starorusskogo sintaksisa* (pp. 256–285). St.-Petersburg, Moscow: Nestor-Istoriya, 2020.

Prygodzich, M. R. (1990). Ab skladanykh slovakh z kampanentam *shto-* u belaruskai move. *Vestnik Belaruskaga dzyarzhaynaga universitet imya U. I. Lenina*, 4 (2), 31–33. (In Belarusian).

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt*. 2-nd ed. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004.

Zaliznyak, A. A. (2008). «*Slovo o polku Igoreve*»: *Vzgliad lingvista*. 3-rd ed. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2008.

Received on August 24, 2025

А. А. ПРОКОПЕНКО

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
prokopenko_aa@list.ru

ПОСЛАНИЯ НОВГОРОДСКОГО АРХИЕПИСКОПА ГЕННАДИЯ ГОНЗОВА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье послания новгородского архиепископа Геннадия рассматриваются как лингвистический источник. Анализ лексики и фразеологии в сравнении с материалами исторических словарей позволил получить новые данные для изучения словарного состава старорусского языка. В работе описаны единицы, не зафиксированные в исторических словарях, приведены ранее не отмеченные значения для некоторых слов и устойчивых сочетаний, а также указана более ранняя датировка употребления для ряда единиц. Полученные сведения подтверждают значимость посланий новгородского архиепископа как лингвистического источника и могут найти отражение в лексикографической практике.

Ключевые слова: лексика, фразеология, старорусский язык, источниковедение, лексикография, послания, Геннадий Гонзов.

Архиепископ Геннадий Гонзов (1-я четв. XV в. — 4 декабря 1505 г.) — выдающийся иерарх Русской православной церкви. Он известен как инициатор создания первого полного свода библейских книг Ветхого и Нового Заветов, а также как автор посланий, являющихся ценным историческим источником.

Новгородскому архиепископу принадлежат восемь посланий¹ [Макарий (Веретенников) и др. 2005: 596]. Пять из них — антиеретические: Геннадий обличает обнаруженную им в Новгороде ересь жидовствующих². По-

¹ В настоящей статье не привлекается Отрывок из послания неизвестному, который ранее атрибутировали новгородскому архиепископу [Казакова, Лурье 1955: 388–391]. А. И. Алексеев установил, что этот текст является ответом на Послание Геннадия архиепископу Иоасафу, и предположил, что автором сохранившегося Отрывка мог быть Дмитрий Траханиот [Алексеев 2011].

² Ересь жидовствующих — еретическое движение, существовавшее в последней трети XV — начале XVI в. в Новгороде и Москве. Как отмечает А. И. Алексеев, «жидовская мудрствующими» еретики названы в посланиях архиепископа Геннадия и «Просветителя» Иосифа Волоцкого. Само наименование учения указывает на его связь с иудаизмом [Алексеев 2008: 185].

слания были адресованы епископу Прохору Сарскому (датируется 1487 г.³), епископу Нифонту Суздальскому (1488 г.⁴), бывшему архиепископу Ростовскому Иоасафу (1489 г.⁵), митрополиту Зосиме (1490 г.⁶) и собору епископов (1490 г.⁷). Два послания предназначались митрополиту Симону (1502–1504 гг.⁸). В них Геннадий выступал против совершения богослужений клириками-двоеженцами и убеждал митрополита в необходимости создания училищ для духовенства. Еще с одним посланием (1485 г.⁹) новгородский владыка обратился к волоцкому князю Борису Васильевичу, в котором оправдывался от обвинений в нечестном получении священного сана. Все тексты были написаны после декабря 1484 г. — времени, когда Геннадий был поставлен архиепископом Новгорода и Пскова (до этого он занимал пост архимандрита Чудова монастыря Московского кремля).

Д. М. Буланин отнес эпистолярный жанр к числу наименее изученных в литературе Древней Руси [Буланин 1984: 95]. По словам ученого, «филологическое исследование эпистографии Древней Руси может выяснить архитектуру русских средневековых посланий, показать иерархию их устойчивых мотивов — “этикетных формул”, установить их дифференциальные признаки и в итоге определить место эпистографии в культурном наследии русского средневековья» [Там же]. Изучение языка посланий позволит уточнить репертуар регистров, характерных для этого жанра, а также выявить коммуникативные намерения авторов при отборе тех или иных единиц. По наблюдениям О. В. Зуевой над языком старорусских эпистолярных текстов, для официальной переписки духовных лиц в XV–XVII вв. был обычным гибридный церковнославянский язык [Зуева 2012: 54]. Под гибридным регистром понимается язык, «в котором книжный характер текста определяется отдельными его элементами, тогда как в остальном допускается вариативность элементов разного характера (и происхождения)» [Живов 2017: 173]. Среди памятников, относящихся к гибридной письменной традиции, В. М. Живов называет летописи, жития, воинские повести, хождения, Послания Ивана Грозного, переводы [Там же: 269–270].

В научной литературе о сочинениях архиепископа Геннадия отмечалось употребление им не книжной речи в целом, ср.: «Послание Геннадия Иоасафу было написано разговорным языком с просторечными оборотами и введением прямой речи упоминаемых в послании лиц» [БЛДР 1999: 570]; «Массовое явление сочетания разностилевых языковых средств, не всегда

³ [Казакова, Лурье 1955: 309–312].

⁴ [Там же: 312–313].

⁵ [Там же: 315–320].

⁶ [Там же: 373–379].

⁷ [Там же: 379–382].

⁸ [РФА 1987: 232–234, 328–331].

⁹ [РИБ 1880: 754–760].

мотивированного предметом изображения, содержат послания Иосифа Волоцкого и архиеп. Геннадия Новгородского» [Зуева 2009: 102]. Однако отсутствие детального анализа лексики сочинений Геннадия оставляет актуальными задачи уточнения стилистической принадлежности ряда единиц и выявления особенностей языка автора.

С точки зрения лингвистического источниковедения послания Геннадия оказываются важными, поскольку содержат ранние фиксации ряда слов и устойчивых сочетаний. Так, в [СлРЯ XI–XVII] некоторые лексемы (например, *бесчередие* ‘беспорядок’, *исспѣшити* ‘поспешить’, *постатие* ‘устройство, обычай’, *сопротиволаголемый* ‘противоречащий чему-л.’) известны только из сочинений архиепископа. Фразеологизмы *во все люди* ‘очень громко’, *благословная вина* ‘причина, имеющая достаточное основание’, отмечаемые в памятниках XVII в., встречаются уже в Послании Геннадия митрополиту Зосиме.

Наблюдения над языком посланий показывают, что потенциал сочинений Геннадия шире представленного в исторической лексикографии. Анализ лексики и фразеологии в сопоставлении с данными исторических словарей позволяет выявить некоторые языковые новации, а также дополнить и уточнить значения ранее известных слов и выражений. Описанию найденных единиц и посвящено наше исследование.

Таблица 1

Лексика посланий

№	Единица	Значение	Статус единицы	Источник
<i>Существительные</i>				
1	<i>вспала</i>	‘опала’	нет в словарях, гапакс	Послание Иоасафу
2	<i>приидушее</i>	‘загробная жизнь’	нет в словарях, субст. от <i>приидуший</i>	Послание Прохору
3	<i>священноносец</i>	‘пономарь’	нет в словарях, ранняя фиксация	Послание Симону 1502–1503 гг.
<i>Наречия</i>				
4	<i>всесвященне</i>	нареч. к <i>всесвященный</i> ‘преисполненный святости’	нет в словарях	Послание Прохору, Послание Нифонту, Послание Иоасафу
<i>Глаголы</i>				
5	<i>брести</i>	‘медленно идти, передвигаться (зд. перен.: о чтении)’	развитие переносного значения	Послание Симону 1504 г.
6	<i>врати</i>	‘лгать’	ранняя фиксация	Послание собору епископов

№	Единица	Значение	Статус единицы	Источник
7	<i>доити</i>	‘обнаружить, выявить’	ранняя фиксация	Послание Прохору, Послание Иоасафу
8	<i>изъяснитися</i>	‘быть объясненным’	нет в словарях	Послание собору епископов
9	<i>испревращати</i>	‘извращать, исказить’	нет в словарях, гапакс, несов. вид к <i>испревратити</i> ‘извратить, исказить’	Послание Иоасафу
10	<i>опроситися</i>	‘расспрашивая, узнать что-л.; допросить’ (?)	нет в словарях, ранняя фиксация	Послание Иоасафу
11	<i>переворочати</i>	‘перевернуть’	ранняя фиксация	Послание собору епископов
12	<i>поболѣзновати</i>	‘позаботиться, оказать помощь’	нет в словарях, ранняя фиксация	Послание Иоасафу
13	<i>позапрѣтитися</i>	‘не признаться в чем-л.’	нет в словарях, гапакс	Послание Иоасафу
14	<i>понарядитися</i>	‘собраться в путь’	нет в словарях, гапакс	Послание Зосиме
15	<i>пристати</i>	перен. ‘приняться за что-л.; начать что-л. делать’	развитие переносного значения	Послание Симону 1504 г.
16	<i>спускати</i>	‘лить’	уникальная семантика, несов. вид к <i>спустити</i> ‘слить’	Послание собору епископов
17	<i>сѣгъсти</i>	перен. ‘обратить в свое учение (зд. о ереси)’	развитие переносного значения	Послание собору епископов
<i>Союзы</i>				
18	<i>не токмо... ино и</i>	‘не только... но и’	нет в словарях	Послание Борису Васильевичу
19	<i>однова... ино</i>	‘если... то’	нет в словарях	Послание Иоасафу, Послание Зосиме
<i>Частицы</i>				
20	<i>ино</i>	усилительная частица ‘даже’, ‘ведь’, ‘вот’	уникальная семантика	Послание Прохору, Послание Иоасафу

Среди знаменательных частей речи в исследуемом материале основную часть составили глаголы. Некоторые из них имеют общий словообразовательный элемент — префикс *по-* (всего 52 глагола, образованные по этой модели, три из которых не отмечены в исторических словарях):

- (1) *поболѣзновати* ‘позаботиться, оказать помощь’:
И как мню, ныне вы [архиереи] положили то дело [обыск новгородских еретиков] ни за что, как бы вам мнится, Новѣгород с Москвою не едино православие; не **поболезновали** есте о том ни ма-ла! (Послание Иоасафу)¹⁰;
- (2) *позапрѣтися* ‘не признаться в чем-л.’:
И как мы тех еретиков велели пред собою поставити, и они те все своих действ **позапрелися**, да почали с безстрашиемъ клятися, а называют ся христиане православные (Послание Иоасафу);
- (3) *понарядитися* ‘собратся в путь’:
Здесе приехал жидовин новокрещеной, Данилом зовут, а ныне христианин, да мне [Геннадію] сказывал за столом во все люди: **понарядился**, деи, есми из Кеева к Москве, ино ми, деи, почали жидове лаяти: «Сѣбака, деи, ты ся куды нарядил?» (Послание Зосиме).

Приставка *по-* является перфективирующей только в слове *поболѣзновати*. В глаголах *позапрѣтися* и *понарядитися* двойная префиксация, в них *по-* не служит средством перфективации. В *позапрѣтися* у префикса *по-* можно предположить дистрибутивное значение, т. к. субъект множественный [Зализняк, Шмелев 1997: 104]. В *понарядитися* приставка, скорее всего, имеет начинательное значение.

В старорусском подкорпусе НКРЯ глагол *поболѣзновати* встречается также в двух текстах XVII в.: переводном памятнике «Повесть о семи мудрецах»¹¹ и «Житии архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия» Симона Азарьина. *Позапрѣтися* и *понарядитися* в других памятниках не отмечены. Двойная префиксация, наличие *л*-форм, передача прямой речи свидетелями, по-видимому, о не книжном статусе рассмотренных единиц.

- (4) *изъяснитися* ‘быть объясненным’:
А не собя для то яз вам, своей братии, пишу, — въспоминаю того для: православнаа бы вера **изъяснилась**, а митрополит бы с вами,

¹⁰ Здесь и далее цитаты приводятся из источников, указанных в начале работы. Фрагменты некоторых посланий архиепископа совпадают; в статье похожие контексты будут даны в сносках.

¹¹ На Русь повесть пришла из польской литературы, где, в свою очередь, была переведена с латинского языка [БЛДР 2006: 503]. В «Библиотеке литературы Древней Руси» текст опубликован по списку редакции, которая «представляет собой переработку, носящую наиболее литературный характер» [Там же]. Это издание приводится в [НКРЯ].

с моею братиею, тех всех еретиков проклял (Послание собору епископов).

В том же старорусском подкорпусе этот глагол зафиксирован в двух переводных памятниках разных жанров: поучении «Тайная Тайных»¹² (посл. треть XV в. — перв. полов. XVI в.) и драме «Иудифь» (посл. треть XVII в.). Кроме того, в церковнославянском подкорпусе слово содержится в ряде богослужебных книг: Апостоле, Минее общей, Октоихе. Интересно, что в нем примерами из Ветхого Завета иллюстрируется глагол *изъясняти*, который в [СлРЯ XI–XVII, 6: 215] приводится только из Послания Геннадия Прохору.

- (5) *опроситися* ‘расспрашивая, узнать что-л.; допросить’ (?):
яз совет тебе [Иоасафу] даю, однова нечто бог положит государю на сердце, пошлет по тебе, и ты бы ся никакo не ослушал, тамо пакы приехав к нему. Какову себе крепость хочешь о своем деле, тако учинишь, толко бы **ся** князь великы у тебе того не **опросил** (Послание Иоасафу).

Трудность перевода связана с неоднозначностью контекста. В этом же послании Геннадий пишет бывшему архиепископу: *Ты будешь нечто оскорблен от кого в телесном деле, да оставил архиепископью*. Неизвестно, о каком именно деле идет речь. Исследователи полагают, что архиепископ Иоасаф был обижен на великого князя, поскольку, несмотря на приглашения, так и не приехал к нему для разрешения конфликта [Тарасов, Э. П. Р. 2010: 202]. К посланию Геннадия, изданному в «Библиотеке литературы Древней Руси», приводится следующий перевод: «...даю тебе совет: если однажды Бог положит на душу государю, а он пошлет за тобой, ты бы тогда не ослушался, тут же приехал к нему. О чем бы тебя ни спросил великий князь, ты можешь держаться в своем деле так твердо, как хочешь» [БЛДР 1999: 451]. Как видим, сочетание *учинити крепость* переведено как *твердо держаться*¹³. Однако под *крепостью* может пониматься и документ, подтверждающий что-либо [СлРЯ XI–XVII, 8: 37]. Глагол *опроситися* в издании переведен как ‘спросить’ [БЛДР 1999: 451].

В исторических словарях и в [НКРЯ] слова *опроситися* — *опрашиваться* отсутствуют. Нам встретились поздние примеры их употребления в деловых памятниках сер. XVIII в. В документах рассматриваемые глаголы имеют значения:

¹² Произведение «Тайная Тайных» является простомовным памятником, поэтому не может служить надежным источником по истории русского языка.

¹³ Близкий смысл и в этом отрывке Послания Иоасафу: *Да и се в слух мой пришло, что, деи, посылал по тебе князь великы, и не одинова, и ты, деи, не поехал к нему, а могл бы еси и тамо **крепость** свою **подръжати**, за что будешь оставил архиепископью*.

- *безл.* ‘расспрашивая, узнать что-л.; допросить’:
При розысках же и при распросах у колодников о дальних умыслах и не было-ль имъ кого сообщниковъ и наставниковъ или главныхъ заводчиковъ и содержащихся въ тюрьмахъ злодѣевъ **опрашивается** [АВ: 11–12];
- ‘будут потребованы’:
Такожь ежели съ того его [консула Данилова] оныхъ покоевъ найму и съ контракта **опросятся** куды какія пошлыны или четвертый жеребій, и до оныхъ пошлынъ и платежа ему дѣла нѣтъ [МАН: 605].

Можно предположить, что в послании Геннадия *опроситися* близко к значению ‘расспрашивая, узнать что-л.; допросить’.

Для глаголов совершенного вида *испревратити* ‘извратить, исказить’ и *спустити* ‘слить’ в посланиях архиепископа засвидетельствованы ранние фиксации их видовых пар:

- (6) *испревращати* ‘извращать, искажать’:
Ино нынешнее жидова еретическое предание дръжать, псалмы Давидовы или пророчества **испревращали** по тому, как им еретици предали... а не яко же нам предали святии апостоли и святии отци (Послание Иоасафу).

В историческом корпусе НКРЯ не удалось обнаружить другие примеры. В [СлРЯ XI–XVII, 6: 295] с тем же значением дан глагол *испревратити* с иллюстрациями из памятников XVII в.

- (7) *спускати* ‘лить’:
Да здесь Алексейко подьячей на поместье живет да напився пьян, влез в часовню, да сняв с лавици икону — Успение Пречистые, да на нее скверную воду **спускал**, а иные иконы вверх ногами переворочал. А что паки безыменных, ино и числа нет. кое иконы резаны, а не вестъ (Послание собору епископов).

Близкое значение в старорусском подкорпусе НКРЯ отражено в отписке приказчика 1652 г.: *И я то, г., проведаль подлинна, что он, Петр, в деревне, а ис пруда, г., воды не **спускал** и по се места*. Однако *спускати* в послании Геннадия может быть и формой глагола *испускати* с отпадением *и* в значении ‘испускать, выделять’ [СлРЯ XI–XVII, 6: 301]. В [Там же, 27: 104] у глагола *спустити* отмечается значение ‘слить, спустить что-л. жидкое’, иллюстрируемое цитатой XVII в.

Помимо этого, в примере (7) следует отметить глагол *переворочати* и фразеологизмы *вверх ногами, числа нет*. В историческом корпусе НКРЯ употреблений *переворочати* ‘перевернуть’ нет. В [СлРЯ XI–XVII, 14: 225] для *переворочати* указано значение ‘изменять, переименовывать’ с иллюстрацией 1640 г. В [СлРЯ XVIII, 19: 46] слово известно уже в нескольких смыслах: 1) ‘ворочая, встряхнуть, переместить, передвинуть’; 2) ‘переме-

шать, меняя местами верхний и нижний слои чего-л.»; 3) 'ворочая, привести в беспорядок все, многое'. Таким образом, сочинения Геннадия дают образец этимологического, буквального значения слова, которое к XVII в. сохранилось, по-видимому, только в переносном употреблении. Более поздние примеры — XVIII в. — имеют уже отличные физические значения.

Первая словарная фиксация фразеологизма *вверх ногами* 'не так, как следует, в полном беспорядке' также отражена в [Там же, 2: 229]. Однако нельзя исключать и буквальное прочтение этого выражения, поскольку в послании могли иметься в виду иконы с ростовым изображением святых.

Фразеологизм *числа нет* 'очень много, несчетное количество' встречается и в Послании митрополиту Зосиме:

- (8) Да жалуюсь тебе... на Захара... на стригольника: лает ми... безпрестани уже третий год... а посылает грамоты в мою архиепископию и к черньцом и к попом семисоборским [относящихся к семи соборам в Новгороде], а что по московской земли, то **числа нет**.

Ранний пример употребления сочетания *числа нѣтоу* содержится в Новгородской первой летописи (1174): *и множьство паде головъ. како и числа нѣтоу* [СДРЯ, 5: 459]. В историческом корпусе НКРЯ это выражение отмечено также в ряде летописей посл. четверти XV — сер. XVI в. (Псковской 3-й, Вологодско-Пермской, Московском летописном своде). В церковнославянском языке этой единице синонимичны выражения *нѣсть числа* и *безъ числа*, которые, по данным церковнославянского подкорпуса НКРЯ, встречаются в библейских книгах и молитвах.

Интерес представляет группа глаголов, применяемых Геннадием в переносном значении:

- (9) *брести* 'медленно идти, передвигаться (зд. перен.: о чтении)':
А се приведут ко мне мужика, и яз велю ему Апостол дати чести, и он не умеет ни ступити. И яз ему велю Псалтырю дати, и он и по тому одва **бредет** <...>
А от мастера отидет, и он [ученик] ничего не умеет, толко-то **бредет** по книге, а церковнаго постатия ничего не знает (Послании Симону 1504 г.).

Переносное значение глагола *брести* очевидно мотивировано основным 'идти медленно, с трудом'. Не зафиксировано словарями и не прямое значение глагола *пристати* 'приняться за что-л.; начать что-л. делать' в следующем контексте:

- (10) Да мне бьют челом: «Пожалуй деи, господине, вели учити!» И яз прикажу учити их [учеников] октении, и он и к слову не может **пристати**.

В этом же фрагменте Послания встретились и *ступити* в образном употреблении (пример (9)) [СлРЯ XI–XVII, 28: 219], и эмоциональное *из-*

лаяти в контексте: *Ино де ведь то всю землю излаял, что нет человека в земле, кого бы избрати на поповство*. Кроме того, разговорный оттенок контексту придают усилительные частицы *де, ведь*. Таким образом, эмоциональное повествование, передача прямой речи, а также наличие других слов в переносном значении позволяют говорить о разговорном характере приведенных глаголов.

В переносном значении ‘обратить в свое учение (зд. о ереси)’ употреблено и *съѣсти* в Послании собору епископов:

- (11) а от сих еретиков [жидовствующих] как ся убережи? А они ся зовут христиане, да человеку разумному — и они ся не явят, а глупого — и они **съели**: того для им казнь вдвое надобе, да и проклятье.

Рассказ о поведении еретиков по отношению к грамотным и простым людям включен также в послания Прохору и Иоасафу. В них вместо глагола *съести* Геннадий использует фразеологизм *имѣти на лов* с аналогичным значением:

- (12) Да егда будут где православных, и они [еретики] таковых же себе являют. Аще ли видят кого от простых, и они готова себе **на лов имеют**. Да того ради и в попы ся ставят, чтобы кого, как мощно, в свою ересь привести (Послание Иоасафу)¹⁴.

Кроме того, послания Геннадия оказываются ранними источниками для глаголов *врати* ‘лгать’ и *доити* ‘обнаружить, выявить’, известных по памятникам XVI в.:

- (13) А ныне на меня [Геннадия] лжу сшивает [чернец Захар рассылал грамоты, в которых называл Геннадия еретиком], моему обыску [еретиков] веру не имут. А то ведь чье печалованье? Еретиком ли было облыгати наше святительство? А которой так на себя скажет? А коли сказал, и они доискиваются иных, а тот уже готов — в руках, да тому уж веры не имут, что тот ни **врет** (Послание собору епископов);
- (14) Аще ли паки кто от православных в обличение въсхошет стати на них [еретиков] про их ересь, и они отметници бывают своих ересей, да и проклинаят всех такова творящих, да и ротятся без стра-

¹⁴ Ср. незначительные расхождения в Послании Прохору: *Да егда где будут в православных, и они таковы же себя являют. Аще ли видят кого от простых, и они готова себе **имеют на лов**. Да того ради и в попы ставят, чтобы кого как мощно в свою ересь привлеци*.

В начале XVI в. этот фрагмент с некоторыми изменениями, но с сохранением фразеологизма был переписан в 16-м слове «Просветителя» Иосифа Волоцкого [Просветитель 1896: 544] и в Послании о соблюдении соборного приговора [Казакова, Лурье 1955: 507].

ха. А сами то творят, да греха себе в той клятве не ставят. Ино как же их мощно было **доити**, аще бы князь великий не приказал своим бояром со мною, своим богомолцем, того обыскати? (Послание Иоасафу)¹⁵.

Первая фиксация *врати* по данным [НКРЯ] и [СлРЯ XI–XVII] засвидетельствована в послании Ивана Грозного 1573 г. со значением ‘говорить вздор, пустомелить’ [СлРЯ XI–XVII, 3: 101]. В «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» значение ‘говорить неправду, лгать’ отмечено в памятнике 1619 г. (см. [СОРЯ, 3: 95]); в нем же приведен глагол *доити* с управлением (*до*) *чего* в значении ‘достичь, обнаружить в результате произведения какого-л. действия’, например: *или новым подкопом и дошли мѣдныя руды* [Там же, 5: 264].

Завершая описание полнозначных слов, скажем немного о других частях речи.

Три послания Геннадия (епископам Прохору и Нифонту, бывшему архиепископу Иоасафу) начинаются одинаково¹⁶:

- (15) [от кого]¹⁷ све[я]тейшему и боголюбивому (и) о святем душе [кому] достойную (и) духовную любовь си(и)м нашим писанием въспосылаем боголюбию твоему, яко да будеши в здравии всесве[я]щенне и духовне и телесне.

Заметим, что таким образом новгородский архиепископ обращался только к епископам и архиепископам¹⁸. Прилагательное *всесвященный* имело значение ‘преисполненный святости, священный’ и входило в состав титулования представителей высшего духовенства [СлРЯ XI–XVII, 3: 130].

¹⁵ Ср. похожий фрагмент в Послании Прохору: *Аще ли пак кто от православных во обличение всхощет стати на них про их ереси, и они отметници бывают своих ересей, да и проклинаят всех тако творящих, да и роятся без страха, а сами то творят, да и греха себе в той клятве не ставят. Ино как же их мощно доити, аще не Христос бог свободит от тое ереси молитвами пречистыя его матере, и грозою и обыском великого князя...*

¹⁶ В этих же посланиях, а также в Послании собору епископов повторяется и формула прощания, ср.: *а милость господа бога вседер[ръ, рь]жителя и (его) пречистыя[e] (его) (бого)матере[и] (святых чудотворецъ молитва) и нашего смирения[а] молитва купно же и благословение да есть всегда с твоим (вашим) святительством и боголюби[ъ]ем. Аминь.*

¹⁷ В Послании Прохору имя Геннадия опущено.

¹⁸ В Послании собору епископов оставлено лишь *святейшим* и *боголюбивым*. При обращении к митрополитам Геннадий использовал этикетную формулу *челом быю*, к князю — *благословляю и челом быю* (последняя формула была распространена в официальных посланиях церковных иерархов князьям в XV–XVII вв. [Зуева 2008: 59]).

В частной переписке XVI–XVII вв. использовалась этикетная формула *душевне* (душевно, духовне) и *телесне* как пожелание адресату физического здоровья и духовного благополучия [Генералова, Зиновьева 2024: 197]. Наречие *всесвященне* здесь можно рассматривать в качестве распространителя этой формулы при обращении к архиереям.

Исследователи эпистолографии не раз отмечали ориентацию древнерусских книжников на формуляр византийских посланий [Антонова, Никищенкова 2010: 154; Буланин 1984: 98]. Д. А. Черноглазов на материале греческих писем поздневизантийской эпохи (XIII–XV вв.) выявил несколько наиболее распространенных типов приветственных формул [Черноглазов 2023: 260–261]. Эти формулы могли быть как лаконичными, так и пространными, содержали имя автора (факультативно), имя адресата и обращенное к нему пожелание. Д. А. Черноглазов обращает внимание на почтительные эпитеты адресата в длинных формулах, например: *Τῷ πανιερωτάτῳ μητροπολίτῃ...* ('Всесвятейшему митрополиту...'); на молитву о душевном и телесном здравии адресата: *εὐχομαι τῷ Θεῷ ὑγιαίνειν σε ψυχῇ τε καὶ σώματι...* ('Молюсь Богу, чтобы ты душою и телом здравствовал...') [Там же]. Эти языковые особенности отражены и в приведенных посланиях Геннадия. По-видимому, ориентацией на византийские клише можно объяснить использование высокого регистра в подобных контекстах.

Слово *вспала* 'опала' в историческом корпусе НКРЯ известно только в Послании Геннадия Иоасафу:

- (16) Да однаво нечто государь князь великий **въспалу** учинит и на монастырь тебе [Иоасафа] же для, ино тебе и за то ответ дати.

В [СлРЯ XI–XVII, 3: 142–143] фиксируется близкое по смыслу *вспалка* 'сильный гнев, раздражение' в Воскресенской летописи, а также сочетание *опалу учинити* 'подвергнуть опале, притеснениям' в памятнике 1571 г. [Там же, 12: 379]. Исследователи обиходного языка Московской Руси отмечают, что ненормированность языка периода XVI–XVII вв. обусловила обилие в нем синонимов. Осложненность синонимии словообразовательной вариативностью — важная языковая черта этого времени [Генералова 2016: 99–100].

- (17) А се и священники ставишь ты, господин отець наш, первое в **свещеносци**, сиречь в пономари, таже опять в диаки, в четци и в певци, да после в подиаконы (Послание Симону 1502–1503 гг.).

Слово *священосецъ* в значении 'пономарь, носящий свечу во время богослужения и в торжественных случаях' иллюстрируется в [СлРЯ XI–XVII, 23: 157] приведенным контекстом. Однако издатели текста указали, что в рукописи (ГИМ, Син. 562, лл. 166 об. – 167) на месте *свещеносци* есть правка другим почерком — *священноносци* [РФА 1987: 233]. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского отмечена лексема *священноносица* 'носительница священного' из Минеи 1097 г. [Срез-

невский, 3: 314]. В [НКРЯ] со словом *священноносец* имеется один пример из дневника архиепископа Николая Японского 1910 г.: *По окончании ее [литургии] о. Роман со св. чашею, предшествуемый диаконом и священноносцем, сходил приобщить о. Павла.*

Последний пример — причастие *приидущий* — употреблялось в старорусском языке как прилагательное со значениями ‘будущий’, ‘следующий’ [СлРЯ XI–XVII, 19: 159]. В Послании Геннадия оно является субстантивированным в значении ‘загробная жизнь’:

- (18) Ино как же их [еретиков] мощно дойти, аще не Христос бог свободит от тое ереси... вашего боголюбья потщанием купно с архимандриты и прозвитеры, воспоминаа государю великому, чтоб государь... от еретическиа прелести православное христианство свободил, а онамо в **приидущем** нетленный венец восприимет с православным царем Константином... (Послание Прохору).

Из служебных частей речи рассмотрим соотносительные союзы *однова... ино, не токмо... ино и*.

Подчинительный условный союз *однова* не употреблялся в древнерусский период [Юрьева 2022: 87]. Он отсутствует в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)». Ранняя фиксация союза отражена в [СлРЯ XI–XVII, 12: 286] со значением ‘если, если когда-нибудь’. В словаре приведена единственная иллюстрация из духовной грамоты Кирилла Белозерского 1427 г.: *Много молю тя [князя Андрея Дмитриевича] о сем и челом бью... тебе своему господарю; **однова**, сыне, игумен-от ти имет жаловати на которую братию, которые, господине, не имут его слушати... **и** аз... тебе с слезами много молюся о том, чтобы еси, господине, тому не попустил быти.* Выделенные элементы можно перевести как ‘если... то’. Главную часть сложного предложения вводит союз *и*. Аналогичный пример встречаем и в Послании Геннадия собору епископов:

- (19) А **однова** въсхотят собору быти о вере, **и** вы [архиереи] бы на то не дрзнули: занеже изложена нам православнаа вера на прьвом соборе, да и на втором о святем дусе, да и прочии собори вси прьвому собору последовали.

В посланиях новгородского архиепископа дважды встречается конструкция с *ино* во второй части:

- (20) Да **однова** нечто¹⁹ государь князь великий въспалу учинит и на монастырь тебе [Иоасафа] же для, **ино** тебе и за то ответ дати (Послание Иоасафу);

¹⁹ Слово *нечто* также могло быть условным союзом. Однако в данном случае *нечто* скорее следует перевести как частицу со значением ‘возможно’ [СлРЯ XI–XVII, 11: 356].

- (21) **однова** грешник обратится от пути своего злаго... **ино** пастырем сугуба мзда, свою душу спасает, а того душу избавит от смерти (Послание Зосиме).

Более раннее употребление союзов *однова... ино* удалось найти в грамоте князей Ивана Юрьевича, Федора и Василия Михайловичей королю польскому и великому князю литовскому Казимиру 1459 г.: *однова над нашими детьми богъ што вчинить, не будетъ втрода нашего, ино земли нашии не втстѣнити втъ великого князства Литовского* [Грамоты 1950: 192–193].

В посланиях Геннадия слово *ино* в целом отличается активностью (всего 75 употреблений). Нередко это слово трудно перевести²⁰, ср., например, отрывок из послания Иоасафу, в котором Геннадий сравнивает древнерусский и иудейский календари и пишет, что по последнему от сотворения мира прошло 5228 лет:

- (22) Лет будетъ от Адаама до сех мест 5000 и 200 и 28. И потому **ино** у них [еретиков] еще пришествия Христова нет, **ино** то они ждутъ антихриста. **Ино** прелестъ великаа!²¹

В первом случае *ино*, по-видимому, является усилительной частицей, ее можно перевести как ‘даже’, ‘ведь’. Во втором употреблении *ино* имеет значение вывода, следствия, по смыслу приближаясь к словам *поэтому, значит, тогда. То* в данном случае (*ино то*) похоже на усилительную частицу *-то*. Третье *ино* переводится как частица ‘вот’ или ‘какая’. *Какой*, в свою очередь, в сочетании с прилагательным могло быть в роли усилительной частицы в старорусском языке [СлРЯ XI–XVII, 7: 30]. В исторических словарях *ино* зафиксировано только в качестве союза [СДРЯ, 4: 156; СлРЯ XI–XVII, 6: 237; СОРЯ, 9: 79–80]. В говорах для частицы *ин* отмечено значение ‘вот’ [СРНГ, 12: 195].

Кроме *однова... ино* в сочинениях архиепископа используются союзы *а что... ино* (шесть примеров), *аще ли... ино* (один пример):

- (23) **А что** Шестокрил они [еретики] собе изучив да тем прельщаютъ христианство, мня яко же с небеси знамение сводят, **ино** не по их съставления бысть! (Послание Прохору);

²⁰ На сложность в определении значений этого союза указывает Б. В. Лавров: «...и в говорах и в письменности известно также употребление *ино* в значении почти нейтрального показателя соединения двух предложений или двух членов одного предложения. По-видимому, это отражает один из позднейших этапов развития союза *ино*. Его значение здесь часто непереводаемо на современный нам язык, а употребление вполне параллельно употреблению того союза *да*, который нередко встречается в фольклоре и производит там впечатление семантически и конструктивно излишнего» [Лавров 1941: 25].

²¹ Ср. послание Прохору: *Лет будет 5228. И потому ино у них еще пришествия Христова несть, ино то они ждут антихриста. Ино то прелестъ великая!*

- (24) **Аще ли** в твоих [Прохора] не будет правилех, **ино** в великого князя правилех писаны (там же).

Ино со значением 'то, тогда' в начале главного предложения известно с XIII в. [СДРЯ, 4: 156]. Ф. И. Буслаев, сравнивая *то* в составе двойного союза *если... то* с *ино* в той же функции, называет последнее *народным* и *старинным* словом [Буслаев 2019: 293]. Как отмечает А. Н. Стеценко, «соотносительный союз *ино* в условных конструкциях с союзом *аще* встречается очень редко. Этот союз употребляется главным образом в языке деловых документов» [Стеценко 1972: 226]. В приведенных выше примерах придаточная часть всегда находится в препозиции, что также было свойственно деловому языку [Там же: 223]. Ср. мнение Б. В. Лаврова о союзах *аще... ино*: «Крайне редко *ино* в качестве соотносительного союза. Употребление *ино*, свойственное главным образом деловой речи, не соответствовало высокому стилю предложений с *аще* — поэтому встречаем его в диалогах и экспрессивных выражениях, передающих стиль разговорной речи» [Лавров 1941: 53]. Таким образом, исследователи оценивают союз *ино* как разговорный элемент.

Кроме того, в посланиях Геннадия разговорный характер придают некоторые усилительные частицы, например: *ано, ведь, де, же, и, се, то*.

Союзы *однова... ино*, по-видимому, употреблялись только в старорусском языке. В XVIII в. *однова* осталось в качестве наречия со значением 'один раз' [СлРЯ XVIII, 16: 189].

В нашем материале встретились также союзы *не токмо... ино и* ('не только... но и') в Послании волоцкому князю Борису Васильевичу:

- (25) Насъ же поставиль [Христос] пастырие и учителя, **не токмо** меньшимъ предвѣзвѣстити, **ино и** вамъ самимъ, государемъ великимъ, молити и запретити, чтобы не токмо царство земное держали, но съ земнымъ симъ и привременнымъ царствомъ вѣчное небесное получили.

Наряду с ними в старорусский период употреблялись союзы с аналогичным значением: *не токмо... но и, не токмо... но, не токмо... и* [СлРЯ XI–XVII, 29: 396], *не только... ино* [Там же: 419], *не точию... но (и)* [Там же, 30: 79].

Как отдельные слова, так и устойчивые сочетания находились в синонимических отношениях (см. Таблицу 2):

- (26) И как мню, ныне вы [архиереи] **положили** то дело [обыск новгородских еретиков] **ни за что**, как бы вам мнится, Новъгород с Москвою не едино православие; не поболезновали есте о том ни мала! (Послание Иоасафу);
- (27) Не молви тако: «Архиепископу болшему отписатися от митрополита и от владык»; да тою грамотою [митрополита Зосимы] наше святительство **под ногами положили!** (Послание Зосиме).

Таблица 2

Фразеология посланий

№	Единица	Значение	Статус единицы	Источник
1	<i>вверх ногами</i>	‘не так, как следует, в полном беспорядке’	ранняя фиксация	Послание собору епископов
2	<i>(всесвященне и) духовне и телесне</i>	этикетная формула пожелания здоровья адресату при обращении к архиереям	нет в словарях	Послание Прохору, Послание Нифонту, Послание Иоасафу
3	<i>держати вѣру</i>	‘почитать’	уникальная семантика	Послание Зосиме
4	<i>держати крѣпость</i>	‘отстаивать свою позицию’	нет в словарях	Послание Зосиме
5	<i>держати поруку</i>	‘ручаться за кого-л.’	ранняя фиксация	Послание Зосиме, Послание собору епископов
6	<i>имѣти на лов</i>	‘обратить в свое учение (зд. о ереси)’	нет в словарях	Послание Прохору, Послание Иоасафу
7	<i>лечь на голове</i>	‘о том, что составляет чью-л. ответственность’	нет в словарях	Послание Иоасафу
8	<i>лечь на душе</i>	‘о том, что тяготит, мучает, угнетает’	нет в словарях	Послание Борису Васильевичу
9	<i>ни в слуху не бывати</i>	‘о том, что неизвестно’	нет в словарях	Послание Иоасафу
10	<i>подержати крѣпость</i>	‘отстаивать свою позицию’	нет в словарях	Послание Иоасафу
11	<i>положити ни за что</i>	‘пренебречь’	нет в словарях	Послание Иоасафу
12	<i>положити под ногами</i>	‘пренебречь’	уникальная семантика	Послание Зосиме
13	<i>учинити вспалу</i>	‘подвергнуть опале’	нет в словарях	Послание Иоасафу
14	<i>учинити конец</i>	‘казнить’	уникальная семантика	Послание Зосиме, Послание собору епископов
15	<i>числа нѣтъ</i>	‘очень много, несчетное количество’	нет в словарях	Послание Зосиме, Послание собору епископов

Оба фразеологизма объединяет семантика ‘пренебречь’. В старорусский период им были синонимичны выражения *ни во что, ни во чтоже, въ ничтоже вмигнати (вмигнати), мнѣти, положити (полагати), почитати, ставити (поставити, не ставити), считати* [СлРЯ XI–XVII, 11: 387]. В древнерусском языке у сочетания *положити под ногами* было другое значение — ‘покорить, подчинить’ [СДРЯ, 5: 427].

Помимо распространенности синонимии, языку XVI–XVII вв. была свойственна нередкая многозначность фразеологических единиц, при этом значения фразеологизмов оказывались близки друг к другу [Генералова 2024: 98]. Рассмотрим два сочетания:

(28) И Геронтий митрополит о том [о необходимости казнить нераска-
завшихся еретиков] великому князю не подокучил, да тем еретиком
конца не учинили (Послание Зосиме);

(29) А толко ныне о тех еретицех **конца не учините**, ино то уже явьст-
вено вере нашей поспание (Послание собору епископов).

В приведенных контекстах *учинити конец* означает ‘казнить’. В [СлРЯ XI–XVII, 7: 273] у этого сочетания отмечается семантика ‘завершить переговоры, принять совместное решение’, иллюстрируемая памятниками рубежа XV–XVI вв. Оба значения связаны с прекращением чего-либо (распространения ереси, переговоров).

(30) А ныне беда сстала земскаа да нечесть государскаа великаа: церкви старые извечные выношены из города вон, да и монастыре старые извечные переставлены. А кто **веру держит** к святым божиим церквам, о том писано сице: «Освяти любящаа благолепие дому твоего и тех прослави божественою твоею славою» (Послание Зосиме).

В данном контексте *веру держати* можно перевести как ‘почитать’. В старорусском языке сочетание использовалось и в близкой семантике ‘читать кого-л. как праведника’ [Там же, 2: 79], а также в значении ‘выполнять данное обещание’ [СОРЯ, 2: 95].

Глаголы *держати, учинити* относятся к частотным и полисемантическим лексемам, т. е. они приобретают различные смыслы в зависимости от контекста. Наличие таких глаголов, а также прилагательных качественной оценки (*большой, великий, малый* и др.) является отличительной особенностью народно-разговорного языка рассматриваемого периода [Генералова, Зиновьева 2024: 35]. Так, например, в сочинениях Геннадия глагол *учинити* встречается в следующих контекстах: *учинити исправление, учинити училища, учинити православие, учинити управу, учинити вспалу, учинити обыск, учинити в поминки, учинити конец, учинити собор*. В [СОРЯ, 5: 175] одно из значений глагола *держать* — ‘совершать какое-л. действие или осуществлять какую-л. деятельность, называемые именем существи-

тельным в вин. п.', например: *держать оберег, призор, согласие и советы* и др. В посланиях архиепископа в этом значении глаголы *держати, подержати* употребляются в сочетаниях *держати (подержати) крѣпость* 'отстаивать свою позицию':

- (31) Ано фрязове по своей вере какову **крепость держат!** Сказывал ми посол цесарев про шпанского короля, как он свою очистил землю [от ереси]! (Послание Зосиме);
- (32) Да и се в слух мой пришло, что, деи, посылал по тебе князь великы, и не одинова, и ты, деи, не поехал к нему, а могл бы еси и тамо **крепость** свою **подръжати**, за что будешь оставил архиепископью (Послание Иоасафу).

Послания Геннадия содержат также раннюю фиксацию сочетания *держати поруку* 'ручаться за кого-л., быть чьим-л. поручителем', отмеченного в [Там же]:

- (33) митрополит бы с вами, с моею братиею, тех всех еретиков проклял, да и тех, к кому они приходили в соглашение, или кто по них **поруку дръжал** (Послание собору епископов)²².

Кроме того, в текстах обнаружены два фразеологизма с глаголом *лечь*:

- (34) *лечь на душе*:
нынѣ же язъ, кромѣ того зазора [подозрения в неправильном получении священного сана], обыскиваю того, чтобы **на моей души не легло** (Послание Борису Васильевичу).

В [СлРЯ XVIII, 11: 142] выделены фразеологизмы *лежать на совести, мыслях, сердце, душе* в том же значении, что и в Послании архиепископа: 'о том, что тяготит, мучает, угнетает'.

- (35) *лечь на голове* 'о том, что составляет чью-л. ответственность':
Да не мни: то мал грех [оставление Иоасафом епархии] сътворил еси; что ся ни учинит пакость какова христианству в твоей архиепископии, или бы еси церкви каковую управу учинил в ту пору, ино то все **на твоей голове легло** (Послание Иоасафу).

В Послании Иоасафу зафиксирован фразеологизм *ни в слуху не бывати* 'о том, что неизвестно':

- (36) А отнеле же князь велики Володимер Киевський крестил всю землю Рускую, а тому 500 лет с летом, а того **ни в слуху не бывало**, чтобы быти в Руси какой ереси.

²² Этот отрывок есть и в Послании Зосиме: *тех бы [еретиков] всех проклятию предати, да и тех, къ кому они приходили в соглашение, или кто по них поруку дръжал...*

Это же выражение с глаголом *быти* встречается и в отрывке из Степенной книги (1560–1563 гг.), повествующем о запусении Даниловского монастыря: *Мноземъ же лѣтомъ пр[е]шедшимъ, и монастырь Даниловскій оскудѣ нерадѣніемъ древнихъ архимандритовъ Спасьскихъ... токмо едина церкви оста во имя святого Данила Столпника... Монастыря ни въ слуху не бѣше, аки не бысть* [НКРЯ].

Таким образом, анализ лексики и фразеологии посланий позволил получить новые данные для изучения словарного состава рассматриваемого периода.

Были найдены единицы, не зафиксированные в исторических словарях: *всесвященне* (*всесвященне* и *духовне* и *телесне*), *вспала* (*учинити вспалу*), *изъяснитися*, *испревращати*, *не токмо... ино* и, *однова... ино*, *опроситися*, *поболѣзновати*, *позапрѣтися*, *понарядитися*, *священноносец*, *держати* (*подержати*) *крѣпость*, *имѣти на лов*, *лечь на голове*, *лечь на душе*, *ни в слуху не бывати*, *положити ни за что*, *числа нѣтъ*.

Приведены ранее не отмеченные значения для некоторых слов и устойчивых сочетаний: *брести*, *ино*, *приидущее*, *пристати*, *спускати*, *съѣсти*, *держати вѣру*, *положити под ногами*, *учинити конец*.

Для нескольких словарных единиц и сочетаний послания Геннадия оказались более ранним источником: *врати*, *доити*, *переворочати*, *вверх ногами*, *держати поруку*.

Как отмечает О. В. Зуева, официальные послания духовных лиц XV–XVII вв. были написаны гибридным языком. Наши наблюдения над стилистической характеристикой отдельных слов и выражений в сочинениях архиепископа позволяют привести конкретные примеры языковых единиц. Так, к книжным элементам относятся формулы приветствия и прощания. Разговорными являются слова, употребленные в переносном значении, например: *брести*, *пристати*, *ступити*, *съѣсти*; слова с двойной префиксацией *позапрѣтися*, *понарядитися*; усилительные частицы *ано*, *ведь*, *де*, *же*, *и*, *се*, *то*. Некоторые единицы удалось обнаружить в памятниках других жанров: в деловых документах встретились конструкции с союзом *ино*: *однова... ино*, *аще... ино*; глагол *опроситися*; в исторических сочинениях посл. четверти XV–XVI в. отмечены сочетания *числа нѣтъ*, *ни в слуху не быти*.

Отдельные единицы находятся в синонимических отношениях, к примеру: *вспала*, *опала*, *вспалка* (соответственно, равны по значению и сочетания *учинити опалу*, *учинити вспалу*). Сходны по смыслу упомянутые союзы *однова... ино* и *аще... ино*; сочетания *положити ни за что*, *положити под ногами* пополняют синонимический ряд устойчивых оборотов со значением ‘пренебречь’, фиксируемый в словарях. *Не токмо... ино* и входит в ряд сочинительных союзов со значением ‘не только... но и’. Синонимичными являются выражения *числа нѣтъ* и *без числа*.

Полученные сведения подтверждают значимость посланий новгородского архиепископа как лингвистического источника и могут найти отражение в лексикографической практике.

Источники и словари

- АВ — Архив князя Воронцова. Кн. 4. М., 1872.
- БЛДР 1999 — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. Вторая половина XV века. СПб., 1999.
- БЛДР 2006 — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. XVII век. СПб., 2006.
- Грамоты 1950 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепниным. М.; Л., 1950.
- Казакова, Лурье 1955 — Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955.
- МАН — Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 9. СПб., 1897.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.10.2025).
- Просветитель 1896 — Иосиф Волоцкий. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. 3-е изд. Казань, 1896.
- РИБ 1880 — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. (Памятники XI–XV вв.). СПб., 1880.
- РФА 1987 — Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Подгот. текста А. И. Плигузова, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьминой; под ред. В. И. Буганова. Т. 2. М., 1987.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–. М., 1988–.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–. СПб., 1984–.
- СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–. СПб., 2004–.
- Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. СПб., 1965–.

Литература

- Алексеев 2008 — А. И. Алексеев. Жидовствующие // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XIX. С. 185–194.
- Алексеев 2011 — А. И. Алексеев. Об авторстве одного отрывка, приписываемого новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову // Русистика Руслана Скрынникова. Сборник статей памяти профессора Р. Г. Скрынникова, в честь его 80-летия. Будапешт; Волгоград: Magyar Ruszisztikai Központ, 2011. С. 60–67.
- Антонова, Никищенкова 2010 — М. В. Антонова, Г. В. Никищенкова. Формуляр древнерусского послания: Феодосий Печерский, его современники и последователи // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3–1. С. 154–161.
- Буланин 1984 — Д. М. Буланин. Переводы и послания Максима Грека: неизданные тексты. Л.: Наука, 1984.
- Буслаев 2019 — Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Ч. 2. Синтаксис. М.: Юрайт, 2019.

Генералова 2016 — Е. В. Генералова. О специфике синонимических отношений в языке Московской Руси XVI–XVII веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 98–106.

Генералова 2024 — Е. В. Генералова. О диффузности семантики как свойстве лексико-семантической системы старорусского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 95–101.

Генералова, Зиновьева 2024 — Е. В. Генералова, Е. И. Зиновьева. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024.

Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности. Т. I. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017.

Зализняк, Шмелев 1997 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Лекции по русской аспектологии // Slavistische Beiträge. В. 353. München: Otto Sagner Verlag, 1997.

Зуева 2008 — О. В. Зуева. Содержательная структура памятников русского эпистолярного жанра (на материале частного и официального типов письма XV–XVI веков) // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2008. № 3 (57). С. 58–62.

Зуева 2009 — О. В. Зуева. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка. Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2009.

Зуева 2012 — О. В. Зуева. Стилистика антиеретических посланий Геннадия Новгородского в контексте истории русской публицистики // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 21–24 марта 2012 г.): Труды и материалы. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 53–54.

Лавров 1941 — Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л., 1941.

Макарий (Веретенников) и др. 2005 — Макарий (Веретенников), архим., М. В. Печников, В. А. Ромодановская. Геннадий (Гонзов) // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. X. С. 588–597.

Стеценко 1972 — А. Н. Стеценко. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972.

Тарасов, Э. П. Р. 2010 — А. Е. Тарасов, Э. П. Р. Иоасаф (Оболенский), бывш. архиеп. Ростовский, Ярославский и Белозерский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. XXV. С. 200–202.

Черноглазов 2023 — Д. А. Черноглазов. Как начать письмо? Формулы приветствия в поздневизантийской эпистографии // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 14–21 марта 2023 г., Санкт-Петербург: сборник тезисов. СПб.: Издательство СПбГУ, 2023. С. 260–261.

Юрьева 2022 — И. С. Юрьева. Условные союзы в оригинальных древнерусских памятниках разных жанров // Русский язык в научном освещении. 2022. № 2. С. 85–124.

Anastasiia A. Prokopenko

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
prokopenko_aa@list.ru

THE EPISTLES OF NOVGOROD ARCHBISHOP GENNADY GONZOV AS A LINGUISTIC SOURCE

The article examines the epistles of Novgorod Archbishop Gennady as a linguistic source. The analysis of vocabulary and phraseology in comparison with data from historical dictionaries has revealed new data for studying the vocabulary of the Old Russian language. The work describes units that have not been recorded in historical dictionaries, provides previously unmarked meanings for some words and stable combinations, and also indicates earlier recordings of use for the number of units. The obtained information confirms the significance of the epistles of the Novgorod Archbishop as a linguistic source and can be applied in lexicographic practice.

Keywords: vocabulary, phraseology, Old Russian language, source study, lexicography, epistles, Gennady Gonzov.

References

- Alekseev, A. I. (2008). Zhidovstvuishchie. *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 19, 185–194.
- Alekseev, A. I. (2011). Ob avtorstve odnogo otryvka, pripisyvaemogo Novgorodskomu arkhiepiskopu Gennadiiu Gonzovu. *Rusistika Ruslana Skrynnikova. Sbornik statei pamiati professora R. G. Skrynnikova, v chest' ego 80-letii* (pp. 60–67). Budapesht, Volgograd: Magyar Ruzsisztikai Központ.
- Antonova, M. V., & Nikishchenkova, G. V. (2010). Formuliar drevnerusskogo poslaniia: Feodosii Pecherskii, ego sovremenniki i posledovateli. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 3–1, 154–161.
- Bulanin, D. M. (1984). *Perevody i poslaniia Maksima Greka: neizdannye teksty*. Leningrad: Nauka.
- Buslaev, F. I. (2019). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Part 2: Sintaksis*. Moscow: Iurait.
- Chernoglazov, D. A. (2023). Kak nachat' pis'mo? Formuly privetstviia v pozdnevi-zantiiskoi ehpistolografii. *LI Mezhdunarodnaia nauchnaia filologicheskaiia konferentsiia imeni Liudmily Alekseevny Verbickoi, 14–21 marta 2023 goda, Saint Petersburg: sbornik tezisov* (pp. 260–261). St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU.
- Generalova, E. V. (2016). O specifikhe sinonimicheskikh otnoshenii v iazyke Moskovskoi Rusi XVI–XVII vekov. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 3, 98–106.
- Generalova, E. V. (2024). O diffuznosti semantiki kak svoistve leksiko-semanticheskoi sistemy starorusskogo iazyka. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 46(7), 95–101.
- Generalova, E. V., & Zinov'eva, E. I. (2024). *Istoki russkoi frazeologii: ustoichivye sochetaniia iazyka delovogo i povsednevnogo obshcheniia Moskovskoi Rusi XVI–XVII vv.* St. Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskaya associaciia vysshikh uchebnykh zavedenii.

Makarij (Veretennikov), archim., Pechnikov, M. V., & Romodanovskaya, V. A. (2005). Gennadij (Gonzov). *Pravoslavnaia ehnciklopediia*, 10, 588–597.

Stecenko, A. N. (1972). *Istoricheskii sintaksis russkogo iazyka*. Moscow: Vysshaia shkola.

Tarasov, A. E., & EH. P. R. (2010). Ioasaf (Obolenskii), byvsh. arkhiep. Rostovskii, Iaroslavskii i Belozerskii. *Pravoslavnaia ehnciklopediia*, 25, 200–202.

Yur'eva, I. S. (2022). Uslovnye soiuzy v original'nykh drevnerusskikh pamiatnikakh raznykh zhanrov. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 85–124.

Zaliznyak, Anna. A., & Shmelev, A. D. (1997). *Lekcii po russkoi aspektologii* (Slavistische Beiträge, B. 353). München: Otto Sagner Verlag.

Zhivov, V. M. (2017). *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti* (Vol. 1). Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo.

Zueva, O. V. (2008). Soderzhatel'naia struktura pamiatnikov russkogo ehpisto-liarnogo zhanra (na materiale chastnogo i oficial'nogo tipov pis'ma XV–XVI vekov). *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriia 1. Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya*, 3(57), 58–62.

Zueva, O. V. (2009). *Stil' ehpisto-liarnykh tekstov XI–XVII vekov i ego mesto v istorii russkogo literaturnogo iazyka* (Doctoral dissertation). Belarusian State University, Minsk.

Zueva, O. V. (2012). Stilistika antiereticheskikh poslanii Gennadiia Novgorodskogo v kontekste istorii russkoi publicistiki. *Slavianskie iazyki i kul'tury v sovremennom mire: II Mezhdunarodnyi nauchnyi simpozium (Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 21–24 marta 2012 g.): Trudy i materialy* (pp. 53–54). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Received on October 31, 2025

Д. В. КОСАРЕВ

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
dvkossarev@gmail.com

ПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ С ДАТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ В «СКАЗАНИИ О СРАЦИНСКОЙ ВЕРЕ»*

Обороту *Dativus absolutus* в славянской книжности традиционно приписывается набор обстоятельственных значений. Однако, как это было показано И. М. Белоруссовым, Д. Вортом и Э. Кориным, данная конструкция может соответствовать свернутому изъяснительному предложению. В статье рассматриваются примеры схожего употребления ДС в других текстах. Основным источником выступает переводное сочинение «Сказание о срацинской вере», в котором оборот с дательным в этой функции активно используется.

Ключевые слова: синтаксис церковнославянского языка, средневековая славянская переводная литература, дательный самостоятельный.

Традиционный для книжного древнеславянского языка синтаксический оборот *Dativus absolutus* на восточнославянской почве получил ряд особенностей функционирования. В их числе самым ярким, пожалуй, можно считать частое совпадение подлежащего оборота и главного предложения, в то время как для южнославянской нормы это явление не характерно¹. Другой чертой, по всей видимости возникшей в конце XIV в. и связанной с деятельностью митрополита Киприана, является употребление этого оборота в качестве предикативного причастия в переводных работах [Афанасьева 2016]. Обе эти разновидности свидетельствуют о том, что древнерусские книжники расширяли область применения дательного самостоятельного. В рамках настоящей статьи в большей мере будет рассмотрено развитие некоторых конструкций с дательным падежом, зафиксированное в оригинальной и переводной литературе середины и второй половины XV в. на Руси.

* Мне бы хотелось выразить свою искреннюю благодарность научному руководителю этой работы Г. А. Молькову за помощь в разработке данной темы.

¹ Это явление подробно рассмотрено в статье Л. В. Граве, а также отмечено Е. С. Истриной в исследовании Синодального списка I Новгородской летописи (см. [Истрина 1923: 176–185; Граве 1958]). Похожие замечания приводит В. М. Живов [2017: 344, 347–349].

Одна из первых и наиболее подробных типологий значений этого оборота была представлена Иваном Михайловичем Белоруссовым в его работе, посвященной обзору дательного самостоятельного (далее — ДС) в памятниках славянской книжности. Всего он выделяет шесть главных видов использования ДС: в качестве замены обстоятельственных предложений (1) времени, (2) причины, также заменяющего (3) условные предложения, (4) уступительные; затем ДС (5), употребляемый с союзами и вместо (6) независимых предложений. В рамках этой статьи наибольший интерес представляет 5-й вид ДС. Среди прочих видов ДС, употребляемых с союзами, под литерой (д) указан: «дательный самостоятельный с союзом *яко* взамен предложений дополнительных. Напр. Начаша омывати тѣло его и видѣвше, **яко николиже язвы имѣвшу ему на себѣ** ... погребоша» 'Они начали омывать его тело и, увидев, что он нисколько не имел язв на себе, погребли' [Белоруссов 1899: 17]. В приложении приводится еще один схожий пример: «святительже слышавъ зело возрадовася и богови благодарение воздавъ царю глаголаше, **яко от бога извѣщение приемшу**» 'Святитель же, услышав, сильно обрадовался и, воздав благодарение Богу, сказал царю, что он принял от Бога эту мысль' [Там же: 57]. Эти примеры выходят за рамки привычного употребления ДС как оборота, имеющего в основном обстоятельственные значения, что замечает сам И. М. Белоруссов. Однако более детального рассмотрения подобные конструкции в его работе не получили. Стоит отметить и специфику самих этих случаев. Первый приводится по учебному изданию Пролога Александра Ивановича Пономарева. Предназначенное в первую очередь для ознакомления читателей с памятником, оно не содержит критического аппарата, хотя автор и указывает, что текст сверялся с разными списками памятника, а также что для удобства читателя устраняются ошибки, допущенные переписчиками. По этим причинам пример такого ДС, найденный И. М. Белоруссовым в издании Пролога, требует дополнительной проверки по разным спискам для уточнения возможных разночтений. Второй же пример, приведенный по хрестоматийному изданию Буслаева, находится в Послесловии к Апостолу 1564 г., напечатанному Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. Этот текст представляет поздний этап развития церковнославянского языка и существует в единственном списке. Таким образом, оба примера оказываются не показательными, что вкупе с их малочисленностью может вызвать сомнение в правильности выделения отдельного типа ДС.

В дальнейших исследованиях синтаксиса церковнославянского языка особое употребление оборота не привлекало внимания. Ян Станислав [Stanislav 1934: 23–24] вкратце передает наблюдения И. М. Белоруссова, однако связывает их с ослаблением предикативности причастий и не разбирает детально. Радослав Вечерка [Večerka 1996: 186–190], рассматривая ДС в старославянских памятниках, не выделяет такого значения, оставляя за ним только пять главных обстоятельственных значений: временное, причинное, уступительное, возможное и следственное. Чешский славист не

упоминает о наблюдениях, сделанных И. М. Белоруссовым, хотя ссылается на него в своей работе. Вероятнее всего, по указанным выше причинам, эти примеры не представились ему достаточно убедительными для того, чтобы учитывать такой тип ДС. К тому же его работа была посвящена в большей степени старославянскому языку, в то время как русский исследователь пользовался восточнославянским материалом. Рудольф Ружичка в двух своих работах [Ružička 1963; 1961] также не упоминает такой тип ДС.

Следующим этапом в рассмотрении этого вида ДС стала обзорная статья Эндрю Корина [Corin 1995: 278–279], посвященная ДС в церковнославянском и в древнерусском языках. Отмечая различия в использовании этих конструкций, он предполагает, что в древнерусском языке они находились на стадии распада, что, однако, привело не к сужению, а, наоборот, к расширению сферы их применения. На материале «Жития Феодосия Печерского», «Сказания о Борисе и Глебе» и «Сказания о чудесах Романа и Давида» по Успенскому сборнику автор приводит примеры, в которых данный оборот использован в непривычных для него функциях, а именно в значении образа действия и следствия. Но больше всего привлекают внимание примеры употребления ДС в качестве дополнения после глаголов восприятия и речи:

- 1) хулу бо наносиши на родъ свои и не тръплю бо слышати отъ всѣхъ **укаряему ти сущу** (29в9–14) — «Ты оскорбляешь свой род, и я не потерплю слышать от всех, что тебя укоряют».
- 2) егда видите вся благая умножающая ся въ манастири семь, ведите **яко близъ владыкы небеснаго ми сущу** (63г25–30) — «Когда вы увидите, что все благое в этом монастыре умножается, знайте, что я нахожусь близко к владыке небесному».

Всего им было найдено 12 таких примеров, 7 из которых встречались после союзов *яко* или *якоже*, и во всех случаях ДС соответствовал тому, что И. М. Белоруссов называл «предложениями дополнительными». Среди всех примеров стоит отметить один спорный, в котором дополнительное значение выражено недостаточно явно:

Сѣдѣшу же ему, якоже речеся, и се слышааше гласъ хлопота въ пещерѣ отъ множества бѣсовъ, **якоже се имъ на колесницахъ ѣдущемъ, другимъ же въ бубны биющемъ, и инѣмъ же въ сопѣли сопущемъ, ти тако всѣмъ кличущемъ**, якоже трястися пещерѣ отъ множества плища злыхъ духовъ (38б5–16) — «Когда же он сидел, как рассказывается, он слышал шум в пещере из-за множества бесов, как будто они ездили на колесницах, а другие били в бубны, и иные дули в трубы, и так все шумели».

В этом случае Э. Корин признает, что союз *яко* лучше всего переводить «как будто», что подразумевает скорее обстоятельственное значение оборота, нежели изъяснительное [Corin 1995: 279]. Таким образом, эти два

примера необходимо изъять из выборки, оставив только 10. Тем не менее большего внимания эта разновидность в статье Э. Корины не получила.

Следом стоит обратиться к знаковой работе Дина Ворта [Worth 1994: 31], посвященной обзору различных «необычных» случаев употребления дательного самостоятельного в древнерусской книжности на весьма ограниченном, что признает сам автор, материале, а именно — части Ипатьевской летописи, содержащей «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ). В четвертом разделе статьи, озаглавленном «non-standart DAs», он приводит несколько случаев, в которых интересующий нас оборот использован в необычном значении². Вот перечень приведенных Д. Вортом примеров:

и радовахуся славяще Бога **сему же тако бывышу** (л. 102 г. 1112) — «и они, славя Бога, радовались, что это было так»³.

и начаста гневатися на Олга, **яко не шедшу ему на поганья с нима** (л. 84 г. 1095) — «И они вдвоем начали гневаться на Олега, так как он не шел с ними на язычников».

солнце прѣменися. не бысть свѣтло. но акы месяцъ бысть. **егоже** невелигии глаголють **снѣдаему сущю** (л. 61 об. г. 1065) — «Солнце изменилось, потемнело, но как будто появился месяц, о котором невежды говорят, что он снедаем».

И увидивше се окаянный Святополк и **яко еще ему дышющу**, и посла два Варяга, приконьчевати его (л. 50 об. г. 1015). — «И увидев это, проклятый Святополк, и так как он еще дышал, послал двух варяг добить его».

онѣма же пришедша и видившима **яко ему еще живу сущю**, и един ею извлекъ мечъ и пронзе ю къ сердцу и тако скончася (л. 50 об. г. 1015) — «Они же вдвоем пришли и увидели, что он еще жив, и один из них достал меч и пронзил его в сердце, и так он скончался».

Да слышит **яко Олександру Макидоньскому ополчившу на Дарья** (л. 98 об. г. 1110) — «И пусть он услышит, что Александр Македонский пошел войной на Дария».

Д. Ворт указывает, что здесь ДС выступает в качестве предикации в роли второго дополнения, замечая, что такое употребление совершенно нехарактерно для данной конструкции. Он использует эти примеры как подтверждение своего тезиса о повествовательной природе оборота. Главная черта ДС — не выражение причинности или расположения во времени, а продвижение повествования дальше. Независимо от справедливости это-

² Здесь и далее все примеры будут приведены в упрощенной орфографии и с раскрытием всех титл.

³ Примеры из Ипатьевской летописи приводятся по изданию А. А. Шахматова, из Лаврентьевской — по изданию И. Ф. Карского (см. [Шахматов 1962; Карский 1962]). Переводы на современный русский язык авторские.

го предположения, приведенные выше примеры действительно заслуживают внимательного рассмотрения.

Для начала необходимо отметить два случая, ошибочно попавших в эту выборку. Пример (1): как видно из расширенного контекста, он является стандартным:

тѣмъ же князь и людѣ жадаху епискуплѣ службѣ и радовахуся славяще Бога. **сему же тако бывъшу** и братѣи сущи без игумена совокупившимся братѣи всѣи и нарекоша в собѣ игумена Прохора попина (л. 102 г. 1112). — «Из-за этого князь и люди желали епископской службы и радовались, славя Бога. Когда же это случилось, а братья были без игумена, то, когда вся братия собралась, они назначили своим игуменом попа Прохора».

Эта фраза относится к дальнейшему повествованию и является обычным примером ДС с временным значением.

Следом стоит рассмотреть пример (2). Это место допускает несколько возможных трактовок. Первая: вводимый союзом *яко* дательный оборот выступает вторым дополнением при глаголе *гневаться*. Таким образом, предложение следует понимать как «они начали гневаться на Олега **за то, что** он не пошел на врагов с ними». Схожий случай приводит В. М. Живов из Послания Вассиана на Угру: «Молю же убо и величество твое, о боголюбивый государь, да не прогнѣваеши на мое смирение **еже первые дерзнувшу ми усты ко устомъ глаголати ко твоему величеству**» ‘Молю же твое величество, о боголюбивый государь, пусть ты не прогневаешься на мое смирение, что я первый осмелился обратиться к твоему величеству’ [Живов 2017: 350]. Вторая интерпретация: с помощью союза *яко* вводится ДС, имеющий значение причины. В таком случае смысл будет следующим: «и они (Святополк и Владимир. — Д. К.) начали злиться на Олега, **так как** он не пошел на врагов с ними». Какое из этих двух объяснений предпочтительнее? Пример, взятый из Послания Вассиана, имеет отличающееся от рассматриваемого нами построение. В летописном же тексте обороту предшествует союз *яко*, который часто вводит ДС с причинным значением, что склоняет к пониманию этого примера в таком же ключе. В качестве подобных иллюстраций можно привести следующие контексты из Ипатьевского списка и «Жития Феодосия Печерского» по Успенскому сборнику:

- 1) и поидоша полци к собѣ. **яко солнцю въсходящю** (л. 139 г. 1149) — «И пошли полки к себе, так как солнце всходило».
- 2) таче **яко ишьдѣшемъ дньмъ мьногомъ**. и бывъшу днѣи праздничноу. мати ѹго начать велѣти ѹмоу облещисѣ въ вдежу свѣтлоу на слоужение (ЖФП 30в5–11) — ‘Потом, так как уже прошло много дней, и настал праздник, его мать велела ему одеться в красивую одежду на службу’.

Таким образом, к нестандартным можно отнести только оставшиеся четыре примера⁴. Как справедливо отмечает Д. Ворт, их объединяет использование ДС после глаголов речи и восприятия. С помощью этого оборота в текст вводится свернутое придаточное изъяснительное; на это указывает наличие союза *яко*. В представленной выборке значение ДС приближается к конструкциям вида AcI (accusativus cum infinitivo; «винительный с инфинитивом»), DcI (dativus cum infinitive; «дательный с инфинитивом»), AcP (accusativus cum participio; «винительный с причастием»), широко распространенным в церковнославянском языке [Večerka 1996: 196–197]. Возникает вопрос о распространенности такого употребления дательного оборота. Объединяя эти примеры под заголовком «non-standart DAs», Д. Ворт подразумевает редкость подобных случаев. Отчасти это предположение подтверждается параллельными чтениями ПВЛ по списку Лаврентьевской летописи, где данным оборотам соответствует придаточное предложение с союзом *яко*.

Ипатьевская летопись	Лаврентьевская летопись
И увидивше се окаянный Святополк и яко еще ему дышюу , и посла два Варяга, приконьчевати его. Онѣма же пришедша и видившима яко ему еще живу сущю , и един ею извлекъ мечъ и пронъзе ю къ сердцу и тако скончася. (л. 50 об. г. 1015)	Оувѣдѣвше же се вканьный Стѣполкъ яко еще дышетъ . посла два Варлга прикончатъ его. онѣма же пришедша ⁵ яко и еще живъ есть , и един ею извлекъ мечъ и пронъзе ю къ сердцу и тако скончася (л. 46 г. 1015)

Здесь стоит заметить, что в первом случае ДС нельзя однозначно понимать как дополнительное предложение, поскольку оборот может относиться к последующему тексту и иметь обстоятельственное значение причины, т. е.: «И, увидев это, окаянный Святополк, **так как он еще дышал**, послал двух варяг прикончить его». Хотя чтение из Лаврентьевской летописи скорее поддерживает понимание Д. Ворта, однозначно сказать, какое толкование предпочтительнее, нельзя.

⁴ Строго говоря, пример под третьим номером также стоит исключить из этой подборки, поскольку в нем заметно несогласование по падежу: форма *егоже*, являющаяся логическим подлежащим этого оборота, стоит в винительном падеже, в то время как логическое сказуемое — в дательном. Это несоответствие, по всей видимости, объясняется разрывом конструкции подлежащим и сказуемым основного предложения, а также управлением *глаголют*. Тем не менее данный пример оставлен, т. к. он, несмотря на несколько измененный вид, по-прежнему демонстрирует необычное употребление ДС.

⁵ Стоит заметить, что это место, по всей видимости, повреждено, поскольку из него не ясно, каким образом связаны глагол *пришедша* и дополнительное предложение, вводимое союзом *яко*. На фоне параллельного чтения из Ипатьевской летописи можно предположить, что был пропущен второй глагол *видившима*, от которого и должно было зависеть это предложение.

Таким образом, из шести примеров, приведенных Д. Вормом, два оказались неправомерно отнесены к этой категории, один представляется спорным, и остается только три примера, свидетельствующие об особом употреблении ДС, что не позволяет говорить о распространенности данной конструкции.

Витторио Томелли в работе, посвященной более позднему материалу — обзору синтаксических приемов, использованных при переводе Толковой Псалтыри Брунона известным книжником Дмитрием Герасимовым, отмечает схожие случаи употребления ДС [Томелли 2013: 210]. Получивший достойное образование в Ливонии, где он обучался латинскому и немецкому языкам, Герасимов был связан с широким кругом переводов, осуществленных в Новгороде под эгидой владыки Геннадия, а затем также с переводческой деятельностью Максима Грека. Его перу принадлежат переводы грамматики Доната, полемического сочинения Николая де Лиры, а также уже упомянутой Псалтыри Брунона, написанной на латинском языке. Среди приемов, использованных Дмитрием при работе над этим текстом, В. Томелли выделяет интересующие нас примеры.

В латинском тексте регулярно встречается глагольная форма, отсутствующая в русском и церковнославянском языках, а именно — Inf. Perf. Act., т. е. формы типа *laudavisse*, *destruxisse* и *habuisse*. В качестве языкового эквивалента таким формам переводчик использует причастие прошедшего времени действительного залога в дательном падеже:

- 1) глаголетъ тоиже пророкъ **разорившимъ еретикомъ законъ божїи** ‘Говорит тот же пророк, что еретики разрушили закон Божи’ — *dicit idem propheta destruxisse haereticos legem Dei* (X, 3);
- 2) еже есть воплощение слова **емуже** состоитса **скверны не имѣвшу грѣха** ‘Это же воплощение Слова, известно, что оно не имеет скверну греха’ — *hoc est incarnatio Verbi, quam constat pollutionem non habuisse peccati* (XVII, 33);
- 3) ѿчасти оубо речено есть **христоименитых людей господу створшу** ‘Ведь примерно сказано, что Господь сотворил христианский народ’ — *apte vero dictum est Christianum populum Dominum fecisse* (XXI, 34).

Под третьим номером В. Томелли приводит примеры, сходные с найденными Д. Вормом. Дмитрий Герасимов оформляет оборот точно таким же образом: в двух из трех случаев он используется после глаголов речи и также передает значение изъяснительного придаточного. Примечательно, что в переводе с латыни эти обороты выступают эквивалентом латинскому AcI, где причастие в дательном падеже выполняет функцию логического сказуемого, а существительное в дательном — логического подлежащего. В. Томелли [2013: 209], описывая эти примеры, говорит в примечании, что такая конструкция «совпадает на уровне выражения с дательным самостоятельным».

Из приведенного краткого обзора литературы можно заключить, что необычное значение ДС попадало в поле зрения исследователей, но до сих пор не получало детального рассмотрения. Из-за скудности материала подобные примеры квалифицировались как случайные или ошибочные. Действительно, в работе И. М. Белоруссова было представлено всего 2 примера, у Д. Ворта — 3, а у Э. Корина — 10; к тому же во всех случаях авторов интересовали более общие вопросы употребления независимых причастных конструкций. В настоящей статье будет представлена попытка более подробного анализа этого вида ДС на материале переводного памятника XV в. — «Сказание о срацинской вере».

Этот текст, созданный, по всей видимости, в середине XV в. на Юго-Западе Руси, представляет собой перевод антимусульманского трактата *Contra Legem Sarracenorum*, написанного доминиканским монахом Рикольдо да Монте Кроче в начале XIV в. Перевод выполнен с греческого переложения Димитрия Кидониса⁶. А. Соболевский в своем каталоге переводной литературы оценил язык сочинения крайне невысоко, имея в виду, видимо, местами непонятный стиль изложения [Соболевский 1903: 325]. Действительно, в этом памятнике встречается большое количество темных мест и неясных переводческих решений. Переводчик часто использует ДС в значении, приближающемся к примерам, описанным в работах Д. Ворта, Э. Корина и В. Томеллери. Всего в тексте удалось обнаружить 73 случая употребления дательного самостоятельного, из которых 26 выступают в функции дополнения при глаголах речи и восприятия.

Для лучшего понимания особенностей употребления этого оборота рассматривать такие случаи стоит на фоне греческого текста, так что в основу классификации будут положены те конструкции оригинала, которые на славянский переводятся при помощи ДС:

*Accusativus cum infinitivo*⁷

- 1) Глаголють же сарракине **иудеом убо растлившим книги Ветхаго закона** (л. 381 об.) ‘Сарацины же утверждают, что иудеи извратили книги Ветхого закона’ — Λέγουσι δὲ οἱ Σαρράκηνοὶ τοὺς μὲν Ἰουδαίους διαφθεῖραι τὰ βιβλία τῆς Παλαιᾶς⁸ (1136A–B).

⁶ Подробный разбор доказательств такой датировки и места возникновения перевода см. [Kossarev 2025].

⁷ Привычный способ передачи аккузативных конструкций при переводе с греческого — оборот «винительный с причастием» или «винительный с инфинитивом»; иногда может употребляться и «дательный с инфинитивом» (см. [Večerka 1996: 195–199]). В тексте «Сказания...» встречаются все три упомянутых способа.

⁸ Греческий текст приводится по репринту единственного издания (PG 154) и дополнительно сверяется с ркп. Vat. gr. 706, которая в некоторых местах дает уникальные чтения, нашедшие отражение в славянском переводе. Славянский перевод дается по самой ранней ркп. РГБ 304.I.730.

- 2) Простирает же сей глаголатъ **ниже ѿ иудей Христу убиену бывшу ниже распяту ѿ нихъ**, но иного нѣкоего подобна ему (л. 367) ‘Продолжает же сей (Мухаммед. — Д. К.) утверждать, что Христос ни был убит иудеями, ни был ими распят, но (убили и распяли. — Д. К.) какого-то другого похожего на него’ — Διατείνεται δὲ **μηδ’ ὑπὸ τῶν Ἰουδαίων Χριστὸν ἀνηρῆσθαι, μήτε σταυρωθῆναι, ἀλλὰ τινα ἄλλον ἐκεῖνῳ ὅμοιον** (1044D–1045A).
- 3) Тѣмже несется, **яко рекшу ему о отци и о матери** (л. 383 об.) ‘Поэтому и считается, что он (Мухаммед. — Д. К.) говорил об отце и о матери’ — Ὅθεν καὶ φέρεται εἰπεῖν αὐτὸν περὶ τοῦ πατρὸς καὶ τῆς μητρὸς (1137D).
- 4) Рече бо алкоранъ **христовѣ матери ѿ ангели благовѣщенѣ быти и Духомъ Сватымъ осващнѣ сущи, силою Божиею зачату, а не естественнымъ дѣйствомъ** (л. 383) ‘Алкоран же говорит, что мать Христа была благовещана от ангела и освящена Святым Духом, <а Христос> был зачат силой Божьей, а не естественным образом’ — Φησὶ γὰρ τὸ Αλκοράνον τὸν Χριστὸν τῇ ἑαυτοῦ μητρὶ δι’ ἀγγέλου εὐηγγελῆσθαι, καὶ διὰ Πνεύματος ἁγίου ἡγιασθαι, καὶ δυνάμει Θεοῦ συνειλήφθαι, ἀλλ’ οὐ φύσεως ἐνεργείᾳ (1137C).

Стоит остановиться на приведенных выше примерах, из которых можно сделать несколько выводов. Во-первых, этот оборот может быть оформлен различными способами: ближе всего к греческому оригиналу ситуация, когда он напрямую зависит от сказуемого (как в примере (1)); он также может быть связан с предложением с помощью союза *яко*, не находящего соответствия в оригинале (такой тип связи сходен с примерами (3)–(6), приведенными в статье Д. Ворта, т. е. возможны два способа подчинения — союзное (3) и бессоюзное (1), (2), (4)).

Примечательны и некоторые случаи смешения оборотов, особенно заметные на фоне оригинала. В примере (2) очевидно переключение падежей: конструкция начинается с форм, стоящих в дательном падеже, но затем после союза *но*, переводчик переключается на винительный — «иного нѣкоего подобна ему», в то время как весь оборот в греческом тексте согласован по винительному падежу. Причиной смешения могло быть дистантное расположение по отношению к главному предикату⁹. С другой стороны, это можно рассматривать как осознанное решение автора, выбранное во избежание повторений форм дательного падежа. Также переводчик добавляет в текст форму *глаголатъ*, отсутствующую в греческом, — вероятно, для прояснения текста¹⁰.

⁹ Такое «разрушение» конструкции также встречается в Евхологии Великой Церкви (подробнее об этом явлении см. [Моляков 2022]).

¹⁰ Это добавление также подтверждает наблюдение Д. Ворта, приведенное выше, о тяготении такого типа конструкций к использованию после глаголов речи или восприятия.

Следующее замечание касается примера (4), в котором данная конструкция смешивается с DcI. Книжник начинает переводить фразу с помощью инфинитивного оборота «христовѣ матери ѿ ангели благовѣщенѣ быти», затем решает передать сказуемое с помощью Part. Praes. Act. в дательном падеже. Возможно, это изменение, не поддержанное оригиналом, связано со страдательной формой употребленных причастий; первая часть была передана инфинитивным сочетанием, однако затем неопределенная форма была также оформлена как причастная. При этом переводчик, облегчив задачу читателю с одной стороны, усложнил ее с другой, т. к. в оригинальном тексте подлежащим оборота является Христос, а в славянском в роли подлежащего сначала выступает «христова мать», а затем, без формального введения нового подлежащего, им становится Христос, что делает перевод ошибочным.

Всего в тексте встретилось 15 случаев соответствий дательного оборота AcI. Все они употребляются в сочетании с глаголами речи и мысли. Таким образом «нестандартный» ДС, по терминологии Д. Ворта, используется чаще всего на фоне AcI.

Accusativus cum participio

- 1) обратиться **свидѣтельствующу въ еуагелии нашему закону Моисеову и пророки**, и ни единому быти супротивлению ѿ еуагелиа къ Моисею или къ пророкомъ, паче **соисполнену сущу и свершенѣи паче всѣх иных** (л. 386) ‘Они обнаружат в Евангелии, что наш Закон подтверждает закон Моисея и пророков и что нет никакого противоречия между Евангелием и Моисеем, и наш закон даже более совершенен, чем все остальные’ — εὐρήσουσι **συμμαρτυροῦντα αὐτῷ τὸν τοῦ Μωσέως νόμον καὶ τοὺς προφῆτας, μηδεμιᾶς οὐσίας πρὸς αὐτοὺς τοῦ Εὐαγγελίου ἐναντιότητος, μᾶλλον μὲν οὖν συμπληρωτικὸν καὶ τελειότητα πάντων τῶν ἄλλων** (1144A).
- 2) Тѣмъ въ алкоранѣ **множицею воводить бесѣдующу Богу** яко мнѣти тую самую божью душу и того самого Христа иному ѿ Бога быти существу и меньшу Бога, покорену ему быти (л. 366) ‘Поэтому Коран показывает, что Бог говорит во множественном числе, так как он считает, что эта Божья душа и этот Христос сущности отличные от Бога и меньше его и покорены ему’ — ὅθεν εἰς τὸ Ἀλκοράνον πληθυντικῶς εἰσάγει **διαλεγόμενον τὸν Θεόν**, ὡς δοκεῖν αὐτὴν τὴν τοῦ Θεοῦ ψυχὴν καὶ αὐτὸν τὸν Χριστὸν ἄλλης παρὰ τὸν Θεὸν ὑπάρχειν οὐσίας, καὶ ἐλάττονος τοῦ Θεοῦ καὶ ὑποταγμένης αὐτῷ (1041D).

Примеры соответствия славянского ДС греческому AcP менее частотны. Второй контекст достаточно прозрачен и не создает трудностей. Греческий текст показывает, что рассмотренная выше конструкция может употребляться и в качестве переводческого соответствия AcP.

В первом же случае внимание на себя обращает большое количество дательных оборотов, что, возможно, вызвано сложной структурой ориги-

нального предложения. В нем можно выделить два типа: 1) АсР, отмеченный в тексте; 2) *Genitivus absolutus*. оборот «винительный с причастием» разделен независимым родительным и продолжается словами *μᾶλλον μὲν οὖν συμπληρωτικὸν καὶ τελειότητα πάντων τῶν ἄλλων*. Здесь не выражен глагол-связка, являющийся сказуемым этой конструкции. Его следует восстанавливать либо в форме инфинитива, либо, что более вероятно, в форме причастия в винительном падеже, однородного предыдущему причастию *συμπαρουῶντα*. Стоит рассмотреть их в таком же порядке. Первому причастному обороту в винительном падеже переводчик подобрал соответствие в виде зависимого дательного оборота, примеры которого уже были рассмотрены выше.

Очевидное несоответствие двух словосочетаний *свидѣтельствующу въ еуагелии* и *συμπαρουῶντα αὐτῷ* «свидетельствующего ему», хотя форма *αὐτῷ* в оригинале относится к Евангелию, что понятно из окружающего текста. Переводчик решил сделать фразу понятнее для читателя. Сочетания «свидетельствовать ему» и «свидетельствовать в чем-то» не синонимичны; также в исторических словарях не удалось найти у глагола *свидѣтельствовати* такого значения; греческая рукопись также не дает чтения, которое могло бы прояснить это изменение. Возможных объяснений несколько. Если попытаться исправить управление глагола, то получится *свидѣтельствующу еуагелию*, что на фоне остального предложения создает грамматическую омонимию подлежащего и косвенного дополнения при глаголе. С другой стороны, сочетание *въ еуагелии* можно отнести к глаголу *обращути*. Таким образом, текст следует понимать как: «найдут в Евангелии, что наш закон Моисеев и пророки сосвидетельствуют [этому]».

Употребление глагола *свидѣтельствовати* без дополнения отмечено в [СлРЯ XI–XIV] со значением «подтверждать»¹¹, ср.: «моего ответа послушайте. и аще лжю обличите, аще ли истина свѣдѣтельствуите» — ‘Послушайте мой ответ, и, если я лгу, то обличите, а если истина, то подтвердите’.

Между тем такая трактовка, учитывая грамматическую сторону, не подходит для этого примера. Автор трактата, видимо, хотел подчеркнуть непротиворечие между Евангелием с одной стороны и Ветхим заветом — с другой. Для этого он сперва говорит о том, что Ветхий завет не противоречит Новому, а затем, оформляя грамматически эту мысль как *Gen. Abs.*, — о том, что обратное также верно.

Gen. Abs. переводчиком передается с помощью *DcI*. Последний же отрезок представляется с точки зрения греческого языка наиболее затруднительным. Д. Кидонис усложнил достаточно прозрачную латинскую фразу: *Inuenient quod attestatur ei lex Moysi et prophete, et nullam ad eos contrarietatem euangelium habet sed complementum et perfectio est omnium aliorum* — «Они обнаружат, что закон Моисея и пророки подтверждают его (Еванге-

¹¹ См. [СлРЯ XI–XIV, 12: 268–269] s. v. свѣдѣтельствовати.

лие. — Д. К.), и Евангелие не имеет никакого с ними противоречия, но оно есть завершение и совершенство всех остальных». Он убрал из второй части придаточного предложения глагольную форму *habet*, сделав первую часть фразы независимой конструкцией, а вторую — причастным оборотом. Славянский переводчик решает, продолжая к тому же использовать АсР с помощью дательного оборота, облегчить читателю понимание и ввести причастие в дательном падеже, однако это все же не позволяет однозначно интерпретировать данный отрезок.

Возможность передачи греческого *accusativus cum participio* двумя способами — дательным оборотом или «винительным с причастием» — могла привести к различиям в употреблении этих двух конструкций при переводе. Чтобы представить эту картину наиболее полно, необходимо подсчитать в славянском тексте все случаи применения не только дательного, но и «винительного с причастием». Пока такое исследование не проведено, все замечания носят только предварительный характер.

Оборот «винительный с причастием» используется переводчиком, например, в следующих случаях:

- 1) **ѿ него нѣкоего ума глаголаху первие истѣкающа** (л. 366–366 об.) ‘Они говорят, что от него истекает некий ум’ — ἐξ οὗ τινα νοῦν ἔλεγον **πρῶτον ἀπορρέουσαι** (1044A).
- 2) Удобно же есть не просто¹² и¹³ вѣру лживу авлати, **аще истинну сущу нашу** кто может авлати (л. 369) ‘Легче <непросто> показывать [их] (мусульман. — Д. К.) веру лживой, разве может кто-то показать, что наша (вера. — Д. К.) истинна’ — Ῥᾱον δὲ ἐστὶ τὴν ἐκείνων πίστιν φαύλην ἀποδεικνύναι, ἥπερ ἀληθῆ τὴν ἡμετέραν ἀποδεικνύναι (1048C).
- 3) Вида бо дьяволъ **христову вѣру на восточных странахъ умножающуся** и идолослужению оскудѣвающе, побѣждену же бывшу Хозьрою, перскому царю и мидьскому идолослужителю ѿ христьяньскаго царя Ираклия ... сѣвѣтова замышлением нѣкоего закона, якоже посреди Ветхаго и Новаго, прельстити мира (л. 370 об.) ‘Дьявол же, видя, что христианство распространяется в восточных странах, и идолослужение пропадает, в то время как Хозрой, царь

¹² В этом месте, по всей видимости, порча, т. к. в перевод добавлено слово *непросто*, что полностью меняет смысл предложения. Подобное прибавление, не поддерживаемое греческим текстом, могло возникнуть как во время перевода, так и на раннем этапе переписывания, поскольку такое чтение содержится во всех известных списках текста. Возможно, это глосса с полей, попавшая в текст.

¹³ Чтение, вероятнее всего, было испорчено. В другой группе рукописей, независимой от используемого в статье списка, это слово опущено. Скорее всего, ошибка была вызвана пропуском выносной х. Таким образом, в протографе, возможно, было *их*.

персов и мидийский язычник, проиграл христианскому царю Ираклию, задумал созданием некоего закона, как бы между Ветхим и Новым, прельстить мир' — Ὁρῶν τοίνυν ὁ διάβολος **τὴν τοῦ Χριστοῦ πίστιν ἐν τοῖς ἀνατολικοῖς αὐξάνουσαν μέρεσι**, καὶ τὴν εἰδωλολατρείαν ἐκλείπουσαν, ἡττηθέντος ἤδη τοῦ Χοσρόου τοῦ τῶν Περσῶν βασιλέως καὶ Μήδων τοῦ εἰδωλολάτρου διὰ τοῦ χριστιανικωτάτου βασιλέως Ἡρακλείου ... ἔγνω πλάσματι νόμου τινὸς, ὥσπερ ἐν μέσῳ τῆς Παλαιᾶς καὶ Καινῆς, ἀπατῆσαι τὸν κόσμον (1116B).

Из приведенных примеров можно увидеть, что переводчик при использовании рассматриваемой конструкции не всегда зависит от оригинала. В первом и втором случаях на месте причастия в тексте Д. Кидониса стоит инфинитив. Второй пример особенно интересен, поскольку здесь перевод достаточно волен. В оригинале прилагательное ῥῆον управляет инфинитивами, от которых затем зависит двойной винительный; никаких причастий здесь не употреблено. В славянском же на месте второго инфинитива поставлено предложение с финитной формой глагола и выраженным подлежащим. В этом случае от *авлати* уже зависит винительный причастный оборот, причем причастие добавлено самим переводчиком.

Третий пример примечателен, во-первых, сменой конструкций, а во-вторых, их нагромождением, усложняющим оригинал. Предложение начинается с винительного оборота, соответствующего греческому; затем однородная с винительным конструкция передается с помощью дательного с причастием, и дальше книжник, передавая греческий независимый родительный, ожидаемо использует независимый дательный. Чем вызван этот переход? Ответ, вероятно, стоит искать в формальных показателях падежей. Винительный падеж женского рода совпадает с дательным падежом мужского и среднего рода: *вѣру* и *идолослужению*. Возможно, совпадение флексий по плану выражения способствовало этому смещению.

Participium praedicativum

Нынѣ убо рече о собѣ неслышанаа чюдесѣ, иногда же рече **ниедино ему чудо створшу** (л. 375 об.) 'Сейчас же говорил о себе неслыханные чудеса, а иногда говорил, что он не совершил ни одного чуда' — Νῦν μὲν γάρ φησι περὶ ἑαυτοῦ ἀνήκουστα θαύματα ἄλλοτε δέ φησι **μηδὲν πεποιημένος σημεῖον**¹⁴ (1121C).

Удалось найти единственный пример, где интересующий нас оборот соответствует греческому предикативному причастию.

Из проведенного разбора можно сделать следующие наблюдения о частотности употребления ДС в разных значениях в переводе (см. Таблицу 1).

На фоне рассмотренных групп примеров встречаются два затруднительных для толкования места (А) и (Б).

¹⁴ Отсутствующий в собрании Миня текст добавлен по ркп. Vat. gr. 706, л. 123 об.

Таблица 1

Значение ДС	Количество примеров	Процент от общего количества
Временное	20	28 %
Следственное	5	7 %
Причинное	17	23 %
Уступительное	4	5 %
Условное	1	1 %
Дополнительное	26	36 %

А. Сам же Псалтырю и иных пророкъ зѣло похваляетъ и много о нем рече **Христу пророчествующе въ еуангелии, сынамъ израилевымъ** *рекишу Христу*: «Благовѣствующа вам апостола божиа приити хотящаго по мнѣ и имя его Моамеф» (л. 368 об.) ‘Сам же он (Мухаммед. — Д. К.) сильно хвалит Псалтырь и других пророков, и многое сказал о нем, что Христос пророчествовал в Евангелии, говоря сынам Израиля: «Благовествую вам, что апостол божий хочет прийти после меня и имя его Мухаммед»’ — Αὐτὸς δὲ τὸ τε Ψαλτήριον, καὶ τοὺς ἄλλους προφῆτας, λίαν ἐγκωμιάζει, καὶ πολλὰ περὶ αὐτοῦ **φησι τὸν Χριστὸν προφητεῦσαι ἐν τῷ Εὐαγγελίῳ, τοῖς υἱοῖς Ἰσραὴλ εἰρηκότα**, «Εὐαγγελίζομαι ὑμῖν τὸν ἀπόστολον τοῦ Θεοῦ, τὸν ἥξοντα μετ’ ἐμέ καὶ τὸ ὄνομα αὐτοῦ Μωάμεθ» (1048A).

Структура греческого предложения не вызывает затруднений: от глагола *φησι* зависит *ΑσΙ τὸν Χριστὸν προφητεῦσαι ἐν τῷ Εὐαγγελίῳ*, со сказуемым этого оборота согласовано предикативное причастие *εἰρηκότα*. Славянский переводчик решает передать инфинитивный оборот «дательным с причастием», добавляя при этом форму *Христу*, что затрудняет понимание данного предложения, поскольку *сынам израилевым* начинает восприниматься как подлежащее конструкции, а *Христу* — как дополнение.

Б. *ѡдаваше же по сих ѡвѣты нѣкоторые, аже (яко же глаголаше) слышащу ему нѣкому колоколу звенащу ему въ уши*. (л. 371) ‘Он (Мухаммед. — Д. К.) же отдавал после этого некоторые ответы, которые, как он утверждал, он слышал как будто колокольным звоном в ушах’ — ἐδίδου δὲ μετὰ ταῦτα ἀλοκρίσεις τινὰς, ἃς (ὡς ἔλεγεν) ἤκουε δίκην κώδωνος περιηχούσης αὐτοῦ τοῖς ὦσι (1116D–1117A)¹⁵.

¹⁵ Стоит заметить, что в этом примере переводчик допустил неточность. Греческий текст подразумевает, что от подлежащего предложения зависит *δίκην* — застывшая падежная форма, имеющая значение «на подобие» и управляющая родительным падежом. Однако он опустил это наречие, а сочетание причастия и существительного в родительном падеже перевел с помощью ДС.

Здесь от главной части зависит дательный оборот, осложненный еще одним ДС: *нѣкому колоколу звенаѣу ему въ уши*. К тому же в отрывке интерес вызывает перевод причастным оборотом греческого придаточного вместо ожидаемого предложения с финитной глагольной формой. Именно так переводчик в большинстве случаев передает подобные места. Например:

- 1) Прежде убо подобаетъ научитисѣ началнѣиших ересѣх, **о них же сарракинѣскыи полагаетсѣ закон, о нихъ же паче божию закону спротивитсѣ** (л. 366) ‘Сначала надо научиться начальным ересям, на которых стоит закон сарацин, и в них он больше всего противится закону Божию’ — *Πρῶτον τοίνυν προσήκει μαθεῖν τὰς ἀρχοειδέστερας αἱρέσεις, ἃς ὁ τῶν Σαρράκηνων τίθησι νόμος, καθ’ ἃς μάλιστα τῷ θεῷ νόμῳ ἐναντιοῦται* (1041D).
- 2) Силъ суть началнѣиша ересѣмъ, **аже суть написана въ алкоранѣ**, еже есть законъ сарракинѣскыи (л. 368 об.) ‘Это есть главное в ересь, которые написаны в Коране, который является законом сарацин’ — *Ταῦτ’ εἰσὶν αἱ ἀρχοειδέστεραι τῶν αἱρέσεων, ἃς περιέχει τὸ Ἀλκωράνον, ὅπερ ἐστὶ νόμος τῶν Σαρράκηνων* (1048A).

Одной из причин, которые могли подтолкнуть книжника к использованию дательного оборота для перевода придаточного предложения с финитной формой глагола в примере (Б), может быть непосредственная близость к форме *глаголаше*, которая в оригинале служит для указания на источник информации: утверждает, что Мухаммед слышал звон в ушах, не автор, а сам пророк¹⁶.

Из всех приведенных выше примеров можно сделать несколько выводов. По-видимому, стоит признать, что рассматриваемый тип дательного оборота нельзя считать редким явлением: он встречается в различных текстах¹⁷, один из которых оригинальный. В переводных текстах он может

¹⁶ За эту мысль приношу благодарность анонимному рецензенту статьи.

¹⁷ В действительности схожий оборот был замечен в еще двух текстах — Хронике Георгия Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе, однако этот материал пока недостаточно проработан. В главе, посвященной рассказу о сарацинской вере, встречается следующее предложение: тако жена (Мухаммеда. — Д. К.) прельщена бысть и ... проповѣда имъ **яко пророку ему** (Мухаммеду. — Д. К.) **сущу** [Истрин 1922: 450] ‘Так жена Мухаммеда была прельщена и проповедовала им (другим женщинам. — Д. К.), что он пророк’ — *ἡ γυνὴ πλανηθεῖσα καὶ ἐκήρυξε προφήτην αὐτὸν εἶναι* (Hamart. 699 4–5). А также еще одно: и божественное слово явѣ учить и свѣтло прорицает **богу сущу невиноватому всему злу, и человеку самоволну сущу своему спасению и погибели**. [Там же: 452] ‘Он (Мухаммед. — Д. К.) открыто учит божественному слову и ясно прорицает, что Бог не причина всего зла, и человек имеет свободную волю в спасении и погибели’ — *ὁ μὲν γὰρ θεὸς λόγος ἀναφανδὸν ἐκδιδάσκει καὶ διαπρυσίως χρησιμφοδεῖ σαφέστατα τὸν Θεὸν ἀνάιτιον ὑπάρχειν παντὸς κακοῦ, καὶ τὸν ἄνθρωπον αὐτεξούσιον εἶναι τῆς ἑαυτοῦ σωτηρίας καὶ ἀπωλείας* (Hamart. 703 19–23). Греческий текст Амартола приводится по изда-

соответствовать различным синтаксическим конструкциям оригинала, что говорит о его относительной независимости от языка оригинала. Неясно также и происхождение этого значения у ДС; вероятнее всего, он появился, с одной стороны, в ходе распада дательного оборота и расширения сферы его употребления для обозначения разных типов предикаций и постепенного выхода за рамки исключительно обстоятельственных значений: известно (см. [Белоруссов 1899: 29–40]), что ДС в древнерусском языке мог заменять собой независимые предложения, что, вероятно, является следствием того же процесса. С другой стороны, можно предположить влияние синонимичных причастных конструкций с винительным падежом, что дало образец для этого переноса. Таким образом, форма этой конструкции могла быть позаимствована из ДС, а значение — из АсР.

Другой, более важной чертой представляется принципиальное отличие такого оборота от классического ДС. Во всех разобранных примерах он, во-первых, имеет не обстоятельственное значение, характерное для ДС, а изъяснительное. Во-вторых, он синтаксически зависит от сказуемого главного предложения, в то время как классический ДС формально от него независим. Единственное, что связывает этот причастный оборот с ДС, — это его формальное устройство: причастие в дательном падеже, согласованное с местоимением или существительным. Отсюда могут возникнуть некоторые сомнения во включении этой конструкции в сферу значений ДС, поскольку по своему назначению она гораздо ближе к другому причастному обороту, известному как в классических языках, так и в церковнославянском, — *accusativus cum participio*, или «винительный с причастием». Набор глаголов, после которых употребляется этот оборот, также совпадает с АсР, на что указывал еще Д. Ворт.

Если принять такую точку зрения, то рассматриваемый оборот вернее будет называть, пользуясь терминологией грамматик классических языков, *dativus cum participio*, или *дательный с причастием*. Это, с одной стороны, позволит избежать путаницы между двумя схожими оборотами, а с другой — восполнить лакуну в грамматической системе церковнославянского языка, при которой «винительному с инфинитивом» соответствует «дательный

нию Боора [de Boor 1904]. В тексте же Повести встречается следующий контекст: И добре рече, **никогда же видѣвшю ти и слышавшю таковых силъ**. [Лебедева 1985: 128] ‘И хорошо сказал, что ты никогда не видел и не слышал таких сил’ — Καλῶς εἶπας **μήτε ἑώρακεῖν πόποτε μήτε ἀκηκοέναι τοιαύτας δυνάμεις καὶ ἐνεργείας** (Hist. Var. Ioas. 50 33–34). Греческий текст приводится по последнему критическому изданию Роберта Фолька [Volk 2006]. Эти примеры, очевидно, имеют природу, схожую с разобранными в статье, однако ограниченность выборки, с одной стороны, и сложная текстологическая история — с другой, не позволяют с достаточной уверенностью считать их употреблением исследуемого оборота. Для полной картины следует проследить все случаи использования такого рода конструкций на протяжении всего текста. Вероятно, круг ранних текстов с применением «нестандартного» ДС может быть расширен.

с инфинитивом», а «винительному с причастием» соответствия не находится. Пользуясь такой аналогией, необходимо заметить, что речь идет исключительно о терминологическом подобии. Греческая абсолютная конструкция как по употребительности, так и по своему внутреннему содержанию весьма далека от дательного оборота церковнославянского языка.

С л о в а р и

СлРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. XII. М., 2019; Т. XIII. М.; СПб., 2023.

Л и т е р а т у р а

Афанасьева 2016 — Т. И. Афанасьева. Об особом употреблении «дательного самостоятельного» в русских переводах конца XIV в. // Вопросы языкознания. 2016. № 5. С. 95–102.

Белоруссов 1899 — И. М. Белоруссов. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности. Варшава, 1899.

Граве 1958 — Л. В. Граве. Две разновидности дательных самостоятельных в древнерусском языке // Ученые записки Смоленского государственного педагогического института. 1958. № 9. С. 68–85.

Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017.

Истрин 1922 — В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. СПб., 1922.

Истрина 1923 — Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи. СПб., 1923.

Карский 1962 — И. Ф. Карский. Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.

Лебедева 1985 — И. Н. Лебедева. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. СПб.: Наука, 1985.

Мольков 2022 — Г. А. Мольков. Ошибки склонения в Евхологии Великой Церкви в славяно-русском переводе кон. XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики 2022. № 89. С. 153–161.

Соболевский 1903 — А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903.

Томеллери 2013 — В. С. Томеллери. О некоторых синтаксических особенностях Толковой Псалтири Брунона (1535). Дательный самостоятельный, инфинитивные и причастные конструкции, герундий и герундив // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012–2013). М.: Древлехранилище, 2013. С. 196–225.

Шахматов 1962 — А. А. Шахматов. Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.

Corin 1995 — A. R. Corin. The Dative Absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic // Die Welt der Slaven. 1995. № 40. S. 251–284.

- De Boor 1904 — C. de Boor. Georgii Monachi Chronicon. Vol. I–II. Lipsiae, 1904.
- Kossarev 2025 — D. V. Kossarev. Primary observations on the textual history of *Contra legem Sarracenorum* in Slavonic translation of 15th c. // Proceedings of the international Symposium for Young Scholars in Medieval Slavonic Studies. Sofia-Messina, 2025. P. 141–157
- Ružička 1961 — R. Ružička. Struktur und Echtheit des altslavischen dativus absolutus // Zeitschrift für Slavistik 1961. № 6. S. 588–596.
- Ružička 1963 — R. Ružička. Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum griechischen. Berlin: Akademie Verlag, 1963.
- Stanislav 1934 — J. Stanislav. Dativ absolutny v starej cirkevnej slovancine // Byzantinoslavica 1934. № 5. P. 1–112.
- Večerka 1996 — R. Večerka. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. Die Satztypen: Der Einfache Satz. Freiburg: Weiher Verlag, 1996.
- Volk 2006 — R. Volk. Die Schriften des Johannes von Damaskos. VI/2: Historia animae utilis de Barlaam et Ioasaph (spuria). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2006.
- Worth 1994 — D. S. Worth. The Dative Absolute in the «Primary Chronicle»: Some Observations // Harvard Ukrainian Studies. 1994. № 18 (2). P. 29–46.

Статья получена 11.05.2025

Danil V. Kossarev

Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
dvkossarev@gmail.com

THE PARTICIPLE CONSTRUCTIONS WITH DATIVE CASE IN *CONTRA LEGEM SARRACENORUM*

The usual set of meanings of the dative absolute in Slavonic literary culture is traditionally restricted to adverbial, however, as it was shown by I. M. Belorussov, D. Worth and A. R. Corin, in some cases this syntactic device could indicate the complement of verbs of thinking, speaking and perceiving information. This unusual syntactic device was found, along with other peculiar dative absolutes, in sources of East Slavic origin. Nevertheless, these observations went almost unnoticed by scholars due to the fact of their extreme rarity, and some of these examples' dubious nature. This article provides cases of similar usage of such DA in other texts, describes its nature and places it within the grammar system of the language. The main source for these examples is a work translated from Greek presumably around the middle of the 15th century — «Skazaniye o sracinskoj vere» where such device is used actively.

Keywords: Old Church Slavonic syntax, medieval slavonic translated literature, dative absolute.

References

- Afanasyeva, T. I. (2016). Ob osobom upotreblenii «datelnogo samostoiatel'nogo» v russkikh perevodakh kontsa XIV v. *Voprosy iazykoznanii*, 5, 95–102.

Corin, A. R. (1995). The Dative Absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic. *Die Welt der Slaven*, 40, 251–284.

Karskiy, I. F. (1962). *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Lavrentyevskaya letopis*. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury.

Kossarev, D. V. (2025). Primary observations on the textual history of *Contra legem Sarracenorum* in Slavonic translation of the 15th c. In *Proceedings of the international Symposium for Young Scholars in Medieval Slavonic Studies* (pp. 141–157). Sofia–Messina.

Lebedeva, I. N. (1985). *Povest' o Varlaame i Ioasafe. Pamiatnik drevnerusskoi pervodnoi literatury XI–XII vv.* St. Petersburg: Nauka.

Molkov, G. A. (2022). Oshibki skloneniia v Evkhologii Velikoi Tserkvi v slaviano-russkom perevode kon. XIV v. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*, 89, 153–161.

Ružička, R. (1961). Struktur und Echtheit des altslavischen dativus absolutus. *Zeitschrift für Slavistik*, 6, 588–596.

Ružička, R. (1963). *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum griechischen*. Berlin: Akademie Verlag

Shakhmatov, A. A. (1962). *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Ipatievskaya letopis*. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury.

Tomelleri, V. S. (2013). O nekotorykh sintaksicheskikh osobennostiakh Tolkovoi Psaltiri Brunona (1535). Datelnyi samostoiatelnyi, infinitivnye i prichastnye konstruktii, gerundii i gerundiv. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka (2012–2013)* (pp. 196–225). Moscow: Drevlekhramilishche.

Večerka, R. (1996). *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. Die Satztypen: Der Einfache Satz*. Freiburg: Weiher Verlag.

Volk, R. (2006). *Die Schriften des Johannes von Damaskos. VI/2: Historia animae utilis de Barlaam et Ioasaph (spuria)*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Worth, D. S. (1994). The Dative Absolute in the «Primary Chronicle»: Some Observations. *Harvard Ukrainian Studies*, 18 (2), 29–46.

Zhivov, V. M. (2017). *Istoriia iazyka russkoi pismennosti*. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo.

Received on May 11, 2025

ЦЗЮЙ ХАЙНА

Чжэцзянский океанический университет
(Чжоушань, провинция Чжэцзян, Китай)
509871631@qq.com

Л. Л. КРЮЧКОВА

Благовещенский государственный педагогический университет
(Благовещенск, Россия)
llkr@mail.ru

**СЛОВО И ВЕЩЬ: ИЗ ИСТОРИИ СЛОВА *САРПИНКА*
‘ТОНКАЯ ХЛОПЧАТОБУМАЖНАЯ ТКАНЬ
В ПОЛОСКУ ИЛИ В КЛЕТКУ’**

В статье рассмотрена история слова *сарпинка*, малоупотребительного в настоящее время, но ранее широко известного в значении ‘тонкая хлопчатобумажная ткань в полосу или в клетку’. Его происхождение связывалось с городом Сарепта или рекой Сарпа. Однако в дальневосточных говорах Приамурья слово *сарпинка* ассоциировалось с Китаем, поэтому нами было предпринято исследование китайских источников, на основании которых установлено, что ткань, похожая на сарпинку, действительно ввозилась в приграничные районы России, но имела иные названия. Дальнейшие поиски истории слова показали, что может быть предложена альтернативная гипотеза: слово *сарпинка* является персидско-турецким заимствованием, первоначально произошедшим от персидского *sār (sar)* ‘голова’, затем — от турецкого *sārpānāk* ‘женский головной убор’ (сделанный из редкой льняной ткани) и/или *sarband* ‘повязка на голове, тюрбан’.

Ключевые слова: ткань, сарпинка, этимология, русская лексикография, китайская лексикография.

История слова в большинстве случаев тесно связана с историей реалии. Примеров этому можно найти множество в различных областях деятельности человека. Сказанное можно отнести, в частности, к названиям тканей. Привозные ткани часто именовались по месту изготовления: *зендень* (по городу Зандане), *фириспирь* (по городу Фирузпур) (см. об этом подробнее [Ястребова 2023: 22–42]), *лундышъ* (*лундушъ*, *люндышъ*) ‘сорт английского (лондонского) сукна’ [СлРЯ XI–XVII, 23: 306].

Однако существуют и другие истории во взаимодействии слова и реалии. Примером тому является слово *сарпинка*. Сейчас оно стало малоупотребительным, но ранее было широко известно и обозначало ‘тонкая хлопчатобумажная ткань в полосу или в клетку’ [МАС, IV: 29; БАС, 13: 191; 24: 457–458].

Хлопчатобумажная ткань *сарпинка* была широко известна в России в XIX в., что отражено в диалектных словарях и словарях современного русского литературного языка. Впервые слово *сарпинка* ‘холстина, выделяемая в Сарепте’ отмечено в Дополнении к «Опыту областного великорусского словаря» как характерное для Поволжья [ООВС: 236]. В «Словаре русских народных говоров» значения существительного *сарпинка* (*сарпин*) выстроены так, что как бы показывают развертывание сарпиночного промысла: 1) ‘льняная тонкая и редкая ткань, кисея’, 2) ‘тонкая хлопчатобумажная ткань, холст (в клеточку или в полоску)’, 3) ‘домотканая льняная ткань наподобие сарпинки’, 4) ‘рисунок на ткани в виде полос или клеток’ или ‘рисунок клетка на холщовой ткани’. Сарпинкой называли и изделия из сарпинки: ‘головной убор замужних женщин из полосатой ткани (обычно кисеи)’, ‘женская нижняя рубашка’. Отсюда прилагательное *сарпинский* ‘изготовленный, сшитый из сарпинки’. Значительно расширена география употребления слова: она охватывает области от Сибири до южных областей России и даже Грузии [СРНГ, 36: 147–148]. Этому есть объяснение: «ткани, известные под именем сарпинок, держали в экономическом подчинении все города Поволжья... от Астрахани и кончая Казанью и Нижним... Сарпинка по своей доброте и дешевизне вытесняла все фабричные ткани России и Европы, конечно, в районе своего экономического преобладания. Матери и бабушки всего нынешнего поволжского привилегированного и купеческого населения выросли, что называется, “в сарпинке”, и до сих пор оставшиеся в живых вспоминают о ней с сожалением» [Медведев 2002: 42].

Широкое употребление слова способствовало тому, что оно попало и в словарь русского литературного языка без пометы «обл.» в значении ‘тонкая хлопчатобумажная ткань в полоску или в клетку’ [МАС, IV: 29; БАС, 13: 191; 24: 457–458]. В последнем как устаревшее слово *сарпинки* отмечено и в множественном числе с пояснением: «Саратовская губерния выпускает в огромном количестве хлопчатобумажные материи, известные в продаже под названием сарпинок» [БАС, 13: 191; 24: 457–458]. Как видим, множественное число слова *сарпинка* объясняется его употреблением в значении «ткани, материи», описание которых содержится в книге «Кустарная промышленность России» (СПб., 1913).

Сарпиночный промысел был занесен в Саратовскую губернию немецкими колонистами в царствование императрицы Екатерины II. В 1797 г. в Сарепте под производство сарпинки было построено здание, в котором стали изготавливать полушелковое полотно, а также бумажные чепцы, платки и чулки [Фурман 2008: 156]. Позднее под сарпиночным промыслом понималась вся продукция, выпускаемая на предприятиях Саратовской губернии: «Ассортимент продукции насчитывал около 10 типов и сортов ткани: холст льняной (полотно), холст хлопчатобумажный, полушелковая, сарпинка, плис, сукно, канифас, плюш, вельвет, саржа хлопковая, бархат манчестерский, других видов текстильной промышленности» [Медведев

2002: 35–42]. По свидетельству А. Н. Доливо-Добровольской, автора работы о ткачестве, сарпинки благодаря прочности ткани и красок имели хороший сбыт [Доливо-Добровольская 1913: 536–537].

Широкая известность сарпиночного промысла дала основание М. Фасмеру связать слово *сарпинка* с городом Сарепта. В словарной статье *сарпинка* его значение толкуется как «полосатая или клетчатая хлопчатобумажная ткань из Сарепты» и сопровождается пояснением, давшим ученому основание соотнести название ткани с именем собственным Сарéпта — старинным названием Красноармейска, поселения, основанного немецкими колонистами в 1765 г. на Нижней Волге, на Сárпе (притоке Нижней Волги близ Сарепты) [Фасмер, III: 562].

Этимология М. Фасмера стала единственной и общепризнанной и повторена в [МАС, IV: 29; БАС, 13: 191; 24: 457–458]. Русские истоки лексемы видит В. Ф. Дизендорф, составивший «Словарь немецко-поволжского маркштадтского диалекта»: «Sarpínka (Sarpínke) < russ. > f (f, m) сарпинка (тонкая хлопчатобумажная ткань, изготавливаемая немцами Поволжья)» [Дизендорф, III: 18]. Гипотеза М. Фасмера попала также в научно-популярные издания. «В Сарепте, недалеко от Волгограда, когда-то выпускалась хлопчатобумажная ткань типа ситца, полосатая или клетчатая, и называлась она по месту изготовления сарпинкой. Сейчас никто в сарпинковых платьях не ходит, потому что у нас уже нет сарпиноткацкой промышленности и нет сарпиночников, работающих в производстве сарпинки», — писала Л. А. Введенская в научно-популярной книге для учащихся [Введенская 1989: 104].

Привлечение более широкого круга лексикографических источников, текстов художественной литературы не позволяет поставить точку в истории слова: в «Словаре русских говоров Приамурья» (М., 1983; Благовещенск, 2007) лексема *сарапин* (*сарапина*), *сарапинка* (*серапинка*), *сарапиночка* ‘легкая хлопчатобумажная ткань в клеточку или полоску; сарпинка’ указывает будто бы на китайское происхождение ткани. Это отражено и в иллюстрациях к словарной статье: *Сарапинка — самый китайский дешевый товар. В Китае покупали сарапинку пеструю. Она похожа на ситец. Сарапиночка — тонкая китайская ткань в клетку. Сарапинку ариинами брали, она в полоску бывает. На границе брали сарапиночку* [АС-2: 394]. Яркий образ китайской сарпинки найдем и в стихотворении дальневосточного поэта П. С. Комарова: «Как стих, без единой запинки / Читать наизусть я готов / Всю степь — до китайской сарпинки / Ее запоздалых цветов» («Как стих, без единой запинки...») [Комаров 1992: 106].

Чтобы подкрепить или опровергнуть гипотезу о заимствовании слова из китайского языка, необходимо обратиться к китайским источникам. Действительно, в Китае имеется такой вид текстиля, как лёгкая хлопчатобумажная или льняная ткань в полоску или в клетку, часто используемая для изготовления летней одежды или занавесок. Обращение к классическим лексикографическим трудам — «说文解字» («Шовэнь цзецзы») и «康熙字典» («Канси цзыдянь»), преимущественно содержащим общеупотребительную

лексику древнекитайского периода, показывает, что в них не зафиксированы термины «цветная полосатая ткань» и «клетчатая ткань». В пятом издании «Словаря часто употребляемых древнекитайских слов» — [古汉语常用字典] — термины «цветная полосатая ткань» 花条布 — (huā tiáo bù — хуа тiao бу) и «клетчатая ткань» 方格布 — (fāng gé bù — фан гэ бу) не являются отдельными словарными статьями. Их значения выводятся через комбинацию толкований отдельных иероглифов: 花 (huā) имел основное значение ‘цветок’, а впоследствии — ‘узор, орнамент’, применительно к тканям употреблялся в значении ‘материя с декоративными узорами’. Иероглиф 条 (tiáo) изначально обозначал ‘ветвь дерева’, позже — ‘длинная полоса’; в контексте тканей он может указывать на полосатый рисунок. Иероглиф 方 (fāng) имел основное значение ‘квадрат’, а в более поздний период — ‘правило, порядок’; применительно к тканям он часто указывал на квадратные или геометрические узоры. Иероглиф 格 (gé) первоначально употреблялся в значении ‘длинная ветвь дерева’, в более позднее время — ‘сетка, клетка’, относительно тканей он означал перекрещивающиеся линии, образующие клетки. Иероглиф 布 (bù) в древности обозначал ткани из конопли или луба, а позже — любые текстильные изделия. Указанные иероглифы отражают внутреннюю форму слова, характерную для китайского языка. Она становится ясной при переводе: 花条布 (huā tiáo bù) буквально переводится как ‘цветы’ + ‘полоса’ + ‘ткань’, 方格布 (fāng gé bù) — ‘квадрат’ + ‘клетка’ + ‘ткань’.

Стоит заметить, что в древности названиям тканей чаще соответствовали отдельные иероглифы. Например, 锦 — ‘парча с золотыми/серебряными нитями’ — это роскошная ткань, которая наиболее точно передаёт значение иероглифа 锦 — парча, 绣 — ‘вышитое изделие или художественная вышивка — вышивка’. Поэтому термины «цветная полосатая» и «клетчатая» ближе к описанию узоров, чем к официальным названиям. Термины 花条布 (huā tiáo bù), 方格布 (fāng gé bù) — это реконструкция современных описаний древних узоров, а не строгие исторические термины. Им соответствует слово *сарпинка*, известное в русском языке, что отражено и в переводном русско-китайском словаре: *сарпинка* — 花条布, 方格布 [РКС: 542].

Чжао Чэнцзэ, изучавший историю текстильного производства в Китае, сделал некоторые замечания о слове *сарпинка*. Он показал, что *сарпинка* не является словом древнекитайского языка, а представляет собой заимствование из русского языка (сáрпинка). Исследователь предположил, что это слово могло происходить от немецкого *Sarpinka* или *Sarpin*, которые, в свою очередь, восходят к голландскому или другим европейским языкам. Этим объясняется отсутствие данной единицы в китайских словарях. О ее заимствовании свидетельствует и тот факт, что как целое она не имеет явного разложения на корни или аффиксы, характерного для китайского языка [Чжао Чэнцзэ 1984: 265]. В работе Чжао Чэнцзэ ценным представляется замечание о заимствовании слова *сарпинка* из русского языка в китайский, но его указание на источник заимствования кажется сомнительным, т. к. слова

Sarpinka или *Sarpin* явно не соответствуют немецкой фонетической системе, да и в «Немецко-русском текстильном словаре» под редакцией К. Н. Масленникова и др. они ожидаемо отсутствуют [Масленников 1981].

В поисках истоков слова стоит обратиться к историческим словарям. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксировано *сарпатъ* в значении ‘полосатая или с иным рисунком редкая льняная ткань’ в документах XVII в.: *Полотно сарпату розными цвѣты царевичу Алексѣю Михайловичу на положекъ*. Савваитов, 124. 1629 г. *У палатки жъ и у намету ветръницы сарпат, сшиван полосами золото да серебро да шелки зеленъ да таусинень*. Оруж. Мих. Фед. 66, 1640 г. Источники датируются первой половиной XVII в. [СлРЯ XI–XVII, 23: 65]. В словаре В. И. Даля *сарпат* (или *сарпанат*) отсутствует, а в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, издававшемся с 1890 по 1907 г., он отмечен в значении ‘полосатая или клинчатая бумажная холстинка, серпанка, употреблявшаяся для занавес, пологов и т. п.’ с пометой «стар.» [Брокгауз, 28: 405]. Сведения из словарей В. И. Даля, Брокгауза и Ефрона указывают на почти полное забвение слова *сарпанат* (*сарпат*) в XIX в. Более употребительными оказались *холстинка*, *серпанка*, которые составили один синонимический ряд со словом *сарпанат*. Согласно В. И. Далю, *серпанка* — это ‘портяная или хлопковая рединка, грубое марли, для ветошенья мехов, а особенно на полога, от мух и комаров’ [Даль, IV: 178], т. е. по качеству близкая к сарпату (сарпанату). Лексема *серпѣянка*, *серпѣян* в значении ‘редкая льняная ткань’ отмечена М. Фасмером в русском языке, *серпѣнок* ‘кисея’, ‘головной убор женщин’ — в украинском, *sierpanka* ‘тонкая ткань, покрывало’ — в польском [Фасмер, III: 610].

Действительно, в украинском языке бытовали формы *сѣрпѣнок*, *сѣрпѣнка*, *серп’янка* ‘прозрачная ткань’ и устаревшее ‘женское покрывало на голову: очипок’ [ЕСУМ, V: 221]. Это же значение известно и в русском языке — ‘волосник, исподний чепец, под платок’ [Даль, II: 777], в белорусском — *сярпѣянка* ‘легкая хлопчатобумажная ткань редкого переплетения’, в словацком — *servianka* ‘женская одежда’, в польском — *sierpanka* ‘тонкая ткань, покрывало’ [ЕСУМ, V: 221].

В польском языке уже в XV–XVI вв. были известны формы слова *sierpanka*: *serpan*, *szerpanka*, *sarpanek* (мн. *sarpanki*, *serpanki*, *czierpanki*) ‘повязка на голову: тюрбан’; *sarpanka*, *rqbek* ‘тип женского платья, вид женского платья, летник’, *sarpanka* ‘некоторая часть крестьянского наряда (убора)’. С XVIII в. форма *sierpanek/sierpanka* стала употребляться в значении ‘тонкая ткань, как москитные сетки на окнах’ [Stachowski 2014: 515]¹.

Известно, что хлопчатобумажные ткани завозились на Русь еще в XIII в., и их наименования имели часто восточное происхождение [Чупонов 2020]. М. Фасмер объясняет слово *серпѣянка* (*серпѣян*) как заимствование из персидско-турецкого *särpänäk* ‘женский головной убор’, где усматривается

¹ Выражаем благодарность А. Е. Аникину за предоставленную информацию из словаря С. Стаховского.

наличие персидского *sär* ‘голова’ [Фасмер, III: 610]. Эта этимология была поддержана авторами-составителями украинского этимологического словаря. С. Стаховский также связывает происхождение слова с персидским языком, где *sarband* употреблялось в значении ‘лента, повязка на голове для закрепления волос, украшения головы’ (букв. *sar* ‘голова’ и *band* ‘повязка’). Однако в польский язык оно попало через османско-турецкое посредство: *serbent* ‘повязка на голове, тюрбан’ [Stachowski 2014: 515]. Этимологии, предложенные М. Фасмером и С. Стаховским, связаны не с названиями тканей, а с наименованиями вещей: *särpänäk* ‘женский головной убор’ (чепец) и *sarband* ‘лента, повязка на голове для закрепления волос, украшения головы’ (тюрбан), в которых первоначальный этимон восходит к персидскому *sär/sar* ‘голова’. Судьба слова *серпанка* в русском языке, судя по закрепленным в нем значениям, скорее всего, складывалась под влиянием польского языка (*сарпачь* — в старорусском, *серпанка* — в русском XIX в.).

«Словарь русских говоров Приамурья» наиболее полно демонстрирует, как название ткани *сарпачь* — *серпанка* закрепилось в фонетических вариантах *сарпачин*, *сарпачина*, *сарпачинка*, *серпачинка*. Эти лексемы обозначают ткань, известную в русском языке, судя по памятникам письменности, с XVII в. Но широкая известность хлопчатобумажного сарпачинного промысла связывалась с городом Сарепта (или рекой Сарпа), поэтому слово *сарпачинка* стало ассоциироваться с названием местности. Эти ассоциации оказались настолько сильны, что связь между *сарпачинкой* и *серпанкой* была утеряна. Не случайно и В. И. Даль, и М. Фасмер объясняли их в разных словарных статьях, хотя необходимо заметить: еще В. И. Даль усомнился в правильности объяснения происхождения слова *сарпачинка*, сопроводив ремарку «от Сарепты» знаком вопроса.

На Дальнем Востоке ткань, по качеству и текстуре не отличавшаяся от сарептской, привозилась из Китая и называлась привычным словом *сарпачинка* в его вариантах. Понималось это примерно так: сарпачинка из Китая — китайская сарпачинка, подобно тому, как ситец из Иваново — ивановский ситец, шелк из Бухары — бухарский шелк и т. п., т. е. названия давались по месту торговли или по месту производства.

Привлеченные нами лексикографические источники китайского и русского языков показывают, что ключ к истории слова дает, по верному наблюдению И. Г. Добродомова, «сочетание дополняющих друг друга филологических по своей природе методов исторической лексикологии в узком смысле этого термина с основанными на сравнительно-исторической лингвистике методами этимологии в правильном их согласовании» [Добродомов 1981: 78].

Таким образом, слово *сарпачинка* в славянских языках является персидско-турецким заимствованием, изначально от персидского *sär* (*sar*) ‘голова’, затем — от турецкого *särpänäk* ‘женский головной убор’ (чепец, сделанный из редкой льняной ткани) и/или *sarband* ‘повязка на голове, тюрбан’ (*sar* ‘голова’ и *band* ‘повязка’). Этимология, связанная с городом Сарепта

или рекой Сарпа, объясняется тем, что сарпинка была широко известна в России и ее стали производить в большом количестве. В районах Приамурья подобную ткань, привозимую из Китая, называли привычным словом *сарпинка*. В китайском же языке значения терминов «цветная полосатая ткань» 花条布 (huā tiáo bù — хуа тiao бу) и «клетчатая ткань» 方格布 (fāng gé bù — фан гэ бу) выводятся через комбинацию толкований отдельных иероглифов: 花条布 буквально переводится как ‘цветы’ + ‘полоса’ + ‘ткань’, 方格布 — ‘квадрат’ + ‘клетка’ + ‘ткань’.

С л о в а р и

АС-2 — Словарь русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск, 2007.

БАС 13 — Словарь современного русского литературного языка. С — сняться / Ред. Г. А. Галаванова и Ф. П. Сороколетов. М.; Л., 1962.

БАС 24 — Большой академический словарь русского языка / Ред. Л. И. Балахонова. Т. 24: Розница — Сверяться. М.; СПб., 2017.

Брокгауз 28 — Энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева. СПб., 1900.

Даль I–IV — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 2005.

Дизендорф III — В. Ф. Дизендорф. Словарь немецко-поволжского маркштадтского диалекта Т. 3. S–Z. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. И. Р. Плеве. Саратов, 2016.

ЕСУМ V — Етимологічний словник української мови. Т. 5 (Р–Т) / Редкол. О. С. Мельничук (голов. ред.) та ін. Київ, 2006.

МАС IV — Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А. П. Евгеньевой М., 1984.

Масленников 1981 — Немецко-русский текстильный словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. К. Н. Масленникова, Е. С. Шатровой, Р. С. Рабинович, О. А. Калининской, Г. Д. Зарубиной. М., 1981.

ООВС — Опыт областного великорусского словаря, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1852.

РКС — Новый русско-китайский словарь. Пекин, 2007.

СлРЯ XI–XVII 23 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23. Съ — сдымка / Гл. ред. Г. А. Богатова. М., 1996.

СРНГ 36 — Словарь русских народных говоров. Вып. 36 / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 2002.

Фасмер III — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 3 (Муза–Сят). 4-е изд., стер. М., 2003.

古汉语常用字典 — Словарь часто употребляемых древнекитайских слов. 5-е изд. Пекин, 2016.

Stachowski 2014 — St. Stachowski. Słownik historyczno-etymologiczny turcyzmów w języku polskim. Kraków, 2014.

Л и т е р а т у р а

Введенская 1989 — Л. А. Введенская, Н. П. Колесников. От собственных имен к нарицательным: Книга для учащихся старших классов средней школы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1989.

Добродомов 1981 — И. Г. Добродомов. Этимология и историческая лексикология (к изучению болгарских заимствований в славянских языках) // Этимология 1979. М.: Наука, 1981. С. 75–92.

Доливо-Добровольская 1913 — А. Н. Доливо-Добровольская. Ткацкое производство // Кустарная промышленность России. Разные промыслы в очерках. Т. 1. СПб.: [Б. и.] 1913. С. 495–570.

Комаров 1992 — П. С. Комаров. Избранное. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1992.

Медведев 2002 — В. Н. Медведев, Е. В. Хрипун. Сарпиночный промысел колонии Сарепты в XVIII–XIX вв. // Сарепта и народы Поволжья в истории и культуре России. Волгоград, 2002. С. 35–42.

Фурман — Е. Л. Фурман. Кооперативное производство сарпинки в немецких поселениях Поволжья // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2008. № 1 (13). С. 156–162.

Чжао Чэнцзэ 1984 — Чжао Чэнцзэ. История науки и техники текстильного производства Китая. Пекин: Наука, 1984.

Чупонов 2020 — О. О. Чупонов. Названия тканей и украшений в посольских книгах по связям России с Хивой и Бухарой XVII в. // Ўзбекистонда хорижий тиллар. 2020. № 2 (31). С. 41–56.

Ястребова 2023 — О. М. Ястребова. Персидские и русские названия тканей, ввозившихся в Россию из Ирана в первой половине XVII в., в росписях товаров и дипломатических даров // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 1. С. 22–42.

Статья получена 28.07.2025

Ju Haina

Zhejiang Oceanic University
(Zhoushan, Zhejiang Province, China)
497719778@qq.com

Lyubov L. Kryuchkova

Blagoveshchensk State Pedagogical University
(Blagoveshchensk, Russia)
llkr@mail.ru

A WORD AND A THING: FROM THE HISTORY OF THE WORD *SARPINKA* ‘THIN STRIPED OR CHECKERED COTTON FABRIC’

This article discusses the history of the word *sarpinka*, which is rarely used today, but was previously widely known in the meaning of “thin striped or checkered cotton fabric”. It was considered to have originated from the toponyms *Sarepta* (city) or the *Sarpa* River. But in the Far Eastern dialects of the Amur region, the word *sarpinka* was associated with China. Based

on a research of Chinese sources, we established that a fabric similar to *sarpinka* was indeed imported into the border regions of Russia, but it had other names. Further research into the history of the word has shown that another hypothesis can be proposed: the word *sarpinka* is a Persian-Turkish loanword, originally derived from Persian *sār* (*sar*) 'head', then from Turkish *särpänäk* 'women's headdress' (made of rare linen fabric) and/or *sarband* 'headband, turban'.

Keywords: fabric, *sarpinka*, etymology, Russian lexicography, Chinese lexicography.

References

- Chengze, Zhao (1984). *Istoriia nauki i tekhniki tekstilnogo proizvodstva Kitaia*. Beijing: Science.
- Chuponov, O. O. (2020). Nazvaniia tkanei i ukrashenii v posolskikh knigakh po sviaziam Rossii s Khivoi i Bukharoi XVII v. *Uzbekistonda khorizhii tillar*, 2 (31), 41–56.
- Dobrodomov, I. G. (1981). Etimologiya i istoricheskaya leksikologiya (k izucheniiu bulgarskikh zaimestvovaniy v slavianskikh iazykakh). *Etimologiya* 1979, 75–92.
- Furman, E. L. (2008). Kooperativnoe proizvodstvo sarpinki v nemetskikh poseleniiakh Povolzhia. *Vestnik VolGU, Seriya 4, 1(13)*, 156–162.
- Komarov, P. S. (1992). *Izbrannoe*. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Medvedev, V. N., & Khripunov, E. V. (2002). Sarpinochnyi promysel kolonii Sarepty v XVIII–XIX vv. In *Sarepta i narody Povolzhya v istorii i kulture Rossii* (pp. 35–42). Volgograd.
- Vvedenskaya, L. A., Kolesnikov, N. P. (1989). Ot sobstvennykh imen k naritsatelnykh: Kniga dlia uchashchikhsia starshikh klassov srednei shkoly (2-e izd., ispr. i dop.). Moscow: Prosveshchenie.
- Yastrebova, O. M. (2023). Persidskie i russkie nazvaniia tkanei, vvozivshikhsia v Rossiiu iz Irana v pervoi polovine XVII v., v raspisiakh tovarov i diplomaticheskikh darov. *Vestnik SPbGU. Vostokovedenie i afrikanistika*, 15/1, 22–42.

Received on July 28, 2025

М. В. БОБРОВА

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
bomaripgu@yandex.ru

Ю. В. ЗВЕРЕВА

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Пермь, Россия)
zv.ul@mail.ru

ОБ ОДНОЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАГАДКЕ: ДИАЛ. *СЫРЧАТЫЙ*

Статья связана с проблемами этимологизации диалектных слов. Представлены версии происхождения слова *сырчатый*, отмеченного В. И. Далем как сомнительное в значении 'квадратный' и имеющего немногочисленные фиксации в текстах XVII в., посвященных описанию печей, и в региональных записях, преимущественно пермских. Во внимание принималась возможность присутствия в анализируемой лексеме суффикса *-ат-* или *-чат-*, что обуславливает акцентологический вариант слова и суффиксальную осложненность/неосложненность производящей основы (*сырч-áтый* либо *сы́р-чатый*). С учетом ареала распространения диалектизма рассмотрены гипотезы его финно-угорского (из удмуртского, коми-зырянского или коми-пермяцкого языка), тюркского и собственно русского происхождения. Сделаны выводы о том, что 1) наиболее убедительно собственно русское происхождение данного слова; 2) предположительно существовали омографичные лексемы *сы́рчатый* 'квадратный' и *сырча́тый* 'изготовленный из кирпича-сырца' (истолкованная как 'квадратный' в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»); 3) вероятна исходная семантика слова *сы́рчатый* 'такой же формы, как приспособление для изготовления (отжима) «сыра» (творога)', на основе которой развилось значение 'четырёхугольный, с прямыми углами', 'квадратный, равно-сторонний', а далее оттенок семантики — 'четырёхугольной (прямоугольной, квадратной) формы в основании или в сечении'.

Ключевые слова: диалектология, верификация словарных данных, этимология, сырчатый.

Одно из крайне значимых направлений работы лексикографов связано с верификацией данных. Оно предполагает главным образом опору на дополнительные сведения, в том числе экстралингвистические, а иногда — на этимологические и историко-лингвистические разыскания. В настоящем случае наше внимание привлекло диалектное слово *сы́рчатый*. Оно подано в словаре В. И. Даля со знаком вопроса и с пометой «перм.» («пермское»), относящей слово к интересующему авторов статьи региону. Это обстоятельство побудило нас к поиску решения очередной лингвистиче-

ской загадки. При этом мы не преследуем цели дать окончательный ответ на вопрос о происхождении данной лексемы. Малочисленность фиксаций дает возможность (по крайней мере, на текущий момент) лишь наметить ряд версий, обладающих разной степенью убедительности.

Фиксации слова *сырчатый*

Вероятно, первые фиксации слова относятся к XVII в. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» содержится статья *сырчатый* с толкованием ‘четырёхугольный’; оно сформулировано с опорой на словарь В. И. Даля и [СРНГ] и сопровождается иллюстрациями, описывающими печи в царских дворцах. Такое толкование принято и современными исследователями, ср.: «В старинных документах среди разных типов печей упоминаются “двоечельные”, “сырчатые” и “покущатые”... **Сырчатые** печи — это прямоугольные в плане печи, противоположность круглым» [Козлов 2016: 217]. Однако историк И. Е. Забелин, автор труда «Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.», иначе объяснял данное понятие, не отождествляя его с четырехугольной формой: «Печи ставились четырехугольные и круглые, также *сырчатые*, в виде сыра тогдашней формы...» [Забелин 1862: 116]. К такому пониманию лексемы мы вернемся позднее.

Фиксации этого слова в указанном значении появляются с середины XIX в. Оно представлено в «Собрании простонародных слов, употребляемых в Пермской губернии» П. Огарева [1848] с толкованием ‘квадратный’. Затем эти сведения были использованы в «Опыте областного великорусского словаря» с примерами: *Стекло сырчатое. Горница сырчатая* [Опыт 1852: 224]; повторены в сводном «Словаре русских народных говоров» [СРНГ, 43: 169].

Анализируемая лексема встречается в архивном документе неизвестного автора, созданном предположительно в период между 1855 и 1862 гг. и посвященном этнографическому описанию жителей Курашимского заводского поселения, которое располагалось в Пермском уезде Пермской губернии. Она употреблена при описании сохи: «...Высота рассохи от 5 до 6 четв. [четвертей]. Верхний конец ее вдалбливается в середину березового рогаля, имеющего вид **сырчатый** в 3 вершка, а концы его или рога закругленные, и, в середине, несколько загнутые; все они длиною в 1 аршин», — и сопровождается комментариями составителей монографии: «**Сырчатый** (перм.) — квадратный, прямоугольный. Поскольку приведена только одна величина, 3 вершка, то можно сделать вывод, что в данном случае рогаль имел квадратное сечение» [Черных и др. 2021: 100].

В словаре В. И. Даля к вокабуле этой лексемы поставлен вопрос, и она снабжена дефиницией ‘четвероугольный, квадратный’, а также пометой «пермское» [Даль 4: 683].

Позднее это слово обнаруживается в тематическом словаре названий одежды Пермского края, в котором использованы данные картотеки «Сло-

варя русских говоров севера Пермского края»¹, создававшейся преимущественно на материалах диалектологических экспедиций 1960–1980-х гг. Интересующее нас прилагательное зафиксировано в сочетании *сы́рчатый плато́к* ‘платок квадратной формы’: *Сырчатой платок во все стороны одинаков* (Черд. Перм.) [ТСЛО 2019: 249].

В «Словаре пермских говоров» представлены лексемы, сходные по звучанию: *сыргáтый* ‘имеющий цилиндрическую форму’ (*Раньше-то вёдра были большуице, сыргатые* (Черд. Перм.)) и *ши́рчатый* ‘квадратный’ (*На ширчатый ящик рожь раскладывали. Ширчатый — одиноковой в длину и ширину* (Соликам. Перм.)) [СПГ, 2: 430, 553]. В первом случае можно предположить, что составителем словарной статьи была допущена распространенная ошибка, и рукописная буква *ч* была неверно идентифицирована как *г*. Допускаем, что и ударение также было указано ошибочно — вместо *сы́рчатый*. Контекст со второй лексемой (*ши́рчатый*) записан в Соликамском районе Пермского края, где довольно типично шепелявое произношение звука [с]; поэтому наиболее вероятно, что и здесь перед нами прилагательное *сырчатый*, но искаженное собирателем. Впрочем, форма с начальным «ш» нашла отражение ранее в дополнении к «Опыту областного великорусского словаря» с пометой «пермское»: *ши́рчатый* ‘четырёхгранный’ [Доп. Опыт 1858: 307], — что косвенно указывает на легитимность и этого фонетического варианта. Но и в таком случае, полагаем, необходимо сразу признать вторичность варианта с *шир-* и отказать анализируемому слову в наличии отношений производности с лексемами *широкий*, *ширь*, что, однако, не исключает возможной ассоциативной контаминации «темного» слова *сырчатый*, обозначающего форму предмета, с понятиями того же тематического поля *ширина*, *широкий*.

В то же время в принадлежности к данной группе слов следует, вероятно, отказать лексеме *широгáтный* ‘имеющий отростки в виде рогулек’ (*Веточка одна, а потом отростели широгатные* (Октябр. Перм.)) [СРГЮП, 3: 398], внутреннюю форму которой прояснит вычленение корня *-рог-* с предшествующим древним префиксом *ши-*, способным транслировать не только экспрессивность, но и в целом значительную степень выраженности признака (множественность, длительность, избыточность, энергичность и т. п.)². Мы полагаем, что *широгáтный* означает ‘имеющий многочисленные отростки, ответвления’.

Поэтому можно было бы считать рассматриваемое слово единицей, уникальной именно для пермского региона, но оно обнаруживается в «Сло-

¹ Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края» хранится на кафедре теоретического и прикладного языкознания филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

² Подробнее о префиксах *ша-*, *ше-*, *ши-*, *шо-*, *шу-*, в частности об их интенсифицирующей функции, см., например, работы [Мокиенко 1972; Бјелетић 2006: 75–83; Журавлев 2022].

варе вологодских говоров» с дефиницией ‘четырёхугольный, квадратный’, а также в сочетании, называющем, по мнению авторов, зыбку особого вида — раздвижную. Однако в предложенном контексте: *У соседки-то зыбка сырчатая. Пока ребёнок-то маленький, дак зыбка маленькая, а подрастёт, дак побольше раздвинут* (Волог.) [СВГ, 10: 178] — слово *сырчатый* не обладает семой ‘раздвижной’: вторая часть высказывания не уточняет значение интересующей нас лексемы, а лишь описывает устройство упомянутой информантом зыбки. На это указывают результаты исследований этнографов, которые отмечали большое разнообразие колыбелей по конструктивным особенностям и материалу изготовления, но не фиксировали типа раздвижных зыбок, а вместе с тем и особых наименований для них [Покровский 1884; Баранов 1995; Головин 2001].

Согласно историческим источникам, дети спали в колыбелях 1–2 года [Баранов 1995: 240], редко — до 5 лет [Покровский 1884: 176]; зыбки имели фиксированную длину: около 5 четвертей (примерно 0,9 м) [Там же: 176], 1,5 аршина (около 1,05 м) [Забелин 1915: 55]. Этноопределяющими для русской традиции оказываются, во-первых, тип установки колыбелей (подвесные) и, во-вторых, их форма: очень редко это овал, главным образом — прямоугольник, иногда — переходный тип прямоугольника со скругленными углами. Иными словами, традицией не предполагалась возможность трансформации колыбелей — «дома» с четко заданными параметрами.

Так косвенно подтверждается, что именно признак формы, а не способность раздвигаться, был заложен в вологодской лексеме. Этот фактор позволяет иначе взглянуть и на данные «Словаря пермских говоров». На наш взгляд, в высказывании: *Раньше-то вёдра были большущие, сырчатые* (Черд. Перм.) — актуализируется значение (точнее, его оттенок) не ‘цилиндрический’, а ‘четырёхугольный (прямоугольный, квадратный) в сечении’.

Обобщив наблюдения, приходим к возможности уточнить набор сем в анализируемой лексеме и далее скорректировать ее дефиницию. Мы склоняемся к мнению, что слово *сырчатый* указывало на форму атрибутируемых предметов, использовалось, вероятно, в значении ‘четырёхугольный’, ‘квадратный, равносторонний’, но могло также выступать с оттенком семантики — ‘четырёхугольный (прямоугольный, квадратный) в основании или в сечении’.

Морфемный состав слова *сырчатый*

Обратим также внимание на морфемный состав лексемы, поскольку при этимологизации лексики важно ее аффиксальное оформление.

В слове *сырчатый* усматривается либо суффикс *-чат-*, либо суффикс *-ат-*. В «Академической грамматике — 80» отмечается, что «прилагательные с суф. *ат...* имеют значение “характеризующийся внешним признаком, названным мотивирующим словом”» [АГ, 1: 291]. Мотивиру-

ющие существительные — «немотивированные преимущественно со знач. части тела или какого-либо отличительного телесного признака. ...<Э> тот тип отличается отсутствием в большинстве случаев оттенка интенсивности признака»³. Наиболее существенно то, что в таких словах «ударение — на суффиксе, независимо от ударения мотивирующего слова» [АГ, 1: 291; Лопатин, Улуханов 2016: 283] (ср. *борода́тый, носáтый, кудла́тый* и под.). Однако с учетом специфики разговорной речи, где возможны отклонения от литературной нормы (ср. *зубча́тый* и разговорное *зубчатый*), не исключается возможность присутствия в слове *сырчатый* безударного суффикса *-ат-*.

«Прилагательные с суф. *чат* (фонемат. [чат]) имеют общее значение “относящийся к предмету, названному мотивирующим словом”, преимущественно более конкретное знач. “обладающий внешним признаком, названным мотивирующим словом”» [АГ, 1: 292]. Выделяются и другие смысловые оттенки: ‘сделанный из того, что названо этим словом’ и (особо подчеркнем это в связи с общим значением слова *сы́рчатый*) ‘имеющий вид, форму того, что названо мотивирующим словом’ (*коробча́тый, скорлупча́тый, репча́тый*)⁴. Ударение разноместное [Там же].

³ Ср. также замечания В. В. Виноградова [1986: 180] и данные «Словаря словообразовательных аффиксов...»: значение суффикса *-ат(ый)* — признак (преимущественно внешний), характеризующийся отношением к предмету или признаку, названному мотивирующим словом. Может реализовывать значения словообразовательных типов: 1) признак (преимущественно внешний), характеризующийся наличием того или свойств того, что названо мотивирующим существительным, включая значения а) «имеющий то, что названо мотивирующим существительным (преимущ. при мотивации названиями частей тела), в т. ч. с дополнительным компонентом интенсивности признака», б) «имеющий свойства того, что названо мотивирующим существительным»; 2) характеризующийся действием, склонный к действию, названному мотивирующим глаголом, 3) содержащий в некоторой степени признак, названный мотивирующим прилагательным [Лопатин, Улуханов 2016: 282–283].

⁴ Ср. также замечания В. В. Виноградова [1986: 180–181] и данные «Словаря словообразовательных аффиксов...»: значение суффикса *-чат(ый)* — признак, характеризующийся отношением к предмету или признаку, названному мотивирующим словом. Может реализовывать значения словообразовательных типов: 1) признак (преимущественно внешний, физический), характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим существительным, включая значения а) «имеющий то, состоящий из того, что названо мотивирующим существительным», б) «похожий на то, имеющий внешние отличительные свойства того, что названо мотивирующим», в) «сделанный из того, что названо мотивирующим»; 2) имеющий то, что названо в опорном компоненте сложения и уточнено первым компонентом; 3) характеризующийся действием, склонный или способный к действию, названному мотивирующим глаголом; 4) состоящий из стольких однородных частей, предметов, сколько названо мотивирующим числительным [Лопатин, Улуханов 2016: 690–692].

Эти сведения указывают на то, что наиболее вероятно образование анализируемого слова с помощью суффикса *-чат-*, в связи с чем особую значимость приобретает информация о том, что у таких прилагательных «мотивирующие — неодушевленные существительные, немотивированные, а также с суф. морфами *ец, иц(а), ок, к(а), инк(а), ушк(а), ышк(а)*», «перед суффиксом чередуются $|к — ч|$ и $|ц — ч|$, причем конечная согласная $|ч|$ мотивирующей основы, следующая после согласной, совмещается с начальной $|ч|$ суффикса: *губка — губчатый, столбец — столбчатый...* Отсекаются финалы основ мотивирующих слов $-и|j|$ и $|j|$: *материя — матерчатый, хлопья — хлопчатый*; финаль *ин(а)* отсекается в *крапина — крапчатый*», ударение в прилагательном может быть разноместным [Там же].

Как следствие, предпочтительной является производность анализируемой лексемы от существительного с помощью суффикса *-чат-*, тогда как производность с помощью суффикса *-ат-* менее убедительна. Гипотетическое производящее существительное может иметь вид **сыр, *сырэц, *сырица, *сырка, *сырок, *сырья* и др. Кроме того, грамматическими особенностями задаются возможные словообразовательные связи анализируемого слова с гипотетическими производящими основами.

Оценим далее различные версии происхождения данной лексемы.

Версии заимствованного происхождения слова *сырчатый*

а) Версии финно-угорского происхождения

Условия ограниченного ареала распространения и наличие вариантов с начальным *и-* позволяют допустить возможность иноязычного происхождения анализируемого слова. Наиболее вероятный источник для пермских и в целом северно-русских материалов — финно-угорские языки; в Пермском крае это коми-пермяцкий, а также коми-зырянский или удмуртский языки. Однако сколько-нибудь надежных соответствий (с корневыми элементами *сыр-/сөр-/сёр-*) обнаружить не удастся. Самыми близкими по звуковой и семантической (внутренней) форме оказываются единицы, обозначающие ‘угол’ (ср. удм. *сэрег* [НКУЯ], коми-з. *сэрөг* [Савваитов 1850: 186, 474; КРС 2000: 624]), но они имеют ударный гласный, который лишен фонетических условий для перехода в ударный [ы].

В пермских языках встречаются слова с корнем *-сыр-*, ср. коми-з. *сырийсь* ‘бахромчатый’, *сырья шаль* ‘бахромчатая шаль’ [КРС 2000: 619], но связь с ними рус. *сырчатый* также крайне маловероятна в силу специфики семантики.

Совершенно ненадежной выглядит гипотеза о производности слова *сырчатый* от заимствования из пермских языков *сырп* (**сыр(н)чатый*). Если в семантике все-таки можно выделить некие смысловые пересечения, то поиск диерезы (здесь — выпадения [п]) представляется неоправ-

данным. Лексема *сырп*⁵ известна в мансийском и пермских языках как название одного из видов плавных сетей [Попов 1955: 7, 8; Kálmán 1961: 264; ССКЗД 1961: 354; КЭСЛЯ 1999: 269; КРС 2000: 619], предназначенных для ловли крупной рыбы и имеющих ячеи (т. е. *квадратные* промежутки между переплетающимися веревками) большого размера, причем в русских говорах аналогичное заимствование встречается именно на территориях контактирования с финно-уграми: *сырп* ‘сеть в виде мешка с двумя тетивами’, «на р. Косьве» (Пермская губерния) [Наумов 1874: 36], ‘сеть в виде мешка с двумя тетивами’, «перм.» [Даль, 4: 683], ‘вязанная из ниток (обычно конопляных) рыболовная сеть в виде широкого мешка длиной 3–4 метра, с прикрепленными у входа в мешок двумя шестами’, ‘разновидность такой сети, отличающаяся меньшими размерами ее и ячеек, используемая обычно при ночной ловле рыбы меньшим числом рыбаков’ (Красновишер. Перм.) [СГДА, 5: 170]. Однако сочетание согласных разного места образования [р, п, ч], хотя и редко в русском языке, но вполне устойчиво, ср., например, в литературном языке *терпче*, *страстотерпческий*.

б) Версии тюркского происхождения

Интерес представляют данные тюркских языков, т. к. на территории Пермского края русские контактировали также с татарами и башкирами, хотя это взаимодействие было менее тесным и лингвистически менее продуктивным, чем с финно-уграми.

Обращают на себя внимание, в частности, лексемы *сыр* ‘одна из параллельных черточек, линий, полос, гофр’, одним из дериватов ее в древнетатарском языке было *сырчы*, в татарских диалектах *сира*, *сирэ*, *сыйра* ‘ряд; раз, еще раз, повторно’ (ср. также тур. *sıralı* (*сира*) ‘параллельные (линии)’ и азр. *сура* ‘ряд’, которое Рясянен возводит к греческому *σῆρα* ‘ряд’) (см. [Ахметьянов, 2: 164]). В современном татарском языке *сыр* — ‘1) нарезка, резьба; 2) линия, складка; 3) узор’ [Сабиров 2008: 204]. В этом ряду далее оказывается производное слово *сырт*: «Существительные, образованные с суффиксом *-т*, обозначают лицо или предмет, характеризующиеся признаком, указанным в основе: *сырт* “хребет” от существительного *сыр* “грань”...» [Салахова 2007: 92]. Оно широко распространено в тюркских языках в значениях ‘холм, возвышенность; возвышение постепенное’ [ЭСЧЯ, 2: 32], ‘задняя часть; спина’, ‘наружная часть; сторона’, ‘возвышенность, бугор, холм’ [Радлов, 4: 646–647], ср. также каз. совр. *сыртта* ‘вне дома’ [КРРКС 1995: 429], мар. диал. *сырт* ‘хребет, гора, удлиненная возвышенность’, *сұрт* ‘гора, бугор, возвышенность’ [СМЯ, 6: 358–359, 343])⁶.

Лексема *сырт* закрепились в русском языке, но в региональном употреблении, ср.: ‘название ровной или слегка волнистой поверхности в го-

⁵ См. об этимологии слова [ЭДС 2019: 764].

⁶ См. об этимологии слова [ЭДС 2019: 765].

рах Средней Азии или широких плоских возвышенностей в Заволжье, служащих пастбищами' [МАС, 4: 327]; «Сырт — вытянутая, невысокая, плоская возвышенность; водораздельная гряда, междуречье; широкая и пологая гряда, увал со сглаженными формами... Термин давно вошел в научную литературу в значениях: “плоская возвышенность”, “увалистая равнина”, “широкий плоский водораздел” в Заволжье; “ровные или волнистые слаборасчлененные поверхности” в высокогорном поясе Тянь-Шаня и Памира — свидетели новейших тектонических поднятий; “поверхность выравнивания”; “равнина на горных хребтах”; “широкое альпийское плато”» [Мурзаев 1984: 379]. Как географический термин слово проникло в белорусский [ТСБМ, 5, кн. 1: 435] и украинский [СУЯ, 9: 203] языки; «...слово *сырт* присутствует в болгарском языке, оно отвечает значениям: “гребень горы, водораздельная линия гор”, что указывает на его заимствование из турецкого» [Мурзаев 1982: 121]. «Мы вправе датировать присутствие слова *сырт* в русских говорах первоначально Нижнего и Среднего Поволжья концом XVIII — началом XIX века» [Там же: 122]. Ср. более поздние фиксации: *сырт* ‘гребень, горная гряда’, ‘возвышенность, разделяющая притоки двух рек или водоемов, водораздел’ [Даль, 4: 386] (сам В. И. Даль очень часто прибегал к этому слову в толкованиях и использовал его в своем труде не менее 30 раз), ‘возвышенность, гряда, цепь холмов, плоская возвышенность, покрытая густой травой’ (р. Урал) [Малеча, 4: 225], ‘возвышенное место поля’ (Астрах.) [СРНГ, 43: 168], ‘надел земли вдали от села’ (Краснослобод. Пенз.) [СРГМ 2002: 188]. Отсутствие аналогичных лексических образований в иных славянских языках (помимо болгарского с донором — турецким), полагаем, свидетельствует о том, что слово было заимствовано в русский именно из тех языков, с которыми осуществлялись узколокальные контакты (вероятнее всего, из татарского).

Думается, понятийные связи «черта, линия» — «грань» — «граница» — «участок земли, угодье» способствовали закреплению заимствованных единиц и развитию гнезда слов. Вместе с тем история заимствования *сыр(т)* в русском языке не оставляет места для более или менее надежных версий причин и даже возможностей закрепления на пермской территории семантики, связанной с указанием на признак формы (‘квадратный’), а затем образования на этой базе прилагательного.

Версии собственно русского происхождения слова *сырчатый*

Обратимся далее к версиям о собственно русском происхождении анализируемого слова.

а) Гипотетический этимон — *сыр* ‘надел земли’

Гнездо слов с данным корнем обнаруживается во многих областных словарях: *сыр* ‘участок земли для строительства дома’ (Волог.) [СВГ, 10:

177], ‘крестьянская усадьба’, ‘приусадебный участок, занятый овощами’, ‘приусадебный участок, где растет трава для покоса’ (Яросл.) [ЯОС, 9: 94], ‘отдельный участок земли (обычно при переделе земли)’ (Арх., Tobол.), ‘участок земли с домом, хозяйственными постройками, огородом и садом; усадьба’ (Яросл., Волог.), *сыро́к* ‘небольшой участок пахотной земли в лесу’ (Арх.), *сыры́* ‘полоса поля около деревни, которая дается в добавление к усадьбе’ (Влад.) [СРНГ, 43: 146, 163, 169], *сы́рник* ‘огород’ (Вят.) [ОСВГ 2023: 1124], *сыровóй участок* ‘крестьянская усадьба’ [ЯОС 9: 94], *осы́рок* ‘земельный участок с домом, хозяйственными постройками, огородом, садом; усадьба’ (Вят., Киров., Костром., Мар. АССР), ‘приусадебный участок’ (Вят., Киров., Волог., Костром., Горьк.), ‘место, занимаемое хозяйственными постройками’ (Киров.), ‘часть усадебной земли, занятая под огородом’ (Волог., Киров., Мар. АССР), ‘огород на низком месте’ (Новосиб.), ‘часть крестьянской усадьбы, где находится ток для молотьбы и овин’ (Вят.), ‘участок леса’ (Мар. АССР) [СРНГ, 24: 100], *подсы́рок* ‘усадьба, приусадебный участок’ (Яросл., Волог.) [Там же, 28: 210], *усы́рок* ‘участок, на котором расположены дом с хозяйственными постройками, огород, сад; усадьба’, ‘огород’ (Волог.) [Там же, 48: 133] и др. В данный ряд встраивается гипотеза И. А. Бодуэна де Куртенэ, который при подготовке третьего издания словаря В. И. Даля предложил читателям свою версию происхождения слова *сы́рчатый*, сопроводив его отсылкой: «Ср. 3. Сыр». У этого существительного определены следующие толкования: ‘участок, клин леса, отведенный смолокурам’ (Арх.), ‘у землекопов, земля в кубической мере, материком, не пересыпанная, в пласту. Рядятся в земляных работах *сыром*, за мету очищенного простора, а не за высыпанную, в которой меры на половину более’ (статья завершена обратной отсылкой «См. *сырчатый*») [Даль, 4: 683].

О. Н. Мораховская высказала мнение о мотивации лексемы *сыр* ‘пласт земли’ тем фактом, что земля «в естественных условиях пропитана влагой», и развила эту мысль: «Учитывая сакральную отмеченность признака ‘сырой, влажный’, решающее значение различных жизненных соков и выделений в продолжении жизни, в плодородии в самом широком смысле⁷, можно понять употребление слова *сыр* в значении ‘место под домом и хозяйственными постройками’ как реликт этой отмеченности» [Мораховская 1996: 164]. Можно, однако, предположить, что исторически данное гнездо слов не связано с этимолом *сыр(ой)*, который чаще актуализируется семами ‘не подвергшийся варке, кипячению, жарению и т. п. (о продуктах питания)’, ‘не обработанный, не отделанный’, ‘насыщенный влагой в той или иной степени’, ‘не сухой’ и который сопоставляют с лексикой родственных языков, называющей различные вкусовые оттенки [Черных, 2: 221–222; Фасмер, 3: 819]; ср. с тем фактом, что сема ‘сырой, влажный’ реализуется в перечисленных словах редко, скорее в силу поздней аттракции корней (хотя

⁷ Здесь автор ссылается на работу [Байбурин 1983].

в [СРНГ], например, лексика со значениями ‘не обработанный’ и ‘участок земли’ не разводятся как омонимичные). В равной степени сомнительна связь данных слов с рассмотренным выше тюркским географическим термином *сыр(т)*: на это указывает преимущественно северное распространение лексики. Вместе с тем обратим внимание, что и здесь ни в одном из многочисленных случаев фиксации слов этого гнезда не возникло указаний на то, что ими номинируется участок земли какой-либо формы и это могло бы послужить семантическим сдвигам, которые привели бы к появлению слова *сы́рчатый* с соответствующим значением (‘четырехугольный’, ‘квадратный’). Но не результат ли это погрешностей семантизации?

Ср. приведенные выше диалектизмы, называющие участки земли, а кроме того дефиницию, на основе которой в [СРНГ] для лексемы *сыр* было предложено толкование ‘отдельный участок земли (обычно при переделе земли)’: «Сыр — известное пространство земли, назначенной к измерению» (Арх.), из материалов И. И. Срезневского [СРНГ, 43: 146–147]. Как видится, все наименования наделов указывают на конкретность их целевого назначения. Не открывается ли в сопоставлении с другими данными возможности понимать *сыр* как ‘определенный участок (с известными границами и целевым назначением), надел, угодье’ и далее толковать *сы́рчатый* как ‘обладающий определенной формой (такой, как сыр — надел, угодье)’, а уже вследствие этого как ‘обладающий определенной (прямоугольной) формой’? Впрочем, при такой этимологизации очевидна чрезмерно высокая роль допущений. Неубедительность данной гипотезы усиливается благодаря тому факту, что анализируемое слово *сы́рчатый* имеет преимущественно пермские фиксации, в то время как слова рассмотренной группы пермской привязки не имеют.

б) Гипотетический этимон — сырѣц ‘необожженный кирпич’

Вне диалектных высказываний слово *сырчатый* (сразу подчеркнем: без акцентуации в силу отражения в исторических документах) обнаруживается исключительно в текстах XVII в. в отношении печей, причем покрытых изразцами (в приводимых цитатах буква «ять» заменена буквой «е»): «...велено подрядить сделать въ селе Преображенском в новую съезжую избу 2 печи зеленыхъ, **сырчатыхъ**, да въ малую светлицу сделать ценинная круглая, да въ нижнихъ житяхъ 2 печи зеленыхъ, **сырчатая** да круглая, а к темъ деламъ купить к 3-мъ печамъ ценинныхъ обрасцовъ...» [Сборник 1872: 365], «...уговорился сделать въ хоромахъ государынь царевенъ въ комнатахъ да въ крестовой четыре печи ценинныхъ круглыхъ, да въ мыленке печь ценинную жъ; да под теми хоромами въ подклетахъ и въ теплыхъ сеняхъ четыре печи зеленые **сырчатые** двоечельные... мастер Ивашка Де-нежка», «велено купить подъ избушку, где живутъ спальники царя Іоанна Алексеевича, вместо старой ценинной печи, зеленую сырчатую...», «...велено купить в починку дву печей ценинныхъ **сырчатыхъ** в передней да в казенной комнате... 20 образцовъ ценинныхъ, возъ глины» [Забелин 1862:

423, 445, 446], «печь ценинная **сырчетая** ветхая, лавки с опушки» [Забелин 1895: 478].

Достаточно надежной видится связь анализируемого слова с лексемой *сыре́ц*, которой называют сырье, полуфабрикаты, не до конца выделанные или неочищенные продукты [ССРЛЯ, 14: 1364; МАС, 4: 326]⁸. В настоящем случае наиболее перспективно сближение данного слова с наименованием необожженного кирпича. Вероятно, в силу высокой употребительности глиняных кирпичей при строительных работах их названия были распространены и на другие материалы, в первую очередь на плашки (обычно дубовые), из которых изготовлялись полы (своего рода паркет), причем в значении ‘четыреугольная или квадратная плашка для настилки пола’ сначала стали использовать обозначение такого готового бруска (*кирпич*), а затем и необожженного полуфабриката (*сырец*). Ср. в документах XVII в.: «...печи ценинныя круглыя; полы вымощены кирпичомъ дубовымъ», «...переправливали старый дубовый кирпичный пол, а худые кирпичи вон выметывали, а в то место клали новый дубовый кирпич...», «...в новой комнате дощатый пол вынимали, а в то место настилали дубовым кирпичом...» [Забелин 1862: 388, 436], «...полы насланы сырцами дубовыми...», «На острове ж амбар... В нем запасов: железа 1901 пуд связаного... 1600 сырцов дубовых правленных, 59 рогож рядных», «В олতারе и в церкви и в трапезе пол наслан сырцами дубовыми...» [Забелин 1895: 505, 517, 523] и т. п. (см. также [СлРЯ XI–XVII, 7: 136; 29: 144] др.). В этом случае возникает пара: *сыре́ц* ‘кирпич’ > *сырча́тый* ‘в форме кирпича, прямоугольный’, — которая вместе с тем не объясняет развития значения ‘квадратный’, правомерного для «паркета», но не для печей, чаще прямоугольных.

Обратим внимание на такие факты: «Кирпич-сырец для царских печей использовался отнюдь не от бедности. Скорее всего применение “кирпича-сырца особой формы” можно объяснить податливостью материала. Ведь подгонять изразец, имеющий сложную форму, к кирпичной кладке из обожженного кирпича не так-то легко. С сырцом все обстоит гораздо проще: при необходимости его можно без особого труда стесать с высокой точностью прямо в кладке, а также где надо подрезать, выбрать углубление. Что же касается прочности и влагонепроницаемости, то под панцирем из поливных изразцов кирпичу-сырцу не страшны ни сырость, ни механические повреждения» [Федотов 2003: 76].

Все полученные данные подталкивают нас к гипотезе о том, что сырчатыми (*сырча́тыми*) были печи из кирпича-сырца, которым придавали четырехугольную форму и корректировали ее в зависимости от фактуры из-

⁸ Ср. также у В. И. Даля, который широко употреблял это слово в отношении руды, шелка, льна, пеньки, табака, меда, сала, сахара, дегтя, древесины, идущей на лучину, необожженного кирпича, и аналогичные примеры более раннего использования этой лексемы [СлРЯ XI–XVII, 29: 143–144].

разцов, — в отличие от круглых, которые изготавливались из обожженного кирпича со сложной системой кладки на плашку и на ребро.

Тем самым прилагательное *сырчатый* использовалось в значении 'изготовленный из кирпича-сырца' и не передавало семантики 'четыреугольный (прямоугольный, квадратный)', выведенного составителями [СлРЯ XI–XVII] на основе контекстуального противопоставления *сырчатый* — *круглый*, которое в действительности отражало не характер формы отопительных сооружений, а специфику технологических особенностей печей разных типов. При этом в словаре по объективным причинам (поскольку в нем описаны материалы рукописей) акцентологические черты слов не отражаются, но с учетом закономерностей функционирования суффиксов *-ат-* и *-чат-* наиболее вероятное ударение в слове — на гласном *а* (*сырча́тый*).

И это требует продолжения поиска причин появления прилагательного *сырчатый* 'квадратный' в русских говорах.

в) *Гипотетический этимон — сыр 'творог'*

Необходимо вернуться к версии, предложенной И. Е. Забелиным: «...Печи ставились четырехугольные и круглые, также *сырчатые*, в виде сыра тогдашней формы...» [Забелин 1862: 116]. Сложно сказать, что подразумевалось в данном случае историком, поскольку сведений о такой специфичной именно для сыра форме, отличной при этом от четырехугольной и круглой, не сохранилось. Вместе с тем И. Е. Забелин, сблизив слово *сырчатый* (безотносительно к технологии строительства печей) с этимоном *сыр* 'кисломолочный продукт питания', подсказал возможное решение для диалектных лексем.

Известно, что в силу климатических, некоторых культурных и культурологических факторов (см. подробнее [Павловская 2019]) до недавнего времени на Руси изготавливали главным образом «белые», т. е. из сквашенного молока, и отжатые, зернистые, сыры. Размежевание «белых» и «желтых» (сычужных, преимущественно европейских) таких продуктов произошло поздно, к XIX в., когда название «сыр» закрепилось за вторыми, а за первыми — «творог», хотя долгое время эти понятия были синонимичны и обозначали скорее варианты кисломолочных продуктов из сквашенного молока и блюд из них.

Полагают, что *творогом* некогда называли любые кушанья, требовавшие выдержки в форме — *твориле*; уже после XVII в. данное название закрепилось за кисломолочным продуктом. Отголоски такой технологии обнаруживаются и теперь в диалектных материалах. Известно, что нередко восточные славяне запасали «сыр» впрок, высушивая либо замораживая соленый творог (иногда смешанный с яйцами) в виде шариков, лепешек. Однако существовала и иная традиция — создавать формованные изделия, в том числе при помощи специальных приспособлений. Ср., например, по данным [СРНГ]: *сыр* 'пасхальное блюдо из творожной массы, приправлен-

ной сахаром, сметаной, яйцами и т. п., оформленное в виде пирамиды, — пасха // пасхальное блюдо из творога, которое готовили в форме’, *сы́рник* ‘деревянный ящичек, в который кладут пасхальный творог, придавая ему форму пирамиды’, ‘деревянный ящичек для отжимания свежего творога’, ‘глиняный сосуд для изготовления творога, имеющий форму усеченного конуса и отверстие в дне’, *сы́рница* ‘деревянный ящичек, в который кладут пасхальный творог, придавая ему форму пирамиды’, ‘деревянная кадка для отжимания творога’ [Там же, 43: 147, 155] (фиксации преимущественно на Русском Севере и в Сибири). Аналогичным образом делали «сыр» в Пермской губернии, а позднее в Пермской области: *сы́рник* ‘приспособление, форма для отжима творога при изготовлении сыра в домашних условиях’ (*Сырник — где творог отцеживали, это называлось сырник. Такой деревянный сделан, как бы отжимали в ём. Он четырёхугольный. Сверху он широкий, а внизу уже узенький* (Красновишер. Перм.) [СГДА, 5: 170].

Легко допустить, что емкость была невысокой и для облегчения извлечения готовой массы имела либо пирамидальную форму (как в последнем примере и некоторых выше), либо же была раздвижной или разборной. Вполне объяснимо в этом случае также сближение И. Е. Забелиным слова *сы́рчатый* (в номенклатуре печей) с емкостями для изготовления сыра, поскольку в XVII в. печи во дворцах устанавливались «на ножках, с колонками, с карнизами и городками наверху» [Забелин 1862: 116], а форма для отжима творога имела снизу отверстия и, вероятно, также были ножки, ср.: *Деревянная посуда — сырник называется: дна нет, а на дне перекрестинки* (Свердл.); *Ящички тоненьки, дырочки на дне, чтоб вода выбежала вся до капли, сырник деревянный, сыр делали* (Низ. Печора); *Такой у нас сырник есть [глиняный], низ узенький, а верх шире, внизу дырка есть* (Арх.) [СРНГ, 43: 155].

Косвенным доказательством верности данной гипотезы служит уже упомянутое полисемичное слово *твори́ло*, которое обозначало аналогичные реалии, но с иной географической привязкой и для которого среди прочих выявляются следующие значения: ‘длинное корыто или яма, в которой месят глину для кирпичей’ (Калуж., Твер.), ‘сосуд, ящик или яма, в которых что-либо растворяется’, ‘четырёхугольные отверстия, в которые вставляются воронки для насыпания зерна при погрузке судна’ (Волог.), ‘большая деревянная рама, которую кладут на телегу при перевозке снопов, сена’ (Хабар.), ‘квадратная полоса пашни’ (Волог.), ‘небольшой четырёхугольный, конусообразный деревянный ящик без дна, в который кладется творог для прессования’ (Волог.) [Там же: 327–328]. Приведенные примеры демонстрируют пересечения в области семантики, указывающие на возможность развития значения синонимичных лексем по модели: «прямоугольное приспособление для придания формы чему-либо» > «что-либо прямоугольной формы». Однако и эта гипотеза требует некоторых допущений, поскольку мы располагаем данными о соответствующих номинациях подобных форм, в том числе в пермском регионе, только с суффиксами *-ник/-ниц(а)*, которые должны были бы дать производное слово

**сы́рничатый*, а значит, в пермских (и шире — северно-русских) говорах должно было существовать аналогичное слову *творило* суффиксальное наименование формы для творога с корнем *-сыр-* типа **сыре́ц*, **сыро́к*, **сы́рица*, **сы́рня* или иное, связывавшее лексемы *сыр* и *сы́рчатый* и послужившее производящей основой для анализируемого слова *сы́рчатый* ‘квадратный’, но не зафиксированное собирателями.

Остается вопрос о причинах закрепления данного слова преимущественно в пермском регионе. Ответ видится в том, что в русском языке долгое время не было общерусского обозначения для квадратной формы предметов: соответствующая лексема *квадрат* заимствована, и она, как и производное от нее *квадратный*, вошла в обиход относительно недавно. В то же время потребность в вербализации такого понятия существовала, и в разных регионах для него были выработаны различные номинации на разных основаниях.

Таким образом, можно утверждать, что совершенно не убедительно сближение слова *сы́рчатый* с иноязычными (финно-угорскими и тюркскими) материалами. Наиболее вероятно собственно русское происхождение данной лексемы. При этом едва ли возможна связь с диалектным словом *сыр*, хотя оно также известно северно-русским говорам, но обозначает ‘земельный участок, надел, угодье’. Предполагаем существование понятий *сы́рчатый* ‘квадратный’ и *сырча́тый* ‘изготовленный из кирпича-сырца’ (ошибочно истолкованного как ‘квадратный’ в [СлРЯ XI–XVII]), причем написания для которых оказываются омографичными. Наиболее убедительной видится гипотеза о том, что изначально слово *сы́рчатый* имело значение ‘такой же формы, как приспособление для изготовления (отжима) «сыра» (творога) — с прямыми углами (квадратный)’, отвечающего одному из значений суффикса *-чат-*: здесь, вероятно, реализована словообразовательная семантика «обладающий внешним признаком, названным мотивирующим словом» («похожий на то, имеющий внешние отличительные свойства того, что названо мотивирующим словом»). Рассмотренные факты говорят о том, что на указанной семантической основе у анализируемого прилагательного развилось значение ‘четырёхугольный, с прямыми углами’, ‘квадратный, равносторонний’, которое могло также выступать с оттенком семантики — ‘четырёхугольной (прямоугольной, квадратной) формы в основании или в сечении’.

Географические сокращения

- Арх. — Архангельская губерния (область)
- Астрах. — Астраханская губерния (область)
- Брян. — Брянская область
- Влад. — Владимирская губерния (область)
- Волог. — Вологодская губерния (область)

Вят. — Вятская губерния
 Горьк. — Горьковская область
 Калуж. — Калужская губерния (область)
 Киров. — Кировская область
 Костром. — Костромская губерния (область)
 Краснослобод. Пенз. — Краснослободский район Пензенской области (ныне республика Мордовия)
 Красновишер. Перм. — Красновишерский район Пермской области
 Мар. АССР — Марийская АССР (ныне республика Марий Эл)
 Низ. Печора — Низовая Печора (республика Коми)
 Новосиб. — Новосибирская область
 Октябрь. Перм. — Октябрьский район Пермской области
 р. Урал — река Урал
 Свердл. — Свердловская область
 Соликам. Перм. — Соликамский район Пермской области
 Твер. — Тверская губерния (область)
 Тобол. — Тобольская губерния
 Хабаров. — Хабаровский край
 Черд. Перм. — Чердынский уезд (район) Пермской губернии (области)
 Яросл. — Ярославская губерния (область)

Источники и словари

- Ахметьянов 2 — Р. Г. Әхмәтъянов. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. II т. Казан, 2015. = Р. Г. Ахметьянов. Этимологический словарь татарского языка: В 2 т. Т. 2. Казань, 2015.
- Даль 1–4 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е, испр. и знач. доп. изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903–1909.
- Доп. Опыт 1858 — Дополнение к опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- КРРКС 1995 — К. Бектаев. Казахско-русский и русско-казахский словарь. Алма-Ата, 1995.
- КРС 2000 — Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева. Коми-роч кывчукор (Коми-русский словарь) / Отв. ред. Л. М. Безносикова. Сыктывкар, 2000.
- КЭСКО 1999 — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Лопатин, Улуханов 2016 — В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016.
- Малеча 4 — Н. М. Малеча. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: В 4 т. Т. 4. Оренбург, 2003.
- МАС 4 — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1999.
- Мурзаев 1984 — Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Наумов 1874 — И. Ф. Наумов. Дополнения и заметки к Толковому словарю Даля. СПб., 1874.

НКУЯ — Национальный корпус удмуртского языка = Удмурт йӧскалык кылшыкыс [Электронный источник]. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/home> (дата обращения: 08.07.2025).

Огарев 1848 — П. О г а р е в. Собрание простонародных слов, употребляемых в Пермской губернии. 1848. Архив РГО. Разряд 29, оп. 1, д. 66. 34 л.

Опыт 1852 — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук / Ред. А. Х. Востоков. СПб., 1852.

ОСВГ 2023 — Областной словарь вятских говоров. [Электронный ресурс]: словарь / Отв. ред. З. В. Сметанина. Изд. 2-е, доп. и испр. Киров, 2023.

Радлов 4 — В. В. Р а д л о в. Опыт словаря тюркских наречий: В 4 т. Т. 4. СПб., 1911.

Сабиров 2008 — Р. А. С а б и р о в. Татарско-русский полный учебный словарь. М.; Казань, 2008.

Савваитов 1850 — П. С а в в а и т о в. Зырянско-русский и русско-зырянский словарь. СПб., 1850.

СВГ 10 — Словарь вологодских говоров: В 12 вып. / Науч. ред. Т. Г. Паникаровская. Вып. 10. Вологда, 2005.

СГДА 5 — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): В 6 вып. / Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Вып. 5. Пермь, 2003.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М.; СПб., 1975–2023.

СМЯ 6 — Словарь марийского языка: В 10 т. Т. 6. Йошкар-Ола, 2001.

СПГ 1, 2 — Словарь пермских говоров: В 2 вып. / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

СРГМ 2002 — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Т–Я / Сост. Р. В. Семенкова, Л. К. Чикина; отв. ред. Р. В. Семенкова. Саранск, 2006.

СРГЮП 3 — Словарь русских говоров Южного Прикамья: В 3 вып. / Науч. ред. И. А. Подюков. Вып. 3. Пермь, 2012.

СРНГ 1–52 — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. Вып. 1–52. М.; СПб., 1965–2021.

ССКЗД 1961 — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

ССРЛЯ 14 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 14. М.; Л., 1963.

СУЯ 9 — Словарь украинского языка: В 10 т. / Под ред. И. С. Назаровой и др. Т. 9. Киев, 1979.

ТСБМ 5, кн. 1 — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5-ці т. Т. 5. Кн. 1 / Рэд. тома М. Р. Суднік. Мінск, 1983.

ТСЛО 2019 — Ю. В. З е р е в а, И. И. Р у с и н о в а, А. В. Ч е р н ы х. Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Тематический словарь лексики одежды. СПб., 2019.

Фасмер 3 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. Т. 3. М., 1987.

Черных 2 — П. Я. Ч е р н ы х. Историко-этимологический словарь современно-го русского языка: В 2 т. Т. 2. М., 1999.

ЭДС 2019 — С. А. М ы з н и к о в. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019.

ЭСЧЯ 2 — М. Р. Федотов. Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. Т. 2. Чебоксары, 1996.

ЯОС 9 — Ярославский областной словарь: В 10 вып. Вып. 9. Ярославль, 1990.

Л и т е р а т у р а

АГ 1 — Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980.

Байбурин 1983 — А. К. Байбурин. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.

Баранов 1995 — Д. А. Баранов. Символические функции русской колыбели // Славяно-русские древности. Вып. 3: Проблемы истории Северо-Запада Руси / Под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1995. С. 235–236.

Бјелетић 2006 — М. Бјелетић. Исковрнути глаголи: Типови експресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу). Београд: Институт за српски језик САНУ, 2006.

Виноградов 1986 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986.

Головин 2001 — В. В. Головин. Организация пространства новорожденного // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Е. А. Белоусова; Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. С. 31–60.

Журавлев 2022 — А. Ф. Журавлев. Непродуктивные префиксы в восточно-славянских диалектах (этимологическая эвристика; трудности идентификации) // Вопросы языкознания. 2022. № 6. С. 44–61.

Забелин 1895 — И. Е. Забелин. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: в 2 т. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. 3-е изд. с доп. М., 1895.

Забелин 1862 — И. Е. Забелин. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: В 2 т., в 3 кн. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. СПб., 1862.

Забелин 1915 — И. Е. Забелин. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: в 2 т., в 3 кн. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 2. СПб., 1915.

Козлов 2016 — А. В. Козлов. Русские печи и печная керамика XVII–XIX веков. М.: Анко; СПб.: Эксклюзив Стил, 2016.

Мокиенко 1972 — В. М. Мокиенко. Из истории русской экспрессивной лексики // Этимологические исследования русского языка VII. М.: б. и., 1972. С. 155–165.

Мораховская 1996 — О. Н. Мораховская. Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М.: Наука, 1996.

Мурзаев 1982 — Э. М. Мурзаев. Сырт // Русская речь. 1982. № 4. С. 121–124.

Павловская 2019 — А. В. Павловская. «Вороне где-то Бог послал кусочек сыра...», или Три жизни русского сыра // Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира: материалы IV Международного научно-практического симпозиума. Т. 4. М.: Новое время, 2019. С. 292–318.

Покровский 1884 — Е. А. Покровский. Русские колыбели // Е. А. Покровский. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М., 1884. С. 175–184.

Попов 1955 — А. И. Попов. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // *Acta linguistica*. Budapest, 1955. Т. 5. Ф. 1, 2. С. 1–19.

Салахова 2007 — Р. Р. Салахова. Омонимичные суффиксы татарского языка. Казань: Gumanitarya, 2007.

Сборник 1872 — Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом: В 2 т. Т. 1. М., 1872.

Черных и др. 2021 — Традиционная культура русских заводских поселений Урала: Курашимский завод: материалы и исследования: коллективная монография / А. В. Черных (отв. ред.), И. И. Русинова, Ю. А. Кашаева, А. В. Вострокнутов, Д. И. Вайман, С. Ю. Королёва, О. С. Сивков, М. А. Брюханова. СПб.: Маматов, 2021.

Федотов 2003 — Г. Я. Федотов. Русская печь. М.: Эксмо, 2003.

Kálmán 1961 — B. Kálmán. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1961.

Статья получена 23.07.2025

Maria V. Bobrova

Institute for Linguistic Research of the RAS

(St. Petersburg, Russia)

bomaripgu@yandex.ru

Julia V. Zvereva

Perm State Humanitarian Pedagogical University

(Perm, Russia)

zv.ul@mail.ru

ON ONE ETYMOLOGICAL RIDDLE: THE DIALECTAL WORD *SYRCHATYI*

The article is related to the problems of etymologization of dialectal words. We discuss different versions of the origin of the adjective *syrcaty* (*сырчатый*), noted by V. I. Dahl as doubtful in the meaning of ‘square’, with a few occurrences in seventeenth-century texts describing furnaces, and in regional records, mainly from the Perm region. The possibility of the presence of the suffix *-at-* or *-chat-* in the analyzed lexeme was taken into account, determining the accentological variant of the word and the suffix complication or un complication of the generating base (*syrc-h-átyi* or *sýr-chatyi*). Because of the area of distribution of this dialectism, hypotheses of its Finno-Ugric (from Udmurt, Komi-Zyryan or Komi-Permian language), Turkic and proper Russian origin were considered. The conclusions are that 1) purely Russian origin of this word is the most probable; 2) presumably there were homographic lexemes *sýrchatyi* ‘square’ and *syrc-h-átyi* ‘made of adobe brick’ (interpreted as ‘square’ in the “Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries”), 3) the original semantics of the word *syrcaty* ‘of the same shape as a device for making (squeezing) “cheese” (*syr* ‘cottage cheese’))’ is probable, on the basis of which the meaning ‘quadrangular, with right angles’, ‘square, equilateral’ developed, and then a further shade of meaning — ‘quadrangular (rectangular, square) in shape at the base or in cross-section’.

Keywords: dialectology, verification of dictionary data, etymology, *syrcaty*.

References

- Baiburin, A. K. (1983). *Zhilische v obriadakh i predstavleniiakh vostochnykh slavian*. Leningrad: Nauka.
- Baranov, D. A. (1995). Simvolicheskie funktsii russkoi kolybeli. In I. V. Dubov & I. Ia. Froianov (Eds.), *Slaviano-russkie drevnosti*, 3 (pp. 235–236). St. Petersburg: St. Petersburgskii Universitet.
- Beletich, M. (2006). *Iskovrnuti glagoli: Tipovi ekspresivnikhpreverbal'nikh formata (na srpskom i hrvatskom ezichkom material)*. Belgrad: Institut za srpski ezik SANU.
- Chernykh, A. V. (Ed.). (2021). *Traditsionnaia kul'tura russkikh zavodskikh poselenii Urala: Kurashimskii zavod: materialy i issledovaniia*. St. Petersburg: Mamatov.
- Fedotov, G. Ya. (2003). *Russkaia pech'*. Moscow: Eksmo.
- Golovin, V. V. (2001). Organizatsiia prostranstva novorozhdennago. In S. Yu. Ne-kludov (Ed.), *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiiakh narodnoi kul'tury* (pp. 31–60). Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet.
- Kalman, B. (1961). *Die russischen Lehnwörter im Wogulischen*. Budapest: Akademiai Kiado.
- Kozlov, A. V. (2016). *Russkie pechi i pechnaia keramika XVII–XIX vekov*. Moscow: Anko, St. Petersburg: Ekskliuziv Stil'.
- Mokienko, V. M. (1972). Iz istorii russkoi ekspressivnoi leksiki. In *Etimologicheskie issledovaniia russkogo iazyka VII* (pp. 155–165). Moscow.
- Morakhovskaia, O. N. (1996). *Krestianskii dvor. Istoria nazvanii usadebnykh uchastkov*. Moscow: Nauka.
- Murzaev, E. M. (1982). Syrt. *Russkaia rech*, 4, 121–124.
- Pavlovskiaia, A. V. (2019). “Vorone gde-to Bog poslal kusochek syra...”, ili Tri zhizni russkogo syra. In *Traditsionnaia kul'tura v sovremennom mire. Istoriia edy i traditsii pitaniia narodov mira* (Vol. 4) (pp. 292–318). Moscow: Novoe vremia.
- Salakhova, R. R. (2008). *Omoninichnye suffiksy tatarskogo iazyka*. Kazan': Gumanitarya.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika* (Vol. 1). Moscow: Nauka.
- Vinogradov, V. V. (1986) *Russkii iazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* (3-rd ed., revised). Moscow: Vysshaia shkola.
- Zhuravlev, A. F. (2022). Neproduktivnye prefiksy v vostochnoslavianskikh dialektakh (etimologicheskaia evristika; trudnosti identifikatsii). *Voprosy iazykoznanii*, 6, 44–61.

Received on July 23, 2025

Ж. Ж. ВАРБОТ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
zhannavarbot@yandex.ru

ЧТО ПРИМЕЧАТЕЛЬНОГО УВИДЕЛИ СЛАВЯНЕ В РЫБЕ?

Общеслав. и праслав. **ryba* не имеет общепринятого этимологического объяснения. Из существующих гипотез наиболее убедительной представляется версия Погодина–Уленбека, предполагающая родство слав. **ryba* и нем. *Raupe* ‘волосатая гусеница’ (< и.-е. **rūb(h)-* ‘рыть, рвать’), однако авторы не объяснили мотивацию названия. В настоящей статье диалектными материалами славянских языков обосновывается мотивация генетического тождества наименований рыбы и волосатой гусеницы по особенностям кожного покрова, для слав. **ryba* — мотивация ‘чешуйчатая’ (при производности от и.-е. **rūb(h)-* ‘рыть, рвать’, ср. *рытый* ‘с оспинами’).

Ключевые слова: этимология, принципы мотивации, лексика славянских диалектов.

Первым шагом носителя языка в попытке выяснения происхождения какого-либо слова обычно становится сопоставление его с созвучным или формально сходным словом того же языка. Однако дальше неизбежно возникает вопрос о смысловой связи этих слов: почему и как? Эти этапы наивного этимологизирования соответствуют основным этапам научной этимологии: необходимо согласовать максимально точное формальное соответствие слова определенному корню, основе или этимологическому гнезду с мотивацией этого соответствия, т. е. понять, какая характеристика, признак или свойство предмета стали основой для выбора этого корня. История этимологизации славянского названия рыбы представляет собой интересный случай парадоксального игнорирования этой необходимости авторами самого убедительного на сегодняшний день решения.

Общеславянское название рыбы является праславянским образованием **ryba*, не имеющим очевидных соответствий в других индоевропейских языках, и его происхождение признается неясным, несмотря на многочисленные версии, предложенные исследователями.

Самым ранним решением проблемы происхождения слав. **ryba* является гипотеза А. Погодина [1895: 295] и К. Уленбека [Uhlenbeck 1909: 290] о лексическом соответствии слав. **ryba* и нем. *Raupe* ‘гусеница’. И. Миккола добавил к этому соответствию еще и нем. *Aalraupe* ‘налим’ (при *Aal* ‘угорь’) [Миккола 1902: 279], что свидетельствует о реальности сравнения рыбы с гусеницей. Парадоксальным представляется тот факт, что авторы толко-

вания, помимо возможности структурного тождества, не указали никакой общности в поведении, форме или другого подобного основания для сравнения рыбы и гусеницы, что, собственно, и необходимо как мотивация названия рыбы, если оно по происхождению тождественно названию гусеницы. Неудивительно, что версия принимается с сомнением [Brückner 1927: 470].

Существующие версии происхождения слав. **ryba* (всего девять, по обзору чешского этимолога В. Блажка) обычно не упоминают непосредственно возможность родства с нем. *Raure*, но она все же очевидно учитывается.

Версии таковы:

- 1) родство с **ryti* — ‘рытье (дна) как способ рыбной ловли корзиной при мелководье’ [Vaillant, IV: 487]) и (или) как особенность поведения некоторых видов рыб (разрывание дна, что достоверно для налима [Горяев 1896: 305]);
- 2–3) от и.-е. **rū-* ‘двигаться’ (ср. слав. родственное **ryx/lъjъ* [Младенов 1941: 560; Skok, III: 136]), непосредственно от слав. **ryx(lъjъ)*, т. е. **ryba* < **ryjъba* [Orel 1995: 165], однако движение не является исключительным поведенческим признаком рыбы, сомнителен и сам способ образования слова;
- 4) образование от слав. **rōbiti* ‘рубить’ и родство с **rēbъjъ* ‘рябой’, так что рыба обозначается как ‘пестрая’ [Топоров 1960: 4–11], что примечательно как мотивация по существенному внешнему признаку, но очень сомнительно в отношении фонетики;
- 5) дослав. **ūrbā*, родственное с др.-прусс. *wurs* ‘пруд’, лит. *jūra* ‘море’ [Jacobson 1952: 306], что предполагает нерегулярные структурные преобразования;
- 6) мотивация по цвету: сопоставление с др.-исл. *rjúpa* ‘куропатка’ [Petersson 1915: 96];
- 7) мотивация по форме: сравнение с греч. *ρομφαία* ‘(фракийский) меч’ и реконструкция **rombhā* (с последующими преобразованиями) [Loewenthal 1927: 147], что не может дать слав. **ryba*;
- 8) мотивация ‘еда’: сопоставление с лтш. *vārs* ‘суп’ (и.-е. **uerH-* ‘греть’) с реконструкцией **urūbhā* [Seebold 1985: 449–450];
- 9) сопоставление с рум. *roaba* ‘тачка’ при мотивации по округлой форме [Paliga 2015].

Мотивационные модели, предполагаемые всеми вышеупомянутыми версиями, представлены в названиях отдельных видов рыб в различных языках (в том числе славянских). Однако ни один из предполагаемых типов мотивации не отражает какой-либо характеристики, свойственной исключительно всем видам рыб как классу животных. Обзор версий и критике см. [Фасмер, III: 526; ESJS, 13: 786; Blažek 2021]¹.

¹ Следует также указать на представленный В. Блажеком в другой работе подробный анализ опровергаемой им гипотезы В. Махека о субстратном происхождении слав. **ryba* (через древнебаскский язык из арабского). См. [Blažek 2024].

Вновь обратимся к версии Погодина — Уленбека о родстве слав. **ryba* с нем. *Raupe*.

Нем. *Raupe* ‘гусеница’ < *rūppō* < **rūbō*, род. п. *ruppaz* [Kroonen 2011: 282] возводится к этимологическому гнезду глагола *raufen* ‘рвать, драть, дергать’ (< и.-е. **reu-* ‘рыть, рвать’) [Kluge 1975: 587, s.v. *Raupe*; Pfeifer 1993: 1091, s.v. *Raupe*; 1090, s.v. *raufen*].

Ф. Клюге считал *Raupe* исконным обозначением исключительно волосатой гусеницы и определял первичную семантику слова как ‘волосатая, щетинистая’ [Kluge 1975: 587, s.v. *Raupe*; 603, s.v. *Robbe*]. В качестве семантической аргументации он привел швейцарское название гусеницы *Tüfelschatz* ‘проросший картофель’ < букв. ‘ростки картофеля’), «намекающее на волосатость» [Ibid., s.v. *Raupe*]. Де Ваан реконструировал общезап.-герм. **rūpō* индоевропейского происхождения с мотивацией ‘шершавый, мохнатый’ [De Vaan 2000: 172]. Учитывая версию К. Уленбека о родстве слав. **ryba* с нем. *Raupe*, следует обратить внимание на близость версии обозначения гусеницы (*Raupe*) по волосатому покрову к гипотезе В. Н. Топорова об обозначении **ryba* по внешнему виду как ‘рябой, пестрой’. Для В. Пфайфера родство с *raufen* предполагает мотивацию ‘обжора’ [Pfeifer 1993: 1091].

В. Блажек выделил два свойства-особенности, которые объединяют гусеницу и рыбу (т. е. дают основания тождественно называться): внешний признак — волосатость (ср. усы у налима и кожные наросты у некоторых рыб) и поведенческий — рытье нор (гусеницами бабочек и налимами). Оба этих признака послужили для обоснования новейших толкований славянских ихтионимов. К первому, внешнему признаку, близка мотивация и.-е. названия карпа по версии А. Данилевича: бородавчатые наросты, появляющиеся на чешуе карпов в период нереста, позволяют, по мнению исследователя, видеть в и.-е. названии карпа производное от **korpa* ‘бородавка’ (от и.-е. **(s)ker-* ‘отделять’) [Данилевич 2002: 206–208]. Другую, поведенческую особенность рыб — рытье дна водоема — предпочел В. Блажек: на основании обнаружения литовского названия пресноводной рыбы пескаря *rubilis*, производного от лит. гл. *rūbti* ‘рыть’, он остановился на мотивации слав. **ryba* по раскапыванию рыбой дна, как производного от **ryti* [Blažek 2021: 485]. Таким образом, название одного вида рыб принято как источник славянского названия всего класса этих животных: **ryba* < и.-е. **rūb-*, производного от и.-е. **reub-* < и.-е. **reu-* ‘рыть, рвать’ [Pokorny 1949–1956: 869], тождественного, следовательно, немецкому *Raupe*.

Более предпочтительной представляется иная возможная мотивация — с опорой на признак, характеризующий не один вид, а весь класс рыб в целом, а именно — наличие чешуи как особенности покрова, сближающей рыб с гусеницами.

Внимание славян к кожному покрову рыбы как ее отличительной черте обнаруживается в лексике славянских диалектов. В. Махек в связи с проблемой этимологии чеш. *ryba* обратил внимание на чеш. диал., особенно южн.-чеш. *je porybino, porybilo se, je rybina* ‘покрываться облаками’ и даже

при том же значении сочетание с названием определенного вида рыбы (или с производными от этого названия) — ходск. *kapři se dělají na nebe*, *kaprovati se nebe* и н.-луж. *karpowaty* ‘покрытый перистыми облаками’ (при *karp* ‘рыба карп’), т. е. облака уподобляются рыбам с их чешуйчатой поверхностью (перистые облака!) [Machek 1968: 526, s.v. *ryba*]². Далее, чеш. диал. (морав.) *ryběna* ‘прозвище коровы рыбьего цвета’ [Bartoš 1906: 369]. Еще существеннее русск. диал. производное от *рыба* прилагательное *ры́бчатый* ‘с неровной поверхностью, чешуйчатый’ (Р. Урал) [СРНГ, 35: 31], блр. диал. *рыба* ‘неровность на полотне косы при неумелой клепке’ [Сл. Брэст. 1989]. Эти материалы свидетельствуют о выделении из внешних характеристик рыб — особого класса живых существ — их чешуйчатого покрова как наиболее приметной и, действительно, исключительной черты. Соответственно, возможно предположение, что именно чешуя была мотивационным основанием для образования названия **ryba* = **‘чешуйчатая’*. И именно эта мотивация по каждому покрову представляется наиболее существенным семантическим основанием для предложенного А. Погодиным и К. Уленбеком соответствия слав. **ryba* и нем. *Raupe*.

Славянское название чешуи **češuja* образовано от **česati* ‘драть, чешать’. Семантика и.-е. *reu-* ‘рвать, рыть, вырывать’ (к которому восходят лит. *rùbti* ‘рыть’ и слав. **ryti*) допускает появление обозначений ‘ободранное, обдираемое’ = ‘неровное, шероховатое = чешуйчатое’, ср. русск. диал. *рытый* ‘с оспинами’ [СРНГ, 35: 320].

Как след родства *ryba* с **ryti*, *rъvati* можно рассматривать русск. диал. *ры́бинка* ‘черточка на земле, указывающая на промах при игре в лунки’ [Мызников 2021: 438].

С л о в а р и

Горяев 1896 — Н. В. Г о р я е в. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

Сл. Брэст. 1989 — Дыялектны слоўнік Брэстчыны / Склад. М. М. Аляхновіч і інш. Мінск, 1989.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Отв. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–51. СПб.; М., 1965–2019.

Фасмер I–IV — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1974.

Bartoš 1906 — F. B a r t o š. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906.

² Автор благодарен рецензенту за указание на возможность дополнить приведенные в статье славянские примеры обозначений покрытого перистыми облаками неба, производные от слова *рыба* или названий конкретных видов рыб, также германскими примерами: швед. *makrillmoln*, букв. ‘макрелевые облака’, норв. *makrell-skyer*, англ. *mackerel sky* букв. ‘макрелевое небо’.

- Brückner 1927 — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 1–21. Praha, 1989–2022.
- Machek 1968 — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. 2. vyd. Praha, 1968.
- Pfeifer 1993 — W. Pfeifer. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. 2. Aufl. München, 1993.
- Pokorny 1949–1956 — J. Pokorny. Etymologisches Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Bern, 1949–1956.
- Skok — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Литература

- Данилевич 2002 — А. Данилевич. О названии породы рыб *карп* в и.-е. языках // Балто-славянские исследования XV, 2002. С. 204–214.
- Миккола 1902 — I. Миккола. Объяснения некоторых славянских слов // Русский филологический вестник. Т. 48. 1902. С. 270–280.
- Младенов 1941 — Ст. Младенов. Етимологически и правописен речник на български език. София, 1941.
- Мызников 2021 — С. А. Мызников. Русские говоры Беломорья в контексте языкового взаимодействия. М.; СПб: Нестор-История, 2021.
- Погодин 1895 — А. Погодин. Несколько этимологий // Русский филологический вестник. Т. 33. 1895. С. 328–330.
- Топоров 1960 — В. Н. Топоров. Из праславянской этимологии // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М.: МГУ, 1960. С. 5–15.
- Blažek 2021 — V. Blažek. Slavic **ryba* “fish” in the Context of Indo-European Ichthyonymy // The Journal of Indo-European Studies. Vol. 49, № 3–4. 2021. P. 474–496.
- Blažek 2024 — V. Blažek. Sl. **ryba* v kontextu indoevropské ichthyonymie // RSL XXIII, 2024. S. 17–34.
- De Vaan 2000 — M. de Vaan. Reconsidering the Dutch rups, German. raupe ‘caterpillar’ // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik 54: 2000. P. 151–174.
- Jakobson 1952 — R. Jakobson. On Slavic Diphtong Ending in a Liquid // Word VIII. 1952. № 4. P. 306.
- Kluge 1975 — F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21. Aufl. Berlin; New York, 1975.
- Kroonen 2011 — G. Kroonen. The Proto-Germanic n-stems. A study in diachronic morphophonology. Amsterdam; New York: Rodopi, 2011.
- Loewenthal 1927 — J. Loewenthal. QALATA. Untersuchungen zur älteren Geschichte der Indogermanen // Wörter und Sachen. 1927. 10. P. 140–179.
- Orel 1995 — V. Orel. Slavic **ryba* ‘fish’ // Journal of Slavic Linguistics 1995, 3/1. P. 5–9.
- Paliga 2015 — S. Paliga. The Pre-Indo-European issue revisited // The Old Slavic heritage and its survival // Etymological research in Old Church Slavonic. Proceedings of the Etymological Symposium (Brno 9–11 September 2014) / I. Janyšková, H. Karlíková (eds.). Praha: Lidové noviny, 2015. P. 299–307.

Petersson 1915 — H. P e t e r s s o n. Zur slavischen ud vergleichenden Wortforschung. Lund, 1915.

Seebold 1985 — E. S e e b o l d. Die Benennungsmotiv der Wörter für ‘Fish’ in den idg. Sprachen // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Festschrift für Johann Knobloch zum 65. Geburtstag. Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft / H. M. Ölberg, G. Schmidt, H. Bothien (eds.). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck. 1985. Bd. 23. S. 443–451.

Uhlenbeck 1909 — K. U h l e n b e c k. Zur deutsche etymologies // Beitrage zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur / Hrsg. von H. Paul und W. Braune. Halle a. Saale, 26. S. 228–312.

Vaillant — A. V a i l l a n t. Grammaire comparée des langues slaves. T. I–V. Paris; Lyon, 1950–1977.

Статья получена 26.10.2025

Zhanna Zh. Varbot

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

zhannavarbot@yandex.ru

WHAT STRUCK THE SLAVS IN THE FISH?

ComSlav and Protoslav **ryba* has no generally accepted etymological explanation. Among existing hypotheses, that of Pogodin / Uhlenbeck seems to be the most convincing. They suggested a genetic identity of Slav. **ryba* with Deutsch *Raupe* ‘shaggy caterpillar’ (< I.-Eur. **rūb(h)-* ‘dig, tear’), but gave no explanation for it. The present article substantiates this hypothesis by proposing a motivation for Slav. **ryba*, a derivative from from I.-Eur. **rūb(h)-* ‘dig, tear’, based on the scaly quality of the animal’s tegument, cf. **rytyi* ‘with pockmarks’.

Keywords: etymology, principles of motivation, lexis of Slavonic dialects.

References

Blažek, V. (2021). Slavic **ryba* “fish” in the Context of Indo-European Ichthyonymy. *The Journal of Indo-European Studies*, 49/3–4, 474–496.

Blažek, V. (2024). Sl. **ryba* v kontextu indoevropské ichthyonymie. *RSI*, 23, 17–34.

Danilevich, A. (2002). O nazvanii porody ryb *karp* v i.-e. yazykakh. *Baltoslavianskie issledovaniia* 15, 204–214.

De Vaan, M. (2000). Reconsidering the Dutch rups, German. *raupe* ‘caterpillar’. *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik* 54, 151–174.

Kluge, F. (1975). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, v. 21. Berlin; New York.

Kroonen, G. (2011). *The Proto-Germanic n-stems. A study in diachronic morphophonology*. Amsterdam; New York: Rodopi.

Myznikov, S. A. (2021). *Russkie govory Belomoria v kontekste iazykovogo vzaimodeistviia*. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

Orel, V. (1995). Slavic *ryba 'fish'. *Journal of Slavic Linguistics*, 3/1, 5–9.

Paliga, S. (2015). The Pre-Indo-European issue revisited. In *The Old Slavic heritage and its survival. Etymological research in Old Church Slavonic. Proceedings of the Etymological Symposium (Brno 9–11 September 2014)* / I. Janyšková, H. Karlíková (eds.) (pp. 299–307). Praha: Lidové noviny.

Seebold, E. (1985). Die Benennungsmotiv der Wörter für 'Fish' in den idg. Sprachen. In *Festschrift für Johann Knobloch zum 65. Geburtstag. Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft* / H. M. Ölberg, G. Schmidt, H. Bothien (eds.). (*Sprachwissenschaftliche Forschungen* 23), (Ss. 443–451). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.

Vaillant, A. (1950–1977). *Grammaire comparée des langues slaves*, Vol. 1–5. Paris; Lyon.

Received on October 26, 2025

ИЗ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ

doi.org/10.31912/rjano-2026.1.10

ПРОТ. АЛЕКСАНДР ТРОИЦКИЙ

председатель Правления Института перевода Библии
(Москва, Россия)
alexandr.troitsky@yandex.ru

СУПИН В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ*

Предуведомление 2025 г.

В основе статьи лежит одноименная курсовая работа, написанная в 1981 г. на Отделении структурной и прикладной лингвистики по предложению и под руководством Анны Константиновны Поливановой († 29 сентября 2025 г.), памяти которой я и посвящаю эту публикацию. Давностью написания работы обусловлен круг использованных источников, привлеченных изданий и научной литературы, а также выбор некоторых методических решений. Тексты старославянских памятников были просмотрены и учтены с максимальной полнотой, но за прошедшие годы объем старославянского корпуса несколько увеличился. Просмотр новооткрытой и недавно изданной глаголической Псалтири Дмитрия XI в. (*ПсДм*) не дал существенных дополнений к прежде известным по *СинПс* примерам использования супина в тексте Псалтири (см. сноски в разделах 1.3.3, 1.7); небиблейские тексты *ПсДм* не содержат материала по теме работы. Ознакомление с изданными за эти годы древнерусскими евангельскими кодексами (прежде всего с *Мст* и Милятиным Евангелием), а также с критическими изданиями текстов Евангелий от Иоанна [ЕвИн 1998] и от Матфея [ЕвМф 2005] в славянской традиции подтвердило выводы о значительном сходстве бытования супина в древнерусских рукописях Евангелия XI–XIII вв. и в старославянских евангельских текстах. Для приведения греческих соответствий и разночтений использовался текст Нестле [NT 1969], поскольку более подходящие для этой цели критические издания, составленные по текстам византийского типа, были недоступны или появились

* Мне бы хотелось выразить сердечную благодарность В. А. Плунгяну за внимание к моей давней работе и настоятельную рекомендацию подготовить ее к публикации, Кириллу Кудрявцеву за проделанную огромную работу по набору текста и его оформлению, Лидии Шутовой, ознакомившейся с текстом и сделавшей ряд важных замечаний, а также рецензентам статьи.

позже¹. Наблюдения и выводы исследователей, изучавших в недавнее время употребление супина (в первую очередь [Мольков 2018; Пожгаи 2003]), нисколько не противоречат полученным в этой работе результатам и даже подтверждают их.

Первоначально планировалось опубликовать аутентичный текст курсовой 1981 г. с небольшими сокращениями и минимальной стилистической правкой. Однако помимо ныне очевидной неполноты источников и вышеуказанных недочетов, не влияющих на полученные результаты, была обнаружена существенная ошибка, ставящая под сомнение один из основных выводов. Видовая характеристика глаголов, представленных в текстах в формах супина или заменяющего его инфинитива, определялась интуитивно, главным образом по виду соответствующих глаголов в современном русском языке. При сравнении этих характеристик с пометами в «Словаре старославянского языка» [ССЯ 1994] обнаружилось не менее 20 расхождений; к тому же приведенный в работе перечень глаголов оказался неполон: некоторые единицы (прежде всего из древнерусских памятников) не были в него включены, хотя в подсчетах учитывались. После пополнения списка и распределения глаголов по их видовым характеристикам согласно [ССЯ] количество форм супина и заменяющего его инфинитива глаголов для каждой выделенной группы было пересчитано (по памятникам и суммарно), и большая часть раздела 1.8 была переписана. Разумеется, нельзя считать, что видовые пометы в [ССЯ] являются последним словом в славянской аспектологии, но, не имея возможности учесть все новейшие общие и частные работы по этой сложнейшей теме, следовало хотя бы избежать произвольных и безосновательных посылок, обесценивающих любые выводы. Следует отметить, что вывод о влиянии вида глагола на выбор между супином или инфинитивом пока остается в силе.

1.0. Цель работы и выбор источников

Супин — особая форма глагола (исторически форма винительного падежа отглагольного существительного), выражающая цель при глаголах движения. Он хорошо засвидетельствован в памятниках древнеславянской письменности, унаследован из праславянского языка, имеет общее происхождение с аналогичными формами в других индоевропейских языках (балтийских, латинском, санскрите) и до настоящего времени сохранился в словенском и нижнелужицком языках. Для древнейших церковнославянских (прежде всего для старославянских) памятников супин представляет осо-

¹ Например: The Greek New Testament according to the Majority Text / Ed. by Z. C. Hodges and A. L. Farstad. 2nd ed. Nashville [etc.], 1985 (1st ed. 1982); The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform / Compiled and arranged by M. A. Robinson and W. G. Pierpont. Southborough, 2005.

бый интерес как оригинальная славянская грамматическая форма, не имеющая соответствия в греческом языке, с которого калькировались синтаксические конструкции большинства переводных и многих оригинальных древнеславянских текстов. Возможно, именно поэтому (из-за отсутствия опоры в греческих оригиналах, обращение к которым как к авторитетным источникам могло приводить к эллинизации, т. е. частичной или полной замене исконных славянских форм на формы, имеющие соответствие в греческом), а может быть, и по каким-то внутренним причинам уже в древнейших сохранившихся памятниках супин употреблялся непоследовательно, часто замещаясь инфинитивом, что отмечено во всех грамматиках старославянского языка. Однако ни в этих грамматиках, ни в специальных работах, посвященных супину, нам не удалось найти сколько-нибудь подробного описания и объяснения столь непоследовательного его употребления.

Целью настоящей работы являлось по возможности полное описание употребления супина в памятниках старославянского языка с привлечением данных нескольких изданных древнерусских, среднеболгарских и старосербских рукописей. В ней с максимальной полнотой использован материал всех старославянских памятников, в которых встречаются формы супина (*sup*) или заменяющего его инфинитива (*inf* = *inf pro sup*). Не содержат интересных для настоящей работы данных Киевские и Пражские листки, Енинский Апостол, Охридские, Хилендарские, Зографские, Рыльские, Македонские глаголические и кириллические листки, листки Ундольского, а также изданная часть Зографского палимпсеста.

Среди использованных источников наиболее богаты формами супина евангельские кодексы: в полном тексте Четвероевангелия насчитывается около 110 мест, где можно ожидать появления форм супина (в апракосах их меньше, но в них некоторые чтения приводятся дважды, что наряду с наличием параллельных мест в евангельском тексте иногда порождает интересные текстологические варианты); для сравнения — в полном тексте славянской Псалтири таких мест всего 11. Поэтому из памятников, не входящих в список старославянского канона, рассматривались главным образом изданные евангельские кодексы: древнерусские Остромирово (*Остр*), Архангельское (*Арх*), Туровское (*Тур*), Галицкое (*Гал*) и Путенское (*Пут*), среднеболгарские Добромирово (*Дбрм*), Врачанское (*Врач*), Добрейшево (*Дбри*) и Македонское (*Мак*) и старосербские Никольское (*Ник*) и Вуканово (*Вук*) Евангелия. Такой выбор обусловлен удобством проверки наличия или значимого отсутствия в них форм супина по известному списку мест и сопоставления со старославянскими текстами. Из них *Остр*, *Арх*, *Пут*, *Гал*, *Дбрм* и *Врач* богаты формами супина, тогда как *Дбри*, *Ник*, *Вук* и *Мак* очень бедны ими и практически исключаются из рассмотрения в пп. 1.1, 1.3, 1.4, 1.6, 1.7, 1.8. Укажем здесь, что в *Дбри* (включая Лк. 4.18–19, см. 2.4.4) встречается всего 7 случаев употребления супина, аналогичного супину старославянских текстов, в *Ник* — 5 (Мк. 15.36,

Лк. 7.24.25.26, 8.5), в *Вук* — 4 (Мф. 11.1, Лк. 4.16,24,29 и Ин. 4.38), в *Мак* — 2 (Мф. 14.23 и Лк. 19.7). Кроме того, в полном объеме были проанализированы некоторые изданные древнерусские небиблейские памятники — Успенский сборник (*УспСб*)², Синайский патерик (*СинПат*) и Выголексинский сборник (*ВыгСб*). Выборочно привлекались также примеры из других рукописей: поздней (болгарской XII в.) части (л. 41–57) Зографского Евангелия (*Зогр*)², древнерусского Мстиславова Евангелия (*Мст*; цит. по [Карский 1895]), нескольких других древнерусских памятников (по [Потебня 1958]).

1.1. Супинная ситуация

Для описания употребления супина удобно ввести понятие супинной (синтаксической) ситуации (СС). Далее мы будем говорить, что в тексте имеется СС, если:

- а) употреблен супин (исключения: см. 1.5);
- б) употреблен инфинитив при глаголе, допустившем в других случаях хотя бы один раз употребление супина в старославянских памятниках (кроме тех же исключительных случаев);
- в) употреблен инфинитив при глаголе, управляющем супином в древнеславянских текстах, находящихся за пределами старославянского канона, и/или сходном по значению с глаголами, допускавшими супин в старославянских памятниках (подробнее см. 1.3).

Для характеристики СС существенны следующие ее члены:

- а) глагол, управляющий супином или инфинитивом (V_1);
- б) глагол (или несколько глаголов) в форме супина или инфинитива при V_1 (V_2);
- в) прямые дополнения при V_2 .

1.2. Греческие соответствия СС

В греческом оригинале Евангелия СС, как правило, соответствует сочетание глагола с инфинитивом (иногда с артиклем *τοῦ*). Кроме того, обнаружены греческие соответствия еще двух типов:

- 1) *ο*, т. е. отсутствие в критическом издании [NT 1969] во всех или некоторых вариантах текста глагола, соответствующего V_2 , например:

² В составе *УспСб* особый интерес представляют непереводные тексты. В Произведениях, посвященных Борису и Глебу, и в Житии Мефодия материала для настоящей работы нет. В Житии преп. Феодосия Печерского — 2 *sup* и 3 *inf pro sup*; в Слове похвальном на память Кирилла и Мефодия — 1 *sup* и 2 *inf pro sup*.

Мф. 18.11 ***приде бо сынъ чловѣчскыи възискати(-тъ) и спасти(-тъ) погыбѣшааго (заблоужѣшааго Арх)**³ *Мар, Асс, Сав, Зогр³, Остр, Арх, Врач, Дбриш, Ник, Вук, Гал, Пут*. В основном тексте нет всего стиха, в вариантах: ἦλθεν γὰρ ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου σῶσαι τὸ ἀπολωλός, подчеркнутые слова не имеют соответствия в греческом тексте.

Мф. 28.9 ***егда же идѣаста възвѣститъ (-ти; повѣдать Сав) оученикомъ юго** *Зогр, Сав, Остр, Арх, Дбриш, Ник, Вук, Гал, Пут*; ø (без подчеркнутых слов) — *Мар, Асс, Врач*. Подчеркнутые слова в [NT 1969] присутствуют только в вариантах (ὡς δὲ ἐπορεύοντο ἀπαγγεῖλαι τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ); славянские кодексы отражают здесь разночтение греческих.

Лк. 9.56 ***сынъ бо чловѣчскыи не приде (нѣсть пришьль Зогр, Дбрм) доушь чловѣчскыхъ погоубити(-тъ) нъ спасти(-тъ)** — *Зогр, Мар, Гал, Пут, Дбрм, Дбриш, Ник, Вук*. В основном греческом тексте ø, в вариантах текст соответствует славянскому.

Лк. 22.52 ***изидосте (придете Зогр) съ оржижѣмъ и дрѣкольми яти мене** — *Зогр, Гал, Дбрм, Дбриш, Ник, Вук*; ø (без подчеркнутых слов) — *Мар, Остр*. В греческом подчеркнутых слов также нет.

2) *ѣа + ѣи* (личная форма глагола), т. е. целевая конструкция, обычно переводимая оборотом «да + презенс» (в греческом тексте в местах, соответствующих СС, нам не встретилось чередования *inf / ѣа + ѣи*):

Лк. 19.4 *ἀνέβη ἐπὶ συκομοραίαν ἵνα ἴδῃ *възлѣзе на ягодичинѣ видѣтъ Сав; *...да видитъ Зогр, Мар, Гал, Пут, Врач, Дбриш, Ник, Вук; ...ѣко хотѣ видѣти іѣса Дбрм*.

Ин. 11.31 *ὅτι ὑπάγει εἰς τὸ μνημεῖον ἵνα κλαύσῃ ἐκεῖ *идетъ на гробъ плакать са Сав; ...да плачетъ (са) тамо Мар, Асс, Остр, Гал, Пут, Врач, Дбрм, Дбриш, Ник, Вук; ...и плачетъ тамо Зогр*.

В обоих случаях супин употреблен только в *Сав*. Те ситуации, когда во всех евангельских кодексах (а также в остальных памятниках) супинодопускающие глаголы (см. 1.3) управляют оборотом «да + презенс» (в греческом тексте может быть оборот с *ѣа* или — редко — инфинитив), не подпадают под определение СС и далее не рассматриваются, о варьировании вне СС см. [Кульбакин 1921].

Греческие соответствия из других памятников, приведенные Майером [Meuser 1944: 272], не обнаруживают существенных отличий от евангельских. Кроме того, в греческом тексте V₂ может соответствовать финитная форма глагола (см., например, *Кл* 499 и сл.).

³ Знак * здесь и далее означает, что евангельский текст приводится в нормированной орфографии, обобщенно по основным старославянским кодексам. Лексические и другие существенные разночтения оговариваются в скобках.

1.3. Супинодопускающие глаголы

1.3.1. Глаголы, при которых в старославянских памятниках встречается супин, удобно представить в виде Таблицы 1. В верхней ее части указывается количество примеров по памятникам, где при этих глаголах в СС употреблен хотя бы один супин, а в нижней — количество случаев управления одними инфинитивами.

1.3.2. Следующие глаголы встречаются в старославянских памятниках только с инфинитивом, но по семантическому сходству с перечисленными выше (см. Таблицу 1) глаголами или из-за наличия примеров управления супином в более поздних южнославянских или древнерусских текстах будем считать, что и они образуют СС:

въвести (Лк. 2.27: *Зогр, Мар, Асс, Сав*);

възвращати сѧ (*Супр* x 1);

възнести (Лк. 2.22–24: *Зогр, Мар, Асс, Сав*)⁴;

изълѣсти (*Супр* x 1);

отити (Лк. оглавление в тетрах: *Зогр, Мар, Гал* — inf, но в *Дбрм* — sup);

поити (*Супр* x 1, но в *Лаврентьевской летописи, Грамоте 1341* — sup [Потебня 1958: 349 и сл.]);

прѣдити (Лк. 1.17 и 1.76: *Зогр, Мар, Асс*);

прѣходити (Мф. 23.15: *Мар*);

съвести (*Супр* x 1);

сълѣсти (*Супр* x 1);

сънати сѧ (*СинПс* 101.23);

оустрьмити сѧ (*Супр* x 2);

ходити (Мр. 14.24: *Зогр, Мар*; но в *СинПат* 1 sup).

1.3.3. Следующие глаголы не встретились в СС старославянских памятников, но для них нашлись примеры управления супином в просмотренных древнерусских текстах:

въходити (*УспСб* x 1, *ВыгСб* x 1)⁵,

изълазити (*СинПат* x 1),

изъникънжти (*УспСб* x 1),

отъпоустити (*УспСб* x 1),

поустити (*УспСб* x 3, *СинПат* x 1),

стати (*Пут* Лк. 4.16 **ста**; в других кодексах **въста**),

съристати сѧ (*УспСб* x 1).

1.3.4. Кроме того, А. А. Потебня [1958: 349 и сл.] причисляет к супинодопускающим глаголам, не всегда указывая источник: **воротити сѧ, зъвати**

⁴ В *ПсДм* (36.34) **възнесеть та насладѣть землѧ** (в *СинПс* **наслѣдити**).

⁵ В *ПсДм* (40.7) **въхождаше видѣть** (в *СинПс* **въсхождаше**).

Таблица 1

	Зогр	Мар	Асс	Сав	Син Пс	Син Тр	Кл	Супр	Σsup
ВЕСТИ	1	1	1	1	—	—	—	—	4
ВЪЗВЕСТИ	—	—	1	1	—	—	—	—	2
ВЪЗВРАТИТИ СѦ	—	2	1	1	—	—	—	—	4
ВЪЗИТИ	2	2	2	1	—	—	—	—	7
ВЪЗЛЪСТИ	—	—	—	—	—	—	—	1	1
ВЪЛЪСТИ	—	—	1	—	—	—	—	—	1
ВЪНИТИ	3	6	2	2	—	1	—	1	15
ВЪСТАТИ	1	1	1	1	—	—	—	—	4
ВЪСХОДИТИ	—	—	—	—	1	—	—	—	1
ГРАСТИ	1	1	1	1	1	—	—	7	12
ИЗИТИ	8	11	7	2	—	—	—	—	28
ИСХОДИТИ	—	1	1	1	—	—	—	1	4
ИТИ	4	3	2	4	—	—	1	4	18
ОБРАТИТИ СѦ	—	—	—	—	1	—	—	—	1
ПОСЪЛАТИ	3	3	3	3	—	3	1	3	19
ПРИБЛИЖАТИ СѦ	—	1	—	—	—	—	—	—	1
ПРИСТЪПИТИ	1	1	—	—	—	—	—	—	2
ПРИТИ	19	20	18	7	—	1	1	10	76
ПРИХОДИТИ	1	1	1	1	—	—	—	—	4
ПРЪИТИ	1	1	1	—	—	—	—	—	3
РАЗИТИ СѦ	—	—	—	—	1	—	—	—	1
СЪЛАЗИТИ	1	1	—	—	—	—	—	—	2
СЪНИТИ	—	—	—	—	—	—	—	1	1
СЪНИТИ СѦ	—	—	—	—	—	1	—	2	3
СЪХОДИТИ	—	—	1	—	—	—	—	1	2
СЪХОДИТИ СѦ	1	—	—	—	—	—	—	—	1
ТЕЩИ	1	1	1	1	—	—	—	—	4
Σ	48	57	45	27	4	6	3	31	221

Зогр	Мар	Асс	Сав	Син Пс	Син Тр	Кл	Супр	Σinf
—	—	—	—	—	—	—	—	0
1	—	—	—	—	—	—	—	1
2	1	1	1	—	—	—	1	6
1	1	—	1	1	—	—	—	4
—	—	—	—	—	—	—	—	0
—	—	—	—	—	—	—	—	0
—	—	—	—	—	—	—	—	0
—	1	—	—	2	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—	—	—	0
—	—	—	—	—	—	1	4	5
5	4	—	1	—	—	—	—	10
1	—	—	—	—	—	—	—	1
4	4	3	—	—	—	—	3	14
—	—	—	—	—	—	—	—	0
3	6	6	2	—	—	—	7	24
—	—	—	—	—	—	—	—	0
—	1	1	—	—	—	1	—	3
3	2	—	1	1	1	1	6	15
1	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	0
—	—	—	—	—	—	—	—	0
—	1	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	1	1
—	—	—	—	—	—	—	—	0
—	—	—	—	—	—	—	—	0
—	1	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	3	3
21	22	11	6	4	1	3	25	93

(Договорная грамота 1229 г.), **нести**, **отъстѣжити**, **поѣти**, **пристраивати сѧ** (Лаврентьевская летопись), **просити** (Лаврентьевская летопись), **сѣво-коупити сѧ** (Лаврентьевская летопись), **сѣлазити**, **ѣхати**.

1.3.5. Некоторые глаголы, встретившиеся в просмотренных древнерусских памятниках только с инфинитивом, также могут быть причислены к образующим СС: **вълазити** (УспСб х 1), **доити** (СинПат х 1), **притещи** и **сѣнити** (УспСб х 1).

1.4. Семантика V₁

Все супинодопускающие глаголы старославянских и древнерусских памятников можно определить как глаголы движения (непереходные за редким исключением — **прѣити**) и каузативы движения (переходные: **посълати**, **вести** и т. п.), причем последние чаще управляют инфинитивом, чем супином, что можно показать сравнением единственного широко представленного из них (**посълати**) с другими частыми глаголами из Таблицы 1.

Таблица 2

		ПОСЪЛАТИ	ВЪНИТИ	ГРАСТИ	ИЗИТИ	ИТИ	ПРИТИ
Sup	Остр	3	5	0	4	5	17
	Арх	3	3	0	5	1	13
	Врач	1	1	1	4	2	5
	Дбзм	1	4	1	7	3	9
	УспСб	5	0	8	1	13	21
	СинПат	0	1	0	0	7	1
	Σ	13	14	10	21	31	66
	Σст.-сл.	19	15	12	28	18	76
Inf	Остр	6	0	0	3	1	0
	Арх	5	0	1	2	3	0
	Врач	6	1	0	2	4	7
	Дбзм	6	1	0	3	2	5
	УспСб	2	1	5	0	2	11
	СинПат	1	1	0	1	0	6
	Σ	26	4	6	11	12	29
	Σст.-сл.	24	0	5	10	15	15

1.5. Употребление супина вне СС

В древнерусских памятниках супин встречается (вплоть до его исчезновения, т. е. по XIV в.) только при глаголах движения и каузативах движения (со временем все менее последовательно). А. А. Потебня не нашел в древнерусском случаев употребления супина при модальных глаголах, кроме *Остр* Лк. 14.19: **хощѣ искоусити ихъ** [Потебня 1958: 349]. Здесь **хощѣ** стоит вместо **градѣ** других кодексов (*Зогр, Мар, Асс, Сав, Арх, Врач, Дбрм, Дбри, Ник, Вук*), и материала явно недостаточно, чтобы решать, ошибся ли переписчик, заменив **градѣ** на **хощѣ** и оставив управляемый глагол в форме супина, или же он (в этом случае южнославянский переписчик одного из протографов) считал вполне допустимым оставить супин при **хощѣ**. Во всяком случае, этот пример непоказателен для древнерусских памятников (равно как и для старославянских евангельских кодексов: по подсчетам Л. Мате [Mathé 1966: 44] инфинитив при **хотѣти** употреблен в них 97 раз, при **мощи** — 136).

Южнославянские же памятники XII–XIII вв. (в том числе и теряющие супин в большинстве СС в XIII в.), напротив, используют супин при **мощи** и **хотѣти**, и тенденция к этому прослеживается некоторыми исследователями с XI в. Обычно указывают на 2 примера из *Супр* (в тексте одного жития): **югда ли хоштеть скрыть** (283.22–23), **епискоупъ бо оуже поставькнь нынѣ попъ не можетъ быть** 287.22–23. К. Майер [Meyer 1944: 277] объясняет оба случая регрессивной ассимиляцией. Это равносильно недопущению употребления супина при модальных глаголах в XI в. С другой стороны, о том, что такая конструкция вполне закономерна в XIII в., свидетельствуют среднеболгарские памятники — *Врач* (еще сохраняющее в основном супин в СС, поскольку восходит к списку древнерусского извода): **како можетъ члѣвѣкъ родит’ся** (5^а), **юже хошетъ ѡживитъ** (10^а), **хотѣше їсѡс оумрѣтъ за люди** (33^а); *Дбри* (сохраняющее 6 форм супина только в 3 СС, в том числе 4 супина в Лк. 4.18–19, см. 2.4.4): **хотѣше и долоу сринжтъ** (36^а). Ср. также *Мак*: **каѡ бо пользѣ жеть члѣкоу приобрѣсти всего мира и отъшетитъ дѣшѣ своѣ** (69, 4–6).

Б. Цонев [1906: 91–92] утверждает, что супин являлся в среднеболгарском разговорной формой, бытовавшей наряду с книжной — инфинитивом, и приводит примеры из памятника, написанного на разговорном языке и предпочитающего супин. В современном словенском языке супин употребляется как при глаголах движения (*hodíti, hitéti* — ‘спешить’) и каузативах движения (*posláti, goníti, poklicati, vabiti* — ‘звать’ и т. п.), так и при глаголах *pustíti* ‘позволять’, *braníti* ‘запрещать’, а также *hotéti, móči, namjerávati, móрати* — ‘долженствовать’, согласно грамматике А. Баеца, Р. Коларича и М. Рупеля [Bajec et al. 1956] и учебнику Ю. Юранчица [Jurančić 1971].

1.6. Морфологические и лексические ограничения на V₂

Не от всех глаголов супин образуется равновероятно. Можно выделить следующие группы глаголов, предпочитающих форму инфинитива.

1.6.1. **ѡТИ** и приставочные с **-ѡТИ**

Возможно, причиной является наличие омонимичных форм аориста и страдательного причастия прошедшего времени (см. Таблицу 3).

Таблица 3

		Зогр	Мар	Асс	Сав	Кл	Супр	Σ1 ст.-сл.	Остр	Арх	Врач	Дбм	УспСб	СинПат	Σ2	Σ, Σ1-2
ѡТИ	sup			1				1				1			1	2
	inf	4	3		1			8	1	1	1	2			5	13
ВЪЗАТИ	sup	2	4	2	1			9	1			1			2	11
	inf	1	1				1	3	1			2	1	1	5	8
НАѡТИ	sup		1	1	1			3							0	3
	inf							0	1	1	1				3	3
ОТАТИ	sup							0							0	0
	inf					1		1							0	1
ПРИѡТИ	sup							0				1		1	1	2
	inf	2	2+1	1+1				5+2	1	0+1	1+1	0+1			2+3	7+5
СЪНАТИ	sup	1	1					2				1			1	3
	inf							0							0	0
Σ	sup	3	6	4	2	0	0	15	1	0	4	0	0	0	5	20
	Inf	7	6+1	1+1	1	1	1	17+2	4	2+1	4+1	4+1	1		15+3	32+5
Примечание	Здесь и в последующих таблицах после знака «+» указывается количество примеров, в которых ограничение на супин накладывается не только рассматриваемым фактором, но и каким-либо из остальных.															

1.6.2. **дати**

Таблица 4

	Зогр	Мар	Асс	Сав	Σ1	Остр	Арх	Гал	Пут	Врач	Дбм	УспСб	Σ2	Σ1+2
Inf	5	7	3	2	17	3	2	4	2	3	5	1	20	37
Sup	1	—	—	—	1	2	—	2	—	—	—	—	4	5

Все примеры с супином приходятся на два места евангельского текста:

Лк. 11.7 ***не могъ въстати дати тебѣ** *Зогр, Остр х 2, Гал*; ср.: ***въстати и дати** *Мар, Асс*; ***въставъ дати** *Сав* и остальные (аналогично греческому тексту: οὐ δύναμαι ἀναστᾶς δοῦναί σοι);

Лк. 12.51 ***мира придохъ дати** *Гал*; inf в *Зогр, Мар, Дбрм*.

Из глаголов, приставочных с -дати, встречаются: в *Супр* — **отъдати** и **подати** (sup), в *Арх* — **въдати** (inf).

1.6.3. Глаголы на -щи

Формы супина на **-щъ (-штъ)**, встречающиеся в старославянских и древнерусских памятниках, возникли по аналогии с формами инфинитива — **облещъ** вместо ожидаемого ***obletъ < *oblegtъ**. В старославянских памятниках в СС нашлись 3 таких глагола, из них 2 встретились в форме супина:

- (1) **въврѣщи** Мф. 10.34 *Мар*: **не мѣните ѣко приде въврѣшти мира на землѣ не приде въврѣщъ мира нъ мечъ**. *Гал*: 2 sup — **въврѣщъ**. *Мст, Дбрш* — 2 inf; *Зогр* — **положити**; Лк. 12.49 *Зогр* — inf, *Мар* — sup (**-щъ**), *Гал* — sup (**-щъ**), *Дбрм, Мст* [Карский 1895: 21] — inf.
- (2) **облещи** Лк. 24.29 *Мар, Асс* — sup (**-щъ**); *Гал, Врач, Мст* [Там же] — sup, *Дбрм* — inf.
- (3) **рещи** Лк. 14.17 ***посъла раба своего въ годъ вечера рещи званымъ** *Мар, Асс, Сав, Остр, Арх, Гал, Пут, Врач, Дбрм* — inf; *Зогр* — **рече**.

Откуда взяты старославянские примеры форм супина **пещъ, рещъ, мощъ** у Г. А. Хабургаева [1974: 307], **пещъ** у А. Мейе [1951: 195], **влѣштъ, рещтъ, мощтъ** и **врѣштъ** (от **врѣжъ**) у Н. Ван-Вейка [1957: 335–337], нам неизвестно; затрудняемся представить себе СС с глаголом **мощи** в качестве V₂.

1.6.4. Глаголы движения (в качестве V₂):

ити *Супр* 551.3–4 и **текъ ѡдинъ отъ брати... възати... и ити и почрѣти**;

прити Мф. 14.29 *Зогр* и *Мар*: ***хождааше по водамъ и прити къ ѡсови** (в *Асс, Сав, Остр, Арх, Гал, Пут, Дбрш, Ник, Вук*: **и приде**)⁶, здесь отражается разночтение греческого текста;

сънити сѧ Лк. 14.31 ***идыи къ иномоу црю сънити сѧ съ нимъ на брань** — *Зогр, Мар, Дбрм, Гал* (*ЧудНЗ*: **сразити сѧ**);

⁶ Согласно ЕвМф в некоторых рукописях XIII–XV вв. и Острожской Библии inf без **и** [ЕвМф 2005: 81].

възвратити сѧ Лк. 19.12 *Асс*: **иде на странѣ далече приѣти црство и възвратити сѧ**, также *Гал*. В других памятниках аорист: **и възврати сѧ** (*Зогр, Мар, Врач, Дбрм, Пут, Дбри*; в *Ник* — inf, дописан позднее), что свидетельствует о затруднительности употребления здесь не только супина, но и инфинитива (в греческом тексте инфинитив). См. также **ити, вънити** (×3), **вълѣсти** в *СинПат*, **пристѣлити** в *УспСб*. Форма **итѣ** [Ван-Вейк 1957: 340] является, скорее всего, изобретением Н. Ван-Вейка.

1.7. Фактор расстояния

То, как влияет удаление V_2 от V_1 на выбор формы супина или инфинитива, удобно рассмотреть на материале евангельских кодексов. Все места текста, которым в собственно старославянских памятниках (*Зогр, Мар, Асс* и *Сав*) соответствуют фразы, содержащие СС, можно разделить на три группы:

1) во всех четырех кодексах или некоторых из них — супин, ни в одном нет инфинитива;

2) во всех или некоторых — инфинитив и ни одного супина;

3) в некоторых из четырех — супин, а в некоторых — инфинитив.

По нашим подсчетам, эти три возможности реализуются следующим образом: из 110 мест sup (1) — 63 (= 57,25 %), inf (2) — 30 (= 27,25 %), sup/inf (3) — 17 (= 15,5 %). Л. Пацнерова [Pacnerová 1958: 265] дает для тех же четырех памятников совершенно другие цифры (без ссылок на источник): sup — 50 %, inf — 16 %, sup/inf — 34 %. Отметим, что соотношение форм sup и inf по нашему счету представляется более мотивированным, а по счету Л. Пацнеровой — более случайным.

Интересно посмотреть, как в каждой из трех групп общее число мест распределяется по интервалу между V_1 и V_2 (интервал — число слов, находящихся между V_1 и V_2 , за исключением энклитик).

Таблица 5

Интервал	Sup	Sup/Inf	Inf	Σ
0	24 + 2	1 + 4	0 + 6	25 + 12
1	20	1	1 + 2	22 + 2
2	3 + 1	5 + 1	4 + 7	17 + 9
3	2 + 1	2 + 1	2	6 + 2
4	4	1	1 + 1	6 + 1
Более 4	1	1	5 + 1	7 + 1
Σ	59 + 4	11 + 6	13 + 17	83 + 27

Таким образом, в евангельском тексте есть только одно место — Лк. 14.1, в котором употреблен супин во всех кодексах (в данном случае в *Мар, Асс, Сав*, а также в *Остр, Арх, Гал, Дбрм*; в *Пут* — инфинитив, во *Врач* —

и + аорист) при интервале больше 4 (здесь 7): ***ѡгда вѣннѣи ѡмоу въ домъ некоѡго кѣназа фарисеиска въ сѣботѣ хлѣба ѡстъ**. Кроме того, при интервале >4 супин встречается еще в одном, совсем уж уникальном случае (интервал 16) в *Асс* Лк. 2.4–5: ***възиде же и носифъ от галилеѣи изъ града назарета въ иудеѣхъ въ градъ давидовъ иже нарицають сѣвиѡлеемъ зане быти ѡмоу отъ домоу и отъчѣства давидова напѣсать сѣ...** (*Зогр, Мар, Сав, Остр, Арх, Гал, Пут, Дбрм* — inf). Возможно, супин поддержан аналогией с предыдущим стихом (Лк. 2.3): ***и идѣахъ вѣси кѣждо напѣсать сѣ** (здесь супин также в *Сав, Остр, Дбрм, Гал, Пут*; инфинитив — в *Зогр, Мар, Арх, Врач*).

Употребление инфинитива в шести местах при интервале >4 (Лк. 1.17, 1.76 — 3 глагола, 2.4–5, кроме *Асс*, и 2.22) будем считать мотивированным удаленностью от V_1 .

В *СинПс* все четыре супина следуют непосредственно за V_1 , а инфинитивы распределяются следующим образом: интервал 0 — 3 примера, интервал 2 — 2 примера, интервалы 3 и 5 — по 1 примеру⁷.

В *Кл, СинТр* и *Супр* проявляется та же тенденция (хотя и менее последовательно).

1.8. Влияние вида V_2 на выбор супина или инфинитива

Ян Гебауэр так описывает употребление супина в старочешском языке: супин «образуется обыкновенно только от глаголов несов. вида...»; «это правило действует в чешском с большой строгостью»; глаголы сов. вида в форме супина «являются исключением, которое мне встречалось весьма редко» [Gebauer 1929: § 361.1–361.3].

В учебнике современного словенского языка указывается: супин «образуется от инфинитива, главным образом глаголов несов. вида» [Jurančič 1971].

Наконец, у П. Троста находим: «Единственным объективным признаком различия значения или понимания [форм супина и инфинитива. — А. Т.] является тот факт, что в славянском в форме супина преимущественно употребляются глаголы несов. вида. Так Я. Гебауэр показал, что в старочешских памятниках супин употребляется, как правило, от глаголов несов. вида, хотя иногда речь идет о завершенном действии. Этот факт может быть объяснен, если предположить, что супин выражал возможность действия, а инфинитив его осуществление» [Трост 1963: 26].

После замечания о чешском супине Я. Гебауэр продолжает: «В старославянском бывает супин и от глаголов имперфективных, и от глаголов перфективных: **чесо изидосте видѣтъ** *Асс*, **придохъ искоуситъ чловѣка** *Супр*» [Gebauer 1929: § 361.3].

⁷ В *ПсДм* 5 sup с интервалом 0, по 1 sup с интервалами 2 и 3; 2 inf с интервалом 3, по 1 inf с интервалами 4 и 5.

Попробуем показать, что в старославянских и древнерусских памятниках выбор между инфинитивом и супином также происходил небезразлично к видовой характеристике глагола⁸. Разделим все V₂ на четыре группы по их видовой характеристике, указанной в [ССЯ 1994]. В скобках приводятся глаголы, встретившиеся только в древнерусских памятниках (для единообразия они даются в нормированном старославянском написании).

- «несов.»: (бити), (варити) (ἐφθῆναι), влачити, (влѣщи), (вѣдѣти), гладати, жити, жати, зъвати, имати, имѣти, искоушати, (испивати — в [ССЯ] нет), исповѣдати сѧ, лобызати, ловити, кланати сѧ, молити (сѧ), (мыти сѧ), мжчити, пасти (βόσκειν), плакати (сѧ), повѣдати, (продаѣти), проповѣдати, (просвѣщати сѧ), (прѣдъстоѣти), (пѣти), работати, роушити, славити, (строити), (съпати), сѣяти, творити, (томити), оучити, (хоулити), цѣлити (сѧ), чисти.
- «несов.-сов.»: (вести), видѣти, витати, глаголати, жрьти, ити, (пити), послоушати, почрьпати, слышати, сждити, цѣловати, ѡсти.
- «сов.-несов.»: благовѣстити, (испытати), кръстити (сѧ), покаѣти сѧ, рещи, (свъзати).
- «сов.»: въврѣщи, (въдати), възбоудити, (възъвати), възвести, възвратити сѧ, възвѣстити, (въздати), възискати, възати, (вълѣсти), (вънити), въставити, дати, избавити, извести, (извѣстити), изгънати, искоупити, искоусити (сѧ), испльнити, испразнити, (истръгнѣти), исцѣлити (сѧ), коупити, навести, (наплънити), направити, напъсати сѧ, (наставити), (насытити сѧ), начати, наѣти, облещи, обновити, обратити, обржчити, обрѣзати, (оживити), освѣтити, оскврънити сѧ, отѣдати, отъпоустити, отати, оцѣстити, (побѣдити), поглоумити сѧ, погоубити, подати, (пожрьти), поклонити сѧ, покрыти, полиѣти, положить, (помилувати), помолити сѧ, послоужити, поставити, потрѣбити, (почисти), (почити), почрѣти, привести, привлѣщи, призывати, (приложити), (принести), (пристѣпити), прити, причастити сѧ, приѣти, (прогънати), (продати), проклѣти, пролити, пролиѣти, проповѣдѣти, пропати, просвѣтити, прославити, прѣдъстати, (прѣмѣнити), раздрѣшити, разлжчити, разорити, (свободити), смирити сѧ, съврѣшити, (съгладати), съкрыти, сънити сѧ, сънѣсти, сънати, съпасти, състроити, сътворити, сътрыти, съхранити, оубити, оубоудити, (оувѣщати), оуготовати, оумыти сѧ, оупразнити, (оутѣшити), ѡти.

Глаголы **показати** и **сказати** являются двувидовыми (одной и той же форме инфинитива соответствуют личные формы глаголов несов. и сов. вида). Об употреблении подчеркнутых глаголов см. 1.6.

⁸ Далее до конца раздела 1.8 текст переработан и не соответствует исходному тексту 1981 г.

Можно выделить несколько пар глаголов, противопоставленных по виду: **имати — ѡти, зъвати — призывати, искоушати — искоусити, (мыти сѧ) — оумыти сѧ, проповѣдати — проповѣдѣти, (прѣдстоѡти) — прѣдстати, цѣлити (сѧ) — исцѣлити сѧ.**

В СС глаголы этих четырех групп распределяются по формам супина или инфинитива следующим образом (после знака «+» — число примеров, в которых на выбор инфинитива могли повлиять факторы, рассмотренные в пп. 1.4, 1.6 и 1.7).

Таблица 6

		Зогр	Мар	Асс	Сав	Σ1-4	СинПс	СинТр	Кл	Супр	Σ5-8	Σ1-8
СОВ	Sup	27	32	30	13	102	1	4	3	33	41	143
	Inf	12+15	9+18	3+9	4+6	28+48	1	0+2	0+2	21+18	22+22	50+70
СОВ-НЕСОВ	Sup	2	3	4	5	14	0	0	0	0	0	14
	Inf	4+2	2+3	3+3	0	9+8	0	0	0	2+1	2+1	11+9
НЕСОВ-СОВ	Sup	15	17	13	13	58	3	2	0	6	11	69
	Inf	1	2	0	0	3	3	0	0	5+2	8+2	11+2
НЕСОВ	Sup	9	9	8	8	34	0	1	0	6	7	41
	Inf	1+3	2+3	0+3	0+3	3+12	3	0	0	5+2	8+2	11+14

Таблица 7

		Остр	Арх	Врач	Дбм	Σ1-4	УспСб	Син Пат	Выг Сб	Σ5-7	Σ1-7
СОВ	Sup	35	15	9	18	77	42	5	2	49	126
	Inf	2+11	6+9	13+9	6+16	27+45	14+6	11+6	2+1	27+58	54+103
СОВ-НЕСОВ	Sup	5	4	1	3	13	1	6	0	17	49
	Inf	1+4	2+3	2+3	1+2	6+12	3	0+1	0	6+2	12+2
НЕСОВ-СОВ	Sup	10	8	4	10	32	11	3	0	14	46
	Inf	1	0	3	2	6	5+1	0	1	6+1	12+1
НЕСОВ	Sup	9	6	5	3	23	12	6	1	19	42
	Inf	0+3	0+2	1+4	5+4	6+13	4	3	1+1	8+1	14+14

Из наблюдений над таблицами можно сделать следующие выводы:

1. Влияние вида на выбор формы супина или инфинитива сказывается довольно последовательно в евангельских кодексах — как старославянских,

так и древнерусских. Для всех восьми памятников суммарное соотношение *sup* : *inf* для глаголов групп «сов.» и «сов.-несов.» составляет 206 : 70+113 (в общем итоге $\approx 1,1:1$; для примеров, не имеющих другой мотивации выбора инфинитива, — $\approx 2,9:1$), для глаголов «несов.-сов.» и «несов.» эти показатели равны 147 : 18+25 (в сумме $\approx 3,4:1$, для «чистых» примеров — $\approx 8,16:1$).

2. В *Супр* и *УснСб* влияние вида незначительно, но все же его нельзя отрицать совсем (особенно для *УснСб*).

3. В большинстве рассмотренных памятников с заметным количеством СС глаголы групп «несов.-сов.» и «несов.» предпочитают форму супина: *Зогр* (24 *sup* : 2+3 *inf*), *Мар* (26 : 4+3), *Асс* (21 : 0+3), *Сав* (21 : 0+3), *Остр* (19 : 1+3), *Арх* (14 : 0+2), *Врач* (9 : 4+4), *Дбмр* (13 : 7+4), *УснСб* (23 : 9+1), *СинПат* (12 : 3+1). Исключением является *Супр* (12 : 10+4). Глаголы групп «сов.» и «сов.-несов.» в этих же памятниках лишь относительно двух других групп чаще выбирают инфинитив, количественно он преобладает только в *Супр* (33 *sup* : 23+19 *inf*), *Арх* (19 : 8+12), *Врач* (10 : 15+12), *Дбмр* (21 : 9+18) и *СинПат* (7 : 12+6).

Показательно употребление самого частого глагола группы «несов.-сов.» в СС — **видѣти**.

Таблица 8

А.	<i>Зогр</i>	<i>Мар</i>	<i>Асс</i>	<i>Сав</i>	Σ_{1-4}	<i>СинПс</i>	<i>Кл</i>	<i>Супр</i>	Σ_{5-7}	Σ_{1-7}
Sup	9	10	7	2	28	2	1	3	6	34
Inf	—	—	—	—	—	—	—	2	2	2

Таблица 9

Б.	<i>Остр</i>	<i>Арх</i>	<i>Врач</i>	<i>Дбмр</i>	Σ_{1-4}	<i>УснСб</i>	<i>СинПат</i>	<i>ВыгСб</i>	Σ_{5-7}	Σ_{1-7}
Sup	5	5	4	4	18	10	1	—	11	29
Inf	1	—	—	—	1	2	—	1	3	4

Во всех представленных в обеих таблицах памятниках **видѣти** встречается 65 раз в форме супина и всего 6 раз в форме инфинитива. Показательно, что в евангельских памятниках при глаголе **посълати** употребляется супин только от глаголов несов. вида (включая **кръстити** в значении несов. вида). Таких мест четыре:

1. Лк. 15.15 ***посъла юго на села своѣ пасть свинии** *Зогр, Мар, Асс, Сав, Остр, Арх, Гал, Пут*; инфинитив — во *Врач, Дбмр*.
2. Ин. 1.33 ***посълавыи ма крѣститъ водою** (**въ водѣ** *Остр, Арх*) — *Зогр, Мар, Асс, Сав, Остр, Арх, Гал, Пут, Дбмр*.
3. Ин. 4.38 ***посълахъ вы жать** *Зогр, Мар, Асс, Остр, Арх, Гал, Пут, Врач*; инфинитив — в *Дбмр*.

4. Особенно примечательный случай — Мф. 21.34 *Сав*: ***посъла рабы своя къ дѣлательмъ имать вина своѣго**; при том что в *Мар, Асс, Остр, Арх, Гал, Пут, Врач*, а также *Зогр², Дбриш, Ник, Вук*: ***приати плоды (плодь Арх, Врач, Вук) юго**.

Инфинитив при **посълати** во всех евангельских памятниках обнаружен в шести местах (Мф. 22.3, 22.7; Мк. 3.14; Лк. 1.19, 9.2, 14.17; в том числе «сов.» — 3+1, «сов.-несов.» — 4, «несов.» — 1 глагол **имѣти**, но здесь на выбор инфинитива могла повлиять предшествующая однородная форма **проповѣдати** (см. Мк. 3.14)).

В других памятниках глаголы сов. вида в форме супина при глаголе **посълати** встречаются, например: *СинТр посълавъ и оумыть са* (33а 6), *посъла ... навестъ насъ* (41а 4); *Супр посъланъ бысть гаурииль възвѣститъ въсемоу миру съпасению* (244.5).

2.0. Прямое дополнение при супине и инфинитиве в СС

Одной из частных задач исследования являлось описание падежного оформления прямого объекта при V₂. Выяснение «природы» генитива при супине (т. е. восходит ли он к родительному приименному или родительному цели и т. п.) в эту задачу не входило.

2.1. Выбор генитива или аккузатива

Прямое дополнение при V₂ имеется более чем в половине рассмотренных мест евангельского текста; при супине нормой является прямой объект в генитиве (исключения см. 2.4.1), довольно часто встречающемся в СС и при инфинитиве. Не все примеры одинаково показательны для характеристики СС, т. к. во многих случаях противопоставление генитива и аккузатива нейтрализуется. Рассмотрению посторонних факторов, влияющих на выбор родительного падежа, преимущественно посвящена глава о супине в работе К. И. Ходовой [1964], в которой утверждается, что в «выборе формы прямого объекта при супине уже в текстах евангелий наблюдаются колебания, употребление винительного падежа в старославянском постепенно нарастает, и в Супрасльской рукописи винительный падеж столь же часто связывается с супином, что и родительный⁹. Число примеров родительного падежа при супине не было слишком большим и в евангелиях, здесь следует тщательно разграничить родительный падеж, употребление которого вызвано только супином, и родительный падеж, появившийся под влиянием других причин грамматического или лексического характе-

⁹ Р. Вечерка [Večerka 1993: 256] показал, что в *Супр* отражается стадия утраты исконного употребления род. падежа.

ра» [Там же: 149]. Вывод же делается следующий: «особенности падежного окружения супина ясно указывают на то, что в эпоху создания первых переводов [?!] супин воспринимается скорее как инфинитив, чем как отглагольное имя...» [Там же: 150].

2.2.0. Другие причины выбора генитива

Рассмотрим возможные причины выбора родительного падежа в том же порядке, в котором они приведены в [Ходова 1964].

2.2.1. Некоторые местоимения

К местоимениям, часто употребляющимся в родительном падеже вместо винительного [Ходова 1964: 146], могут быть отнесены только следующие личные местоимения:

1) **ны** — **насъ**, в трех местах:

Мф. 8.29 ***мжчить насъ** Зогр, Мар, Асс, Сав, Остр, Арх, Врач;

***мжчители насъ** Дбриш, Вук, Ник.

Мк. 1.24 ***погоубить насъ** Зогр, Мар;

***погоубити насъ** Дбриш, Вук, Ник.

Лк. 4.34 ***погоубить насъ** Зогр, Мар, Асс, Остр, Дбрм;

***погоубити насъ** Врач, Дбриш, Ник, Вук.

2) **и** — **юго**, в семи местах: Мф. 27.49; Мк. 3.21, 15.36; Лк. 6.18, 15.1. 21.38, 22.47. Здесь также почти всюду (кроме Мк. 3.21: ***яти и** Зогр, Мар, Гал, Дбриш; **ать его** Дбрм; **яти юго** Ник) и при супине, и при инфинитиве местоимение стоит в родительном падеже (**юго**).

3) **я** — **ихъ**, в двух местах: Лк. 14.19 и 17.31; всюду — **ихъ**.

Как видим, даже в СС встретился пример (Мк. 3.21), в котором винительный падеж местоимения отличается от родительного. Для точного представления о показательности всех приведенных примеров необходимо проанализировать (статистически по памятникам) все случаи употребления этих местоимений в качестве прямого дополнения при тех же глаголах вне СС.

Возможно, сюда же стоит отнести местоимение, формы родительного и винительного падежей которого различаются чаще [Вайан 1952: 207]:

4) **м** — **мене**, в трех местах одно словосочетание ***яти м**(мене):

Мф. 26.55: sup + gen — Асс; inf + acc — Зогр, Мар, Сав, Остр, Дбриш, Вук; inf + gen — Арх, Врач, Ник.

Мк. 14.48: inf + acc — Мар, Дбрм, Вук; inf + gen — Зогр, Ник.

Лк. 22.52: inf + gen — Зогр, Дбрм, Дбриш, Ник, Вук.

2.2.2. Одушевленность

«Примеры с именем существительным м. р. ед., имеющим основу на ъ» [Ходова 1964: 146], обозначающим лицо, встретились в двух случаях:

Мф. 10.35 *разлѣчить чловѣка *Зогр, Мар, Гал, Дбриш*; inf + gen *Ник*.

Мф. 23.15 *сѣтворити єдино҃го пришьльца *Мар, Гал, Дбриш, Зогр²*.

Очевидно, сюда же можно отнести примеры с прилагательным:
*възыскать и спасти погыбѣшааго в двух местах:

Мф. 18.11: sup, sup + gen — *Мар, Асс (погыбѣшихъ), Остр, Зогр²*; inf, sup + gen — *Арх*; inf, inf + gen — *Врач, Дбриш, Вук, Ник*; inf, inf + acc pl (погыбѣшаа) — *Сав*.

Лк. 19.10: sup, sup + gen — *Зогр, Мар, Асс, Остр, Арх*; sup, inf + gen — *Дбзм*; inf, inf + gen — *Врач, Дбриш, Ник, Вук*.

2.2.3. Отрицание при V₁

«Родительный при супине может быть иногда поддержан отрицанием, употребленным при глаголе, от которого зависит супин» [Ходова 1964: 146].

В евангельском тексте трижды встречается фраза *не приѣдохъ (бо) призывать правѣдникъ (вариант: правѣдныихъ) нѣ грѣшныи на (вариант: въ) покаѣниѣ, имеющая в памятниках следующие грамматические воплощения:

Таблица 10

	<i>Зогр</i>	<i>Мар</i>	<i>Асс</i>	<i>Сав</i>	<i>Остр</i>	<i>Арх</i>	<i>Врач</i>	<i>Дбзм</i>	<i>Дбриш</i>	<i>Ник</i>	<i>Вук</i>
Мф. 9.13	—	sup + gen, acc	sup + gen, acc	sup + gen, gen	sup + gen, gen	gen + sup + gen	sup + gen, acc	—	—	inf + gen, acc	inf + acc, gen
Мк. 2.17	sup + gen, gen	sup + gen, acc	sup + gen, acc	sup + gen, gen	sup + gen, acc	sup + gen, acc	inf + acc, acc	sup + acc, —	inf + acc, acc	inf + gen, acc	inf + gen, gen
Лк. 5.32	sup + gen, acc	sup + gen, acc	sup + gen, acc	—	sup + gen, acc	sup + gen, gen	inf + acc, acc	sup + gen, gen	inf + acc, gen	inf + gen, acc	inf + gen, gen

Эта фраза встречается в *Супр* (356.4–5): sup + gen, acc; и в *УспСб* (25968): sup + gen, gen.

Как отметил К. Майер [Meyer 1944: 287], здесь второй объект противопоставляется первому, отрицаемому, что подчеркивается противопоставлением падежей, которое часто сохраняется и при инфинитиве, иногда «переворачиваясь» (см. *Вук* Мф. 9.13 и *Дбриш* Лк. 5.32). В некоторых же случаях (в *Зогр, Сав, Остр, Арх, Дбзм, УспСб* при супине, а в *Вук* при инфинитиве) оба объекта остаются в родительном падеже.

Другие примеры с отрицанием:

Мф. 10.34 *не приѣдохъ въврѣшь (положити *Зогр*; въврѣши *Дбриш, Ник, Вук*) мира нѣ мечъ *Мар, Гал*.

Мф. 24.18 ***да не възвратитъ сѧ възпѧтъ възатъ ризъ своихъ** *Мар, Асс, Сав, Остр, Гал*; inf + acc — *Зогр², Ник*; inf + gen — *Дбриш, Вук*.

Мк. 13.15 ***ни да вънидетъ възатъ чесо** *Зогр, Мар, Дбрм*; inf + acc — *Ник, Вук*.

Мк. 13.16 = Мф. 24.18 (см. выше) sup + gen — *Мар, Гал*; inf + gen — *Зогр, Дбрм, Вук*; inf + acc — *Ник*.

Лк. 9.56 ***не приде доушь чловѣчьскихъ погоубитъ** *Зогр, Мар, Гал, Пут, Дбрм*; gen + inf — *Дбриш, Ник, Вук*.

Лк. 17.18 ***не обрѣтоша сѧ възвращыше сѧ дати славы богу** *Зогр, Мар, Асс, Сав, Пут*; inf + acc — *Остр, Арх, Гал, Дбрм, Врач, Дбриш*.

СинПс: ***ни обрататъ сѧ покрыть земля** (103.9).

2.2.4. Особенности управления

«Употребление родительного падежа при супине могло быть вызвано в значительном количестве случаев и особенностями управления того глагола, от которого образован супин» [Ходова 1964: 146]. Такие глаголы делятся на следующие группы:

1. Глаголы восприятия — **видѣти** (Мф. 11.7,8,9; 22.11; 28.1; Мк. 5.14, Лк. 7.24,25,26; 8.35) и **слышати** (Мф. 12.42; Лк. 11.31).
2. «В старославянском наблюдается употребление родительного падежа (наряду с винительным) при глаголах **ѣти, имати, възати, дати** и некоторых других» [Там же: 147]. Сюда же можно отнести: Мф. 26.55 (см. 2.2.1), Мк. 13.16 (2.2.3), Мф. 24.18 (2.2.3), Мк. 15.36 (2.2.1), Мф. 20.1 ***наѣтъ дѣлатель** *Мар, Асс, Сав, Гал*; inf + acc pl — *Зогр², Остр, Арх, Врач, Ник, Вук*; а также Лк. 12.51 и 17.18 с **дати** (inf pro sup).
3. «С глаголами ожидания, просьбы, требования объект выражался в старославянском только родительным падежом» [Там же]. Это правило излишне, т. к. оба примера (Лк. 14.10 и Мф. 18.11) оговорены в 2.2.2.

Для сравнения укажем, что у А. Вайана [1952: 210–211] в списке глаголов, употребляющихся с родительным (наряду с более частым винительным), из вышеупомянутых встречаются только **слышати, приѣти** и **дати**. Во всяком случае, необходимым условием для утверждений об управлении тех или иных глаголов исключительно или преимущественно родительным падежом должно быть исследование употреблений этих глаголов с винительным и родительным падежами по отдельным памятникам, с учетом возможного влияния на выбор падежа других факторов.

2.2.5. Genitivus partitivus

«Супин часто наблюдается в условиях, которые вызывают в старославянском появление родительного партитивного. Остается неясным, вызваны ли родительный падеж в этих условиях супином или это обычный родительный партитивный» [Ходова 1964:147]. Genitivus partitivus возможен в следующих из указанных примеров:

Мф. 21.34 **имать вина своего Сав** (*Мар, Асс, Остр* **прияти плоды его**; *Арх, Вук* **прияти плодь его**);

Мк. 13.15 (с отрицанием, см. 2.2.3);

Лк. 8.5 ***сѣять семене своего Зо҃р, Мар, Асс, Остр, Гал, Пут, Врач, Ник**; inf + gen — *Дбрм*;

Лк. 14.1 ***ѣгда вѣнити ѣмоу ... хлѣба ѣсть** (см. 1.7);

Ин. 4.7 ***почрътъ (почръпать Мар, Асс, Ник) воды Зо҃р, Мар, Остр, Арх, Гал**; inf + gen — *Пут, Дбрм, Дбри, Ник, Вук*.

2.3. «Чистый» генитив при супине

2.3.1. В евангельских кодексах

Все же после сильных натяжек (особенно в п. 2.2.4) в евангельских памятниках остаются и случаи «подлинной зависимости родительного от супина» [Ходова 1964: 148]:

Лк. 15.15 ***посѣла ѣго на села свою пасть свинии Зо҃р, Мар, Асс, Сав, Остр, Арх**; inf + acc — *Врач, Дбри, Ник*; inf + gen — *Дбрм, Вук*.

Лк. 1.59 ***придоша (придѣ Мар) обръзати отрочаѣ Зо҃р, Мар, Асс, Сав, Остр, Арх, Дбрм**; inf + acc — *Ник*; inf + gen — *Врач, Дбри*.

Ин. 21.3 ***идѣ рыбѣ ловити Зо҃р, Мар, Асс, Остр, Дбрм**; acc + inf — *Врач, Дбри*; gen + inf — *Вук*.

Ин. 14.2 ***идѣ оуготовати мѣста вамѣ Сав**; inf + acc — *Зо҃р, Мар, Асс x2, Остр, Арх x2, Врач, Дбри, Ник*.

Лк. 12.49 ***огнѣ приде вѣврѣщи на земли Мар**; gen + inf — *Зо҃р, Дбрм, Дбри, Ник*.

2.3.2. В остальных памятниках

Подобные неоспоримые примеры можно найти и в других памятниках:

Кл **тоуне приде хѣ пролити крове своеѣ** 233.

СинТр **освѣтити омрачныхъ** 33а 1; **грѣшникъ избавити** 72в 11; **видѣти възлежащихъ** 106в 13 (= Мф. 22.11).

Супр погоубить крѣстиѣнъ 221.4; съмръти проклатъ а въскрѣсеніѣ намъ обновитъ 342.10–11; възвѣститъ... спасеніѣ 244.6; извѣсть вѣчнѣхъ жж'никъ 460.5–6; гладатъ вои своихъ 191.24; видѣтъ гроба 444.21 (= Мф. 28.1); прѣвозданааго овчате погыбѣшааго възискать 459.24–25.

В *УспСб* и *СинПат* преобладает употребление супина с родительным падежом.

2.4. Супин с аккузативом

2.4.1. В евангельских кодексах

Случаи употребления супина с винительным падежом в евангельских кодексах очень редки. Это, во-первых, темное место Лк. 4.18–19 в *Мар*, *Сав* и *Дбри* (см. 2.4.4), во-вторых, фразы с противопоставлением неотрицаемого аккузатива отрицаемому генитиву (реже наоборот) Мф. 9.13, Мк. 2.17, Лк. 5.32, а также Мф. 10.34 (см. 2.2.3). Ср. в *Арх* Мф. 11.7–9: что изидосте видѣтъ въ поустыню трѣсти ли... что изидосте видѣтъ члѣвка ли... нѣ чѣсо изидосте видѣтъ прѣрока ли еи... В-третьих, Мф.10.35 *придохъ (придѣ) рѣзължчитъ чловѣка на отьца своего и дѣщерь... и невѣстѣ... *Зогр* (возможно, вписано позже), *Мар*, *Дбри*; inf + 3 асс — *Ник*, *Вук*.

2.4.2. В остальных памятниках

Из других старославянских памятников супин встречается с винительным падежом чаще всего в *Супр*: **мжчитъ рекомыѣ рабы божиѣ** 210.16–17, **мжчению дръжавѣ сътрѣтъ** 342.1–2, **възискать и съпасть погыбѣшеѣ** 346.27, **възискать и направить изгыбѣшеѣ** 402.19–20, **слышать нѣчто о крѣстѣ** 431.9, **длѣгъ вамъ отьдѣтъ** 498.14, **съказать фомѣ** 498.16¹⁰.

В *Кл* **сжѣщаѣ подѣ закономъ искоупитъ** 284 и сл.

Винительный падеж с супином представлен также в древнерусских памятниках:

СинПат: **приатъ дѣшо** 164 об. 11 (возможно, супин спутан с аористом).

УспСб: **трапезы (pl?) строить** 117а 5, **възискать и направить изгыбѣшеѣ** 200в 21 (ср. *Супр*. 402.19), **избавитъ нищѣ родъ члѣвчѣскѣ** 238в 6–7, **истинноѣ приатъ зъваниѣ** 143 в 42 (также вероятно путаница с аористом), **пѣтъ... оба на десѣте псалма** 45а 2.

2.4.3. Возможная причина винительного при супине

В относительно частом оформлении прямого объекта при супине винительным падежом не только в *Супр*, но также в *Кл*, аналогичном ей по со-

¹⁰ См. сн. 8.

держанию, и в *УспСб*, обнаруживающем с ней немало общего, можно видеть результат большей зависимости синтаксиса этих памятников от греческого оригинала, чем в переводных библейских текстах, что может выражаться не только в замене славянских форм, не имеющих прямого соответствия в греческом языке (например, супина на инфинитив или родительного падежа при отрицании или супине на винительный), но и в смешанном употреблении этих форм и форм, соответствующих греческим. Во всяком случае, не располагая данными о степени зависимости синтаксиса и грамматики каждого памятника от языка оригинала, нельзя утверждать, что употребление винительного падежа при супине в старославянском языке «постепенно нарастало» от времени написания евангельских кодексов (X–XI вв.) ко времени написания *Супр* и *Кл* (сер. XI в) [Ходова 1964: 149]. Такое объяснение сильно упрощает картину, ибо оно не учитывает, что сравниваются памятники с совершенно разными историями перевода и бытования: с одной стороны — Евангелия (апракос и тетр), с другой — Четьи-миней и Гомилиар. Сравнение же старославянских евангельских кодексов с еще более поздними, чем *Супр* и *Кл*, но евангельскими памятниками (*Дбрм* и *Врач*), показывает, что родительный падеж при супине сохраняется довольно долгое время, хотя его поздняя история недостаточно изучена. (В современном словенском языке «уже в большинстве диалектов, особенно тех, из которых сложился литературный язык, объект при супине стоит в винительном, а не в родительном падеже» [Jurančič 1971].)

2.4.4. Одно «туманное» место в евангельских текстах

К. Майер [1944: 287], а вслед за ним и другие авторы (например, К. И. Ходова [1964: 148]) выделяют одно место в евангельском тексте (Лк. 4.18–19), необычно грамматически оформленное сразу в двух старославянских кодексах (*Мар* и *Сав*), а также в *Остр*, *Дбриш*, *Гал* и *Пут*, причем в каждом памятнике по-своему. В *Дбрм*, *Ник*, *Вук* употреблены нейтральные формы *inf + асс*, в *Зогр* и *Врач* это место утрачено. Необычность заключается, во-первых, в употреблении многочисленных супинов (в том числе глаголов сов. вида) при глаголе **посълати** в *Мар*, *Дбриш* (в *Дбриш*, кроме этих четырех глаголов, обнаружены только три формы супина), а также в *Асс*, *Сав*, *Остр*, *Арх* и *Гал* (хотя там их не так много); во-вторых, в трудно объяснимых (см. 2.4) случаях оформления прямого дополнения винительным падежом при супине в *Мар*, *Сав*, *Остр*, *Дбриш*, *Гал* и *Пут*. Не вызывает вопросов представление этого места в *Асс*, текст которого К. Мейер считал «исконным» и противопоставлял остальным «испорченным». Мы же, избегая суждений о исконности и испорченности, вообще исключаем формы этого отрывка из всех подсчетов, давая в тексте, где это необходимо, сноску на настоящий раздел.

3.0. Результаты и перспективы исследования

В каждом значительном по объему старославянском памятнике представлены формы супина, но в каждом из них также встречаются формы инфинитива, заменяющего супин. Выбор той или иной формы в значительной степени зависит от семантики V_1 (при каузативах движения чаще предпочтение отдается инфинитиву, нежели при глаголах движения) и от вида V_2 (для глаголов несов. вида выбор формы супина происходит относительно чаще, чем для глаголов сов. вида), также обнаруживается зависимость от интервала между V_1 и V_2 (чем он больше, тем чаще встречается инфинитив) и от некоторых морфологических и семантических характеристик V_2 . Интересно, что в древнерусских списках Евангелия XI–XII вв. супин функционирует сходно с его употреблением в старославянских кодексах, чем подтверждается мнение Н. Н. Дурново [1926–1927] о большом значении русских рукописей, помогающих «судить и о самом ст.-сл. языке, и об эволюции его у южных славян в X и XII вв. с большей ясностью, чем это можно сделать, пользуясь памятниками только ю.-сл. письма». В древнерусских небиблейских книжных памятниках XI–XII вв. также встречается супин, причем его использование в некоторых из них (*СинПам*, *УснСб*) сходно с *Супр* и *Кл*. Формы супина зафиксированы в оригинальных древнерусских агиографических (Житие преп. Феодосия в составе *УснСб*), исторических и юридических текстах (летописях и грамотах) и даже в выполненных книжным языком надписях, например на Суздальских золотых вратах XII–XIII вв. — **анѣли бѣии придоша повѣдати лотови да избѣгнеть ѿ содома** [Овчинников 1978: 107]. Из этого, конечно, нельзя делать выводы о наличии форм супина в живом древнерусском языке (об этом нет ни одного убедительного свидетельства)¹¹, но, безусловно, можно говорить об усвоении и сохранении норм книжного церковнославянского языка. Исчезновение форм супина в древнерусских рукописях может быть связано с использованием со второй половины XIV в. полууставного письма, в котором часто не различаются конечные *-ти*, *-тъ* и *-ть*, а также со вторым южнославянским влиянием. Напротив, в южнославянских рукописях XII–XIII вв. наблюдается умаление исконных форм супина (что может быть связано с эллинизацией, т. е. редактированием текста с привлечением греческих списков или изменением нормы под влиянием знакомства с греческим языком) и появлением новых форм супина при модальных глаголах (что, скорее всего, связано с процессами, происходившими в живых южнославянских языках).

Закономерности употребления супина могут быть уточнены после привлечения более обширного материала древнерусских и южнославянских памятников, а также материала новых (словенского и нижнелужицкого) языков.

¹¹ Убедительная аргументация в пользу сохранения супина в древнерусском языке до XV в. приводится в [Мольков 2018]. О формах супина в бытовых маргиналиях псковских рукописей второй половины XIV в. см. [Калугин 1995: 116–117].

Источники и словари

Арх — Архангельское Евангелие: Архангельское Евангелие: Издание фотоинкографическое. М., 1912.

Асс — Ассеманиево Евангелие: J. Kurz. Evangeliarium Assemani: Codex Vaticanus 3 glagoliticus. Т. 2. Praha, 1955.

Врч — Врачанское Евангелие: Б. Цонев. Врачанско Евангеле. София, 1914.

Вук — Вуканово Евангелие: Ј. Брана. Вуканово Јеванђеље. Београд, 1967.

ВыгСб — Выголексинский сборник: Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко; под ред. С. И. Коткова. М., 1977.

Гал — Галицкое Евангелие: А м ф и л о х и й (Сергиевский-Казанцев), архим. Четвероевангелие Галицкое 1144 г., исправленное по древним славянским памятникам... Т. 1–2. М., 1882–1883.

Дбрм — Добромирово Евангелие: Добромирово Евангелие: Български паметник от началото на XII век / Подготви за издаване Б. Велчева. София, 1975.

Дбри — Добрейшево Евангелие: Б. Цонев. Добрѣйшово Четвероевангеле. София, 1906.

ЕвИн 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев и др. СПб., 1998.

ЕвМф 2005 — Евангелие от Матфея в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев и др. СПб., 2005.

Зогр, *Зогр*² — Зографское Евангелие: V. Jagić. Quattuor Evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berlin, 1879.

Кл — Сборник Клоца: A. Doštal. Clozianus. Praha, 1959.

Мак — Македонское Евангелие: В. Мошин. Македонско Евангелие на поп Лована. Скопје, 1954.

Мар — Мариинское Евангелие: И. В. Ягич. Мариинское Четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883.

Ник — Никольское Евангелие: Д. Даничић. Никольско Јеванђеље. Београд, 1864.

Остр — Остромирово Евангелие: А. Х. Востоков. Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. СПб., 1843.

ПсДм — Псалтирь Дмитрия: Psalterium Demetrii Sinaitici et Folia medicinalia / praeparaverunt H. Miklas [et alii]. Wien, 2021.

Пут — Путенское Евангелие: Ae. Kalužnički. Monumenta linguae paleoslovenicae collecta et in lucem edita. Т. 1: Evangelium Putnanum. Vindobonae; Teschenae, 1888.

Сав — Саввина книга: В. Н. Щепкин. Саввина книга. СПб., 1903.

СинПат — Синайский патерик: Синайский патерик. М., 1967.

СинПс — Синайская Псалтирь: С. Н. Северьянов. Синайская Псалтирь: Глаголический памятник XI в. Пг., 1922.

СинТр — Синайский требник: R. Nachtigal. Euchologium Sinaiticum staro-cerkvenoslovanski glagolski spomenik. Ljubljana, 1942.

Супр — Супрасльская рукопись: С. Н. Северьянов. Супрасльская рукопись. СПб., 1904.

ССЯ 1994 — Словарь старославянского языка (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

Тур — Туровское Евангелие: Туровское Евангелие XI века / Редакция текста и объяснения П. А. Гильдебрандта. Вильна, 1869.

УспСб — Успенский сборник: Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

ЧудНЗ — Чудовский Новый Завет: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа: Труд св. Алексия митр. Московского и всея Руси. М., 1892.

NT — Novum Testamentum Graece et Latine / Utrunque textum cum apparatu critico imprimendum curavit E. Nestle. Ed. 22. London, 1969.

Л и т е р а т у р а

Вайан 1952 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Ван-Вейк 1957 — Н. В а н - В е й к. История старославянского языка. М., 1957.

Дурново 1926–1927 — Н. Н. Д у р н о в о. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Южнославянский филолог. Београд, 1926–1927. Кн. 6. С. 11–64.

Карский 1895 — Е. Ф. К а р с к и й. Особенности письма и языка Мстиславова Евангелия. Варшава, 1895.

Калугин 1995 — В. В. К а л у г и н. Отношение к книге в Древней Руси (По материалам псковских записей XIV в.) // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1995. Вып. 50. С. 104–122.

Кульбакин Ст. Неколько речи о конструкции «да са индикативом», место инфинитива у старославянского перевода Евангелия // Сборник филологических и лингвистических студии Л. Белићу. Београд, 1921. С. 229–232.

Мейе 1951 — А. М е й е. Общеславянский язык. М., 1951.

Мольков 2018 — Г. М о л ь к о в. Супин в древнерусских списках Евангелия XI–XIII вв. // *Rosprawy komisji językowej*. 2018. № 56. S. 319–332.

Овчинников 1978 — А. Н. О в ч и н н и к о в. Суздальские золотые врата. М., 1978.

Пожгаи 2003 — И. П о ж г а и. Употребление супина в Синайском патерике // *Studia Slavica Savariensia*. 2003. № 1–2. S. 397–403.

Потебня 1958 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.

Трост 1963 — П. Т р о с т. Супин в балтийских и славянских языках // Краткие сообщения института славяноведения. М., 1963. Вып. 38. С. 23–27.

Хабургаев 1974 — Г. А. Х а б у р г а е в. Старославянский язык. М., 1974.

Ходова 1964 — К. И. Х о д о в а. Употребление падежей при синтаксических производных глагола в старославянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 122–160.

Цонев 1906 — Б. Ц о н е в. Изследване // *Дбру*. С. 1–94.

Bajec et al. 1956 — A. B a j e c, R. K o l a r i č, M. R u p e l. Slovenska slovnica. Ljubljana, 1956.

Gebauer 1929 — J. G e b a u e r. Historická mluvnice jazyka českého. D. 4: Skladba. Praha, 1929.

Jurančič 1971 — J. J u r a n č i č. Slovenački (slovenski) jezik (за србе и хрвате). Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1971.

Mathé 1966 — L. M a t h é. Syntaktische Funktionen des altsl. Infinitivums und Supinums auf Grund des Codex Marianus // *Slavica*. Debrecen, 1966. T. 6. S. 35–44.

Meyer 1944 — K. H. M e y e r. Altkirchenslavische Studien. II: Das Supinum: Eine syntaktische Untersuchung // Schriften der Königsberger gelehrten Gesellschaft: Geistwissenschaftliche Klasse. Halle, 1944. Jahr 18. H. 3. S. 263–290.

Pacnerová 1958 — L. P a c n e r o v á. K sintaxi infinitivu v staroslověnských evangelních kodexech // Studie ze slovanské jazykovědy. Praha, 1958. S. 263–270.

Večerka 1993 — R. V e č e r k a. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II: Die innere Satzstruktur. Freiburg, 1993.

Статья получена 20.05.2025

Rev. Alexandr Troitsky

Chairman of the Board of the Institute for Bible translation

(Moscow, Russia)

alexandr.troitsky@yandex.ru

THE SUPINE IN OLD CHURCH SLAVONIC

References

Jurančič, J. (1971). *Slovenački (slovenski) jezik (za crbe u xpcame)*. Ljubljana: Državna založba Slovenije.

Kalugin, V. V. (1995). Otnoshenie k knige v Drevney Rusi (Po materialam pskovskikh zapisei XIV v.). *Zapiski Otdela rukopisey RGB*, 50, 104–122.

Khaburgaev, G. A. (1974). *Staroslavianskii iazyk*. Moscow.

Khodova, K. I. (1964). Upotreblenie padezhei pri sintaksicheskikh proizvodnykh glagola v staroslavianskom iazyke. In *Problemy indoevropskogo iazykoznanii* (pp. 122–160). Moscow.

Mathé, L. (1966). Syntaktische Funktionen des altsl. Infinitivums und Supinums auf Grund des Codex Marianus. In *Slavica*, 6 (pp. 35–44). Debrecen.

Molkov, G. (2018). Supin v drevnerusskikh spiskakh Evangelii XI–XIII vv. *Rosprawy komisji językowej*, 56, 319–332.

Ovchinnikov, A. N. (1978). *Suzdalskie zlatye vrata*. Moscow.

Pozhgai, I. (2003). Upotreblenie supina v Sinaiskom paterike. *Studia Slavica Savariensis*, 1–2, 397–403.

Trost, P. (1963). Supin v baltiiskikh i slavianskikh iazykakh. *Kratkie soobshcheniia instituta slavianovedeniia*, 38, pp. 23–27.

Večerka, R. (1993). *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II: Die innere Satzstruktur*. Freiburg.

Received on May 20, 2025

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

doi.org/10.31912/rjano-2026.1.11

Н. Н. РОЗАНОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
ninarozanova13@yandex.ru

ЗАПИСИ СЦЕНИЧЕСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ, ВЫПОЛНЕННЫЕ ГРИГОРИЕМ ОСИПОВИЧЕМ ВИНОКУРОМ НА СПЕКТАКЛЯХ МХАТ В 1944 Г. (по материалам Винокуровского архива в РГАЛИ)

Несколько предварительных замечаний от публикатора

Данная публикация представляет собой материалы из Архива Григория Осиповича Винокура, хранящиеся в РГАЛИ. Это картотека записей произношения актеров двух академических московских театров — МХАТ и Малого, — сделанных во время спектаклей в 1944 г. Перед тем как представить картотеку читателю, мне хотелось бы вспомнить имена ученых, которые познакомили меня с этими материалами и оказали помощь и поддержку в работе над ними.

О существовании картотеки я узнала от ученицы Винокура **Раля Михайловны Цейтлин**, которая была хорошо знакома с материалами Архива и подробно описала их в очерке жизни и творчества своего учителя. Есть в этом очерке упоминание и о картотеке: «В архиве ученого хранятся картотеки с записью произношения (в принятой современной транскрипции) Книппер, Орлова, Белокурова, Массальского, Еланской, Степановой, Гошевой, Ливанова, Добронравова, Ершова и некоторых других артистов» [Цейтлин 1965: 65]. Рассказывая об этих уникальных записях, Раля Михайловна предложила мне сделать доклад по материалам картотеки на научной конференции, посвященной 100-летию Г. О. Винокура, которая состоялась в ноябре 1996 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. После моего сообщения на конференции винокуровскими записями заинтересовался **Сигурд Оттович Шмидт**. Он как председатель Археографической комиссии РАН предложил опубликовать мое сообщение в «Археографическом ежегоднике за 1997 год». После этой публикации (см. [Розанова 1997]) я много лет не возвращалась к материалам Архива.

Я обратилась вновь к этим материалам лишь через 25 лет благодаря **Сергею Иосифовичу Гиндину**, который попросил меня рассказать о вино-

куровской картотеке на конференции «Текст в лингвистике и филологии», проходившей в РГГУ в ноябре 2021 г. и посвященной 125-летию со дня рождения Г. О. Винокура. Работая над докладом, я еще раз убедилась в уникальности этих записей, а также в их большой научной и культурно-исторической ценности. Тогда же возникла идея опубликовать картотеку полностью и таким образом сделать ее доступной для широкого круга исследователей. К сожалению, текущие заботы и обязанности постоянно отвлекали меня от выполнения этой задачи. Кроме того, сам процесс подготовки материалов к публикации — необходимость расшифровки и интерпретации некоторых фрагментов (которые могут быть непонятны сегодняшнему читателю), а также обязательное их комментирование и т. п. — занимал достаточно много времени. Успокаивало, однако, то, что если записи актерского произношения, сделанные Винокуром в 1944 г., сейчас, спустя 80 лет, представляют несомненный интерес для исследователей, то можно надеяться, что и дальше эти материалы сохранят свою актуальность. Когда материалы картотеки и комментарии к ним были подготовлены к публикации, я опять обратилась к С. И. Гиндину с просьбой прочитать рукопись. Сергей Иосифович, уже будучи тяжело больным, согласился и, внимательно прочитав работу, сделал несколько ценных замечаний. Его советы и предложения очень помогли мне внести ряд важных уточнений в текст комментариев.

Еще хотелось бы вспомнить **Татьяну Григорьевну Винокур**, дочь Григория Осиповича. Она работала в нашем отделе современного русского языка ИРЯ РАН и часто рассказывала об отце. В частности, о том, что в последние годы жизни Григорий Осипович много внимания уделял сценическому произношению современных актеров и намеревался в дальнейшем заняться его исследованием. С этой целью он посещал спектакли МХАТ и Малого театра. Татьяна Григорьевна очень живо и с большим юмором вспоминала, как она ходила вместе с отцом на эти спектакли. В фонотеке нашего Отдела сохранились аудиозаписи ее воспоминаний. Приведу небольшой фрагмент из них в традиционной орфографической записи: «...Последние два года как раз он [отец] занимался сценической речью. И ему дали в ложу пропуск <...> И вот мы с ним ходили [на спектакли]. Папа [однажды] пришёл и говорит: “Танька, у тебя есть приличное платье?” Но я же голая, война, это ужас. И мне из маминого какого-то туалета соорудили какой-то роскошный туалет, вы ж понимаете... Но это папа даже не заметил. <...> И в последний день [наших посещений театра] он говорит: “Ой, слушай, какое у тебя хорошенькое платье!” — “Пап, ну я ж с тобой уже две недели каждый день в этом платье тут сижу”». В более развернутом варианте транскрипт этой аудиозаписи представлен в [Розанова 2024: 469–470]. Следует заметить, что Татьяна Григорьевна много сделала для публикации и переиздания научных трудов своего отца, а также для сохранения его архива, находящегося теперь в РГАЛИ. Картотека с записями произношения актеров-мхатовцев и подготовительные материалы к ней составляют ценнейшую часть этого архива.

Хочу выразить мою глубокую признательность всем упомянутым здесь выдающимся ученым, познакомившим меня с Картотекой записей актерского произношения Г. О. Винокура. Я счастлива, что мне удалось, следуя их советам и замечаниям, подготовить материалы Картотеки к публикации. Благодарю также журнал «Русский язык в научном освещении» за предоставленную возможность опубликовать на своих страницах столь объемный материал.

Введение

Вопросы орфоэпии занимали важное место в научном творчестве Г. О. Винокура. Уже в 1920-е гг. он составил план учебника по русской орфоэпии. При этом особое внимание он уделял сценическому произношению, его специфике и значимой роли в распространении образцовой русской речи. В Российском государственном архиве литературы и языка сохранился черновой текст доклада Г. О. Винокура «Принципы и задачи орфоэпии (К вопросу о русском национальном произношении)», прочитанного им 12 августа 1942 г. на одном из заседаний во Всероссийском театральном обществе (ВТО)¹. Судя по тексту черновика, докладчик говорил о начале работы по изучению современного актерского произношения, которую предполагалось осуществить «совместными силами ВТО и АН» и задачу которой он сформулировал так: «собрать и прояснить материал для установления общерусской произносительной нормы»².

О важной роли театра в нормализации произношения говорится также в последней работе Г. О. Винокура «Русское сценическое произношение», вышедшей в свет в 1948 г., уже после смерти ученого: «Упорядочение всех вопросов, связанных с русским произношением, — одна из очередных задач нашей культуры. Но при всех условиях такая нормализация произношения должна исходить из наличной произносительной традиции, лучше всего сохраняющейся в опыте русского театра» [Винокур 2020: 17–18]. Однако даже образцовое сценическое произношение не может быть совершенно однородным: «Характер воплощаемого образа, тема того, о чем говорится, темп речи, та или иная степень взволнованности говорящего, — все это может создавать <...> допустимые варианты» [Там же: 18]. Вариативность может быть обусловлена и поколенческими различиями, приводящими к тому, что в одном спектакле реализуются разные нормативные варианты — «старший» и «младший». Задача лингвистов — зафиксировать эти сдвиги и дать им объективную оценку. В книге представлены некоторые наблюдения над произносительными вариантами и даются орфоэпические рекомендации.

¹ РГАЛИ. Ф. 2164. Ед. хр. 88.

² Там же.

Г. О. Винокур, по всей видимости, предполагал продолжить исследование современной сценической речи, обратившись к анализу реального актерского произношения. С этой целью в период с 15 февраля по 25 мая 1944 г. он посещает спектакли двух ведущих московских театров — МХАТ и Малого и делает по ходу действия блокнотные заметки о произношении актеров. В результате ему удалось собрать богатый материал, который был частично обработан им и оформлен в виде картотеки, ныне хранящейся в его фонде в РГАЛИ и представляющей не только историко-культурную, но и научную ценность: в ней отражена реальная «жизнь» литературной нормы 40-х гг. XX в., «борьба» старых и новых вариантов на сцене. Далее мы обратимся к рассмотрению именно этой части Винокуровского фонда.

I. Краткая характеристика материалов картотеки Г. О. Винокура о произношении актеров на спектаклях МХАТ

Как одну из важных исследовательских задач Г. О. Винокур рассматривал изучение произношения корифеев сцены — носителей орфоэпической традиции. Однако не замечать новых тенденций тоже было нельзя, ведь за ними будущее, поэтому он предлагал сначала исследовать особенности произношения разных поколений актеров и только потом приступать к выработке кодекса правил русской орфоэпии. В своей книге он писал: «В упорядочении норм произношения необходимо исходить из сценической практики» [Винокур 2020: 18].

В короткий период с 14 февраля по 7 марта 1944 г. Г. О. Винокур посетил девять спектаклей Московского художественного академического театра. Просмотры следовали буквально один за другим с перерывами в 2–3 дня. Затем, после почти трехмесячного перерыва, 25 мая 1944 г. Г. О. Винокур снова посещает спектакль, но уже Малого театра. Возможно, он предполагал так же, как и во МХАТе, просмотреть серию постановок и в Малом, но по какой-то причине это не получилось. В итоге было просмотрено 10 спектаклей, о чем свидетельствуют театральные программки, сохранившиеся в архиве:

Три сестры. МХАТ, понедельник 14 февраля 1944 г. (Оп. 1, ед. хр. 197, л. 1).

На дне. МХАТ, четверг 17 февраля 1944 г. (Там же, л. 5).

Мертвые души. МХАТ, суббота, 19 февраля 1944 г. (Там же, л. 8).

Три сестры. МХАТ, воскресенье, 20 февраля 1944 г. (Там же, л. 13–14).

Кремлевские куранты. МХАТ, вторник 20 февраля 1944 г. (Там же, л. 20).

Анна Каренина. МХАТ, воскресенье 27 февраля 1944 г. (Там же, л. 24).

Царь Федор Иоаннович. МХАТ, среда, 1 марта 1944 г. (Там же, л. 29).

Враги. МХАТ, пятница, 3 марта 1944 г. (Там же, л. 34).

Русские люди. МХАТ, вторник 7 марта 1944 г. (Там же, л. 39).

Горе от ума. Малый театр, 25 мая 1944 г. (Там же, л. 46).

Спектакль «Три сестры» с разным составом исполнителей Г. О. Винокур посетил дважды.

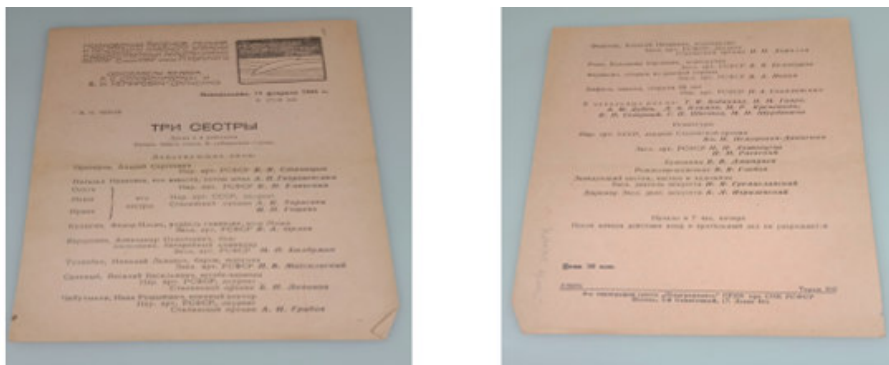

Рис. 1. Программка спектакля МХАТ «Три сестры» от 14 февраля 1944 г.

Материалы, хранящиеся в архиве, отражают два основных этапа исследовательской работы ученого: сбор «полевого» материала и предварительную обработку и анализ собранных примеров. Сбор данных производился непосредственно во время спектаклей: Г. О. Винокур делал короткие пометки в блокноте или на отдельных листках, фиксируя произношение актеров по ходу действия³. При более внимательном рассмотрении собранного материала поражает его большой объем, а также тонкость слуховых наблюдений ученого. Ведь в его распоряжении не было портативного магнитофона, и звучащую со сцены речь приходилось в буквальном смысле «ловить на лету». В качестве иллюстрации приведем два фрагмента таких блокнотных записей, сделанных на спектакле «Три сестры» (МХАТ, 14.02.1944), — см. рис. 2 и 3.

На следующем этапе Г. О. Винокур переносил на карточки эти короткие, хаотично записанные примеры, а затем они паспортизировались и группировались по явлениям. В результате была создана уникальная картотека — около 500 карточек, на которых зафиксированы особенности произношения выдающихся мхатовских актеров, составивших славу русской сцены: О. Л. Книппер-Чеховой, А. Н. Грибова, Б. Н. Ливанова, М. М. Яншина, М. Н. Кедрова, А. К. Тарасовой, К. М. Еланской, А. И. Степановой, П. В. Масальского и мн. др. Эта картотека выделена в две единицы хранения (см. ниже, прим. 16) и представляет собой наиболее ценную часть Винокуровского архива, посвященного сценическому произношению.

Обратимся теперь непосредственно к материалам этой картотеки.

³ РГАЛИ. Оп. 1. Ед. хр. 197.

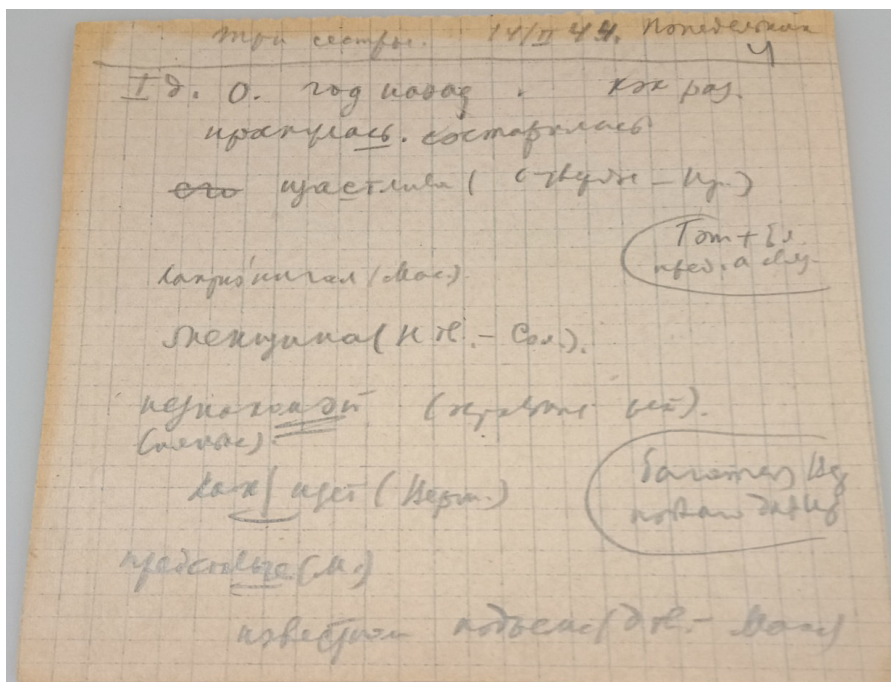

Рис. 2. Страничка с заметками о произношении актеров, сделанными Г. О. Винокуром непосредственно на спектакле «Три сестры»

Описание картотеки произношения актеров МХАТ

Картотека хранится в двух папках, на которых указано их архивное название: *Картотека произношения актеров Государственного академического художественного театра им. Горького М., составленная Винокуром Григорием Осиповичем для работы о сценическом произношении (№№ 1–240; 241–441).*

Нумерация карточек. Если ориентироваться на общее число карточек по написанным на них номерам, то их должно быть 474 (последняя карточка под таким номером в архиве). Однако реальное их количество — 479. Семь из них имеют дополнительную нумерацию с индексами а, б: 50а, 86а, 150а, 204а, 204б, 308а, 438а. Две карточки отсутствуют в картотеке — под номерами 192, 252. Невозможно понять, по какой причине их нет: либо это сбой в нумерации, либо утеряны сами карточки.

Характер записей и их расположение. На карточке в центре находится запись примера в упрощенной транскрипции (о способах фиксации произношения см. далее): *щидить, Мэсква, р'виту*. Обычно ниже примера может располагаться комментарий о характере того или иного звука, способе его произнесения разными актерами и т. п.: *узкий предударный, подчеркивая,*

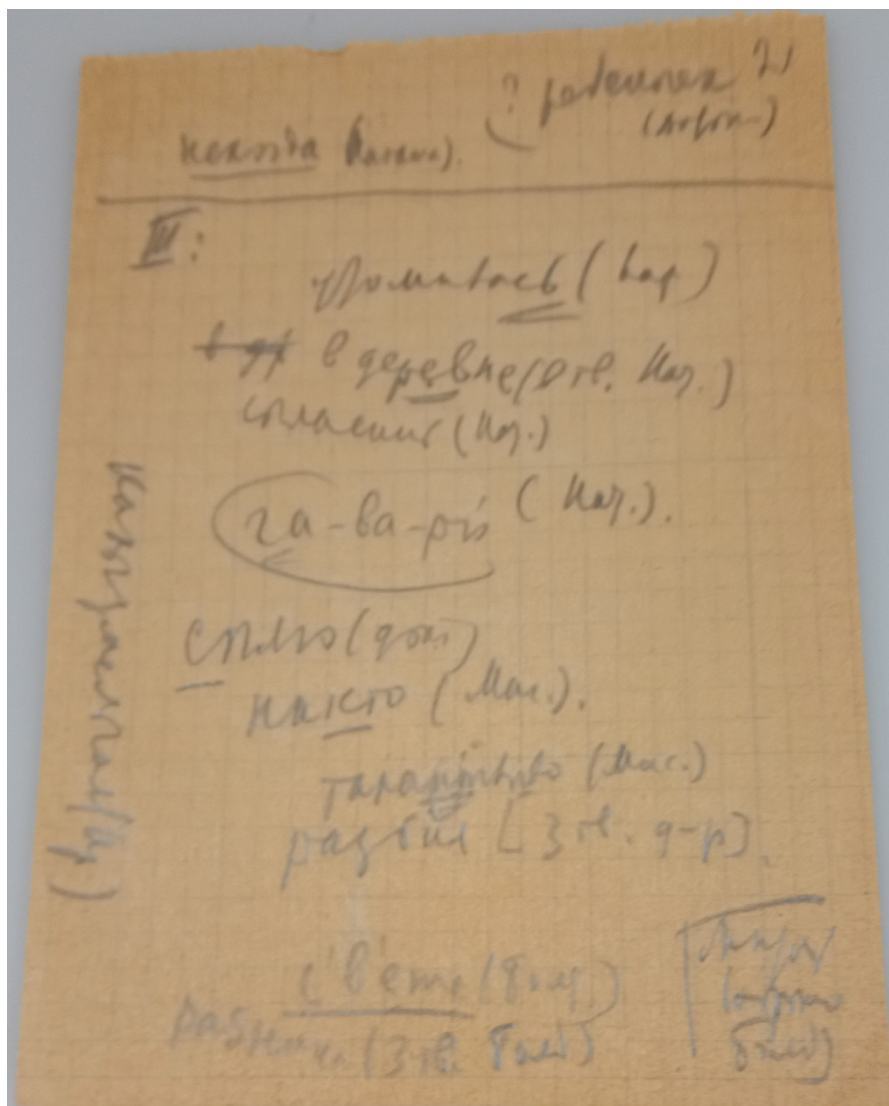

Рис. 3. Страничка с заметками о произношении актеров, сделанная Г. О. Винокуром непосредственно на спектакле «Три сестры»

в н[олном] с[тите], разные персонажи по-разному. В правом верхнем углу проставляется порядковый номер карточки, а в левом указывается спектакль, персонаж и в скобках — исполнитель: *Враги Полина (Книппер)*. Название спектакля обозначается обычно сокращенно, начальными буквами: *А.К.* — Анна Каренина, *Т.С.* — Три сестры, *К.К.* — Кремлевские куранты, *Ф.И.* — Царь Федор Иоаннович, *М.Д.* — Мертвые души.

Как упоминалось выше, спектакль «Три сестры» Г. О. Винокур посетил дважды — 14 марта и 20 марта 1944 г. В спектаклях играли разные актерские составы, и при фиксации примеров Григорий Осипович отмечал, на каком из представлений была сделана запись. Спектакль от 14 марта помечен индексом 1 или дается вообще без индекса: *Т.С.*, *Т.С.¹*. Спектакль от 20 марта помечается соответственно индексом 2: *Т.С.²*. При этом могут присутствовать замечания об особенностях произношения актеров из другого состава. Ср. запись на карточке № 33: *Вершинин (Болдуман) — с лошадью, 20/II Ершов — с лошадью*.

Карточки имеют следующий вид:

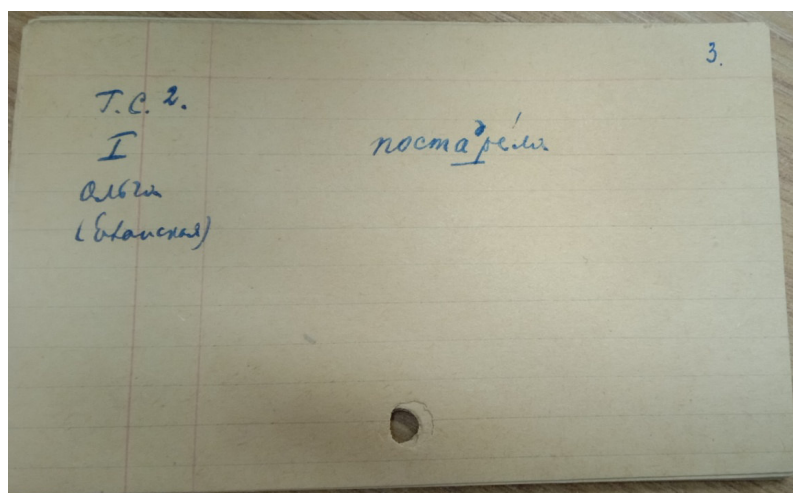

Рис. 4. Карточка № 3

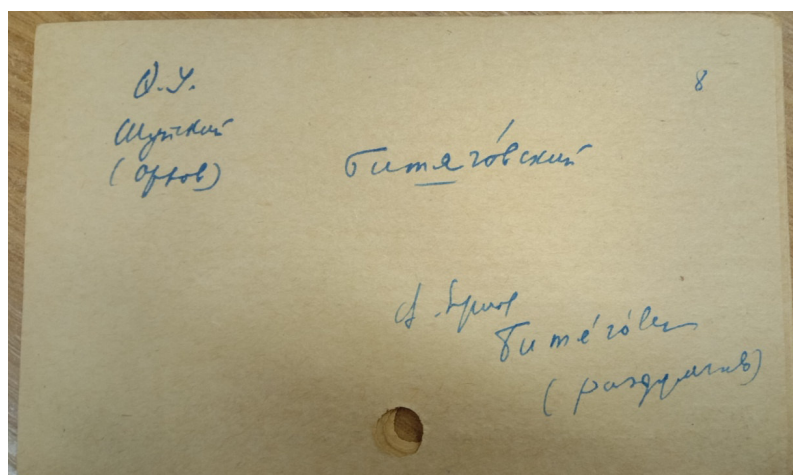

Рис. 5. Карточка № 8

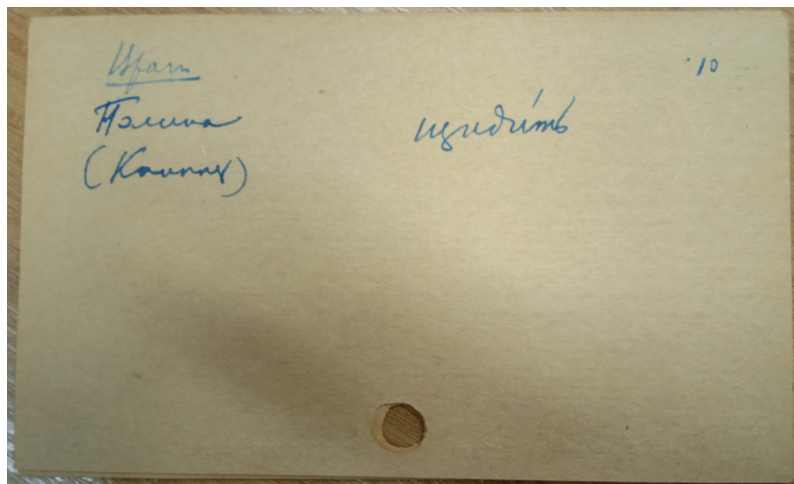

Рис. 6. Карточка № 10

Транскрипция. Запись особенностей произношения дается упрощенно: транскрибируемый фрагмент не заключается в квадратные скобки, но обычно привлечение внимания звуки подчеркиваются — *нашатырный, жындарму*. Редуцированные гласные представлены, как правило, значками: *ъ* или *э* (после твердых согласных), *ь* (после мягких согласных); в окончаниях: *э^а* (для обозначения, видимо, более открытого гласного: *незнако́мэ^ай*) или *э* (*то́т са́мэй*); мягкость твердого согласного перед мягким обозначается традиционным способом (с помощью апострофа): *с'м'ер'ть*; после твердого согласного знак смягчения отсутствует: *смерть*; во многих примерах, когда важно отметить именно отсутствие мягкости, используется специальный надстрочный знак *ь*: *с'мер'ьть*; фрикативный звонкий заднеязычный обозначается как *γ*: *никаγда, блаγослови*. Если исследователь не был уверен в правильности услышанного варианта, он ставил надстрочный знак вопроса: *год' назад, снэк'??ыдет*.

Можно заметить, что Г. О. Винокур использовал разные символы для передачи сходных явлений, как бы противореча самому себе, писавшему в «Русском сценическом произношении»: «Как изобразить тот или иной звук речи в фонетической транскрипции, — совершенно все равно. Необходимо только, раз условившись, обозначать данный звук речи данным знаком, сохранять такое обозначение неукоснительно во всех случаях и положениях, в которых этот звук будет встречаться» [Винокур 2020: 22]. Несомненно, в дальнейшей работе, при подготовке материалов к публикации он унифицировал бы способы обозначения звуков, однако на данном этапе это не являлось столь существенным.

Пометы и сокращения. Пометки и комментарии о произношении Г. О. Винокур делал для себя. Большинство из них понятны и общепотре-

бительны, однако считаем необходимым обратить на них внимание и по возможности расшифровать: *тв.* — твердый согласный; *п. с., п. ст.* — полный стиль; *id.* — так же, таким же образом, ср.: *Вершинин (Болдунан) — вокзал, id. 20/II Еришов; bis* — повторно, дважды, ср.: *Рыбаков (Боголюбов) — вет'вах, bis; fix* — постоянно, неизменно, ср.: *Федор (Добронравов) — кто, fix; passim, pass.* — повсюду, в различных местах, ср.: *Ирина (Гошева) — Мэсква и т. д. [узкий предуд.], passim.*

Не вполне понятными остались сокращения *n.s.m.* и *d.s.f.*: первое встречается дважды, второе — один раз. Эти две пометы касаются, по-видимому, вариантов произношения гласного в окончаниях. При полном стиле произношения без редукции стоит помета *n.s.m.*: *Вронский, рѣ́жсей*, при беглом произношении с редукцией — *d.s.f.*: *Вронскѣй*.

Необходимость помет и замечаний вызвана высокой вариативностью актерского произношения. Эта вариативность, как отмечал в своей книге Г. О. Винокур, может быть обусловлена разными причинами: «Даже образцовое произношение не может быть всегда абсолютно одинаковым. Характер воплощаемого образа, тема того, о чем говорится, темп речи, та или иная степень взволнованности говорящего, — все это может создавать в образцовом произношении допустимые варианты, неизвестные, например, произношению кафедрально-академическому» [Там же: 18].

Группировка записей и комментарии к ним

Переноса записанные в блокнотах примеры на карточки, Г. О. Винокур проводил их предварительную систематизацию, группируя по произносительным явлениям. Вероятно, в дальнейшем он предполагал провести более тщательный анализ собранного материала, возможно, сделать новые записи спектаклей. Но даже на этом этапе интересно взглянуть, какие же факты привлекли в первую очередь его внимание. Такое предварительное распределение примеров позволяет сгруппировать их по произносительным явлениям и представить в виде следующей таблицы⁴:

Произносительные явления, отраженные в картотеке Г. О. Винокура

ЯВЛЕНИЯ	№№ КАРТОЧЕК
1. Безударные гласные в разных фонетических позициях, грамматических формах и т. п.	1–117
1.1. Редукция гласных после тв. согл. в 1 предуд. сл. (Мэсква, пра ^о да́ст, поста ^а ре́ла)	1–3

⁴ Г. О. Винокур не давал названия группам примеров. Для того чтобы лучше ориентироваться в материале, автор публикации взял на себя смелость самостоятельно озаглавить каждую выделенную группу рассматриваемых произносительных явлений.

1.2. Гласные после мягких шипящих <i>ч, щ</i> (<i>ча́дит, щиди́ть</i>)	9–11
1.3. Гласный после <i>ц</i> в слове <i>целовать</i> и однокоренных словах (<i>цалую, поцелуя, цы́лует</i>)	12–18
1.4. Гласный после непарных твердых шипящих <i>ш, ж</i> (от <i>жыры́, жы́ле́жу, ша́рах, ша́рах</i>)	19–43
1.5. Гласные в проклитиках: <i>как, так, дак, коль</i> (кэ́к раз, кэ́к дру́гу, ты́к вот, ды́к вот, ка́ль не мы́тьем); предлог <i>для</i> (для́ вкуса, для́ Руси)	44–54; 4–7
1.6. Гласные в иноязычных словах (<i>рая́ль, вокза́л, сы́цыализм, т’ема, мисионэ́р</i>)	55–79; 257, 258, 431, 432, 463
1.7. Гласные в заударных слогах (открытых и закрытых) в окончаниях и суффиксах разных грамматических форм (в самом де́л’и, на досу́ге, слы́шал, ме́ртвы́й, незнако́мэ’и, Вронс́кий, Вронска́й, про́клиты)	80–112
1.8. Гласные в безударных окончаниях глаголов 3 л. мн. (<i>переводи́ют, не ход’э́т, грабят</i>)	113–117
1.9. Случаи отсутствия редукции безударных гласных при произношении в полном стиле (<i>бле́дны́, га-ва-ри́</i>)	457–462
2. Произношение гласных и согласных на границах слов	118–155
2.1. Глухой согласный на месте звонкого в конце слова перед гласным, сонорным или <i>в</i> (<i>пут взял, Михее́ф умер, вет’я, што́ш наш, кня́сь Иван</i>)	118–136
2.2. Сохранение звонкости согласного в конце слова перед гласным, сонорным или <i>в</i> (<i>вед’ он, кня́зь Иван, чере́з год верну́сь</i>)	137–144
2.3. Замена <i>и</i> на <i>ы</i> после твердых согласных на границах слов (<i>сажу́с ы́грать, та́к ы́ о нас</i>)	145–155
3. Произношение согласных в разных фонетических условиях	156–256
3.1. Ассимилятивное смягчение твердых согласных перед мягкими	156–200
3.1.1. зубной щелевой [с, з] + губной (<i>из’бито́го, с’в’е́т’е</i>); зубной щелевой [с, з] + зубной (<i>невес’те, каприз’ни-чал</i>); зубной щелевой [с] + заднеязычный (<i>рас’кисла</i>)	156–171; 172–182; 474
3.1.2. зубной смычный [т, н, д] + [в’]; [j]; [ч’] (<i>вет’вях, ат’је́здом, бан’чи́шку</i>)	183–186
3.1.3. вибрант [р] + мягкий согласный (<i>смер’тью, контор’щик</i>)	187–191
3.1.4. губной + заднеязычный (<i>лаф’к’и</i>); губной + <i>j</i> (<i>аб’ьем</i>)	193–195; 196–200
3.2. Отсутствие ассимилятивного смягчения твердых согласных перед мягкими	201–256

3.2.1. зубной + губной (разве, вет ^т ви)	201–204 ^а ; 212–218
3.2.2. зубной + зубной (разница); зубной + <i>j</i> (пас ^т ьянс; под ^т ёме)	204 ^а –211, 219–222
3.2.3. вибрانت [р] + зубной (вернее, вер ^т нется); вибрانت [р] + губной (терпит)	223–229; 230–234
3.2.4. губной + <i>j</i> (бью); губной + зубной (в деревне)	235–241; 242–250
3.2.5. губной + губной (в ^т перед); губной + заднеязычный (на лафке)	251; 253–256
3.3. Замена мягкого <i>с</i> ’ твердым <i>с</i> в составе возвратной частицы -ся, -сь	259–280
3.4. Произношение согласных в некоторых консонантных сочетаниях (чесное, страстное, чувства)	281–289
3.5. Замена взрывных <i>к, г</i> фрикативными <i>х, г</i> в некоторых словах (кто, иноуда, вдрух, ради боуа)	290–308 ^а ; 319–357
3.6. Произношение сочетания <i>чи</i> как [шн] или [ч’н] (сердешный, кирпичник)	309–318
3.7. Звук <i>j</i> в разных фонетических позициях: в начале местоимений <i>их, им</i> (жих, жим — их, им), в позиции перед ударением (вы ^т ю, мо ^т а), в заударных слогах между гласными (тако ^т е)	358–372
3.8. Слоговые сонанты (жизн’)	374–379
4.0. Изменение места ударения в некоторых словах	380–386; 464–468
5.0. Случаи произнесения отдельных слов, индивидуальные особенности, а также черты, использующиеся как речевые краски	387–473

Рассматривая карточки, убеждаешься, что, несмотря на общую приверженность мхатовских актеров произносительной традиции, речевой фон спектаклей в 40-е гг. XX в. не был однородным. Анализируя разные явления, Г. О. Винокур фиксирует значительное число орфоэпических вариантов, нередко даже в речи одного и того же актера. Остановимся подробнее на некоторых записях конкретного актерского произношения и сопоставим их с нормативными рекомендациями ученого, которые он приводит в своей книге «Русское сценическое произношение».

1. Безударные гласные в разных фонетических позициях, грамматических формах и т. п. (№№ 1–117)

1.1. Редуция гласных после тв. согл. в 1-м предуд. сл. (№№ 1–3)

Первые три карточки касаются произношения редуцированного [а] на месте *а, о* в 1-м предударном слоге после твердых согласных. На карточках

№ 2 и № 3 неударный гласный обозначен разными символами: *пра^одáст*, *зда^орóвый* (М. М. Тарханов в роли Собакевича, «Мертвые души») — *поста^рéла* (К. Н. Еланская в роли Ольги, «Три сестры»). Оба символа (*а^о* и *а^р*), по-видимому, обозначают одно и то же — отсутствие различия *о* и *а* в безударном положении: «В слогах типа I [т. е. в 1-м предударном слоге или в абсолютном начале слова. — Н. Р.] вместо гласных *а* и *о* находим только первый из них» [Винокур 2020: 42]. На карточке № 1 отмечается, вероятно, как индивидуальная особенность произношения И. П. Гошевой в роли Ирины («Три сестры») узкого *э* в предударной позиции⁵: *Мáсквá*.

1.2. Гласный после мягких шипящих *ч*, *щ* (№№ 9–11);

1.4. Гласный после непарных твердых шипящих *ш*, *ж* (№№ 19–43)

В двух отдельных группах (1.2 и 1.4) собраны варианты произношения гласных в 1-м предударном слоге после непарных мягких шипящих [*ч'*], [*щ'*] (№№ 9–11) и после непарных твердых шипящих [*ш*], [*ж*] (№№ 19–43). В обоих случаях зафиксировано по два варианта произношения. После непарных мягких шипящих: либо в соответствии с орфоэпической традицией — гласный переднего ряда, «физиологически и акустически средний между *э* и *и*» [Там же: 43–44] (*щидить*), либо новый вариант, опирающийся на написание слова (*чадит*). После непарных твердых: либо в соответствии со «старшей» нормой — безударный гласный, средний между *ы* и *э* (*лошыдэй*, *жы'лэ́жу*), либо «новый» вариант — безударный *а* (*с лоша́дьми*, *шагí*). Г. О. Винокур отмечает достаточно большой разницей в произношении вариантов даже в пределах одной постановки. Так, в спектакле «Враги» многократно повторяющееся слово *жандарм* разные актеры произносят по-разному: *жeндарм* (№ 29 — А. В. Жильцов в роли Квача), *жындарму* (№ 30 — В. Д. Бендина в роли Нади), *жандармы* (№ 36 — М. М. Тарханов в роли Печенегова). Заслуживают внимания винокуровские записи о произношении слова *с лоша́дьми* разными исполнителями роли Вершинина в спектакле «Три сестры»: М. П. Болдуман — *с лоша́дьми*, В. Л. Ершов — *с лоше́дьми* (№ 33).

1.3. Гласный после *ц* в слове *целовать* и однокоренных словах (№№ 12–18)

В этой группе карточек зафиксированы варианты произношения безударного гласного после *ц* у глагола *целовать* и родственных слов. На двух из них отмечено произношение безударного *а*, которое «становится все более устарелым» [Там же: 45]. Ср.: *цалую* (№ 12 — В. А. Орлов в роли Шуйского, «Царь Федор Иоаннович»), *поцалую*, *поцалуй* (№ 13 — Б. Н. Ливанов в роли Ноздрева, «Мертвые души»). На других карточках представ-

⁵ Народная артистка РСФСР И. П. Гошева родилась в 1911 г. в Архангельске. Возможно, произношение узкого, «поджатого» редуцированного звука — результат влияния архангельских окающих говоров, в окружении которых прошли детство и юность выдающейся актрисы.

лен вариант произношения гласного [ы³]: *поцелуя* (№ 14 — А. К. Тарасова в роли Татьяны, «Враги»), *целу́ет* (№ 18 — Н. П. Асланов в роли Плюшкина, «Мертвые души»).

1.5. Гласные в проклитиках:

как, так, дак, коль; предлог для (№№ 4–7; 44–54)

Имеется группа карточек с фиксацией особенностей произношения гласных в незначительных словах: неударном предлоге *для* (№№ 4–7), союзе (частице) *как*, частице *так*, союзе *коль* (№№ 44–54). В предлоге *для* после мягкого [л] произносится гласный непредельного ряда [а] без качественной редукции, при этом Г. О. Винокур отмечает отсутствие ударения на слове: *для Руси* (*а без особого уд[арения]*) (№ 7). В словах *как* и *так* наличие / отсутствие качественной редукции гласного зависит от положения по отношению к ударному слогу. Ср.: *как дру́гу, как еди́нному дру́гу* (№ 49 — В. Я. Станицын в роли Андрея, «Три сестры»). Однако эта тенденция проявляется непоследовательно: *как раз* и *как раз* (№ 44 — К. Н. Еланская в роли Ольги, «Три сестры»), *каль не мытьём* (№ 54 — С. К. Блинников в роли Клешиина, «Царь Федор Иоаннович»).

1.6. Гласные в иноязычных словах (№№ 55–79; 257, 258, 431, 432, 463)

Значительное число примеров представляет произношение гласных [о]/[а] на месте *о* в иноязычных словах. Отмечаются случаи использования обоих орфоэпических вариантов: *ромáн* (№ 55 — А. К. Тарасова в роли Маши, «Три сестры») — *рамáн с нищим* (№ 57 — В. А. Вербицкий в роли Николая, «Враги»); *костюм* (№ 58 — М. А. Дурасова в роли испуганной дамы, «Кремлевские куранты») — *кас'тюм'е* (№ 60 — М. И. Прудкин в роли Вронского, «Анна Каренина»). Ср. также комментарий Винокура на карточке № 68 о произношении актеров в спектакле «Враги»: *Клеопатра* (Еланская) *о политике*; *но: политики Михаил (Кудрявцев)*. В спектакле «Три сестры» в слове *вокзал* разные артисты (М. П. Болдуман, В. Л. Ершов, Б. Н. Ливанов) произносят в предударном слоге нередуцированный [о] (№ 75), но слово *профессор*, судя по примечанию Винокура «*все*», исполнители произносят с гласным [а] в предударной позиции (№ 76).

Следует заметить, что другой актуальный орфоэпический вопрос, связанный с «сохранением твердости согласных перед *э* в иноязычных словах и названиях», которому Г. О. Винокур уделил целый раздел в своей книге [Там же: 68–69], в картотеке практически не получает отражения. Только в трех примерах отмечена эта особенность произношения: *миссио́нэр* (№ 258 — А. И. Степанова в роли Бетси, «Анна Каренина»), *нэго́ция* (№ 431 — Д. Н. Кедров в роли Манилова, «Мертвые души») и *сэ́кта* (№ 432 — М. М. Тарханов в роли Собакевича, «Мертвые души»). И во всех трех случаях подобное произношение выступает как средство создания речевой характеристики персонажей.

1.7. Гласные в заударных слогах (открытых и закрытых) в окончаниях и суффиксах разных грамматических форм (№№ 80–112)

Следующая большая группа карточек касается вариантов произношения заударных гласных в разных грамматических формах (преимущественно в окончаниях). Так, на месте буквы *е* в окончаниях сущ. м. р. в предл. п. ед. ч. отмечаются два возможных варианта произношения редуцированного гласного: более верхнего подъема, близкого по звучанию к [и], и неверхнего, более широкого, близкого к [э]. Ср.: *в самом дѣл'и* (№ 80 — К. Н. Еланская в роли Ольги, «Три сестры») — *в дóме* (№ 84 — Б. Н. Ливанов в роли Ноздрева, «Мертвые души»). Подобные произносительные варианты фиксируются и в личных окончаниях глаголов: *скажи́те* (№ 86^a — В. В. Белокуров в роли Чичикова, «Мертвые души») — *буду́т* (= будет) (№ 87 — А. К. Тарасова в роли Анны, «Анна Каренина»). Вариативно также произношение открытого конечного гласного в прилагательных мн. ч. на *-ые, -ие*: *седы́и* (№ 95 — М. П. Болдуман в роли Синцова, «Враги») — *азарны́е* (№ 98 — Н. В. Базарова в роли Шуры, «Русские люди»).

Стоит выделить группу карточек (№№ 104–112), на которых зафиксировано произношение заударного гласного в окончаниях прилагательных на *-ый* (после твердых согласных) или *-ий* (после твердых шипящих и заднеязычных). В своих рекомендациях Г. О. Винокур предлагает единственно правильный орфоэпический вариант *-ый*: «В одном особом случае буквы *ы* и *и* обе обозначают звук *ь*, именно — буква *ы* в безударном окончании им. п. ед. ч. прилагательных мужского рода, например *добры́й, смелы́й*, а буква *и* — в том же окончании после букв *ш, ж* а также *г, к, х*, например *хороши́й, свежи́й, строги́й, громки́й, тихи́й*. Следовательно, произносим *добр[ъ]й, хорош[ъ]й, строг[ъ]й, громк[ъ]й, тих[ъ]й*» [Там же: 64]. Однако на спектаклях МХАТ он слышит и другой, более новый орфоэпический вариант, получивший распространение под влиянием правописания, — *-ый*. Оба варианта представлены в материалах картотеки. Ср.: *тот са́мѣй* (№ 104 — Б. Г. Добронравов в роли Федора, «Царь Федор Иоаннович») — *ме́ртвы́й* (№ 110 — В. В. Белокуров в роли Чичикова, «Мертвые души») ⁶. На одной из карточек отмечены оба варианта произнесения А. К. Тарасовой фамилии *Вронский*: *Вронскы́й* и *Вронскѣй* (№ 112 — «Анна Каренина»). Интересны также комментарии Г. О. Винокура относительно произношения этих форм в спектакле «Три сестры», где довольно часто звучит нередуцированный [ы]: *-ый, passim, все (ср. няня в I д: незнако́мѣй)* (№ 108).

1.8. Гласные в безударных окончаниях глаголов 3-го л. мн. (№№ 113–117)

Допускает варианты и произношение безударного гласного в окончаниях глаголов II спряжения в форме 3-го л. мн. ч.: *замуж вы́ходят* (№ 113 —

⁶ На этой и двух других карточках (№№ 109, 111), фиксирующих произношение *-ый*, имеется помета Винокура: *п.ст.* (полный стиль).

К. Н. Еланская в роли Ольги, «Три сестры») — *не ходѣт, грабѣт* (№ 116, 117 — В. В. Белокуров в роли Чичикова, «Мертвые души»). Здесь, как и в предыдущих примерах, сценическая практика расходится с винокуровскими рекомендациями, согласно которым предлагалось произносить эти формы с неударным у: *лю[бѹ]т, хва[лѹ]т*⁷.

2. Произношение гласных и согласных на границах слов (№№ 118–155)

Следующая довольно большая группа карточек касается особенностей произношения звуков на границах слов. Ряд записей фиксирует случаи наличия / отсутствия оглушения звонких согласных в конце слова, которое находится перед гласным, сонорным согласным или *в* в начале следующего слова. В основном внимание Винокура привлекают односложные частицы *уж, ж (же), ведь*, а также некоторые односложные знаменательные слова, например *князь*. Согласно литературной норме, в этой позиции звонкий становится глухим, т. е. «граница между словами парализует действие закона, по которому звонкие и глухие различаются перед гласными, сонорными согласными и *в*. Так, мы произносим *дру[к] один, сло[ф] нет, где[ш] вы*» [Там же: 49]. Однако в картотеке представлено значительное число случаев как с оглушением, так и с сохранением звонкости согласного на стыке слов. Ср. варианты с оглушением: *в хот аружѣе* (№ 119 — С. С. Пилевская в роли Маши, «Кремлевские куранты»), *штои наши* (№ 128 — Н. К. Свободин в роли Тузенбаха, «Три сестры»), *ветъ я* (№ 126 — В. В. Белокуров в роли Чичикова, «Мертвые души»), *княсь на Шуе* (№ 131 — Б. Г. Добронравов в роли Федора, «Царь Федор Иоаннович»). Ср. также варианты с сохранением звонкости согласного — *через год вернусь* (№ 144 — А. Н. Грибов в роли Чебутыкина, «Три сестры»), *где ж она?* (№ 137 — В. А. Орлов в роли Кулыгина, «Три сестры»), *ведь он* (№ 138 — Б. Г. Добронравов в роли Федора, «Царь Федор Иоаннович»), *князь Иван* (№ 139 — А. И. Гузеев в роли Туренина, «Царь Федор Иоаннович»). О наличии вариативности произношения конечных звонких согласных в отдельных случаях свидетельствуют следующие комментарии Г. О. Винокура: № 130 — *Т.С. [Три сестры], I [1-е действие]. Ольга (Еланская) год[?] назад — 14/II, гот назад — 20/II; № 142 — *Ө.І. [Царь Федор Иоаннович]. Разные персонажи по-разному княсь Иван, князь Иван*.*

Группа карточек (№№ 145–155) посвящена примерам на замену начального гласного *и* на *ы*, если предыдущее слово заканчивается на твер-

⁷ Ср.: «В ударяемом окончании этой формы звучит *а* после мягких, например *си[дѣ]т, твер[дѣ]т, ве[лѣ]т*, но в неударяемом, вопреки ожидаемому *ь*, находим звук *у*, то есть *лю[бѹ]т, ко[сѹ]т, хва[лѹ]т*. Это объясняется влиянием окончаний первого спряжения, то есть случаев вроде *могут, мажут, топчут*» [Винокур 2020: 46].

дый согласный⁸. В большинстве случаев такая мена осуществляется: № 145 — *сажус ыграть* (Н. К. Свободин в роли Тузенбаха, «Три сестры»), № 150 — *так ы о нас* (А. К. Тарасова в роли Маши, «Три сестры»). Лишь два примера зафиксировали произнесение гласного переднего ряда *и* в данной позиции: № 154 — *большевик из* (М. П. Болдуман в роли Забелина, «Кремлевские куранты»), № 155 — *старик и...* (А. Н. Грибов в роли Чебутыкина, «Три сестры»). В последнем примере обращение к более широкому контексту чеховской пьесы позволяет понять причину отсутствия мены *и* на *ы*. В этом фрагменте Чебутыкин говорит: *Мне скоро шестьдесят, я старик, одинокий, ничтожный старик... И ничего во мне нет хорошего, кроме этой... этой любви к вам.* Союз *и* находится в начале новой фразы, после паузы, поэтому твердый согласный в конце предыдущего высказывания на качество следующего гласного никак не влияет.

3. Произношение согласных в разных фонетических условиях (№№ 156–256)

3.1. Ассимилятивное смягчение твердых согласных перед мягкими (№№ 156–200);

3.2. Отсутствие ассимилятивного смягчения твердых согласных перед мягкими (201–256)

Наибольшее число карточек содержит наблюдения над ассимилятивным смягчением твердых согласных перед мягкими в различных позициях. В своей книге именно этот аспект разработки орфоэпических норм Г. О. Винокур характеризует как особенно сложный, требующий всестороннего изучения. Он замечает, что «круг действия указанной ассимиляции на наших глазах заметно сужается, так что в ряде случаев мягкость согласного в положении перед мягким, обязательная в речи носителей русской произносительной традиции несколько десятилетий тому назад, или исчезает вообще, или становится факультативной. <...> Так, в речи одного и того же лица нередко можно подметить расхождения вроде *[сн]ина* — *[с'н']ина*, *Лю[дм']ила* — *Лю[дм']ила* и т. д.» [Там же: 54].

Следует заметить, что круг действия закона ассимиляции твердых перед мягкими продолжает «сужаться», однако сам процесс далек от завершения, поэтому и в наши дни научная ценность винокуровских материалов чрезвычайно высока: они позволяют увидеть этот процесс в динамике. Обратимся к некоторым, наиболее интересным фактам реального произношения актеров, привлечших внимание ученого, и сопоставим их с его же рекомендациями.

⁸ «Всякий раз, как начинающий собой слово гласный *и* оказывается в положении после твердого согласного в конце предшествующего слова или в приставке, вместо гласного *и* звучит звук *ы*. Например, *[и]зба*, но в *[ы]збе...*» [Там же: 48].

В своей книге Г. О. Винокур пишет, что твердые переднеязычные обычно смягчаются перед мягкими губными, однако в реальном произношении встречаются «некоторые исключения, из которых не все могут быть подведены под какую-нибудь общую формулу» [Там же: 55]. Как правило, ассимилятивное смягчение наблюдается внутри корневой морфемы, а также на стыке приставки и корня. Материалы картотеки действительно как будто бы подтверждают этот тезис: *нос'неет* (№ 158 — А. В. Жильцов в роли Чуднова, «Кремлевские куранты»), *не с'мейте* (№ 169 — А. К. Тарасова в роли Маши, «Три сестры»), *из'битого* (№ 156 — В. Л. Ершов в роли Годунова, «Царь Федор Иоаннович»). Но имеются также записи с произношением без ассимиляции: *разбил* (№ 202 — А. Н. Грибов в роли Чебутыкина, «Три сестры»), *с'нит* (№ 204^а — Н. И. Боголюбов в роли Рыбакова, «Кремлевские куранты»). Некоторые слова актеры могут произносить по-разному, и это также отмечается. Например, на карточке № 201 Винокур записывает за А. П. Георгиевской в роли Наташи в спектакле «Три сестры»: *разве*. А далее следует его карандашная пометка: *есть раз'ве*.

Смягчение переднеязычных перед мягкими переднеязычными возможно, как замечает Г. О. Винокур, «с известными ограничениями» [Там же]. Вариативность произношения этой группы согласных в разных позициях отражена в записях. Ср. случаи смягчения *с*, *з* перед переднеязычными *д*, *т*, *н* на карточках №№ 172–182: *ез'дитъ* (№ 173 — Н. К. Асланов в роли Плюшкина, «Мертвые души»), *сес'тёр* (№ 176 — В. Я. Станицын в роли Прозорова, «Три сестры»), *загряз'нился* (№ 180 — В. Л. Ершов в роли Вершинина, «Три сестры»). Другие случаи демонстрируют отсутствие ассимилятивного смягчения в этой позиции: *гаснет* (№ 206 — В. Я. Станицын в роли Прозорова, «Три сестры»), *задразнили* (№ 205 К. Н. Еланская в роли Ольги, «Три сестры»).

В сочетании *с* + *л'*, как отмечал Г. О. Винокур, «возможны колебания» [Там же]. В картотеке находим несколько примеров с вариантом без смягчения: *нос'ле* (№ 207 — В. Л. Ершов в роли Годунова, «Царь Федор Иоаннович»), *ес'ли* (№ 209 — Н. И. Боголюбов в роли Рыбакова, «Кремлевские куранты»), имеется пометка: *pass.*); *счас'лиф* (№ 210 — В. А. Орлов в роли Кулагина, «Три сестры»).

На двух карточках имеются также интересные примеры в сочетаниях *т*, *с* + *ж*. На карточке № 185 зафиксирован смягченный вариант произнесения смычного *т* на морфемном стыке: *ат'жездом* (С. К. Блинников в роли Клещина, «Царь Федор Иоаннович»). Этот вариант рассматривается Г. О. Винокуром как уходящий⁹. На второй карточке (№ 211), наоборот, представлен новый вариант — отсутствие смягчения: *пас'янс* (А. И. Степанова в роли

⁹ Ср.: «В словах вроде *о[т'жэ]зд*, *по[д'жо]м т'*, *д'* принадлежат приставкам и заменяют собой *т*, *д*, они [мягкие переднеязычные. — Н. Р.] становятся все более редкими [Там же: 56].

Ирины, «Три сестры»). Здесь также интересен винокуровский комментарий относительно произношения других актеров: *Федотик (Ларин): пасьянс!*

В сочетаниях *р* с переднеязычными, как замечает Г. О. Винокур, возможны оба варианта. В отдельных словах (например, *смерть*, *четверть* и др.) вибрант *р* является «безусловно мягким» [Там же: 55]. В картотеке приводятся примеры как с мягким, так и с твердым *р*. Примечательно, что есть также записи на оба произносительных варианта в слове *смерть*: *с'мер'тью* (№ 190 — М. М. Тарханов в роли Луки, «На дне») — *с'мер'ть* (№ 227 — М. М. Тарханов в роли Печенегова, «Враги»).

В сочетаниях *зубной + мягк. согл.* преобладает вариант с отсутствием смягчения (см. №№ 235–256). Мягкий вариант, свойственный «классической норме русского произношения» [Там же], представлен гораздо меньшим числом вариантов (№№ 193–200). В картотеке есть записи, в которых отмечены случаи вариативного произношения одного и того же слова разными актерами в разных спектаклях и ролях, а также разными исполнителями одной и той же роли или одним и тем же актером в той же роли. Ср.: *лаф'к'и* (№ 194 — М. Н. Кедров в роли Манилова, «Мертвые души») — *на лафке* (№ 253 — М. И. Пузырева в роли Анны, «Кремлевские куранты»), *б'ьет* (№ 199 — М. Н. Кедров в роли Захара, «Враги») — *бью* (№ 236 — А. М. Дмоховская в роли Василисы, «На дне»), *на скрип'ке* (№ 193 — И. П. Гошева в роли Ирины, «Три сестры») — *на скрипке* (№ 193 — А. И. Степанова в роли Ирины, «Три сестры»), *скрипке* (№ 254 — К. Н. Еланская в роли Ольги, «Три сестры», спектакль от 14/II; далее комментарий Винокура: *скрип'ке 20/II*).

3.3. Замена мягкого *с'* твердым *с* в составе возвратной частицы -ся, -сь (№№ 259–280)

Группа карточек представляет варианты произношения в о з в р а т н о й частицы -ся, -сь. В книге Г. О. Винокура это орфоэпическое правило сформулировано так: «В частице -сь мягкий согласный *с'* всегда заменяется твердым, а в частице -ся — в положении ее после твердого согласного (например, *бою[с]*, *бояли[с]*, *боял[с]*, *боим[с]*») [Там же: 56]. Однако в картотеке зафиксировано значительное число примеров, в которых отсутствует замена мягкого зубного [с'] на твердый. При этом согласный в частице -ся произносится мягко вне зависимости от предшествующего звука. Ср.: *расплылас'* (№ 263 — С. С. Пилявская в роли Маши, «Кремлевские куранты»), *принялся* (№ 265 — Ф. В. Шевченко в роли Анны Григорьевны, «Мертвые души»), *вихляйся* (№ 269 — М. М. Тарханов в роли Луки, «Мертвые души»).

3.4. Произношение согласных в некоторых консонантных сочетаниях (№№ 281–289)

В книге Г. О. Винокура в разделе о затворных и фрикативных (§ 48) дается описание произношения отдельных групп согласных, в которых один из согласных не произносится (*стл*, *стн*, *вств* и др.). В картотеке представлены примеры с непронизносимыми согласными: *щасл'ива* (№ 283 —

И. П. Гошева в роли Ирины, «Три сестры»), *нечесно* (№ 282 — В. В. Белокуров в роли Чичикова, «Мертвые души»). Однако имеется также достаточное количество случаев произнесения непронизносимых согласных, возможно, в полном стиле произношения. Ср.: *страстное* (№ 286 — В. Я. Станицын в роли Андрея Прозорова, «Три сестры»), *праздности* (№ 287 — Н. П. Асланов в роли Плюшкина, «Мертвые души»), *чуфствуется* (№ 288 — Р. Н. Молчанова в роли Долли, «Анна Каренина»)¹⁰.

3.5. Замена взрывных *к, г* фрикативными *х, γ* в некоторых словах (№№ 290–308^a; 319–357)

В том же разделе «Затворные и фрикативные» довольно много внимания уделяется описанию новых тенденций в произношении согласных *к, г* и параллельных им в отношении способа образования *г, γ* в ряде случаев: перед взрывными (*кто, где, всегда, иногда* и др.), а также в словах *Бог, Господь, богатый, благо* и др. В картотеке имеется значительное число примеров, отражающих наличие / отсутствие замены *к, г* перед взрывными на соответствующие фрикативные *х, γ* (№№ 290–306). Г. О. Винокур отмечал, что в настоящее время еще «мы встречаем произношение *ко[γ]да, то[γ]да, [γ]де*, которое, однако, как и произношение *[х]то*, становится все более редким» [Там же: 57]. Действительно, большее число примеров демонстрирует новый вариант произношения с взрывными *к, г*: *кто* (№ 292 — В. В. Белокуров в роли Чичикова, «Мертвые души»), *иногда* (№ 300 — С. К. Блинные в роли Бубнова, «На дне»), *некогда, когда, иногда* (№ 301 — примечание: *passim*). Вариант с фрикативными *х, γ* встречается реже, уступая в широте распространения более новому варианту. Показательны винокуровские заметки на некоторых карточках: *хто* (№ 302 — Б. Г. Добронравов в роли Васки Пепла, «На дне»; *единично, обычно пр[оизносит] кт, гд > хт, γд, всегда, но и всегда* (№ 305 — Д. Н. Орлов в роли Якова, «Враги»).

В другой группе карточек (№№ 319–357) представлены варианты произношения согласных *г — γ* в словах с корнями *бог-, благ-, господ-*. Фрикативный *[γ]* в словах *бо[γ]а, бо[γ]у* Г. О. Винокур относит к «старой произносительной традиции», а произношение в словах *бо[γ]атый, бла[γ]одарю, [γ]осподь*, по его мнению, «производит несколько архаистическое впечатление» [Там же]. Тем не менее в картотеке имеется довольно много примеров на использование старого варианта: *просить Боуа* (№ 321 — М. А. Дурасова в роли Лидии Ивановны, «Анна Каренина»), *γасподь* (№ 331 — Г. Г. Конский в роли Голубя-сына, «Царь Федор Иоаннович»), *баγатыγ грабят* (№ 336 — В. В. Белокуров в роли Чичикова, «Мертвые души»). В то же время немало случаев употребления взрывного *[г]*: *бога ради* (№ 341 — А. И. Степанова в роли Ирины, «Три сестры»), *господи* (№ 346 —

¹⁰ К сожалению, карточки не сопровождаются никакими комментариями. Возможно, при написании работы Г. О. Винокур дал бы объяснение причин полной реализации подобных консонантных сочетаний.

Н. В. Тихомирова в роли Марфы Петровны, «Русские люди»), *блага* (№ 349 — В. А. Вербицкий в роли Стивы, «Анна Каренина»).

Как видим, материалы картотеки также подтверждают мнение Г. О. Винокура о том, что фрикативные *x*, *ɣ* на месте взрывных *k*, *z* в некоторых словах представляют собой уходящий, а в иных случаях и «архаизированный» орфоэпический вариант. В этом отношении показательны два примера со взрывным звонким [г], записанные от представительницы старшего поколения мхатовских актеров — О. Л. Книппер-Чеховой в роли Полины («Враги»): *всегда* (№ 299), *благодарю* (№ 355).

3.6. Произношение сочетания *чн* как [шн] или [ч'н] в некоторых словах (№№ 309–318)

О борьбе старого и нового вариантов произношения сочетания *чн* в отдельных словах Г. О. Винокур замечал: «современное *чн*, в большинстве случаев в результате <...> воздействия буквы, вытеснило собой ранее несомненно существовавшее *шн*» [Там же: 58]. В картотеке представлены примеры как на использование варианта, относящегося к «старшей» норме с *шн*, так и современный вариант с *чн*: *порядошный* (№ 309 — К. Н. Еланская в роли Ольги, «Три сестры»), *в бою кулашном* (№ 310 — Б. Г. Добронравов в роли Федора, «Царь Федор Иоаннович»), *сердешный* (№ 311 — С. К. Блинников в роли Клешиина, «Царь Федор Иоаннович») — *кирпичник* (№ 315 — М. М. Тарханов в роли Собакевича), *достаточно* (№ 316 — С. С. Пилявская в роли Маши, «Кремлевские куранты»), *нарочно* (№ 317 — В. В. Белокуров в роли Родэ, «Три сестры»).

3.7. Звук *j* в разных фонетических позициях:

в начале местоимений их, им, в позиции перед ударением (вы'ю, мо'а), в заударных слогах между гласными (тако'е) (№№ 358–372)

В качестве отдельной группы выделены случаи произнесения местоимений *их, им, ими* (№№ 357–364). Как отмечает Г. О. Винокур, «в последнее время произношение [ju]x, [ju]m, [ju]mi все чаще уступает место произношению без звука *j* в начале ([u]x, [u]m, [u]mi) и переходит на положение факультативного» [Там же: 64]. Записи из картотеки подтверждают это наблюдение: *juh* (№ 358 — В. Д. Бендина в роли Нади, «Враги»), *jum* (№ 361 — Л. В. Пушкарёва в роли княжны Мстиславской, «Царь Федор Иоаннович») — *ихымя* (№ 362 — А. В. Жильцов в роли Квача, «Враги»), *им* (№ 364 — К. Н. Еланская в роли Ольги, «Три сестры»).

3.8. Слоговые сонанты (№№ 374–379)

Небольшая группа примеров посвящена слоговым сонантам *л, м, н*. Ср.: *журавл'* (№ 374 — А. Н. Грибов в роли Чебутыкина, «Три сестры»), *жиз'н'* (№ 375 — М. П. Болдуман в роли Вершинина, «Три сестры»), *Но мой корабл' от гибели спасал* (№ 377 — В. Л. Ершов в роли Годунова, «Царь Федор Иоаннович»).

4.0. Изменение места ударения в некоторых словах (№№ 380–386; 464–468)

Следующая интересная группа — это карточки, фиксирующие место ударения в некоторых словах. Часть произнесений отражает новые акцентные нормы: *патру́ли* (№ 380 — Н. В. Тихомирова в роли Марфы Петровны, «Русские люди»). Привычный для современных носителей вариант с ударением на окончании в слове *патрули* привлек интерес Г. О. Винокура, потому что в 40-е гг. XX в., вероятно, еще был достаточно распространен вариант с ударением на основе. Ср., например, фрагмент из стихотворения Д. Самойлова «Атака» (1944): *Пролает мина. Свистнут пули. / Окликнут часовых патру́ли. / И с бруствера скользнет песок*. В 1980-е гг. такое произношение уже трактуется как устаревшее: *патру́ль*, *патруля́* *!не рек. патруля́* [Орфоэпический словарь 1983].

В некоторых случаях отмечаются новые варианты ударения в словах: *пережѐл* (№ 383 — В. В. Белокуров в роли Чичикова, «Мертвые души»)¹¹, *взя́лся*¹² (№ 465 — Н. П. Асланов в роли Плюшкина, «Мертвые души»).

На других карточках зафиксированы, наоборот, старые акцентологические варианты, например: *на́долго* (№ 382 — М. Н. Кедров в роли Захара, «Враги»)¹³, *родилсѧ́* (№ 466 — В. А. Орлов в роли Васина, «Русские люди»). Интересен пример, представленный на карточке № 386. Это запись реплики Б. Г. Добронравова в роли Царя Федора («Царь Федор Иоаннович») с комментарием Г. О. Винокура: *Которую сейчас я брал за́ руку. Вместо этого [должно быть]: Которую сейчас я брал за ру́ку*. Актер произносит слово с переносом ударения на предлог в соответствии с орфоэпической нормой. Однако нарушает при этом ритм стиха, что и было немедленно отмечено Г. О. Винокуром.

5.0. Случаи произнесения отдельных слов, индивидуальные особенности, а также черты, использующиеся как речевые краски (№№ 387–473)

Г. О. Винокур писал о двоякой роли сценического произношения. С одной стороны, будучи внешней формой сценической речи, оно выполняет общую функцию: «через его посредство зрителю передается содержа-

¹¹ В современных орфоэпических словарях произношение с ударением на 1-м слоге в форме прош. вр. 3-го л. ед. считается устаревшим: ПЕРЕЖИТЬ, переживу, -ёт, -ут, *прош.*: пережил и *устарев.* пережил [Каленчук и др. 2023].

¹² Ср.: ВЗЯТЬСЯ, возьмѐсь, возьмѣтся, взя́лся и *допуст. старш.* взялся [Каленчук и др. 2023].

¹³ В современных словарях такое произношение отмечено как неправильное: НАДО́ЛГО (! *неправ. надолго*) [Каленчук и др. 2023].

ние того, что говорят на сцене» [Там же: 12]. С другой стороны, произношение является «одним из средств актерской игры, наряду с жестом, голосом, костюмом, гримом» [Там же]. Эта вторая, характерологическая роль сценического произношения также представлена в материалах картотеки. Так, отмечаются просторечно-диалектные черты в речи Луки в исполнении М. М. Тарханова («На дне»): *блoхá, плóхo* (№ 393 — примечание Винокура: *окает непоследов[ательно]*), *помирáт* (№ 394), *идётъ, ни шутить* (№ 396). А. П. Кторов, исполняя роль гестаповского офицера Розенберга в спектакле «Русские люди», также использует разнообразные речевые краски: *пове́сят, расстрел́яют, взрítь — поверítь (é), Никaлаевна* (№ 436). Интересны заметки Г. О. Винокура о ряде особенностей произношения Н. К. Свободина в роли Тузенбаха («Три сестры»): *ѣ>и, но: миу́ая, спау́, меу́очи, могу́, весеу́, воу́осы*; примечание: *членение слогов¹⁴ неужели нарочно? Но: в др[угих] случ[аях] нет. Ср. его роль в Кремл[евских] Кур[антах]* (№ 438).

Большинство материалов картотеки отражают общие орфоэпические тенденции данного периода — «борьбу» старых и новых вариантов. Однако значительное число карточек фиксирует также и индивидуальные особенности актерского произношения. Эти наблюдения представляют особую ценность, поскольку вносят дополнительные штрихи к созданию орфоэпических портретов многих выдающихся деятелей русской сцены. Например, как индивидуальная особенность артиста Н. И. Боголюбова отмечается «твердое ѝ»: *мечтаю, почэму, между прочым* с последующим комментарием — *не всегда* (№ 392). О произношении А. К. Тарасовой Г. О. Винокур пишет следующее: *У Тарасовой очень звонкий j: надо́ѣло* (№ 469). Как индивидуальная особенность рассматривается также произнесение некоторыми актерами неоднородного сочетания [шч'] вместо мягкого долгого шипящего [ш']: *вообшче* (№ 452 — В. А. Орлов в роли Якова, «Враги»), *вообшче, шчастье* (№ 454 — А. К. Тарасова в роли Маши, «Три сестры»); примечание Винокура: *id.20/II*. В черновых записях обнаруживаем также еще одно наблюдение о произношении А. К. Тарасовой: *мягко произносит шипящие*. В карточке № 389 эта индивидуальная черта получает отражение в виде символа *ж*, обозначающего смягченное произношение звонкого шипящего.

Наконец, имеется группа карточек, где отмечены неточности в произнесении текста. В основном это фрагменты из спектакля «Царь Федор Иоаннович». Ср.: *через околоток* вм. *чрез в тексте* (№ 443 — Б. Г. Добронравов в роли Федора, «Царь Федор Иоаннович»); *А в те поры бояре-то приутихли* (№ 444 — М. М. Тарханов в роли Курюкова, «Царь Федор Иоаннович»); *Уж как бы я охотно уступил / Ему престол! А то теперь насильно*. — [вместо:] *Уж как бы уступил / Охотно я ему престол! А то теперь насильно* (№ 446 — Б. Г. Добронравов в роли Федора, «Царь Федор Иоаннович»).

¹⁴ В черновых записях имеется замечание Г. О. Винокура о произношении Н. К. Свободина в роли Тузенбаха: *польское членение слогов*.

Рассматривая карточки, убеждаешься, что в эти годы общий речевой фон спектаклей еще был ориентирован на произносительную традицию, однако новые тенденции уже достаточно явно проявляют себя. Этому способствовал и тот факт, что на смену старшему поколению корифеев МХАТа пришло новое, более молодое поколение актеров. В 1940-е гг. именно они несли на своих плечах основной репертуар, постепенно изменяя и речевой фон спектаклей.

Собранные Г. О. Винокуром материалы являются ярким свидетельством ушедшей театральной эпохи. Их историко-культурное значение трудно переоценить. Они позволяют выявить и воссоздать реальный произносительный фон мхатовских спектаклей этого периода. Винокуровская картотека — уникальный документ своего времени, героическая попытка выдающегося ученого методами научной транскрипции зафиксировать и сохранить для потомков звучащее сценическое слово как одно из наиболее действенных художественных средств драматического театра.

С л о в а р и

Каленчук и др. 2023 — М. Л. К а л е н ч у к, Л. Л. К а с а т к и н, Р. Ф. К а с а т к и н а. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 3-е изд., испр. и доп. М., 2023.

Орфоэпический словарь 1983 — Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.

Л и т е р а т у р а

Винокур 2020 — Г. О. В и н о к у р. Русское сценическое произношение. М., 1948; цит. по переизданию: М.: ЛЕНАНД, 2020.

Розанова 1997 — Н. Н. Розанова. «Почетный гражданин кулис...» (Г. О. Винокур — исследователь русского сценического произношения) // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 196–201.

Розанова 2024 — Н. Н. Р о з а н о в а. «Тайна и прелесть разговорчивости»: о речевой манере Татьяны Григорьевны Винокур (по материалам записей устной речи) // Говорящий и пишущий: К 100-летию со дня рождения Татьяны Григорьевны Винокур / Е. В. Какорина, А. Р. Пестова (отв. ред.). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. С. 445–474.

Цейтлин 1965 — Р. М. Ц е й т л и н. Григорий Осипович Винокур. М., 1965.

II
П р и л о ж е н и е
Картотека произношения актеров Московского художественного
академического театра им. М. Горького (МХАТ),
составленная Григорием Осиповичем Винокуром
для работы о сценическом произношении¹⁵

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
1	Три сестры	14.02.1944	Ирина (Гошева)	Масквa и т. д.	[узкий предуд.] passim
2	Мертвые души	19.02.1944	Собакевич (Тарханов)	пра°даст зда°ровый	
3	Три сестры ² I	20.02.1944	Ольга (Еланская)	поста°рела	
4	Мертвые души	19.02.1944	Плюшкин — Асланов	для вкуса	
5	Три сестры ² II	20.02.1944	Вершинин (Ершов)	для нас	
6	Три сестры IV	14.02.1944	Ольга (Еланская)	для тех	
7	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Ирина (Еланская)	для Руси	(а без особого уд.)
8	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Шуйский (Орлов)	Битяг°вский	В. Ершов Битег°в[ский] (раздумчиво)
9	Враги	03.03.1944	Михаил (Кудрявцев)	чадит	
10	Враги	03.03.1944	Полина (Книппер)	щидить	
11	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров) Коробочка (Бендина)	я чай	
12	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Шуйский (Орлов)	цалую	
13	Мертвые души	19.02.1944	Ноздрев (Ливанов)	поцалую, по- цалуй	
14	Враги	03.03.1944	Татьяна (Тарасова)	поцелуя	
15	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	поцелуйтесь	

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 118 (№ 1–240). 244 л.; 119 (№ 241–441), 235 л.

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
16	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Волохова (Зуева)	<u>целуй</u>	
17	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Б. Годунов (Ершов)	<u>целу́ю</u>	
18	Мертвые души	19.02.1944	Плюшкин (Асланов)	<u>цылу́ет</u>	
19	Враги	03.03.1944	Надя (Бендина)	от <u>жыры́</u>	
20	Анна Каренина	27.02.1944	Вронский (Прудкин)	<u>жы́лэу</u>	
21	Три сестры III	14.02.1944	Маша (Тарасова)	<u>жылэ́ла</u>	id 20/II
22	Три сестры II	14.02.1944	Маша (Тарасова)	к со <u>жы</u> лению	
23	Враги	03.03.1944	Яков (Орлов)	<u>жылэ́ет</u>	
24	Враги	03.03.1944	Яков (Орлов)	к съ <u>жы</u> ленью	
25	На дне II	17.02.1944	Лука (Тарханов)	<u>жылеть</u>	ср.: помирáт Л[ука] [подписано карандашом]
26	Враги	03.03.1944	Полина (Книппер)	ло <u>шы</u> дей	
27	Мертвые души	19.02.1944	Плюшкин (Асланов)	лэ <u>шы</u> дэ́й	
28	Мертвые души	19.02.1944	Селифан (Калинин)	ло <u>шы</u> дэ́й	
29	Враги	03.03.1944	Квач (Жильцов)	<u>женда́рм</u>	
30	Враги	03.03.1944	Надя (Бендина)	<u>жындарму</u>	и т. д.
31	Враги	03.03.1944	Захар (Кедров)	<u>жындармский</u>	
32	Русские люди	07.03.1944	Харитонов (Яншин)	к со <u>жа</u> лению	
33	Три сестры II	14.02.1944	Вершинин (Болдуман)	с ло <u>ша</u> дэ́мй	20/II Ершов: с ло <u>ше</u> дэ́мй
34	Враги	03.03.1944	Бобоедов (Кирилин)	жандармов	
35	Враги	03.03.1944	Бобоедов (Кирилин)	<u>жандармы</u>	
36	Враги	03.03.1944	Печенегов (Тарханов)	<u>жандармы</u>	
37	Кремлевские куранты	22.02.1944	Чуднов (Жильцов)	<u>шаги</u>	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
38	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	<u>шагнул</u>	
39	Враги	03.03.1944	Михаил (Кудрявцев)	рас <u>ш</u> атало	
40	Три сестры II	14.02.1944	Тузенбах (Массальский)	<u>ш</u> арáх	20/II шэрах (Свободин)
41	Мертвые души	19.02.1944	Ноздрев (Ливанов)	<u>ш</u> армáнка	
42	Враги	03.03.1944	Михаил (Кудрявцев)	на <u>ш</u> аты́рный	
43	Анна Каренина	27.02.1944	Каренин (Кедров)	желал	
44	Три сестры I	14.02.1944	Ольга (Еланская)	кэк раз (как раз)	id. 20/2
45	Три сестры I	14.02.1944	Кулыгин (Орлов)	тэк б́удем	
46	Три сестры ² II	20.02.1944	Вершинин (Ершов)	тэк хэть...	(в тексте: то да- вайте хоть по- философствуем)
47	Русские люди	07.03.1944	Сафонов (Добронравов)	тык вóт	
48	Мертвые души	19.02.1944	Манилов (Кедров)	<u>дык</u> вóт	
49	Три сестры ² IV	20.02.1944	Андрей (Станицын)	<u>как</u> другу, кэк единственному	
50	Анна Каренина	27.02.1944	Анна (Тарасова)	как já	
50a	Враги	03.03.1944	Николай (Вербицкий)	<u>как</u> раз	
51	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Волохова (Зуева)	<u>как</u> раз	
52	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	<u>как</u> схватят	
53	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	<u>как</u> бы	
54	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Клешнин (Блинников)	<u>каль</u> не мытьём	
55	Три сестры III	14.02.1944	Маша (Тарасова)	ро <u>м</u> án	id. 20/II
56	Мертвые души	19.02.1944	Дама (Коренева)	ро <u>м</u> ан	
57	Враги	03.03.1944	Николай (Вербицкий)	ро <u>м</u> án с нищим	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
58	Кремлевские куранты	22.02.1944	Испуг[анная] д[ама] (Дурасова)	костюм	
59	Анна Каренина	27.02.1944	Дама	<u>кос</u> 'тюм	
60	Анна Каренина	27.02.1944	Вронский (Прудкин)	<u>кас</u> 'тюм'е	
61	Враги	03.03.1944	Яков (Орлов)	Кле <u>о</u> патру	
62	Враги	03.03.1944	Полина (Книппер)	Кле <u>о</u> патра	
63	Враги	03.03.1944	Захар (Кедров)	Палине Клеапатре	
64	Враги	03.03.1944	Полина (Книппер)	<u>пол</u> 'йтикой <u>со</u> цыализм	
65	Враги	03.03.1944	Полина (Книппер)	мо <u>н</u> архи- ческом конституции	
66	Враги	03.03.1944	Захар (Кедров)	с <u>ъ</u> цыализм	
67	Враги	03.03.1944	Клеопатра (Еланская)	с <u>ъ</u> цыалисты	
68	Враги	03.03.1944	Клеопатра (Еланс[кая])	о <u>пол</u> итике	но: <u>п</u> алитики Михаил (Кудрявцев)
69	Враги	03.03.1944	Полина (Книппер)	ненормально	
70	Враги	03.03.1944	Захар (Кедров)	атмасфера	
71	Анна Каренина	27.02.1944	Каренин (Кедров)	чрез адвоката	
72	Анна Каренина	27.02.1944	Каренин (Кедров)	<u>иг</u> норирую	
73	Мертвые души	19.02.1944	Губернатор (Готовцев)	мораль	
74	Кремлевские куранты	22.02.1944	Забелин (Болдуман)	<u>ша</u> кированы	
75	Три сестры I	14.02.1944	Вершинин (Болдуман)	во <u>к</u> зал	id. 20/II Ершов Соленый (Ливанов)
76	Три сестры	14.02.1944	все	пра <u>ф</u> 'есор	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
77	Три сестры ² III	20.02.1944	Тузенбах (Свободин)	концерт	Кулыгин (Орлов): концерт
78	Три сестры ² IV	20.02.1944	Ирина (Степанова)	раяль	
79	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	Владыко Дианисий	
80	Три сестры ² I	20.02.1944	Ольга (Еланская)	в самом дел'и	
81	Анна Каренина	27.02.1944	Каренина (Тарасова)	в одном доми	
82	Три сестры ² II	20.02.1944	Наташа (Георгиевская)	на совет'и на телеграф'и	
83	Кремлевские куранты	22.02.1944	Маша (Пилявская)	р'вити	
84	Мертвые души	19.02.1944	Ноздрев (Ливанов)	в доме	(п. ст.)
85	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Годунов (Ершов)	на досуге	
86	Кремлевские куранты	22.02.1944	Чуднов (Жильцов)	не ищите	
86 ^a	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	скажи́те	в п. ст. е
87	Анна Каренина	27.02.1944	Каренина (Тарасова)	бу́д'ит	(= будет)
88	Русские люди	07.03.1944	Козловский (Кудрявцев)	про́кляты	
89	Русские люди	07.03.1944	Валя (Комолова) Сафонов (Добр[онравов])	слы́шить слы́шал	
90	Три сестры ² II	20.02.1944	Соленый (Ливанов)	слу́-ща́ть	(п. ст.)
91	Русские люди	07.03.1944	Сафонов (Добронравов)	слы́-шать	(п. с.)
92	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Ирина (Еланская)	ду́мать	
93	Три сестры I	14.02.1944	няня (Соколовская)	чи́сты-и	
94	Враги	03.03.1944	Яков (Орлов)	ни́щии	
95	Враги	03.03.1944	Синцов (Болдуман)	седы́и	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
96	Мертвые души	19.02.1944	Дама (Коренева)	мёртвы-и	(п. ст.)
97	Мертвые души	19.02.1944	Собакевич (Тарханов)	мёртвы-и	(п. ст.)
98	Русские люди	07.03.1944	Шура (Базарова)	азартные	(п. с.)
99	Анна Каренина	27.02.1944	Каренин (Кедров)	такие, какие	
100	На дне I	17.02.1944	Сатин (Ершов)	человеческие слова	
101	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Шуйский (Орлов)	в чужие руки	
102	Три сестры II	14.02.1944	Ирина (Гошева)	ночи безумные	(в романсе) id. 20/II Степанова
103	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Годунов (Ершов)	за прежняя вины	(с подчеркиванием)
104	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронрав[ов])	тот самый	
105	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Годунов (Ершов)	Шуйскэй	(подчеркивая)
106	Три сестры ² I	20.02.1944	няня (Сок[оловская])	незнако́мэ ^а й	
107	Три сестры III	14.02.1944	Анфиса (Соколовская)	лесницэ ^а й	
108	Три сестры	14.02.1944 20.02.1944	passim все	-ый	(ср. няня в 1 д.: незнако́мэ ^а й)
109	Мертвые души	19.02.1944	Ливанов (Ноздрев)	переодеты́й	(п. ст.)
110	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	мёрт-вый	(п. ст.)
111	Три сестры ² I	20.02.1944	Тузенбах (Свободин)	каж-дый	(п. с.)
112	Анна Каренина	27.02.1944	Каренина (Тарасова)	Вронский Вронскэй	n.s.m. d.s.f.
113	Три сестры ² III	20.02.1944	Ольга (Ел[анская])	замуж выходят	
114	Три сестры III	14.02.1944	Ирина (Гошева)	переводят	
115	Три сестры ²	20.02.1944	Ирина (Степанова)	носятся	
116	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	не ход'эт	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
117	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	гра́бят	
118	Три сестры ² II	20.02.1944	Вершинин (Орлов)	черес.....200 лет пуда пут пудберет пут взял	(пауза)
119	Кремлевские куранты	22.02.1944	Маша (Пилявская)	в хот_аружье	
120	Три сестры ² I	20.02.1944	Тузенбах (Свободин)	ласкоф_а вот	
121	Мертвые души	19.02.1944	Дама (Коренева)	уш_этого	
122	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Ирина (Еланская); Федор (Добронравов); Годунов (Ершов)	княсь Иван	
123	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	пил уш_ы ел	
124	Мертвые души	19.02.1944	Ноздрев (Ливанов)	уш_ы дело	
125	Мертвые души	19.02.1944	Собакевич (Тарханов)	Михееф умер	
126	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	веть_я	
127	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Старков (Шульга)	постаф_ь меня	
128	Три сестры ² III	20.02.1944	Тузенбах (Свободин)	штош_ наш	
129	Три сестры ² II	20.02.1944	Соленый (Ливанов)	похош_ на Л-ва [Лермонтова]	
130	Три сестры I	14.02.1944	Ольга (Еланская)	год_? назад гот_ назад	14/II 20/II
131	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	княсь на Шуе	
132	Три сестры ² II	20.02.1944	Соленый (Ливанов)	клянусвам безвас	
133	Мертвые души	19.02.1944	Почтмейстер (Ларин)	уш_вы	
134	Мертвые души	19.02.1944	Полицмейстер (Бутюгин [С.А.])	уш_всем	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
135	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	му <u>ш</u> военный	
136	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	заму <u>ш</u> выдает	
137	Три сестры ² III	20.02.1944	Кулыгин (Орлов)	где <u>ж</u> она?	
138	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	вед <u>ь</u> он	
139	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Туренин (Гузеев)	кня <u>зь</u> Иван	
140	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Стольник (Климов [?])	Кня <u>зь</u> Иван Петрович	
141	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Голубь [сын] (Конский)	Кня <u>зь</u> Иван	
142	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944		кня <u>сь</u> Иван кня <u>зь</u> Иван	Разные персонажи по-разному
143	Анна Каренина	27.02.1944	Каренин (Кедров)	што <u>ж</u> я могу сделать	
144	Три сестры ² IV	20.02.1944	Чебутыкин (Грибов)	через <u>год</u> вернусь	
145	Три сестры II	14.02.1944	Тузенбах (Свободин)	сажу <u>с</u> <u>ы</u> грать	
146	Три сестры ² III	20.02.1944	Чебутыкин (Грибов)	ту <u>ты</u>	
147	Три сестры ² II	20.02.1944	Вершинин (Ершов)	<u>на</u> зат <u>ы</u>	
148	Три сестры II	14.02.1944	Тузенбах (Мас-сальский)	заче <u>мы</u> куда	
149	Три сестры III	14.02.1944	Ирина (Гошева)	ка <u>к</u> изменится	
150	Три сестры ² I	20.02.1944	Маша (Тарасова)	та <u>к</u> <u>ы</u> о нас	
150 ^a	Три сестры ² II	20.02.1944	Тузенбах (Свободин)	ка <u>к</u> <u>ы</u> теперь	
151	Три сестры ² II	20.02.1944	Тузенбах (Свободин)	<u>с</u> не <u>к</u> [?] <u>ы</u> дет	
152	Три сестры ² II	20.02.1944	Ирина (Степанова)	та <u>к</u> <u>ы</u> послала	
153	Три сестры I	14.02.1944	Вершинин (Болдуман)	ка <u>к</u> ид <u>ёт</u>	bis как <u>ы</u> д <u>ёт</u> 20/II (Ершов)
154	Кремлевские куранты	22.02.1944	Забелин (Болдуман)	большеви <u>к</u> <u>из</u>	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
155	Три сестры ² I	20.02.1944	Чебутыкин (Грибов)	старик и...	
156	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Годунов (Ершов)	из'битого	
157	Враги	03.03.1944	Полина (Книппер)	невас'питанна	
158	Кремлевские куранты	22.02.1944	Чуднов (Жильцов)	пос'пеет	
159	Враги	03.03.1944	Синцов (Болдуман)	с'пит	
160	Враги	03.03.1944	Захар (Кедров)	вос'питывать	
161	Враги	03.03.1944	Бобоедов (Кириллин)	с'виду	
162	Три сестры ² I	20.02.1944	Вершинин (Ершов)	раз'ве	
163	Три сестры ² I	20.02.1944	Андрей (Станицын)	рас'с'вет	
164	Три сестры III	14.02.1944	Вершинин (Болдуман)	с'в'ёт'е	
165	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	ваз'мёт	
166	Мертвые души	19.02.1944	Плюшкин (Асланов)	с'м'ер'ти	
167	Враги	03.03.1944	Захар (Кедров)	с'м'ер'ть	
168	Три сестры ² I	20.02.1944	Кулыгин (Орлов)	ваз'мите	
169	Три сестры ² I	20.02.1944	Маша (Тарасова)	не с'мейте	
170	Три сестры ² I	20.02.1944	Наташа (Георгиевская)	на-с'мех	
171	Анна Каренина	27.02.1944	Каренина (Тарасова)	с'мело	
172	Мертвые души	19.02.1944	Плюшкин (Асланов)	невес'те	
173	Мертвые души	19.02.1944	Плюшкин (Асланов)	ез'дить	
174	Враги	03.03.1944	Бобоедов (Кириллин)	раз'делим	
175	Три сестры ² II	20.02.1944	Тузенбах (Свободин)	пос'тель	
176	Три сестры ² II	20.02.1944	Андрей (Станицын)	сес'тёр	
177	Три сестры ² I	20.02.1944	Ирина (Степанова)	жиз'ни	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
178	Три сестры I	14.02.1944	Тузенбах (Массальский)	каприз'ни ^ч ал	
179	Три сестры I	14.02.1944	Вершинин (Ершов)	исчез'нете	
180	Три сестры ² III	20.02.1944	Вершинин (Ершов)	загряз'нился	
181	Анна Каренина	27.02.1944	Каренина (Тарасова)	крас'не ^л а	
182	Анна Каренина	27.02.1944	Каренина (Тарасова)	во с'не	
183	Враги	03.03.1944	Надя (Бендина)	Мат'вей	
184	Кремлевские куранты	22.02.1944	Рыбаков (Боголюбов)	вет'вах	bis
185	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Клешнин (Блинников)	ат'и́ездом	
186	Мертвые души	19.02.1944	Ноздрев (Ливанов)	бан'чишку	
187	Три сестры ² I	20.02.1944	Ольга (Еланская); Ирина (Степанова)	сер'ьезное	
188	Кремлевские куранты	22.02.1944	Чуднов (Жильцов)	губер'нии	
189	Враги	03.03.1944	Николай (Вербицкий)	контор'щик	(но не всегда и у других не смягчается)
190	На дне II	17.02.1944	Лука (Тарханов)	с'мер'тью	
191	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	до смер'ти	
193	Три сестры III	14.02.1944	Ирина (Гошева)	на скрип'ке	20/II Степанова: скрипке
194	Мертвые души	19.02.1944	Манилов (Кедров)	лаф'к'и	
195	Мертвые души	19.02.1944	Собакевич (Тарханов)	покуп'ки?	
196	Кремлевские куранты	22.02.1944	Маша (Пилявская)	об'являю	
197	Кремлевские куранты	22.02.1944	Забелин (Болдуман)	аб'ьом	
198	Враги	03.03.1944	Яков (Орлов)	в'юности	
199	Враги	03.03.1944	Захар (Кедров)	б'ьет	
200	Враги	03.03.1944	Надя (Бендина)	пьяных	
201	Три сестры ² I	20.02.1944	Наташа (Георгиевская)	разве	есть раз'ве

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
202	Три сестры III	14.02.1944	Чебутыкин (Грибов)	разбил	
203	Три сестры III	14.02.1944	Чебутыкин (Грибов)	сплю	
204	Три сестры ² III	20.02.1944	Чебутыкин (Грибов)	сплю	тв.
204 ^a	Кремлевские куранты	22.02.1944	Рыбаков (Боголюбов)	Прес ^б не с ^б пит	
204 ^b	Три сестры III	14.02.1944	Вершинин (Болдуман)	разница	
205	Три сестры I	14.02.1944	Ольга (Еланская)	задразнили	
206	Три сестры IV	14.02.1944	Андрей (Станицын)	гаснет	
207	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Годунов (Ершов)	пос ^б ле	
208	Кремлевские куранты	22.02.1944	Дзержинский (Марков)	ес ^б ли	
209	Кремлевские куранты	22.02.1944	Рыбаков (Боголюбов)	ес ^б ли	pass.
210	Три сестры ² IV	20.02.1944	Кулагин (Орлов)	счас ^б диф	
211	Три сестры ² II	20.02.1944	Ирина (Степанова)	пасьянс	Федотик (Ларин): пасьянс!
212	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	вет ^б ви	
213	Враги	03.03.1944	Левшин (Грибов)	Мат ^б вей	
214	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов) Ирина (Еланская)	молит ^б ве	
215	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Ирина (Еланская)	молит ^б венный	
216	Враги	03.03.1944	Греков (Шутов)	естест ^б венно	
217	Три сестры ² IV	20.02.1944	Андрей (Станицын)	подвижника	тв.
218	Анна Каренина	27.02.1944	Каренина (Тарасова)	вопщест ^б ве	
219	Враги	03.03.1944	Захар (Кедров); Михаил (Кудрявцев)	отъезда	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
220	Три сестры I	14.02.1944	Тузенбах (Массальский)	<u>подъёме</u>	id. 20/П Свободин
221	Три сестры III	14.02.1944	Тузенбах (Массальский)	талантливо	
222	Кремлевские куранты	22.02.1944	Рыбаков (Боголюбов)	сурьёзно	
223	Анна Каренина	27.02.1944	Анна (Тарасова)	вер ^б нетца	
224	Три сестры ² IV	20.02.1944	Андрей (Станицын)	<u>вернее</u>	(тв.)
225	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Клешнин (Блинников)	чер ^б нь	
226	Анна Каренина	27.02.1944	Каренин (Кедров)	испо ^р бчена	
227	Враги	03.03.1944	Печенегов (Тарханов)	<u>с'мер^бть</u>	
228	Мертвые души	19.02.1944	Дама (Коренева)	<u>смерть</u>	(тв.)
229	Кремлевские куранты	22.02.1944	Прасковья (Берестова)	сер ^б дитый	
230	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	<u>терпит</u>	(тв.)
231	Три сестры ² I	20.02.1944	Тузенбах (Свободин)	тёр ^б пит	
232	Анна Каренина	27.02.1944	Вронский (Прудкин)	тер ^б пенье	
233	Русские люди	07.03.1944	Панин (Массальский)	ар ^б мия	
234	Кремлевские куранты	22.02.1944	Чуднов (Жильцов)	из ар ^б мии	
235	Мертвые души	19.02.1944	Собакевич (Тарханов)	обо ^б бъёт	
236	На дне II	17.02.1944	Василиса (Дмоховская)	бью изб ^б ила	
237	Три сестры ² II	20.02.1944	Тузенбах (Свободин)	выпьем	
238	Три сестры ² II	20.02.1944	Тузенбах (Свободин)	выпьем	[повтор предыдущей карточки]
239	Три сестры II	14.02.1944	Соленый (Ливанов)	убью	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
240	Мертвые души	19.02.1944	Председатель (Титушин)	здоровъе	
241	Три сестры ² IV	20.02.1944	Родэ (Комиссаров)	деревъя	тв.
242	Мертвые души	19.02.1944	все	деревня	т.
243	Три сестры III	14.02.1944	Наташа (Георгиевская)	в деревне	
244	Анна Каренина	27.02.1944	Каренина (Тарасова)	рев ^ъ нива	
245	Три сестры ² III	20.02.1944	Маша (Тарасова)	люблю	тв.
246	Враги	03.03.1944	Полина (Книппер)	землю	
247	Мертвые души	19.02.1944	Губернатор (Готовцев)	зёмли	(тв.)
248	Три сестры ² III	20.02.1944	Андрей (Станицын)	капризы	тв.
249	Кремлевские куранты	22.02.1944	Торг[овка] кук[лами] (Лабзина)	если совсем	тв. тв.
250	Мертвые души	19.02.1944	Собакевич (Тарханов)	лапти	(твердо)
251	Кремлевские куранты	22.02.1944	Рыбаков (Боголюбов)	в ^ъ перед	
252					[карточка отсутствует]
253	Кремлевские куранты	22.02.1944	Анна (Пузырева)	на лафке	
254	Три сестры I	14.02.1944	Ольга (Еланская)	скрицке	скрип'ке 20/II
255	Три сестры II	14.02.1944	Вершинин (Болдуман)	потомки	
256	Три сестры ² III	20.02.1944	Наташа (Георгиевская)	воровки хрычовки	твер.
257	Анна Каренина	27.02.1944	Дипломат (Гейрот)	т'ема	
258	Анна Каренина	27.02.1944	Бетси (Степанова)	мисионэр	
259	Три сестры III	14.02.1944	Маша (Тарасова)	принялас	
260	На дне I	17.02.1944	Клещ (Жильцов)	обвенчаешья не бойса боишьса	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
261	Русские люди	07.03.1944	Сафонов (Добронравов)	верн <u>ё</u> сса	
262	Три сестры ² I	20.02.1944	Андрей (Станицын)	освободил <u>о</u> сь от гнета	
263	Кремлевские куранты	22.02.1944	Маша (Пилявская)	расплылас' и потонула	
264	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Волохова (Зуева)	расходил <u>с</u> я	
265	Мертвые души	19.02.1944	Прокурорша (Шевченко)	принял <u>с</u> я	
266	Мертвые души	19.02.1944	Коробочка (Бендина)	промахн <u>у</u> лас <u>ь</u>	
267	Мертвые души	19.02.1944	Ноздрев (Ливанов)	познакомил <u>с</u> я	
268	На дне II	17.02.1944	Лука (Тарханов)	готов <u>ь</u> ся	
269	На дне I	17.02.1944	Лука (Тарханов)	притворяй <u>с</u> я вихляй <u>с</u> я	
270	На дне I	17.02.1944	Настя (Попова)	напью <u>сь</u>	
271	На дне I	17.02.1944	Сатин (Ершов)	жени <u>сь</u>	
272	Кремлевские куранты	22.02.1944	Дама с вязанием (Хованская)	не бою <u>сь</u>	
273	Кремлевские куранты	22.02.1944	Торг[овка] кукл[ами] (Лабзина)	нашел <u>с</u> я	
274	Три сестры I	14.02.1944	Ольга (Ел[анская])	проснулас' состарилис'	
275	Три сестры II	14.02.1944	Соленый (Ливанов)	не сердис'	
276	Три сестры II	14.02.1944	Наташа (Георгиевская)	бою <u>сь</u>	
277	Три сестры ² III	20.02.1944	Наташа (Георг[иевская])	утомилас' бедная	
278	Три сестры III	14.02.1944	Наташа (Георгиевская)	утомилас' согласис'	
279	Анна Каренина	27.02.1944	Каренин (Кедров)	спаст <u>и</u> сь	
280	Русские люди	07.03.1944	Марфа П[етровна] (Тихомир[ова])	поклон <u>и</u> сь собрали <u>сь</u>	
281	Три сестры ² II	20.02.1944	Андрей (Станицын)	позн <u>о</u>	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
282	Мертвые души	19.02.1944	Ноздрев (Ливанов) Чичиков (Белокуров)	<u>чесное</u> нечесно	
283	Три сестры I	14.02.1944	Ирина (Гошева)	<u>шасл'ива</u>	
284	Три сестры ² I	20.02.1944	Вершинин (Ершов)	грусно	
285	Три сестры I	14.02.1944	Тузенбах (Массальский)	ызвестном	
286	Три сестры ² IV	20.02.1944	Андрей (Станицын)	страстное	
287	Мертвые души	19.02.1944	Плюшкин (Асланов)	праздности	
288	Анна Каренина	27.02.1944	Долли (Молчанова)	<u>чуфствует</u>	
289	Анна Каренина	27.02.1944	Каренин (Кедров)	чуфства	
290	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Ирина (Еланская)	<u>кто</u>	
291	Мертвые души	19.02.1944	Плюшкин (Асланов)	кто	
292	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	кто	
293	Три сестры	14.02.1944		<u>кто</u> никто	passim
294	На дне I	17.02.1944	Бубнов (Блинников)	<u>никто</u>	
295	Враги	03.03.1944	Полина (Книппер)	никто	
296	Три сестры III	14.02.1944	Маша (Тарасова)	<u>никто</u>	
297	Мертвые души	19.02.1944	Губернатор (Готовцев)	где	
298	Три сестры III	14.02.1944	Анфиса (Соколовская)	<u>где</u>	
299	Враги	03.03.1944	Полина (Книппер)	всегда	
300	На дне I	17.02.1944	Бубнов (Блинников)	иногда	
301	Три сестры	14.02.1944		никогда когда иногда	passim

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
302	На дне II	17.02.1944	Васька (Добронравов)	хто	единично обычно пр[оизносит] кт, гд > хт, γd
303	Русские люди	07.03.1944	Сафронов (Добронравов)	хто	
304	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	хто	pass.
305	Враги	03.03.1944	Яков (Орлов)	всеγda, но и всегда	
306	Анна Каренина	27.02.1944	Каренина (Тарасова)	никаγda	
307	Три сестры ² III	20.02.1944	Вершинин (Ершов)	када	
308	Три сестры ² III	20.02.1944	Ирина (Степанова)	тада	
308 ^a	Три сестры ² IV	20.02.1944	Андрей (Станицын)	вдруу душе	
309	Три сестры ² III	20.02.1944	Ольга (Еланская)	порядошный	
310	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	в бою кулашном	
311	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Клешнин (Блинников)	сердешный	
312	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Б. Годунов (Ершов)	с нарóчным	
313	Три сестры ² III	20.02.1944	Вершинин (Ершов)	в сущности	
314	Три сестры III-IV	14.02.1944	Ирина — Тузенбах (Ел[анская] — Масс[альский])	кирпичный	id. с тв. p 20/II — Свободин
315	Мертвые души	19.02.1944	Собакевич (Тарханов)	кирпичник	
316	Кремлевские куранты	22.02.1944	Маша (Пилявская)	достаточно	
317	Три сестры II	14.02.1944	Родэ (Белокуров)	нарочно	
318	Мертвые души	19.02.1944	Губернатор (Готовцев)	чистосердечно конечно	bis
319	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	слава боуу	
320	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	Боγa	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
321	Анна Каренина	27.02.1944	Лидия Ив[ановна] (Дурасова)	просить боуа	
322	Три сестры ² I	20.02.1944	Ольга (Еланская)	от боуа	
323	Русские люди	07.03.1944	Валя (Комолова)	ради боуа	
324	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Шаховской (Леонидов)	пред боуом	
325	Три сестры ² IV	20.03.1944	Анфиса (Сокол[овская])	с боуом	
326	Анна Каренина	27.02.1944	Анна (Тарасова)	слава боуу ради боуа	Вронский (Прудкин) id.
327	Мертвые души	19.02.1944	Собакевич (Тарханов)	ей боуу	
328	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	уасподня Боуу на боуа	
329	Кремлевские куранты	22.02.1944	Чуднов (Жильцов)	уосподи ей-боуу	
330	Кремлевские куранты	22.02.1944	старушка с реб[енком] (Бронская)	уосподи	
331	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Голубь [сын] (Конский)	уасподь	
332	Мертвые души	19.02.1944	Прокурор (Конский)	уосподи	
333	Три сестры ² II	20.20.1944	Ферапонт (Попов)	уосподи	
334	Три сестры ² I	20.20.1944	Няня (Сок[олова])	уосподи	
335	Три сестры ² II	20.20.1944	Ирина (Степанова)	уосподи	
336	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	бауатыу грабят	
337	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	блауочестив	(или г?)
338	Анна Каренина	27.02.1944	Стива (Вербицк[ий])	ради бога	Долли (Молчанова) id.
339	Кремлевские куранты	22.02.1944	Дама испуганная (Дурасова)	бога ради	
340	Анна Каренина	27.02.1944	Каренин (Кедров)	Бога, богом	
341	Три сестры ² IV	20.20.1944	Ирина (Степанова)	бога ради	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
342	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	Господь	
343	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Ирина (К. Н. Ела[нская])	Господь	
344	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Волохова (Зуева)	Господь	
345	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Мстиславская (Пушкарева)	Господь	
346	Русские люди	07.03.1944	Марфа Петр[овна] (Тихомирова)	Господи	
347	Три сестры I	14.02.1944	Вершинин (Болдуман)	богата́я	
348	Три сестры I	14.02.1944	Вершинин (Болдуман, Ершов)	богата́я	
349	Анна Каренина	27.02.1944	Стива (Вербицкий)	бла́га	
350	Анна Каренина	27.02.1944	Стива (Вербицкий)	благородного	
351	Три сестры III	14.02.1944	Андрей (Станицын)	Ваше высоко- благоро́дие	
352	Три сестры I	14.02.1944	Солёный (Ливанов)	благоро́днее	
353	Три сестры I	14.02.1944	Ирина (Гошева)	поблагодари	
354	Три сестры I	14.02.1944	Вершинин (Болдуман)	благодарю	
355	Враги	03.03.1944	Полина (Книппер)	благодарю	
356	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров) Губернатор (Готовцев)	благое	
357	Мертвые души	19.02.1944	Губернатор (Готовцев)	благонаме- ренный	
358	Враги	03.03.1944	Надя (Бендина)	јих	
359	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	јих	
360	Кремлевские куранты	22.02.1944	Рыбаков (Боголюбов)	јим	
361	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Мстиславск[ая] (Пушкарева)	јим	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
362	Враги	03.03.1944	Квач (Жильцов)	ихымя их	
363	Враги	03.03.1944	Яков (Орлов)	им	
364	Три сестры III	14.02.1944	Ольга (Еланская)	им	
365	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Годунов (Ершов)	безых совета	
366	Враги	03.03.1944	Николай [Скроботов] (Вербицкий)	без ых	
367	Три сестры ² II	20.02.1944	Наташа (Георгиевская)	выво комнате	
368	Три сестры ² II	20.02.1944	Вершинин (Ершов)	тваримыіо	
369	Анна Каренина	27.02.1944	Каренин (Кедров)	выіо обыіо	
370	Три сестры ² III	20.02.1944	Ольга (Еланская)	такоіе	
371	Три сестры I	14.02.1944	Ольга (Еланская)	моіа	(редуц[ированный] йот) III id другоіе
372	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Ирина (Еланская)	такаіа	
373	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	лучий день	
374	Три сестры ² IV	20.02.1944	Чебутыкин (Грибов)	журавл'	
375	Три сестры I	14.02.1944	Вершинин (Болдуман)	жиз'н'	id. 20/II Ершов
376	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	И тут бы их на <u>каз'н'</u> я не послал	
377	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Годунов (Ершов)	Но мой ко- <u>рабл'</u> от гибе- ли спасал	
378	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	А ведь Мстислав- ская-то на меня смотрела в церкви	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
379	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	Мстиславской — третий Мстиславского насилъно ты в монахи велел постричь	
380	Русские люди	07.03.1944	Марфа Петр[овна] (Тихомирова)	патрули	
381	Русские люди	07.03.1944	Телеграфист (Баташов)	со стороны <u>моста</u>	
382	Враги	03.03.1944	Захар (Кедров)	на́долго	
383	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	пережил	
384	Мертвые души	19.02.1944	Губернатор (Готовцев)	<u>Севó днй</u>	
385	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Курюков (Тарханов)	А в те поры	
386	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	Которую сейчас я брал за руку вместо этого [должно быть]: Которую сейчас я брал за руку	
387	Три сестры ² I	20.02.1944	Чебутыкин (Грибов)	рожденья	
388	Три сестры ² I	20.02.1944	Чебутыкин (Грибов)	подаждите	
389	Три сестры ² I	20.02.1944	Маша (Тарасова)	<u>прежнее</u>	[в черновых записях есть комментарий: <i>мягко произносит шипящие.</i> — Н. Р.]
390	Три сестры ² I	20.02.1944	Тузенбах (Свободин)	стаскывал	
391	Кремлевские куранты	22.02.1944	Рыбаков (Боголюбов)	прожужжал	тв. ?
392	Кремлевские куранты	22.02.1944	Рыбаков (Боголюбов)	мечтаю почему между прочым	твердое щ: (не всегда)

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
393	На дне I	17.02.1944	Лука (Тарханов)	бл ^о х ^а пл ^о х ^о	(окает непоследов[ательно])
394	На дне II	17.02.1944	Лука (Тарханов)	помир ^а т	
395	На дне I	17.02.1944	Лука (Тарханов)	р ^э зр ^ы в ^а тца-то	3 ед.
396	На дне II	17.02.1944	Лука (Тарханов)	ид ^е т ^ь ни ш ^у т ^и т ^ь	
397	На дне I	17.02.1944	Квашня (Скульская)	м ^и л ^а й	
398	На дне I	17.02.1944	Квашня (Скульская)	слабодн ^а женщина	
399	На дне I	17.02.1944	Квашня (Скульская)	р ^ы ж ^е й	(n.s.m.)
400	На дне I	17.02.1944	Квашня (Скульская)	без тебе	
401	На дне I	17.02.1944	Медведев (Грибов)	идет ^ь бреют ^ь	
402	На дне II	17.02.1944	Медведев (Грибов)	у мене	
403	На дне II	17.02.1944	Медведев (Грибов)	орет ^ь	
404	На дне II	17.02.1944	Бубнов (Блинников)	про себе	
405	На дне I	17.02.1944	Бубнов (Блинников)	отда ^е т ^ь г ^о ворить	3 ед.
406	На дне I	17.02.1944	Костылев (Калинин)	скрип ^и ть	окает, но: а ^н и, раб ^о ту, х ^е раш ^о
407	Враги	03.03.1944	Левшин (Грибов)	окает, но: я-т ^а ? страшн ^а ? сраб ^о тано	
408	Враги	03.03.1944	Левшин (Грибов)	поу ^о ди ид ^е т ^ь	но: б ^о гатая
409	Враги	03.03.1944	Левшин (Грибов)	а ^х ра ^н яем	(окает!)
410	Враги	03.03.1944	Левшин (Грибов)	ни ^ч ово хазяину	
411	На дне I	17.02.1944	Анна (Халютин)	сп ^о к ^о йно раб ^о тает ру ^у аетесь м ^я гк ^а й	
412	Три сестры ² II	20.02.1944	Ферапонт (Попов)	вр ^е т ^ь	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
413	Три сестры IV	14.02.1944	Ферапонт (Попов)	будто <u>говорить</u>	id. 20/II
414	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Курюков (Тарханов)	<u>Алѣнѣ</u> копѣйныя <u>Алѣну</u> — поял боаре-го [зачеркнуто]	
415	На дне II	17.02.1944	Бубнов (Блинников)	по грибы	
416	На дне I	17.02.1944	Лука (Тарханов)	перьвый	
417	На дне I	17.02.1944	Василиса (Дмоховская)	язы <u>щ</u> ник	
418	На дне I	17.02.1944	Васька (Добронравов)	лѣщ	
419	На дне II	17.02.1944	Васька, Медведев (Добронравов, Грибов)	изделаю	
420	Враги	03.03.1944	Левшин (Грибов)	сожгѣм	(в тексте со- жжем)
421	Три сестры II	14.02.1944	Ферапонт (Попов)	мне <u>иттить</u> ?	
422	На дне I	17.02.1944	Квашня (Скульская)	<u>пойти</u>	
423	Кремлевские куранты	22.02.1944	Чуднов (Жильцов)	карасину	
424	Три сестры IV	14.02.1944	Анфиса (Соколовская)	В <u>у</u> мназии	
425	Три сестры IV	14.02.1944	Анфиса (Соколовская)	квартира	
426	На дне I	17.02.1944	Квашня (Скульская)	прорубь	
427	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров) Плюшкин (Асланов)	24 руб <u>л</u> и 24 руб <u>л</u> я	
428	Мертвые души	19.02.1944	Чичиков (Белокуров)	полтор <u>ы</u> руб <u>л</u> и	
429	Мертвые души	19.02.1944	Коробочка (Бендина)	трѣтьего дня	
430	Мертвые души	19.02.1944	Собакевич (Тарханов)	три руб <u>л</u> и	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
431	Мертвые души	19.02.1944	Манилов (Кедров)	нэгоция	[в блокноте: слегка грассирует]
432	Мертвые души	19.02.1944	Собакевич (Тарханов)	сэкта	
433	Мертвые души	19.02.1944	Ноздрев (Ливанов) Михуев (Калужский)	ярмарка	
434	Три сестры I	14.02.1944	Андрей (Станицын) Вершинин (Болдуман)	с английского по-английски	
435	Три сестры ² IV	20.02.1944	Кулыгин (Орлов)	коханэ	
436	Русские люди	07.03.1944	Розенберг (Кторов)	повјесят расстрелјают взрить— поверить ê Никалаевна	нет мягк[их] согласн[ых]
437	Враги	03.03.1944	Пологий (Петкер)	зэкóнов	окает γ о ^а мягкие шипящие предуд. а ^о
438	Три сестры ²	20.02.1944	Тузенбах (Свободин)	î>ц но: миўая спаў меўочи могўо весеўо воўосы	членение слогов неужели нарочно? но: в др[угих] случ[аях] нет. Ср. его роль в Кремл[евских] кур[антах]. [В черновых записях: поль- ское членение слогов]
438 ^a	На дне II	17.02.1944	Татарин (Эзов)	нет узкого е: чэ́стна	
439	Три сестры ² IV	20.02.1944	Певница	манаш'ки	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
440	Кремлевские куранты	22.02.1944	Ленин (Грибов)	мягко грассирует как l тв., так и l м. и ц в м. л непослед[ова- тельно]	
441	На дне I	17.02.1944	Барон (Качалов)	картавит л > ц	
442	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Шуйский (Орлов)	клятву, тобою освящ он нную	
443	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Федор (Добронравов)	<u>через</u> околоток	(вм. чрез в тексте) стр. 319
444	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Курюков (Тарханов)	А в те поры бояре- <u>то</u> приутихли	вставка
445	[Царь Федор Иоаннович] 5/5 4/5	01.03.1944		[Запись текста, произнесенного актером:] И знаешь, надо бы ему Подарок приготовить, шурин. Что бы нам, Аринушка, послать ему?	[Оригинальный текст А. К. Толстого:] И знаешь, шу- рин, надо бы ему Подарок приготовить, Что бы нам, Аринушка, по- слать ему?
446	[Царь Федор Иоаннович] 5/5 3/7	01.03.1944		[Запись текста, произнесенного актером:] Уж как бы уступил Охотно я ему престол! А то теперь насильно	[Оригинальный текст А. К. Толстого:] Уж как бы я охотно уступил Ему престол! А то теперь насильно
447	Три сестры II	14.02.1944	Федотик (Дорохин)	ребенок в м. ребенок	20/II 44 id. Ларин
448	Мертвые души	19.02.1944	Дама (Коренева)	horreur	Ср. произнош[ение] Наташи в Тр[ех] сестр[ах]
449	На дне I–II	17.02.1944	Бубнов (Блинников)		фрикативные с раздвинутой щелью взрыв- ные — аффри- катизованные

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
450	Мертвые души	19.02.1944	Прокурорша (Шевченко)	подъехал ? подъехал ?	
451	Мертвые души	19.02.1944	Коробочка (Бендина)	на <u>пер</u> вых по- рах	
452	Враги	03.03.1944	Яков (Орлов)	воо <u>п</u> ще	
453	Три сестры II	14.02.1944	Маша (Тарасова)	воо <u>п</u> ще	id. 20/II
454	Три сестры III–IV	14.02.1944	Маша (Тарасова)	воо <u>б</u> ще шча <u>с</u> тье	id. 20/II id. 20/II
455	Три сестры ² III	20.02.1944	Кулыгин (Орлов)	э <u>т</u> а <u>к</u> и <u>й</u>	
456	Три сестры ² II	20.02.1944	Вершинин (Ершов)	мучает	(так в тексте)
457	Мертвые души	19.02.1944	Прокурорша (Шевченко)	б <u>л</u> ед <u>н</u> ы	(п. ст. произн[ошения])
458	Мертвые души	19.02.1944	Белокуров (Чичиков)	не-ма-г <u>у</u>	(п. ст.)
459	Кремлевские куранты	22.02.1944	Торговка куклами (Лабзина)	не <u>ч</u> естный	(произн. в п. ст.)
460	Враги	03.03.1944	Клеопатра (Елина)	ц <u>е</u> /н <u>и</u> ть	п.с.
461	Враги	03.03.1944	Полина (Книппер)	п <u>а</u> - <u>ра</u> -же-н <u>а</u>	
462	Три сестры III	14.02.1944	Наташа (Георгиевская)	га-ва-р <u>и</u>	
463	Кремлевские куранты	22.02.1944	Чуднов (Жильцов)	Р <u>о</u> ман ?	
464	Русские люди	07.03.1944	Марфа Петровна (Тихомирова)	род <u>и</u> ли	
465	Мертвые души	19.02.1944	Плюшкин (Асланов)	вз <u>я</u> лся	
466	Русские люди	07.03.1944	Васин (Орлов)	родил <u>с</u> я	
467	Враги	03.03.1944	Захар (Кедров)	з <u>а</u> гов <u>о</u> р — загов <u>о</u> р	
468	Три сестры ² II	20.02.1944	Вершинин (Ершов)	хватает так не <u>выс</u> о <u>к</u> о	
469	Три сестры	14.02.1944	Маша (Тарасова)	на <u>до</u> ж <u>е</u> ло	у Тарасовой очень звонкий j
470	Русские люди	07.03.1944	Марфа Петровна (Тихомирова)	на <u>у</u> р <u>я</u> н <u>у</u> т	
471	Русские люди	07.03.1944	Козловский (Кудрявцев)	у <u>о</u> род на <u>г</u> ля <u>д</u> но	

№ карт	Спектакль (действие, сцена...)	Дата	Персонаж и исполнитель	Особенности произношения	Комментарии Г. О. Винокура
472	Кремлевские куранты	22.02.1944	Анна (Пузырева)	бла <u>г</u> ода-рю(я?и?) бла <u>ж</u> ослови	
473	Мертвые души	19.02.1944	Ноздрев (Ливанов)	к ^х ак ^х аја ярмарк ^х у пəмаг ^у ал	
474	Кремлевские куранты	22.02.1944	Маша (Пилявская)	рас'кисла	

Получено 03.11.2025

NINA N. ROZANOVA

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
ninarozanova13@yandex.ru

**RECORDS OF THEATRICAL PRONUNCIATION
TAKEN BY GRIGORY OSIPOVICH VINOKUR
AT THE PERFORMANCES OF THE MOSCOW ART ACADEMIC THEATRE
IN 1944**

(based on materials from Vinokur's archive
at the Russian State Archive of Literature and Art)

References

Rozanova, N. N. (1997). «Pochetnyi grazhdanin kulis...» (G. O. Vinokur — issledovatel russkogo stsenicheskogo proiznosheniia). In *Arkheograficheskii iezhegodnik za 1997 god* (pp. 196–201). Moscow.

Rozanova, N. N. (2024). «Taina i prelest' razgovorchivosti»: o rechevoi manere Tatiany Grigorievny Vinokur (po materialam zapisei ustnoi rechi). In Kakorina E. V., Pestova A. R. (eds.), *Govoriashchii i pishushchii: K 100-letiiu so dnya rozhdeniia Tatiany Grigorievny Vinokur* (pp. 445–474). Moscow: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN.

Tseytlin R. M. (1965). *Grigorii Osipovich Vinokur*. Moscow.

Received on November 3, 2025

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

doi.org/10.31912/rjano-2026.1.12

Конференция «Слова. Тексты. Словари (к столетию Картотеки и пятидесятилетию выхода первого выпуска Словаря русского языка XI–XVII вв.)»

Прошедшая 23–25 сентября 2025 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН конференция «Слова. Тексты. Словари» была приурочена к значимому событию в жизни Института и диахронической русистики в целом — 100-летию древнерусской словарной картотеки и 50-летию выхода в свет первого выпуска «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Заседания — пленарные и проходившие параллельно в рамках нескольких тематических секций — объединили ведущих отечественных и зарубежных специалистов по исторической лексикологии и лексикографии, сотрудников академических словарных проектов, источниковедов из многих научных и учебных организаций. В общей сложности за три дня конференции прозвучало около 80 докладов с результатами исследований разнообразных направлений, отражающих многоаспектность историко-лексикологической работы и сложную структуру фундамента академической лексикографии.

Отличительной чертой юбилейной конференции были выступления, посвящённые общему обзору непростого пути, который прошла историческая лексикография в России с момента её зарождения в XIX в. Ключевым моментом, в перспективе определившим структуру современной историко-лексикографической деятельности, стало предложение академика А. И. Соболевского по созданию картотеки древнерусского словаря, высказанное в мае 1925 г. Как отметил во вступительном слове академик **А. М. Молдован**, дальнейшие обстоятельства формирования картотеки отражают историю отечественной филологии в XX в. в целом. Последовавшие этапы словарной работы по описанию лексики русского языка разных исторических периодов, связанные с деятельностью Б. А. Ларина, С. Г. Бархударова, Ю. С. Сорокина и др., стали предметом выступлений сотрудников академических словарных проектов — **М. И. Чернышевой**, **Л. Ю. Астахиной**, **Е. В. Генераловой**, **Г. А. Молькова**, а также совместного доклада **Я. А. Пеньковой**, **Д. В. Сичинавы** и **В. К. Скрипки**. Основной акцент в этих докладах был сделан на современном этапе лексикографической работы, спецификой которого стала существенно возросшая доступность исторических источников — благодаря накоплению электронных версий изданных текстов и их включению в базы данных. Чрезвычайно сложный комплекс задач, поставленных изначально перед словарными коллективами их основателями, может быть решён в должной мере только с использованием технологий XXI в. Предметом рассмотрения выступавших становились и более частные вопросы, связанные с историей лексикографических проектов. **П. А. Дружинин** представил архивный документ, живо передающий атмосферу работы в коллективе «Древнерусского словаря» на ранних этапах. **Е. И. Державина** сделала обзор основных проектов, сопровождавших подготовку выпусков «Словаря русского языка XI–XVII вв.» за всю его историю, включая новейшие электронные словари заимствований, реализованные коллективом этого издания. **Е. А. Осокина** рассказала о сводном словнике лексики письменных памятников XI–XVII вв., объединя-

ющем данные существующих словоуказателей к изданиям и дополненным конкордансами к некоторым неизданным памятникам. Хочется надеяться, что этот полезный ресурс в ближайшее время станет доступным на официальном сайте Института русского языка. **О. В. Васильева** сделала подробный разбор одного из наиболее специфических лексикографических приемов в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» — знаке употребления (длинное тире), позволяющем отражать семантические нюансы в пределах одного значения. Набор функций этого знака претерпевал некоторые изменения на протяжении работы над словарем.

Ряд выступлений на конференции был посвящён отдельным словарным проектам — как относящимся к прошлому, так и новейшим авторским. **Е. А. Кузьмина** презентовала издание первого, по ее наблюдениям, в славянской традиции грамматического словаря 1592 г., автор которого, Герасим Ворбозомский, довёл принцип антистиха в разведении омоформ до предела возможностей. **И. А. Подтергер** подвела предварительные итоги изучения особенностей текстовой традиции «Лексикона трязычного» Ф. Поликарпова; этот памятник, несмотря на печатную форму бытования, оказался промежуточным звеном между рукописной и печатной эпохами в истории русской лексикографии, демонстрируя вариативность текста в разных экземплярах издания. «Новый словотолкователь» Н. М. Яновского стал предметом рассмотрения в докладе **Т. В. Артемьевой**, давшей подробный анализ содержания пространной статьи «философия» в третьем томе этого словаря. **Р. Драгичевич** на широком типологическом фоне (с интересной параллелью из истории языка маори) проанализировала «Сербский словарь» Вука Караджича как инструмент кодификации литературного сербского языка. Собственный словарный проект представила **Е. А. Шерстянникова**, рассмотревшая историю русской лингвистической терминологии за период от грамматики М. В. Ломоносова до начала XX в.; **С. И. Иорданиди** рассказала о разработке словаря-индекса словообразовательных формантов — первом этапе на пути к созданию исторического словообразовательного словаря. Оригинальный формат электронного словаря-комментария предложили **Е. В. Рахилина** и **О. Е. Пекелис**: комментарий нацелен на отражение минимальных изменений в семантической структуре слов, наглядно представляя разный объём значения слова; в докладе авторы подробнее остановились на глаголе *смутиться* — в повести М. Ю. Лермонтова «Фаталист» и в современном узусе.

Историко-лексикологические сообщения отличались разнообразием по охвату лексического материала: от истории отдельных слов и понятий до анализа конкретных словоупотреблений и разбора лексических серий, организованных по разным принципам. Юбилейная конференция символически открылась докладом **А. Ф. Литвиной** и **Ф. Б. Успенского**, обративших внимание на многовековую историю культурной корреляции дней рождения и именин, начавшейся отнюдь не в раннесоветскую эпоху борьбы с церковными праздниками. В последний день конференции понятие именин в русской традиции в сравнении с его греческим эквивалентом было рассмотрено в докладе **А. Ю. Виноградова**.

Конференция объединила специалистов, занимающихся разными периодами в истории русского языка, в связи с чем хронологический диапазон материала оказался максимальным — от обсуждения праславянских реконструкций в докладе **Ж. Ж. Варбот** до обращения к словарному составу современных языков. В соответствии с базовой тематикой конференции многие авторы предлагали уточнения и дополнения к материалам «Словаря русского языка XI–XVII вв.»; в частности, на вступительном пленарном заседании прозвучал ряд докладов, авторы которых

представили свод поправок к статьям вышедшей части словаря. **А. А. Пичхадзе** обратила внимание на малочастотные лексемы, известные с древнейшего письменного периода, но не попавшие в словарные картотеки; **С. А. Мызников** показал, как данные этимологии (преимущественно в сфере финно-угорских заимствований) позволяют уточнять словарные дефиниции и указывают на диалектное происхождение слов. **А. А. Гиппиус** и **Д. М. Крылов** в совместном докладе, опираясь на новые прочтения текста берестяных грамот, исключили из словарного состава древнерусского языка два лексикографических «фантома». К этой группе докладов примыкают и секционные выступления: **А. П. Майорова**, в котором обсуждались уточнения к существующим словарным описаниям ряда слов (*острог*, *аманат*, *князек* и др.), связанных со специфически сибирскими социальными явлениями; **Г. А. Казимовой**, указавшей на словоупотребления в сочинениях Максима Грека, не вошедшие в картотеку словаря; **Т. А. Алиева**, обнаружившего ошибки в существующих изданиях «Хождения» Ф. Котова в Персию; **И. В. Стариковой**, предложившей поправки к трактовке ряда древнерусских музыкальных терминов; **А. Г. Бондача**, с теоретических позиций оценившего степень полноты отражения в картотеке материала правовых памятников, — а также целого ряда других участников, предлагавших частные дополнения и поправки к опубликованным словарным материалам. **В. С. Томеллер** и **О. Д. Калашникова** в совместном докладе обратились к общей для всех исторических словарных проектов проблеме разного качества существующих изданий памятников, служащих посредниками между оригиналами и словарем.

Историко-лексикологические сообщения, прозвучавшие в разных секциях, были посвящены лексической семантике в диахронии — истории отдельных слов, их групп и особенностям бытования в разные периоды. Два доклада затронули семантические гапаксы и их роль в этимологических исследованиях: **Ж. Ж. Варбот** показала, какое место в структуре значений, производных от корня *-tom-* (в частности, в церковнославянской лексеме *томище* ‘горячий источник’), занимает компонент ‘гореть, жечь’; **О. М. Сергеева** проанализировала лексему *пиявица* ‘смерч’. **Л. Л. Крючкова** и **Х. Цзюй** в совместном докладе исследовали проблемы этимологии слова *сарпинка* и отвергли версию о его китайском происхождении. **В. К. Скрипка** на примерах из разговорника Т. Фенне описала отличия в употреблении местоимения дальнего дейксиса, появившиеся в среднерусский период. **К. А. Максимович** рассмотрел многозначный глагол *сложити* в неоднозначном для понимания контексте XI в. Исторические изменения в семантике слов привлекли внимание **И. И. Макеевой** (однокоренные глаголы *течь* и более сложный по значению каузатив *точить*), **П. В. Лукина** (синонимия слов *волость*, *власть*, *область* в сфере земельных отношений), **А. Б. Дубовицкого** (описавшего различия в употреблении юридических терминов *отчина* и более позднего *вотчина*). Эту тематику продолжил **П. С. Стефанович** (близкое по семантике к *отчине* слово *отечество*). Также выступили: **А. В. Птенцова** (специфика наборов значений слов *мысль* и *дума* с поправками к их словарной разработке), **Д. В. Герасимов** (конкуренция глаголов *прити* и *приехати* в конце XVII в.), **М. В. Турилова** (*безумие* и слова, в разные периоды приобретавшие семантику изменённого сознания), **Е. Э. Бабаева** (резкий скачок в значении глагола *заглохнуть* в XIX в.), **И. И. Рыжаченков** (развитие полисемии у слова *жар*), **Г. А. Казимова** (ряд *обручник*, *поручник*, *исполн* и *исполн* *обручник* в XVI в.), **Я. А. Пенькова** (местоимение *етер* с выделением специфики древне- и среднерусского употребления), **И. С. Юрьева**

(процесс выработки современного значения у глагола *разболевается*), **П. В. Петрухин** (причины возникновения энантиосемии у слова *забава*), **Н. П. Иордани** (словообразовательные омонимы *цветник* — как название книги для духовного чтения и в совпадающем с современным значением 'сад, цветник'), **И. А. Малышева** (синонимы слова *растение* в XVIII в.), **А. М. Введенский** (сосредоточившийся на возможных иноязычных источниках появления у слова *шваль* современного пейоративного значения). Современное словоупотребление описали **Н. В. Калужнина**, рассмотревшая корни *бес-* и *демон-* с параллельными производными в современном церковнославянском языке, а также соавторы **В. Е. Ущeko** и **А. Н. Алферова**, представившие богато иллюстрированный материал смоленских диалектных названий одежды. С грамматическими параметрами лексикографического описания были связаны сюжеты докладов по глагольной лексике **Л. В. Зубовой**, **Е. А. Мишиной**, **М. Н. Шевелёвой**, **А. Л. Леонтьевой**, по субстантивному склонению — **Е. А. Галинской**, обнаружившей связь активности форм множественного числа вещественных существительных с акцентной парадигмой: слова акцентной парадигмы *b*, по её наблюдениям, существенно меньше подвержены этой тенденции; по служебным частям речи — **Е. А. Смирновой**, **Н. В. Патроевой**.

Ряд докладчиков рассматривал словоупотребление конкретных письменных источников или их групп, уделяя основное внимание лексике, не попавшей в исторические словари. Этой проблеме были специально посвящены доклады **М. А. Пузиной**, **Т. Г. Поповой**, **Н. А. Кулевой**, а также совместный доклад о названиях растений **К. И. Коваленко** и **В. Б. Колосовой** с характерным подзаголовком — «Слова без словаря». Сообщения о малоисследованных письменных текстах с описанием их происхождения, состава и текстологических особенностей представили: **А. Е. Соболева** — для неоднородного по языку текста Виленской псалтири, **И. В. Вернер** — для лингвистического сборника середины XVII в., **К. В. Вершинин** — для компилятивного, по его наблюдениям, древнейшего сохранившегося комплекта Четых Миней. В докладе **А. А. Преображенской** и **Ю. А. Дунаевой** был представлен обзор русскоязычных маргиналий (около 1500 названий животных) в экземпляре энциклопедии Я. Йонстона из собрания Зоологического музея в Петербурге. Общий обзор с выделением наиболее перспективных для дальнейших исследований лингвистических данных был сделан в серии выступлений о деловых памятниках (доклады **Л. А. Инютиной** и **Т. С. Шильниковой**, **Т. А. Сироткиной**, **О. А. Климкович**, **Н. В. Башнина**), а также в выступлениях, посвящённых переводам: с греческого языка (доклады **З. Е. Оборновой**, **Д. В. Суховольской**), с латинского (доклад **Н. В. Николенковой**), с немецкого (доклад **Т. Д. Коркиной** и **А. И. Соколова**, установивших для своего источника язык оригинала), с польского (доклад **М. О. Новак**) и с простой мовы (доклад **С. Деккера**). Исследования отдельных категорий лексики представили **Д. С. Кулмаматов** (восточные заимствования в деловой письменности) и **Т. В. Пентковская** (грецизмы и их место в переводческой концепции книжников Чудовского монастыря).

Меньше внимания участников привлекали вопросы, находящиеся за рамками собственно лексикологической проблематики. Источниковедческое направление было сосредоточено на проблемах датировки древнейших славянских памятников на основе археографических, палеографических и лингвистических данных. В совместном докладе **Ш. Анемюллер** и **Р. Н. Кривко** предложен обзор изданий старославянского Енинского апостола с выделением ключевых аргументов, позволяющих точнее датировать памятник. **И. М. Ладыженский** рассмотрел два сюжета, связан-

ных с древнерусской палеографией XIV в., подтверждающих важность аргументированного отождествления почерков для более точного датирования рукописей.

В докладах заключительного пленарного заседания обсуждались прикладные вопросы историко-лингвистических исследований, связанные с компьютерной обработкой языкового материала и электронным представлением результатов. Непосредственно разработке программы для текстологических исследований и её применению на примере двух антилатинских полемических текстов был посвящён доклад **Д. А. Добровольского**. Компьютерное представление словарных описаний и обработка электронных версий источников обсуждались в докладах **Е. В. Генераловой**, **Г. А. Молькова**, **Е. В. Рахилиной** и **О. Е. Пекелис**, **Я. А. Пеньковой** совместно с **Д. В. Сичиновой** и **В. К. Скрипкой**. Работа заседания позволила выявить общие проблемы академических исторических словарных проектов в процессе переноса печатных версий вышедших томов в формат компьютерной базы данных. В рамках последнего доклада **В. К. Скрипка** дала характеристику интеграционного словарного ресурса — Национального словарного фонда, с открытием которого для пользователей станут доступны в унифицированном формате данные нескольких десятков академических словарей, в том числе отдельным модулем будут представлены исторические и этимологические словари.

Прошедшая конференция дала возможность представителям разных словарных проектов подвести предварительные итоги многолетних работ — от первых этапов составления исторических словарных картотек до решения проблем, связанных с новыми форматами выпуска изданий в XXI в. Вторым значимым направлением конференции были исследования по исторической лексикологии. При всей неисчерпаемости проблематики исследования в этой области получают новый импульс при переходе к электронному формату данных по языку разных периодов.

**The Conference “Words, Texts and Dictionaries
(on the 100th Anniversary of the Card Catalogue and the 50th Anniversary
since the Edition of the 1st Volume of the Dictionary
of the Russian Language of the 11th– 17th Centuries)”**

Г. А. Мольков
Институт лингвистических
исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
georgiymolkov@gmail.com

Получено 03.11.2025

Georgii A. Mol'kov
Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences
(St.-Petersburg, Russia)
georgiymolkov@gmail.com

Received on November 3, 2025

doi.org/10.31912/rjano-2026.1.13

57-е Виноградовские чтения в МГУ

14 января 2026 г. состоялись 57-е Виноградовские чтения в МГУ на тему «Взаимодействие грамматики и текста в современном филологическом исследова-

нии (Уроки В. В. Виноградова)». В программу вошли девять докладов, посвященных актуальным проблемам современной филологической науки.

Чтения открыл доклад **А. В. Циммерлинга** (ГИРЯ им. А. С. Пушкина / ИЯз РАН) «Части речи и классы предикатов: по следам дискуссии о категории состояния», в котором были рассмотрены отыменные предикативы: их основные семантические признаки (отсутствие информации об изменениях, отсутствие каузальной зависимости, временная протяженность) и синтаксический потенциал, в частности ограниченные возможности слов категории состояния выступать в позиции зависимого (таксисного) предиката. Докладчик подтвердил актуальность и значимость для современной лингвистики идей Л. В. Щербы и В. В. Виноградова.

В докладе **Т. И. Стексовой** (НГПУ) «Семантика неудачи в свете учения В. В. Виноградова о модальности» с опорой на труды В. В. Виноградова обсуждались отрицательные конструкции, выражающие ситуацию контролируемого действия субъекта с неконтролируемым результатом. Значение неуспешности действия выражается в конструкциях с предикатными актантами и глаголами *(не) удалось, (не) вышло, (не) получилось*. Предикатные актанты могут быть оформлены инфинитивом (*Отправить посылку не удалось*) или девербативом (*С отправкой посылки не получилось у кого*). В зависимости от того, на кого/что говорящий возлагает ответственность за неудачу, осуществляется выбор синтаксической конструкции: 1) при меньшей ответственности — субъект неудачного действия выражается косвенным падежом, а позицию подлежащего занимает существительное, обозначающее цель, ожидаемый результат действия; 2) при большей ответственности — субъект личный представлен именительным падежом в предложениях с модальными глаголами *(не смог, не сумел, не справился)*. Для выражения неуспешности могут использоваться неглагольные средства: существительное *неудача* и его синонимы, наречие *напрасно* и его синонимы.

В. В. Казаковская (ИЛИ РАН) в докладе «Модальность в русской детской речи» представила категорию модальности в аспекте онтогенеза. На материале корпуса данных одного типично развивающегося ребенка (от двух до семи лет) был показан порядок появления средств выражения модальных значений возможности, долженствования, волеизъявления, субъективно-эмоциональной оценки и степени обычности действия, уверенности и неуверенности в достоверности сообщаемого. Статистически обоснованные результаты свидетельствуют о коррелятивной связи между а) модальными и глагольными высказываниями, б) клаузами с предикатной и субъективной модальностью, в) экспликацией уверенности и неуверенности. Становление репертуара средств выражения модальности проливает свет на ее системно-языковое (полевое) устройство, обнаруживая центральные, периферийные и континуальные элементы.

М. В. Ермолова (ИРЯ РАН) в докладе «Употребление деепричастий в XVII–XVIII вв.: к вопросу об их грамматикализации» проанализировала контексты, отсутствующие в современном русском языке, и пришла к выводу, что в XVII в. деепричастие, теряя абсолютное временное значение (которое некогда имело) и приобретая относительное значение, еще сохраняло позицию предиката формально независимой клаузы. Закрепление за деепричастием функции зависимого предиката происходит уже в XVIII в. Сопоставление материала XVII и XVIII вв. показало, что использование деепричастия в других специфических функциях характеризовало весь XVII в. и первую половину XVIII в. и начало сходить на нет во второй половине XVIII в.

Н. А. Николина (МПГУ), **З. Ю. Петрова** (ИРЯ РАН) и **Н. А. Фатеева** (ИРЯ РАН) в совместном докладе «Местоимение “я” в метафорических конструкциях идентификации в русской поэзии» рассмотрели конструкции идентификации с местоимением «я» и метафорическим предикатом-субстантивом. Эти конструкции служат в поэтической речи для самопрезентации и образной характеристики лирического субъекта. Учитывались три типа лирического субъекта: собственно-личный, ролевой и синкретичный. В центре внимания находились контексты, связанные с метафорической характеристикой собственно-личного лирического субъекта. Предикатом биноминативной конструкции могут быть личные существительные со значением родства, рода занятий, социальной роли, особенностей поведения; наименования частей тела, наименования животных, растений, различных природных объектов и явлений, артефактов и др. Для образной характеристики поэта в данной конструкции особую роль играют слова, относящиеся к семантическим полям «Птица», «Звук», «Языковые явления», «Музыкальные инструменты». Кроме того, были проанализированы особенности композиции поэтических текстов, в которых используются конструкции метафорической самоидентификации.

А. Д. Степанов (СПбГУ) в своем докладе «“Чудо” реальное и метафорическое: о статусе чудесного у Чехова» говорил о релевантности категории «чудесного» в поэтике А. П. Чехова, обращая внимание на то, кому принадлежит оценка события как чуда — автору, герою или интерпретатору. Скептическое отношение писателя к самой возможности совершения чуда выражалось, например, в авторской иронии, которой окрашены пересказы фольклорных легенд персонажами из народа («Счастье», «Степь» и др.). Но в произведениях А. П. Чехова есть и «позитивные» случаи, когда вера в чудо выступает как часть характеристики детски-наивного сознания (Мисюсю в «Доме с мезонином»). Тем не менее для его творчества более характерны ситуации, когда герои принимают за чудо нечто редкое, неожиданное и желанное, что иногда становится для них свидетельством проявления воли высших сил. С темой несостоявшегося чуда связаны сквозные мотивы несбывшихся надежд и «открытий» (термин В. Б. Катаева). «Открытие», как правило, не приводит героя к «воскресению», а если духовное обновление и происходит, то оно оказывается, как отмечали современные писателю критики (говоря о Лаевском), психологически неубедительным. Подводя итог, докладчик отметил, что в трактовке темы чуда заключены специфические отличия А. П. Чехова от большинства современных ему авторов и, возможно, то «новое слово», которое писателю удалось сказать в литературе.

Р. Б. Ахметшин (МГУ) в докладе «А. П. Чехов и В. Г. Вальтер: автор и сюжет» предложил сопоставительный анализ прозаического сюжета в произведениях А. П. Чехова и доктора В. Г. Вальтера (1860–1929), таганрожца и чеховского знакомого по Ницце. Сюжет рассматривался не с точки зрения действия (развития), а в аспекте художественной целостности произведения (Б. О. Корман, Л. М. Цилевич, Л. С. Левитан). Рассказ В. Г. Вальтера представляет собой в чистом виде «случай из практики», своего рода записанное интервью. Происшествие ставится в центр композиции и составляет главное и единственное содержание произведения, комизм проявляется в изображении второстепенных предметов. У А. П. Чехова происшествие смещается на периферию рассказа уже на раннем этапе творчества, событие постепенно утрачивает свое жанровое назначение («Счастье», 1887). Разница есть и в рассказах из врачебной практики: точность терминологии у Вальтера

сосредоточивает внимание в плоскости сиюминутного, «состаривает» язык повествования, требуя от сегодняшнего читателя знания архаизмов, тогда как Чехов отказывался от любых признаков актуального, особенно в профессиональной сфере, прибегая к метафорам точного медицинского знания.

В докладе **Л. А. Трахтенберга** (МГУ) «*Ночь и ночь* в русской поэзии XVIII века» были показаны результаты корпусного исследования функциональных возможностей слов *ночь* и *нощь* в русской поэзии XVIII в., выявлено влияние нескольких факторов на дистрибуцию этих лексем: стихового, стилистического, жанрового, наконец, индивидуального. Наиболее сильным фактором оказался стиховой, поскольку в значительной части контекстов выбор слова определяется рифмой (*ночи* — *очи*, *ночь* — *прочь*, *в ночи* — *лучи*, *нощи* — *рощи*). Пара *ночь* — *нощь* образует оппозицию, в которой первое слово выступает как немаркированный член, допустимый в любых контекстах, в том числе в высоких жанрах эпопеи и торжественной оды. *Нощь* — напротив, маркированный член, выражающий стилистический смысл 'книжное' и неуместный в низких жанрах. Вторым по силе фактором являются индивидуальные стилистические тенденции, которые оказывают большее влияние на выбор слова, чем общие закономерности жанра. М. В. Ломоносов предпочитает слово *ночь*, тогда как М. М. Херасков и Г. Р. Державин часто выбирают *нощь*.

Доклад **Н. Я. Козел** (МПГУ) «Сибирский период жизни и творчества В. В. Виноградова: Тобольск, 1941–1943» был посвящен сибирскому периоду жизни и творчества В. В. Виноградова, высланного в Тобольск в начале Великой Отечественной войны. Были продемонстрированы редкие документальные свидетельства, реконструирующие в биографии ученого «тобольскую эпопею» — события 1941–1943 гг.: расшифровка магнитофонной записи беседы В. В. Одинцова с женой Виктора Владимировича — Н. М. Малышевой, материалы рукописи «Сибирь моя!» Н. И. Пруцкова — директора Омского педагогического института в годы войны, а также ранее неизвестные или малоизвестные страницы эпистолярного наследия В. В. Виноградова и Н. М. Малышевой — их дружеские письма, открытки и телеграммы Н. К. Гудзию, С. Е. Крючкову, И. В. Жолтовскому. Представленная подборка материалов рассказывает об обстоятельствах вынужденного переезда семьи Виноградовых в Тобольск, о трудностях их быта и повседневной жизни в условиях военного времени, о работе Виктора Владимировича в должности заведующего кафедрой русского языка и общего языкознания Омского пединститута, эвакуированного в Тобольск, о коллективе, сложившемся в вузе, — омско-тобольском и московско-ленинградском, о дружеском общении с коллегами-филологами Б. Я. Бухштабом и Н. И. Мордовченко, приехавшими из блокадного Ленинграда. Письма В. В. Виноградова Н. К. Гудзию и С. Е. Крючкову сообщают новые ценные детали его научной биографии, раскрывая обстоятельства работы ученого над книгой по исторической лексикологии, над трудом «Русский язык. Грамматическое учение о слове» и над синтаксической концепцией, центральное место в которой займут теория предложения и словосочетания, предикативности и модальности, а также теория синтагмы.

Прошедшие в МГУ 57-е Виноградовские чтения подтвердили интерес научной общественности к личности и научному творчеству академика В. В. Виноградова, показали значимость лучших традиций русской филологии для развития современного гуманитарного знания.

The 57th Vinogradov Conference in the Moscow State University*Н. К. Онипенко*

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
onipenko_n@mail.ru

*Получено 19.01.2026**Nadezhda K. Onipenko*

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
onipenko_n@mail.ru

Received on January 19, 2026

Адреса университетов и институтов **Addresses of universities and institutes**

Бергенский университет
А/я 7800, 5020 Берген, Норвегия
Universitetet i Bergen
Postboks 7800, 5020 Bergen, Norway

Благовещенский государственный педагогический университет
675004, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина 104
Blagoveshchensk State Pedagogical University
Lenina St. 104, Blagoveshchensk 675004, Amur Oblast, Russia

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, Рождественка 12
Institute of Oriental Studies, RAS
12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russia

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov pereulok, St. Petersburg 199053, Russia

Институт перевода Библии
119334, Москва, Андреевская наб., д. 2
Institute for Bible Translation
Andreyevskaya Nab. 2, Moscow 119334, Russia

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Институт языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский переулок 1, стр. 1
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1 bld. 1 Bolshoy Kislovskiy Lane, Moscow 125009, Russia

Кильский университет им. Кристиана Альбрехта
Кристиан-Альбрехтс-Плац, 4, 24118 Киль, Германия
Christian-Albrechts-Universität zu Kiel
Christian-Albrechts-Platz 4, 24118 Kiel, Germany

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Higher School of Economics, National Research University
20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
Perm State Humanitarian Pedagogical University
Sibirskaya, 24, Perm 614990, Perm Krai, Russia

Чжэцзянский океанический университет
316022, КНР, провинция Чжэцзян, г. Чжоушань, р-н Динхай, ул. Линчэн, Хайдананлу, д. 1
Zhejiang Ocean University
No.1, Haida South Road, Lincheng Changzhi Island, Zhoushan, Zhejiang 316022, P.R.China

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу rusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45–58; 2012б: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 1. 2026

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 29.06.2026. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 27. Заказ №